

СУДЕБНЫЙ ОТЧЕТ

ПО ДЕЛУ

АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

РАССМОТРЕННОМУ
ВСЕЛЕННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

2--13 марта 1938 г.

ПО ОГОВИНЕНИЮ

БУХАРИНА Н. И., РЫКОВА А. И., УГОЛОВ Г. Г., КРИ-
ТИНСКОГО Н. Н., РАКОВСКОГО А. Г., РОЗЕНГОЛЬ-
ЦА А. И., ИВАНОВА Б. И., ЧЕРНОВА М. А., ГРИНЬКО Г. Ф.,
ЗЕЛЕНСКОГО И. А., БЕТСОВА С. А., ИКРАМОВА А.,
ХОДЖАЕВА Ф., ШАГАНГОРЧАН В. Ч., ЗУБАРЬЕВА П. Т.,
БУЛАНОВА Э. П., ЛЕВИНА Л. Г., ПЛЕШНЕВА Д. Д.,
КАЗАКОВА И. И., МАКСИМОВА-ДЯКОВСКОГО Е. А. и
КРЮКОВА Л. Л.

В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. ст. 58^а, 58^б,
58^в, 58^г и 58^д УЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР, а ИВА-
НОВА, БЕТСОВОГО и ШАГАНГОРЧАН, КРОМЕ ТОГО, В ПРЕ-
СТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ст. 34^а УГОЛОВНОГО
КОДЕКСА РСФСР

ОТЧЕТ СОСТАВЛЕН ПО ТЕКСТУ
ГАЗЕТ „ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ СОЮЗА ССР“ И „ПРАВДА“

УДЕБНЫЙ ОТЧЕТ

ПО ДЕЛУ

АНТИСОВЕТСКОГО

„ПРАМОТРОЦКИСТСКОГО

БЛОКА“

РАССМОТРЕННОМУ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

2 13 марта 1938 г.

ПО ОБВИНЕНИЮ

БУХАРИНА И. РЫКОВА А. И., ЯГОДЫ Г. Г., КРЕСТИНСКОГО Н. Н., АКОРСКОГО Х. Г., РОЗЕНГОЛЬЦА А. П., ИВАНОВА В. А., ЧЕРНОВА М. А., ГРИНЬКО Г. Ф., ЗЕЛЕНСКОГО И. А., ПЕТСОНОВА С. А., ИКРАМОВА А., ХОДЖАЕВА Ф., ШАРОВИЧА В. Ф., ЗУБАРЕВА П. Т., БУЛАНОВА П. П., ЛЕВЕНКО Л. Г., ПЛЕТНЕВА Д. Д., КАЗАКОВА И. Н., МАКСИМОВА И. В. А. и КРЮЧКОВА П. П.

В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
СТ. 54, 55, 56, 57, 58 и 59 УГОЛОВНОГО
КОДЕКСА РСФСР, а ИВАНОВА, ЗЕЛЕНСКОГО и
ЗУБАРЕВА, КРОМЕ ТОГО, В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 53 УГОЛОВНОГО КО-
ДЕКСА РСФСР.

ОТЧЕТ СОСТАВЛЕН ПО ТЕКСТУ
ГАЗЕТ „ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ СОЮЗА ССР“ И „ПРАВДА“

Ответственный за выпуск *А. Н. Иодковский*. Техническое оформление — *Д. А. Фрейман*.
Ответственный за корректуру — *В. А. Пчелинцев*. Слано в производство 4/IV 1938 г. Подписано
к печати 20/IV 1938 г. II квартал 1938 г. Издат. № 31. Инд. Ю. Пч. листов 24. Уч.-авт. листов 28,19
Заказ № 1637. Уполномоченный Главлита № Б-42849 Тираж 1 00 экз.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „По

книга“, Москва, Вавовая, 28.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Состав судебного присутствия	6
Утреннее заседание 2 марта	
Обвинительное заключение . . .	8
Допрос подсудимого Бессонова	36
Вечернее заседание 2 марта	
Допрос подсудимого Гринько . . .	51
Допрос подсудимого Чернова .	60
Утреннее заседание 3 марта	
Допрос подсудимого Иванова . . .	73
Допрос подсудимого Зубарева . . .	83
Допрос свидетеля Васильева Д. Н.	89
Вечернее заседание 3 марта	
Допрос подсудимого Крестинского	91
Допрос подсудимого Рыкова .	95
Утреннее заседание 4 марта	
Допрос подсудимого Шаранговича	112
Допрос подсудимого Ходжаева	116
Вечернее заседание 4 марта	
Допрос подсудимого Розенгольца	129
Второй допрос подсудимого Крестинского	136
Допрос подсудимого Раковского	146
Утреннее заседание 5 марта	
Допрос подсудимого Раковского (продолжение)	148
Допрос подсудимого Зеленского	157
Вечернее заседание 5 марта	
Допрос подсудимого Икрамова	168
Допрос подсудимого Бухарина	181
Утреннее заседание 7 марта	
Допрос подсудимого Бухарина (продолжение)	190
Допрос свидетеля Яковлевой В. Н.	203
Вечернее заседание 7 марта	
Допрос свидетеля Яковлевой В. Н. (продолжение)	213
Допрос свидетеля Осинского В. В. . . .	214
Допрос свидетеля Манцева В. Н. . . .	217
Допрос свидетеля Камкова Б. Д.	223
Допрос свидетеля Карелина В. А.	225

Утреннее заседание 8 марта

Допрос подсудимого Левина	229
-------------------------------------	-----

Вечернее заседание 8 марта

Допрос подсудимого Буланова	241
Допрос подсудимого Ягоды	250
Допрос подсудимого Крючкова	258

Утреннее заседание 9 марта

Допрос подсудимого Плетнева	262
Допрос подсудимого Казакова	265
Ответы медицинской экспертизы на вопросы, поставленные государственным обвинителем	272
Допрос подсудимого Максимова-Диковского	273
Допрос свидетеля доктора М. Ю. Белостоцкого	275
Ответы медицинской комиссии на вопросы, поставленные государственным обвинителем	—
Закрытое судебное заседание	280

Утреннее заседание 11 марта

Речь государственного обвинителя Прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского	281
--	-----

Вечернее заседание 11 марта

Речь защитника тов. И. Д. Брауде	347
Речь защитника тов. Н. В. Коммодова	351
Последнее слово подсудимого Бессонова	355
Последнее слово подсудимого Гринько	356
Последнее слово подсудимого Чернова	357

Утреннее заседание 12 марта

Последнее слово подсудимого Иванова	359
Последнее слово подсудимого Крестинского	360
Последнее слово подсудимого Зубарева	362
Последнее слово подсудимого Рыкова	—
Последнее слово подсудимого Шаранговича	364
Последнее слово подсудимого Ходжаева	365
Последнее слово подсудимого Зеленского	366
Последнее слово подсудимого Икрамова	—
Последнее слово подсудимого Раковского	367
Последнее слово подсудимого Розенгольца	370

Вечернее заседание 12 марта

Последнее слово подсудимого Бухарина	371
Последнее слово подсудимого Левина	373
Последнее слово подсудимого Буланова	—
Последнее слово подсудимого Ягоды	374
Последнее слово подсудимого Крючкова	375
Последнее слово подсудимого Плетнева	—
Последнее слово подсудимого Казакова	376
Последнее слово подсудимого Максимова-Диковского	—
Приговор	377

СУДЕБНЫЙ ОТЧЕТ

**СОСТАВ СУДЕБНОГО ПРИСУТСТВИЯ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА ССР**

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист В. В. Ульрих,

*Председатель
Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР*

ЧЛЕНЫ СУДА:

Корвоенюрист И. О. Матулевич,

*Заместитель Председателя
Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР*

Диввоенюрист Б. И. Иевлев,

Член Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга А. А. Батнер

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ:

А. Я. Вышинский,

Прокурор Союза ССР

ЗАЩИТНИКИ:

И. Д. Брауде и Н. В. Коммодов,

члены Московской коллегии защитников

Утреннее заседание 2 марта

В 12 часов Председательствующий тов. Ульрих объявляет судебное заседание открытым.

Председательствующий опрашивает подсудимых, получили ли они обвинительное заключение. Все подсудимые отвечают утвердительно.

Затем Председательствующий объявляет состав суда и государственного обвинения по данному делу и сообщает, что защитником подсудимого Левина допущен по ходатайству самого подсудимого член Московской коллегии защитников И. Д. Брауде, защитником подсудимых Плетнева и Казакова по их ходатайству допущен член Московской коллегии защитников Н. В. Коммодов и что остальные подсудимые — Бухарин, Рыков, Ягода, Крестинский, Раковский, Розенгольц, Иванов, Чернов, Гринько, Зеленский, Бессонов, Икрамов, Ходжаев, Шарангович, Зубарев, Буланов, Максимов-Диковский и Крючков — от защитников отказались. Председательствующий опрашивает всех этих подсудимых, не изменили ли они свое решение и не желают ли иметь защитников. Подсудимые подтверждают, что они отказываются от защитников.

Председательствующий разъясняет подсудимым, отказавшимся от защитников, что они имеют право на защитительные речи, независимо от своих последних слов. Председательствующий разъясняет далее, что все подсудимые имеют право задавать вопросы друг другу и давать разъяснения по отдельным моментам судебного следствия.

Председательствующий спрашивает государственного обвинителя, защитников и подсудимых, не имеют ли они ходатайств о вызове дополнительных свидетелей и приобщении к делу дополнительных документов, и получает ответ, что в данный момент таких ходатайств нет.

Секретарь суда зачитывает текст обвинительного заключения.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Ягоды Г. Г., Крестинского Н. Н., Раковского Х. Г., Розенгольца А. П., Иванова В. И., Чернова М. А., Гринько Г. Ф., Зеленского И. А., Бессонова С. А., Икрамова А., Ходжаева Ф., Шаранговича В. Ф., Зубарева П. Т., Буланова П. П., Левина Л. Г., Плетнева Д. Д., Казакова И. Н., Максимова-Диковского В. А. и Крючкова П. П., — обвиняемых в том, что они по заданию разведок враждебных к Советскому Союзу иностранных государств составили заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке — в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии.

Произведенным органами НКВД расследованием установлено, что по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств обвиняемые по настоящему делу организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленение СССР и отторжение от него в пользу указанных выше государств Украины, Белоруссии, средне-азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Следствием установлено, что «право-троцкистский блок» объединял в своих рядах подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, средне-азиатских республик, что подтверждается материалами не только настоящего следствия, но и материалами судебных процессов, прошедших в разных местах в СССР и, в частности, судебных процессов по делу группы военных заговорщиков — Тухачевского и других, осужденных Специальным присутствием Верховного Суда СССР 11 июня 1937 года, и по делу группы грузинских буржуазных националистов — Мдивани, Окуджава и других, осужденных Верховным Судом Грузинской ССР 9 июля 1937 года.

Лишенные всякой опоры внутри СССР, участники «право-троцкистского блока» все свои надежды в борьбе против существующего в СССР общественного и государственного социалистического строя и за захват власти возлагали исключительно на вооруженную помощь иностранных агрессоров, обещавших оказать заговорщикам эту помощь на условиях расчленения СССР и отторжения от СССР Украины, Приморья, Белоруссии, среднеазиатских республик, Грузии, Армении и Азербайджана.

Такое соглашение «право-троцкистского блока» с представителями указанных выше иностранных государств облегчалось тем, что многие руководящие участники этого заговора являлись давнишними агентами иностранных разведок, осуществлявшими в течение многих лет шпионскую деятельность в пользу этих разведок.

Это прежде всего относится к одному из вдохновителей заговора — врагу народа Троцкому. Его связь с Гестапо была исчерпывающе доказана на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 года и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 года.

Однако имеющиеся в распоряжении следствия по настоящему делу материалы устанавливают, что связь врага народа Троцкого с немецкой политической полицией и разведками других стран относится к значительно более раннему периоду времени. Следствием точно установлено, что Троцкий был связан с германской разведкой уже с 1921 года и с английской «Интеллидженс Сервис» — с 1926 года.

Что касается привлеченных по настоящему делу, то значительная часть этих обвиняемых по их собственному признанию являются шпионами-агентами иностранных разведок уже длительное время.

Так, обвиняемый Крестинский Н. Н. по прямому заданию врага народа Троцкого вступил в изменническую связь с германской разведкой в 1921 году.

Обвиняемый Розенгольц А. П. — один из руководителей троцкистского подполья — начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба в 1923 году, а для английской разведки — в 1926 году.

Обвиняемый Раковский Х. Г. — один из ближайших и особо доверенных людей Л. Троцкого — являлся агентом английской «Интеллидженс Сервис» с 1924 года и японской разведки — с 1934 года.

Обвиняемый Чернов М. А. начал свою шпионскую работу в пользу Германии в 1928 году, связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии небезызвестного эмигранта-меньшевика Дана.

Обвиняемый Шарангович В. Ф. был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году.

Обвиняемый Гринько Г. Ф. стал шпионом германской и польской разведок в 1932 году.

Руководители «право-троцкистского блока», в том числе об-

мецкого генштаба Хассе. В дальнейшем со мной непосредственно связался посол в СССР г-н N, которому я периодически передавал сведения шпионского характера. После отъезда г-на N я продолжал шпионскую связь с новым послом, г-ном N.

(т. 6, л. д. 131 об.).

После фашистского переворота в Германии шпионская работа троцкистов приняла еще более широкий и резко выраженный пораженческий характер.

Обвиняемый Бессонов, по его собственному признанию принимавший активное участие в нелегальных переговорах троцкистов с германскими фашистскими, преимущественно, военными кругами о совместной борьбе против СССР, не только лично вел переговоры о поддержке антисоветского заговора с ближайшим сотрудником Розенберга по внешне-политическому отделу фашистской партии Дайцем, но и был в курсе встреч и переговоров Л. Троцкого с Гессом, Нидермайером и профессором Хаусховером, с которыми Л. Троцкий и достиг соглашения на условиях, о которых говорил Пятаков на судебном процессе по делу антисоветского троцкистского центра.

Обвиняемый Бессонов показал, что:

«...как видно из этих условий... центр тяжести подпольной работы троцкистов переносился на подрывные, шпионские, диверсионные и террористические акты внутри СССР».

(т. 11, л. д. 106).

Наличие соглашения Л. Троцкого и троцкистской организации в СССР с фашистскими кругами и проведение в СССР подрывной пораженческой работы по указаниям германской разведки признали на следствии и другие обвиняемые по настоящему делу.

Однако связями с германским фашизмом пораженческая работа троцкистских наймитов не ограничивалась. Они вместе с другими участниками антисоветского заговора, в соответствии с линией Л. Троцкого, ориентировались и на другого фашистского агрессора — Японию.

Фактическая сторона изменнических отношений антисоветских заговорщиков с японской разведкой представляется по материалам следствия в таком виде.

Как показал обвиняемый Крестинский, во время свидания с Л. Троцким в Меране, в октябре 1933 года, Троцкий ему заявил о необходимости установления более тесной связи с японской разведкой.

Это указание Троцкого было Крестинским передано Пятакову и другим главарям заговора, которые через обвиняемого Раковского и других участников заговора вошли в изменнические сношения с представителями Японии, обязавшимися оказать заговору вооруженную помощь в свержении Советской власти, взамен чего заговорщики обещали отдать Японии советское Приморье.

Как установлено следствием, обвиняемый Раковский в связи с его пребыванием в Японии летом 1934 года получил от Пятакова указание о том, что —

«... нужно усилить одновременно и внешнюю деятельность в смысле контакта с враждебными СССР правительствами..., надо попытаться использовать поездку в Токио, и что, вероятно, предпримет необходимые шаги в этом направлении».

(т. 4, л. д. 194).

Это поручение обвиняемый Раковский выполнил и, находясь в Токио, действительно установил преступную связь с кругами.

По этому поводу обвиняемый Раковский показал:

«Все эти обстоятельства имели своим логическим и практическим последствием тот факт, что я... стал со времени моего пребывания в Токио прямым агентом-шпионом, будучи завербован для этой цели, по поручению, г-ном N, влиятельнейшим политическим деятелем капиталистическо-феодалной Японии и одним из крупнейших ее плутократов».

(т. 4, л. д. 186).

Тот же обвиняемый Раковский, говоря о связи врага народа Л. Троцкого с английской разведкой, показал:

«Троцкий, как мне было известно, являлся агентом «Интеллидженс Сервис» с конца 1926 года. Об этом мне сообщил сам Троцкий».

(т. 4, л. д. 363).

Входившие в состав «право-троцкистского блока» группы буржуазных националистов также были теснейшим образом связаны с иностранными разведками.

Так обвиняемый Гринько, являвшийся агентом немецкой и польской разведок, касаясь антисоветской деятельности украинской национал-фашистской организации, одним из руководителей которой он являлся, показал:

«... к 1930 году относится обсуждение в нашей организации вопроса о необходимости договориться с Польшей об оказании военной помощи повстанческому выступлению на Украине против Советской власти. В результате этих переговоров с Польшей было достигнуто соглашение и польский генеральный штаб усилил переброску на Украину оружия, диверсантов и петлюровских эмиссаров».

(т. 9, л. д. 18).

И далее:

«В конце 1932 года я, на почве моей националистической работы, вступил в изменническую связь с г-ном N. Мы встречались с ним в моем служебном кабинете, куда г-н N являлся по делам германской концессии».

«Во второй половине 1933 года г-н N мне прямо сказал, что германские фашисты хотят сотрудничать с украинскими националистами по украинскому вопросу. Я ответил г-ну N согласием на сотрудничество. В дальнейшем, на протяжении 1933—1934 годов у меня было несколько встреч с г-ном N, а перед его отъездом из СССР он связал меня с г-ном N, с которым я продолжал свои изменнические сношения.

(т. 9, л. д. 286 об.).

Другой участник антисоветского заговора и один из руководителей националистической организации в Узбекистане обвиняемый И к р а м о в показал:

«Перед нами постоянно возникал вопрос о необходимости ориентироваться на одно из сильных европейских государств, которое оказало бы нам непосредственную помощь в момент вооруженной борьбы против Советской власти...»

(т. 12, л. д. 59, 60);

«...некоторые члены контрреволюционной организации считали Англию наиболее реальной в деле оказания помощи нам, так как она страна мощная и сможет с достаточной силой поддержать нас в момент непосредственной вооруженной борьбы...»

(т. 12, л. д. 60).

Обвиняемый Ш а р а н г о в и ч, агент польской разведки и один из руководителей антисоветской организации белорусских национал-фашистов, признал, что эта организация вела свою подрывную работу не только по указаниям правых и «право-троцкистского блока», но и по директивам польской разведки.

По этому поводу обвиняемый Ш а р а н г о в и ч показал:

«К этому периоду (1933 год) сгладились какие-либо разногласия между правыми, троцкистами и национал-фашистами. Все мы ставили перед собой одну задачу — задачу борьбы с Советской властью любыми методами, включая террор, диверсию и вредительство. Конечной целью всех этих трех организаций, действовавших на территории национальной республики, было отторжение Белоруссии от Советского Союза и создание «независимого» буферного государства, которое, несомненно, находилось бы целиком в руках Польши и Германии...»

(т. 14, л. д. 27).

И далее:

«Несмотря на то, что директивы, получаемые нами, исходили, с одной стороны, из Москвы — от центра правых и троцкистов, а с другой стороны, из Варшавы — от польских кругов, никакого различия в их содержании не было, они были едины и нами претворялись в жизнь».

(т. 14, л. д. 31).

Обвиняемый Р ы к о в полностью подтвердил наличие изменнической связи правых с фашистской Польшей, показав:

«... группа участников организации правых, в соответствии с указаниями центра правых и моими личными указаниями, в целях осуществления наших заговорщических, изменнических планов установила связь с фашистской Польшей, с польскими разведывательными органами в частности».

(т. 1, л. д. 118).

Говоря далее о планах отторжения от СССР Белоруссии, обвиняемый Рыков показал:

«Общая формула, на которой мы тогда сошлись, сводилась к тому, что в переговорах с поляками... мы пойдём на отторжение от СССР Белорусской советской республики, на создание «независимой» Белоруссии под протекторатом Польши...»

(т. 1, л. д. 119).

Как установлено следствием, вся преступная деятельность входившей в «право-троцкистский блок» антисоветской группы правых доказывает, что правые были такой же агентурой иностранных генштабов, как и другие участники этого заговора.

Одни из правых непосредственно, другие — через своих сообщников также были связаны с разведками иностранных государств, на помощь которых в своей борьбе против Советской власти они только и рассчитывали.

Обвиняемый Бухарин был в курсе переговоров Л. Троцкого с немецкими фашистами и, также как и Л. Троцкий, подготовлял поражение СССР и отторжение от СССР Украины, Белоруссии, Приморья, Грузии, Армении, Азербайджана и средне-азиатских республик.

Это признал полностью обвиняемый Бухарин, показавший следующее:

«К тому времени, когда Троцкий вел переговоры с немецкими фашистами и обещал им территориальные уступки, мы, правые, уже были в блоке с троцкистами. Радек мне говорил, что Троцкий считает основным шансом прихода блока к власти поражение СССР в войне с Германией и Японией и предлагает после этого поражения отдать Германии Украину, а Японии — Дальний Восток. Радек мне сообщил об этом в 1934 году...»

(т. 5, л. д. 107).

По этому поводу обвиняемый Ф. Ходжаев на следствии показал:

«Бухарин указывал, что Узбекистан и Туркмения должны быть отторгнуты от СССР и существовать под протекторатом Японии и Германии, но что при этом не удастся обойти и Англию и потому надо пойти на завязывание связей с англичанами. Реальнее всего стоял вопрос о протекторате Англии и потому упор был взят на нее».

(т. 13, л. д. 89—89 об).

Показание обвиняемого Ф. Ходжаева находит себе полное подтверждение и в других материалах следственного производ-

ства, полностью изобличающих пораженческую линию «право-троцкистского блока».

Так, обвиняемый Рыков по этому вопросу показал:

«Что же касается нашей пораженческой позиции, то и ее Бухарин полностью разделял и высказывался за эту позицию еще более резко, чем мы. В частности, именно он внес предложение и формулировал идею открытия фронта немцам в случае войны».

(т. 1, л. д. 152).

Характеризуя свое отношение к этому вопросу, обвиняемый Рыков показал:

«Как и другие члены центра правых, я был осведомлен об изменнических переговорах представителей нашей контрреволюционной организации с германскими фашистами, поддержку которых мы искали. Естественно, что такая поддержка была связана с необходимостью уступок германским фашистам, на что мы и шли».

(т. 1, л. д. 151 об.).

Такова была шпионская и пораженческая работа «право-троцкистского блока», этих изменников, продававших иностранным разведкам советские государственные тайны, торговавших свободой народов СССР, независимостью и неприкосновенностью социалистического государства рабочих и крестьян.

Осуществляя свои преступные замыслы, антисоветские заговорщики, по прямым директивам иностранных фашистских разведок, организовали в отдельных республиках, краях и областях Советского Союза разветвленную сеть диверсионных и вредительских гнезд, охватив ими ряд предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и системы товарооборота.

Заклучив соглашение с фашистскими кругами о предательском открытии армиям этих фашистских государств наших фронтов во время войны, участники право-троцкистского заговора готовили подрыв материально-технической базы Красной Армии — оборонной промышленности.

Рядом подготавливаемых ими разрушительных диверсионных действий заговорщики рассчитывали во время войны взорвать и уничтожить решающие оборонные предприятия нашей социалистической родины. Они подготавливали также проведение крушений железнодорожных воинских поездов с массовыми человеческими жертвами.

Они ставили своей задачей парализовать всю хозяйственную жизнь страны, питание армии и снабжение ее вооружением.

Следствием установлено, что целый ряд таких диверсионных и вредительских актов заговорщиками был уже проведен в различных отраслях народного хозяйства.

Наймит иностранных разведок, враг народа Троцкий, как это установлено следствием, в ряде своих писем и личных указаний руководящим участникам антисоветского заговора в СССР

требовал усиления вредительской и диверсионной деятельности внутри Советского Союза.

Руководящий участник заговора — обвиняемый Крестинский показал, что ему лично в 1933 году в Мере Л. Троцкий заявил, что —

«...ему, Троцкому, будет гораздо легче вести переговоры с немцами, если он сможет сказать им, что по линии проведения диверсионно-вредительских актов и подготовки террора действительно ведется серьезная работа».

(т. 3, л. д. 54—55).

Следствием установлено, что ряд совершенных в ДВК диверсионных актов был подготовлен и проведен участниками антисоветского заговора по прямым директивам японских разведывательных органов и врага народа Л. Троцкого. Так, по директиве японской разведки было организовано крушение товарного поезда с воинским грузом на ст. Волочаевка и на перегоне Хор — Дормидонтовка поезда № 501, когда было убито 21 человек и ранено 45 человек. По тем же указаниям японцев были совершены диверсии на шахтах №№ 10 и 20 в Сучане.

(см. т. 45, л. д. 1—14).

О таких же директивах, исходящих от Л. Троцкого, подробные показания на следствии дал обвиняемый Розенгольц, показавший следующее:

«Наряду с директивой Троцкого, полученной мною через Крестинского и Седова, о проведении во Внешторге вредительской работы, направленной на оказание прямой помощи Германии и Японии, — характер моей вредительской деятельности определялся еще указаниями послов в СССР г-на N и г-на N, связь с которыми в этом отношении сыграла крупную роль, так как мне приходилось руководствоваться в работе их конкретными указаниями.

После установления контакта с Тухачевским и Рыковым, я известил первого через Крестинского, а последнего лично о директиве Троцкого по вредительской работе, и оба они одобрили проведение мною этой работы.

Вредительство во внешней торговле в результате всего этого шло, главным образом, по следующим трем линиям: первое — экономическая помощь Германии и Японии за счет СССР; второе — нанесение экономического ущерба и вреда СССР; третье — нанесение политического ущерба СССР».

(т. 6, л. д. 49).

По указаниям «право-троцкистского блока», обвиняемый Шарангович развернул широкое вредительство в области сельского хозяйства и промышленности БССР.

По этому поводу обвиняемый Шарангович показал:

«На местах, для практического осуществления наших вредительских замыслов, была создана сеть вредительских диверсионных групп... Все мы, начиная с руководителей организации и кончая ее рядовыми членами, являлись национал-

фашистами и вели работу против Советской власти, за отрыв Белоруссии от Союза ССР, не гнушаясь никакими способами...».

(т. 14, л. д. 40).

Обвиняемый Чернов, связанный на протяжении ряда лет с германской разведкой в качестве ее секретного агента в СССР, также активно использовал свое высокое служебное положение в СССР для организации по заданиям германской разведки ряда диверсионно-вредительских действий в сельском хозяйстве.

Германский шпион обвиняемый Чернов в своих преступных связях с германским разведчиком — корреспондентом газеты «Берлинер-Тагеблат» Шефером и о своей вредительской работе в области сельского хозяйства показал следующее:

«Когда я перешел на работу в Комитет Заготовок, то Шефер передал мне задание немцев — проводить вредительскую деятельность по линии Комитета Заготовок, в особенности в области мобилизационных запасов.

Задания разведки по вредительству совпадали с указаниями, которые я, как член организации правых, получал от Рыкова. Тем с большей готовностью я принял их к исполнению».

(т. 8, л. д. 98 об., 25).

По этому поводу обвиняемый Чернов показал:

«В 1934 году, встретившись с Рыковым на его даче, я получил от него задание широко развернуть вредительство в области сельского хозяйства. Это задание я выполнил и проводил вредительскую подрывную деятельность достаточно активно».

(т. 8, л. д. 93).

Значительная подрывная вредительская деятельность в области сельского хозяйства вскрыта следствием и по Узбекистану, где орудовали националистические организации, блокировавшие через своих главарей обвиняемых Икрамова и Ходжаева с центром антисоветского заговора.

Один из руководителей этой националистической организации обвиняемый Ходжаев Файзулла показал:

«Мы не ограничивались только подготовкой кадров для вооруженной борьбы с Советской властью, но мы уже сейчас активно действовали в целях подрыва мощи СССР».

(т. 13, л. д. 66).

Широкое проведение вредительских мероприятий по Узбекистану полностью подтвердил также обвиняемый Икрамов, показавший, что «право-троцкистский блок» поставил перед ним следующие задачи:

«...а) развернуть работу по подготовке в Узбекистане вооруженного восстания, приурочивая его к моменту интервенции;

б) решительно развернуть вредительскую и диверсионную работу во всех отраслях народного хозяйства с тем, чтобы последствиями вредительства вызвать недовольство у трудящихся к Советской власти и тем самым подготовить благоприятную почву для организации в нужный момент вооруженного восстания».

«Кроме того, — показал обвиняемый И к р а м о в, — по нашему замыслу, наша подрывная вредительская работа должна была препятствовать укреплению обороноспособности СССР».

(т. 12, л. д. 95—96).

Разрушительную деятельность как в области сельского хозяйства, так и в ряде других областей народного хозяйства и социалистического строительства, вели и другие обвиняемые по настоящему делу.

Так, обвиняемый Г р и н ь к о вел вредительскую работу в области финансов.

Обвиняемый Г р и н ь к о показал:

«Подрывная работа по Наркомфину преследовала основную цель: ослабить советский рубль, ослабить финансовую мощь СССР, запутать хозяйство и вызвать недовольство населения финансовой политикой Советской власти, недовольство налогами, недовольство плохим обслуживанием населения сберегательными кассами, задержками в выдаче заработной платы и др., что должно было привести к организованному широкому недовольству Советской властью и облегчить заговорщикам вербовку сторонников и разворот повстанческой деятельности».

(т. 9, л. д. 79).

Обвиняемый З е л е н с к и й и организованные им в Центросоюзе и системе кооперации вредительские группы запутывали планирование по таким товарам, как сахар, масло, яйца, махорка и т. п., умышленно задерживали продвижение товаров в деревню, запутывали всячески учет и отчетность, что содействовало безнаказанному расхищению и разбазариванию государственных средств, поощряли обсчитывание и обкрадывание потребителя.

Говоря об установленной им в Центросоюзе вредительской системе учета товаров и отчетности, обвиняемый З е л е н с к и й показал:

«При таком положении вор оставался безнаказанным, а честный работник, вследствие сложного учета, запутывался и незамедлительно попадал в растратчики».

(т. 10, л. д. 56).

Изменническую вредительскую деятельность в значительных масштабах проводил также ныне разоблаченный агент иностранных разведок обвиняемый Р о з е н г о л ь ц.

О своей изменнической деятельности в этой области обвиняемый Р о з е н г о л ь ц показал следующее:

«Поскольку Т р о ц к и й имел соглашение с Германией и Японией, о чем я был извещен (как во время переговоров —

при свидании с Седовым в 1933 году, так и о состоявшемся соглашении — при свидании с ним в 1934 году) и имел в этом отношении соответствующее указание Троцкого, то и моя вредительская работа по внешней торговле служила этой цели».

(т. 6, л. д. 48).

Одновременно с организацией активной диверсионно-вредительской работы заговорщики по приказу фашистских разведок ставили своей задачей вызвать бандитско-повстанческое движение в нашей стране, приурочивая вооруженное выступление своих повстанческих антисоветских банд в тылу Красной Армии к моменту начала интервенции против СССР.

Обвиняемый Рыков показал:

«Мы стали на путь насильственного свержения руководства партии и Советской власти, решив произвести это свержение путем организации кулацких восстаний».

(т. 1, л. д. 150 об).

Следствием установлено, что эти подготовлявшиеся кулацко-повстанческие вооруженные выступления в тылу Красной Армии находились в зависимости от планов и расчетов фашистских государств, готовивших нападение на СССР, и что по сигналу генеральных штабов фашистских стран право-троцкистские заговорщики и готовили свое выступление.

Следуя этим директивам фашистских разведок, участники заговора накапливали бандитско-повстанческие кадры, подготавливая их к активным вооруженным выступлениям на Дальнем Востоке, Северном Кавказе и в других местах Советского Союза, в частности, в Узбекистане.

По этому поводу обвиняемый Ходжаев показал:

«Основной задачей практической работы наших организаций была подготовка активных антисоветских кадров и их воспитание в духе борьбы с СССР. Мы ориентировали участников организации на то, что борьба с Советской властью примет острые формы и будет доходить до вооруженных столкновений. Поэтому мы уделяли внимание подготовке боевых сил участников нашей организации».

(т. 13, л. д. 66).

Организаторы бандитско-повстанческих кадров опирались лишь на остатки старых контрреволюционных элементов, ориентируясь на пополнение своих повстанческих резервов за счет перебрасываемых на территорию Советского Союза остатков басмачества, белогвардейцев, а также уголовных бандитов, заключенных в лагерях и так далее.

Обвиняемый Икрамов о бандитско-повстанческой деятельности руководимой им буржуазно-националистической организации в Узбекистане показал:

«Мы сохраняли необходимые кадры, которые в будущем должны были быть использованы для вооруженной борьбы против Советской власти. Этими кадрами в первую очередь

являлись остатки кулачества, духовники и бывшие басмачи. Мы дали задание членам нашей организации, находящимся на руководящей районной работе, о сохранении этих кадров. Кроме того, мы предполагали, что во время вооруженного выступления из-за кордона перейдут на советскую территорию ушедшие в свое время остатки басмаческих банд».

(т. 12, л. д. 56).

Материалами следствия и личными показаниями обвиняемых Бухарина, Зубарева, Зеленского и других установлено, что они вели активную подготовку повстанческих кадров, пытались охватить возможно больше районов Советского Союза, причем в целях максимального расширения повстанческой базы руководители заговора установили контакт и с нелегально действовавшей эсеровской организацией.

Так обвиняемый Бухарин показал:

«Установление связей с эсерами относится к периоду ставки организации правых на кулацкие восстания. В связи с тем, что правые шли на организацию этих восстаний, возникла необходимость в связи с эсерами, имевшими корни в кулацких прослойках в деревне.

...Лично я через Семенова установил связь с подпольным ЦК эсеров в Союзе и через Членова — с закордонным ЦК эсеров в Париже».

(т. 5, л. д. 90—91).

Такова цепь позорных злодеяний «право-троцкистского блока», осуществлявшего в течение ряда лет свою предательскую деятельность в интересах враждебных СССР иностранных государств.

II. УБИЙСТВА ДЕЯТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА С. М. КИРОВА, В. Р. МЕНЖИНСКОГО, В. В. КУЙБЫШЕВА, А. М. ГОРЬКОГО. — ЗАГОВОР ПРОТИВ В. И. ЛЕНИНА В 1918 ГОДУ

Не питая надежд на свержение советского строя методами шпионажа, вредительства, диверсий, кулацких восстаний, право-троцкистские заговорщики, охваченные злобой и ненавистью к СССР, перешли к подготовке и совершению террористических актов против руководителей правительства и ВКП(б).

Как установлено следствием, по прямому сговору с японской и германской разведками и по заданию врага народа Л. Троцкого, «право-троцкистский блок» организовал и совершил ряд террористических актов против лучших людей нашей родины.

Переход «право-троцкистского блока» к террору обвиняемый Рыков мотивировал следующим образом:

«При нелегальном заговорщическом характере контрреволюционной организации правых, при отсутствии какой-либо массовой базы для ее контрреволюционной работы, при отсутствии надежды каким-либо другим путем прийти к вла-

сти, — принятие террора и «дворцового переворота» давало, по мнению центра, какую-то перспективу».

(т. 1, л. д. 50).

Обвиняемый Бухарин, признавший на следствии, что на путь террора «право-троцкистский блок» стал еще в 1932 году, показал следующее:

«В том же 1932 году при встрече и разговоре с Пятаковым я узнал от него об его свидании с Л. Седовым и получении от Седова прямой директивы Троцкого перейти к террору против руководства партии и Советской власти. Должен также признать, что по существу тогда мы и пошли на соглашение с террористами, а мой разговор с Пятаковым явился соглашением о координации наших с Троцким действий, направленных к насильственному свержению руководства партии и Советской власти».

(т. 5, л. д. 105 об.).

Террористическая деятельность заговорщиков была тесно связана со всей их пораженческой работой, о чем свидетельствует, например, следующее показание обвиняемого Иванова:

«Говоря о терроре, Бухарин заявлял, что «ликвидировать», как он выражался, вождей партии и Советской власти... будет очень важно для нашего прихода к власти и будет способствовать поражению СССР в войне».

(т. 7, л. д. 81).

Следуя принятым в этом отношении решениям, заговорщический блок широко развернул организацию террористических групп и практическую подготовку к совершению террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Вот что показал по этому поводу обвиняемый Рыков:

«К тому времени мы уже стали на путь террора, как одного из методов нашей борьбы с Советской властью... Эта наша позиция вылилась в совершенно конкретную нашу и, в частности, мою деятельность по подготовке террористических актов против членов Политбюро, руководителей партии и правительства, а в первую очередь, — против Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова. В 1934 году уже я дал задание следить за машинами руководителей партии и правительства созданной мною террористической группе Артеменко».

(т. 1, л. д. 150 об. — 151).

Обвиняемый Бухарин, говоря о предложении эсера Семенова организовать террористическую группу, показал:

«Я хочу показать правду и заявляю, что предложение это было мною доложено на совещании центра и мы решили поручить Семенову организацию террористических групп».

(т. 5, л. д. 106 об.).

Следствием установлено, что злодейское убийство С. М. Кирова, осуществленное ленинградским троцкистско-зиновьевским террористическим центром 1 декабря 1934 года, было осуществлено также по решению «право-троцкистского блока», участники которого привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу.

Следствием установлено, что одним из соучастников этого злодейского убийства являлся обвиняемый Ягода, показавший следующее:

«О том, что убийство С. М. Кирова готовится по решению центра заговора, я знал заранее от Енукидзе. Енукидзе предложил мне не чинить препятствий организации этого террористического акта и я на это согласился. С этой целью я вызвал из Ленинграда Запорожца, которому и дал указания не чинить препятствий готовящемуся террористическому акту над С. М. Кировым».

(т. 2, л. д. 209).

Это же подтвердили на следствии Запорожец и Енукидзе.

Убийством С. М. Кирова не ограничивается злодейская террористическая деятельность право-троцкистских изменников и заговорщиков.

Как установлено следствием по настоящему делу, А. М. Горький, В. Р. Менжинский и В. В. Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных по заданию объединенного центра «право-троцкистского блока».

О причинах, побудивших право-троцкистских заговорщиков на неслыханное по своей чудовищности убийство А. М. Горького, обвиняемый Ягода показал:

«Объединенный центр право-троцкистской организации в течение долгого времени пытался обработать Горького и оторвать его от близости к Сталину. В этих целях к Горькому были приставлены Каменев, Томский и ряд других. Но реальных результатов это не дало. Горький попрежнему верен Сталину и является горячим сторонником и защитником его линии. При серьезной постановке вопроса о свержении сталинского руководства и захвате власти право-троцкистами — центр не мог не учитывать исключительного влияния Горького в стране, его авторитет за границей. Если Горький будет жить, то он подымет свой голос протеста против нас. Мы не можем этого допустить. Поэтому, объединенный центр, убедившись в невозможности отрыва Горького от Сталина, вынужден был вынести решение о ликвидации Горького».

(т. 2, л. д. 200).

Показания обвиняемого Ягоды полностью подтверждаются и обвиняемым Рыковым, который на допросе Прокурором Союза 10 января с. г. показал:

«Мне известно, что Троцкий через своих представителей в контактном центре всячески разжигал злобные настроения в отношении Горького. Это, естественно, объясняется тем, что Троцкому было хорошо известно, что Горький считает его проходимцем и авантюристом. С другой стороны, общеизвестна близость Горького к Сталину, и то обстоятельство, что он является нестигаемым политическим сторонником Сталина, вызывало злобное отношение к нему нашей организации».

(т. 1, л. д. 166 об.).

К этому обвиняемый Рыков добавил:

«В 1935 году я беседовал с Енукидзе, который прямо мне заявил, что троцкистско-зиновьевская часть блока настаивает на ликвидации политической активности Горького и для осуществления этого не остановится ни перед какими средствами. Из этого разговора мне стало ясно, что может пойти речь и о террористических методах ликвидации Горького».

(т. 1, л. д. 166 об. — 167).

Это же подтвердил и обвиняемый Бухарин, показавший, что в начале 1935 года Томский ему сообщил, что:

«...троцкистская часть объединенного центра блока внесла предложение об организации враждебного акта против А. М. Горького, как сторонника сталинской политики».

(т. 5, л. д. 119 об.).

При этом обвиняемый Бухарин пояснил, что он не исключает, что тогда речь шла именно о физическом устранении Горького. То, что речь шла именно о подготовке физического устранения М. Горького, видно из показаний обвиняемого Бессонова, лично получившего такого рода «установку» непосредственно от Л. Троцкого во время свидания последним в конце июля 1934 года.

При этом свидании Л. Троцкий, как показал обвиняемый Бессонов, заявив, что —

«...было бы непростительным жеманством, если мы последовательно сейчас же не перешли бы к физическому устранению Сталина и всех его ближайших соратников»..., сказал —

«М. Горький очень близко стоит к Сталину. Он играет исключительно большую роль в завоевании симпатий к СССР в общественно-мировом демократическом мнении и особенно Западной Европы. Горький широко популярен, как ближайший друг Сталина и проводник генеральной линии партии. Вчерашние наши сторонники из интеллигенции в значительной мере под влиянием Горького отходят от нас. При этом условии я делаю вывод, что Горького надо убрать. Передайте это мое поручение Пята-

кову в самой категорической форме: «Горького уничтожить физически во что бы то ни стало».

(т. 11, л. д. 74—75).

На основе этой директивы врага народа Л. Троцкого «право-троцкистский блок» и принял свое чудовищное решение об убийстве А. М. Горького.

«Выполнение этого решения было поручено мне» — показал обвиняемый Ягода.

В качестве непосредственных исполнителей этого злодейского замысла обвиняемый Ягода привлек обвиняемых по настоящему делу доктора Левина Л. Г., бывшего домашнего врача А. М. Горького, профессора Плетнева Д. Д., секретаря А. М. Горького — Крючкова П. П. и своего секретаря Буланова П. П.

Один из организаторов этого преступления, обвиняемый Буланов показал:

«В умерщвлении А. М. Горького принимали непосредственное участие профессор Плетнев, доктор Левин и секретарь Горького Крючков. Я лично, например, был свидетелем того, как Ягода неоднократно вызывал к себе Крючкова, советуя последнему простудить Горького, вызвать у него тем или иным путем болезнь. Ягода подчеркивал, что состояние легких у Горького таково, что всякое простудное заболевание ускоряет шансы его гибели. А уже остальное довершат Плетнев и Левин, которые на этот счет имеют соответствующие задания».

(т. 16, л. д. 72).

Обвиняемый Плетнев, принимавший непосредственное участие в деле убийства А. М. Горького и В. В. Куйбышева, показал:

«Ягода мне заявил, что я должен помочь ему в физическом устранении некоторых политических руководителей страны. Он прямо предложил мне воспользоваться своим положением лечащего врача у В. В. Куйбышева и А. М. Горького и ускорить их смерть путем применения неправильных методов лечения. Я пытался отказаться, но в конце концов был вынужден согласиться. После этого Ягода мне сообщил, что моим сообщником будет доктор Левин, а в отношении А. М. Горького, кроме того, и секретарь А. М. Горького — Крючков П. П.

Приняв это страшное задание Ягоды, я вместе с доктором Левиным выработал план убийства А. М. Горького и В. В. Куйбышева.

Должен признать, что в моем согласии на эти преступления сыграли свою роль и мои антисоветские настроения. Эти свои антисоветские настроения я до ареста всячески скрывал, двурушничая и заявляя о том, что я советский человек».

(т. 18, л. д. 72, 73).

Это же подтвердил и обвиняемый Левин, показавший:

«Я признаю себя виновным в том, что, применив умышленно неправильное лечение и используя несоответствующие данному заболеванию лекарства, я вместе с моими сообщниками, по согласованию с Ягодой, был виновником преждевременной гибели Максима Горького и Куйбышева».

(т. 17, л. д. 10).

Обвиняемые Левин и Плетнев на следствии дали подробные показания о том, как они практически осуществили умерщвление А. М. Горького и В. В. Куйбышева.

Как установлено следствием, в организации смерти В. В. Куйбышева активное участие принимал также секретарь В. В. Куйбышева обвиняемый Максимов, показавший следующее:

«На это преступление я пошел как член контрреволюционной организации правых, к которой я примкнул еще в 1928 году.

Ягода также знал о моей принадлежности к контрреволюционной организации и присутствовал при одном из моих разговоров с Енукидзе, когда мы разрабатывали план устранения Куйбышева».

(т. 20, л. д. 45 об.).

По прямому указанию Ягоды обвиняемыми доктором Левиным и доктором Казаковым был убит также председатель ОГПУ В. Р. Менжинский.

Обвиняемый Казаков на допросе Прокурором Союза 4 февраля с. г. показал:

«Ягода заявил мне, что Менжинский ко мне хорошо относится и доверяет мне и поэтому мне вместе с доктором Левиным должно удастся устранение Менжинского. Ягода дал мне следующее указание: я должен работать с доктором Левиным таким методом лечения В. Р. Менжинского, который обеспечит ускорение его смерти и закончит как можно скорее его жизнь...»

(т. 19, л. д. 51 об.).

Изложив далее содержание разговора с ним обвиняемого Ягоды о необходимости ускорить наступление смерти В. Р. Менжинского, обвиняемый Казаков показал:

«После этого разговора с Ягодой я выработал совместно с Левиным такой метод лечения В. Р. Менжинского, который фактически разрушал его последние силы и обуславливал скорейшее наступление смерти. Фактически, таким образом, я и Левин убили В. Р. Менжинского.

Я дал доктору Левину составленную мною смесь лизатов, которые в сочетании с алкалоидами привели к нужному нам результату, то есть фактическому убийству Менжинского».

(т. 19, л. д. 51 об.)

Это полностью подтвердили и обвиняемые Левин Л. Г. и Буланов П. П.

Обвиняемый Левин Л. Г. подтвердил, что, получив от обвиняемого Ягоды поручение ускорить наступление смерти В. Р. Менжинского, он, Левин, решил привлечь к осуществлению этого преступления доктора Казакова.

Обвиняемый Левин показал:

«Я сказал, что лучше всего это может сделать Казаков, так как он действует препаратами, которые сам бесконтрольно приготавливает в своей лаборатории, что он впрыскивает — известно только ему одному.

После предварительных подготовительных бесед с Казаковым я передал ему полученную мною директиву от Ягоды. Он вначале очень колебался, боясь раскрытия преступления, но потом согласился. Я не спрашивал, что он применял, тем более что он обычно засекречивал свои препараты, но я знал, что возможности в этом отношении у него широкие.

Смерть В. Р. Менжинского произошла внезапно среди сна, если не ошибаюсь, накануне смерти Максима Пешкова (сына А. М. Горького), от паралича сердца. Я не сомневался, что это дело рук Казакова».

(т. 17, л. д. 54—55).

Обвиняемый Буланов по поводу убийства В. Р. Менжинского показал:

«Физическое устранение Менжинского Ягода задумал давно. Он не раз в моем присутствии высказывал недовольство тем, что Менжинский продолжал жить и занимать пост руководителя ОГПУ. Потом он прямо сказал, что надо убрать Менжинского. Организовать это через доктора Левина было трудно, потому что Менжинский Левина не любил и лечиться у него не хотел. Тогда я предложил Ягоде «пристроить» к Менжинскому какого-либо другого врача. Так и было сделано. И при содействии доктора Левина к Менжинскому «пристроили» доктора Казакова, который и довел дело до конца, то есть, попросту говоря, ускорил смерть Менжинского путем заведомо неправильного его лечения».

(т. 16, л. д. 75).

Помимо убийства А. М. Горького и В. В. Куйбышева, обвиняемые Левин и Крючков, по прямому заданию обвиняемого Ягоды, аналогичным путем в 1934 году умертвили также и сына А. М. Горького — М. А. Пешкова.

По этому поводу обвиняемый Левин показал:

«Признавая себя виновным в убийстве Максима, я хочу здесь указать на то, что сделал это по прямому требованию Ягоды. У меня нехватило гражданского мужества отказаться и я стал убийцей».

(т. 17, л. д. 138 об.).

Обвиняемый Крючков, принимавший активное участие в организованных Ягодой преступлениях, показал:

«В этих преступлениях я руководствовался директивами некоторых участников антисоветской организации правых. В частности, директивами Ягоды. Именно от Ягоды я получил указание насильственно устранить Максима Пешкова, а затем и Алексея Максимовича Горького».

«Кроме меня, Ягода привлек к участию в этих преступлениях врачей Левина и Виноградова и профессора Плетнева».

(т. 21, л. д. 16).

Обвиняемый Ягода, подтвердив, что М. А. Пешков был убит по его заданию, показал:

«В мае 1934 года, при содействии Крюčkова, Макс (М. А. Пешков) заболел крупозным воспалением легких, а врачи Левин, Виноградов и Плетнев залечили его до смерти».

(т. 2, л. д. 193).

Обвиняемый Ягода после снятия его с должности народного комиссара внутренних дел СССР принял меры также к осуществлению убийства народного комиссара внутренних дел СССР тов. Н. И. Ежова.

Обвиняемый Ягода так объясняет в своих показаниях причины, побудившие его форсировать террористический акт против Н. И. Ежова:

«Мое отстранение от работы в НКВД, приход на мое место Ежова означали полный провал нашего заговора потому, что удержать разгром кадров антисоветской организации нельзя будет. Ежов раскопает все — надо избавиться от Ежова. Это было единственное решение, к которому я пришел и которое я начал решительно готовить...»

(т. 2, л. д. 141, 142).

Этот свой замысел Ягода пытался осуществить через своих сообщников, виднейшая роль среди которых принадлежала обвиняемому Буланову.

По признанию обвиняемого Ягоды и обвиняемого Буланова, убийство тов. Н. И. Ежова предполагалось осуществить путем отравления специально приготовленным для этой цели ядом.

«Когда Ягода был снят с НКВД, — показал обвиняемый Буланов, — он дал мне и своему личному порученцу Саволайнену прямое задание — отравить Ежова».

(т. 16, л. д. 27).

Подробно описав способы, при помощи которых обвиняемый Ягода пытался осуществить убийство тов. Н. И. Ежова, обвиняемый Буланов показал, что он, Буланов, сам делал смесь ядов, предназначенных для отравления тов. Ежова.

Обвиняемый Ягода на допросе в Прокуратуре Союза ССР полностью признал это свое преступление, показав:

«Да, вынужден признать, что я подготавливал это преступление. Организовывал подготовку убийства Ежова, как человека, опасного для контрреволюционного заговора и могущего разоблачить нашу контрреволюционную организацию».
(т. 2, л. д. 209).

Таким образом, следствие считает установленным с несомненностью, что привлеченные по настоящему делу к уголовной ответственности руководящие участники «право-троцкистского блока» совершили террористические акты против С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького, М. А. Пешкова и подготавливали ряд других террористических актов, которые осуществить не успели.

Убийства советских деятелей завершили собой круг тягчайших государственных преступлений, при помощи которых банда презренных отщепенцев нашей родины, провокаторов царской охранки, наймитов иностранных разведок, продававших иностранным капиталистам нашу землю и нашу свободу, стремилась осуществить фашистский план свержения советского строя и восстановления в нашей стране капитализма.

Как теперь выяснилось, эти чудовищные преступления не были случайностью ни для троцкистов, ни для правых.

Следствием установлено, что уже в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой совместно с «левыми» эсерами организовали заговор против В. И. Ленина, как главы Советского правительства.

Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и «левых» эсеров.

Допрошенный в Прокуратуре Союза 19 и 20 февраля с. г. бывший член центрального комитета партии «левых» эсеров Карелин В. А. дал следующие показания о заговорщической деятельности в 1918 году эсеров и бухаринцев:

«Окончательное соглашение с «левыми коммунистами» в борьбе против Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым было нами достигнуто после VII съезда Коммунистической партии.

Переговоры с «левыми коммунистами» вели по поручению ЦК «левых» эсеров Камков, Прошьян и я.

(т. 44, л. д. 86).

Говоря о характере этих переговоров и роли обвиняемого Бухарина Н. И., Карелин В. А. далее показал:

«Предложение Бухарина было — не останавливаться на аресте правительства, а провести физическое уничтожение руководителей Советской власти и, в первую очередь, Ленина и Сталина».

(т. 44, л. д. 38).

Это же подтвердили и другие лица, допрошенные в качестве свидетелей по настоящему делу.

Один из бывших руководителей центрального комитета партии «левых» эсеров Камков Б. Д. показал:

«Я лично имел разговор с Бухариным, который мне заявил, примерно, следующее: «борьба у нас в партии против позиции Ленина по вопросу о Брестском мире принимает острые формы. В наших рядах дебатировался вопрос о создании нового правительства из «левых» эсеров и «левых коммунистов». При этом Бухарин назвал Пятакова, как возможного кандидата в руководители нового правительства, и заявил, что смена правительства мыслится путем ареста его состава во главе с Лениным».

Дальнейшие переговоры с Бухариным велись Карелиным и Прошьяном. К концу марта месяца между «левыми коммунистами» и «левыми» эсерами было достигнуто окончательное соглашение о том, что: 1) «левые коммунисты» в борьбе с большевиками и Советским правительством оказывают «левым» эсерам организационную и политическую помощь; 2) совместными действиями «левых» эсеров и «левых коммунистов» должно быть свергнуто правительство Ленина и сформировано новое правительство в составе «левых коммунистов» и «левых» эсеров.

После этого «левые» эсеры организовали убийство Мирбаха и июльский мятеж. В курсе готовившегося убийства Мирбаха и июльского мятежа «левые коммунисты» были полностью».

(т. 44, л. д. 92 об.).

Допрошенные в качестве свидетелей в Прокуратуре СССР 19 февраля с. г. бывшие руководители и активные участники группы «левых коммунистов» Яковлева В. Н., Осинский В. В. и Манцев В. Н. полностью подтвердили наличие в 1918 году заговора, организованного по инициативе обвиняемого Бухарина в блоком «левых коммунистов» и «левых» эсеров против В. И. Ленина, как главы Советского правительства.

Так, Яковлева В. Н. показала:

«Бухарин мне развил ту мысль, что политическая борьба приобретает все более острые формы и дело не может ограничиться одной лишь политической формулировкой о недоверии к ЦК партии. Бухарин заявил, что дело неизбежно должно дойти до смены руководства, в связи с чем стоит вопрос об аресте Ленина, Сталина и Свердлова и даже о физическом их уничтожении...»

(т. 44, л. д. 77).

Осинский В. В. по этому поводу показал:

«Основной разговор о наших мерах по свержению правительства Ленина у меня был с Бухариным Н. И.... Приблизительно в мае 1918 года (или конце апреля) я имел беседу с Бухариным, в которой спросил его, насколько правдивы мои сведения о его намерениях подвергнуть аресту правительство Ленина.

Бухарин не отрицал такого своего намерения».

(т. 44, л. д. 54).

Говоря далее об этих «мерах», Осинский В. В. показал:

«О блоке «левых коммунистов» с «левыми» эсерами мне стало известно от Яковлевой, а затем от Бухарина. Мне было также известно от них, что в марте или апреле 1918 года Бухарин выступил на бюро (московском областном) с предложением арестовать Ленина, Сталина и Свердлова. При этом Бухарин подчеркнул, что он склоняется к той точке зрения, что после ареста правительства нужно будет Ленина, Сталина и Свердлова физически уничтожить».

(т. 44, л. д. 88 об.).

Аналогичное показание дал и Манцев В. Н., допрошенный в Прокуратуре Союза 20 февраля с. г., а именно:

«Я подтверждаю, что между «левыми коммунистами» и «левыми» эсерами был заключен блок.

Я подтверждаю, что, примерно, в марте — апреле на узком заседании бюро Бухарин сделал доклад, в котором допустил ряд клеветнических утверждений по адресу Советского правительства и предлагал организовать свержение Советской власти и арестовать Ленина, Сталина и Свердлова с тем, чтобы физически их уничтожить».

(т. 44, л. д. 82).

О роли Л. Троцкого в заговоре против В. И. Ленина в 1918 году обвиняемый Бухарин показал:

«К этому времени вновь возникла идея переворота и ареста Ленина, Сталина и Свердлова, как определяющих фигур партийного и советского руководства, на этот раз по инициативе Троцкого, которому предложение «левых» эсеров стало известно, очевидно, как я предполагаю, от Пятакова».

(т. 5, л. д. 124).

Допрошенная на предварительном следствии Яковлева В. Н. показала:

«Троцкий считал, что политическая борьба находится лишь в самом начале, что она может дойти до самых агрессивных форм, что против позиции Ленина по вопросу о мире «левые коммунисты» найдут поддержку у «левых» эсеров и у других партий, что надо готовиться к смене правительства

и аресту его вождей с Лениным и Сталиным во главе. Троцкий считал, что в столь острый период революции, при дальнейшем развитии борьбы, дело может не ограничиться одним лишь арестом вождей, что из ареста с логической неизбежностью вытекает и вопрос об их физическом устранении».

(т. 44, л. д. 78).

Один из руководителей группы «левых коммунистов» Манцев В. Н., допрошенный на предварительном следствии, показал:

«Через несколько дней после разговора с Яковлевой меня пригласил к себе Троцкий. Я с ним имел тогда большой разговор на его квартире, причем Троцкий тогда странно развивал мысль о необходимости убийства Ленина и Сталина».

(т. 44, л. д. 84).

Следствие в настоящее время располагает неопровержимыми данными о том, что произведенное 30 августа 1918 года эсеровской террористкой Ф. Каплан злодейское покушение на жизнь В. И. Ленина явилось прямым результатом осуществления преступных замыслов «левых коммунистов» во главе с Бухариным Н. И. и их сообщников — «левых» и правых эсеров, и по инициативе обвиняемого Бухарина.

На допросе в Прокуратуре Союза ССР от 19 февраля с. г. Карелин В. А. показал:

«Я должен также признать самое тяжелое преступление — участие «левых» эсеров и «левых коммунистов» в организации покушения на Ленина. 20 лет скрывался этот факт от советского народа. Было скрыто, что мы совместно с правыми эсерами по настоянию Бухарина пытались убить Ленина. Процесс правых эсеров не вскрыл подлинной обстановки этого преступления и не выявил роли в нем «левых» эсеров и «левых коммунистов».

После июльского мятежа ЦК «левых» эсеров принял решение о переходе к террористическим методам борьбы с Советским правительством.

Необходимо заметить что Прошьян и после мятежа встречался с Бухариным, который прямо поставил перед ним вопрос о физическом уничтожении Ленина. Точнее, вопрос о террористическом акте против Ленина был поднят Бухариным во второй половине июля 1918 года. Об этом Прошьян доложил нам, членам ЦК «левых» эсеров.

Такого рода требование «левых коммунистов» сыграло свою роль в смысле ускорения террористического акта против Ленина, совершенного ЦК правых эсеров».

(т. 44, л. д. 86—87).

Это же подтвердил и Осинский В. В., на допросе от 19 февраля с. г. показавший следующее:

«В конце 1918 года Стук ов, который вместе с Бухариным был связан с эсерами, сказал мне, что выстрел, произведенный правой эсеркой Каплан в Ленина, был совершен не только по указанию руководства правых эсеров, но и явился результатом мероприятий, намеченных в свое время блоком «левых коммунистов» с эсерами и направлен-ных к физическому уничтожению Ленина, Сталина и Свердлова».

(т. 44, л. д. 89).

На произведенных Прокуратурой Союза ССР очных ставках с обвиняемым Бухариным свидетелей Осинского В. В., Яковлевой В. Н., Манцева В. Н., Карелина В. А. и Камкова Б. Д., последние полностью подтвердили свои показания, изложенные выше.

Под тяжестью этих улик обвиняемый Бухарин признал ряд преступных фактов и показал:

«Я должен признать, что у нас был непосредственный контакт с «левыми» эсерами, который базировался на платформе насильственного свержения Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым, с последующим арестом Ленина, Сталина и Свердлова и созданием нового правительства из «левых коммунистов» и «левых» эсеров...

(т. 5, л. д. 122 об.).

Установленные в настоящее время данные о преступлениях, совершенных обвиняемым Бухариным и врагом народа Троцким в 1918 году против Советского государства и его руководителей В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова, проливают полный свет на всю последующую преступную контрреволюционную деятельность банды Бухарина и Троцкого, обвиняемой в настоящее время в тягчайших государственных преступлениях, совершенных ею по прямым заданиям фашистских разведок в период 1921—1937 годов.

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ

Следствие считает установленным, что:

1. В 1932—33 годах по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств обвиняемыми по настоящему делу была составлена заговорщическая группа под названием «право-троцкистский блок», поставившая своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, поражение СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, средне-азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья на Дальнем Востоке — в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя и восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии.

2. «Право-троцкистский блок» вступил в сношение с некоторыми иностранными государствами в целях получения с их стороны вооруженной помощи для осуществления своих преступных замыслов.

3. «Право-троцкистский блок» систематически занимался в пользу этих государств шпионажем, снабжая иностранные разведки важнейшими государственными секретными сведениями.

4. «Право-троцкистский блок» систематически осуществлял вредительские и диверсионные акты в различных отраслях социалистического строительства (в промышленности, в сельском хозяйстве, на железнодорожном транспорте, в области финансов, коммунального хозяйства и т. п.).

5. «Право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства и осуществил террористические акты против С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького.

Все обвиняемые уличаются как показаниями свидетелей, так и имеющимися в деле документальными данными и вещественными доказательствами и полностью признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

На основании изложенного обвиняются:

1) Бухарин Николай Иванович, 1888 года рождения; 2) Рыков Алексей Иванович, 1881 года рождения; 3) Ягода Генрих Григорьевич, 1891 года рождения; 4) Крестинский Николай Николаевич, 1883 года рождения; 5) Раковский Христиан Георгиевич, 1873 года рождения; 6) Розенгольц Аркадий Павлович, 1889 года рождения; 7) Иванов Владимир Иванович, 1893 года рождения; 8) Чернов Михаил Александрович, 1891 года рождения; 9) Гринько Григорий Федорович, 1890 года рождения; 10) Зеленский Исаак Абрамович, 1890 года рождения; 11) Бессонов Сергей Алексеевич, 1892 года рождения; 12) Икрамов Акмаль, 1898 года рождения; 13) Ходжаев Файзулла, 1896 года рождения; 14) Шарапнович Василий Фомич, 1897 года рождения; 15) Зубарев Прокопий Тимофеевич, 1886 года рождения; 16) Буланов Павел Петрович, 1895 года рождения; 17) Левин Лев Григорьевич, 1870 года рождения; 18) Плетнев Дмитрий Дмитриевич, 1872 года рождения; 19) Казаков Игнатий Николаевич, 1891 года рождения; 20) Максимов-Диковский Вениамин Адамович (Абрамович), 1900 года рождения; 21) Крючков Петр Петрович, 1889 года рождения, —

в том, что, являясь активными участниками антисоветского заговора, совершили тягчайшие государственные преступления, указанные в п.п. 1—5 формулы обвинения, предусмотренные ст.ст. 58^{1а}, 58², 58⁷, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ УК РСФСР, а обвиняемые Иванов, Зеленский и Зубарев, кроме того, совершили преступления, предусмотренные ст. 58¹³ УК РСФСР.

Вследствие изложенного все указанные выше обвиняемые подлежат суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Дела в отношении Осинского В. В., Яковлевой В. Н., Манцева В. Н., Карелина В. А., Камкова Б. Д., Стуко-

ва И. Н., Артеменко Е. В., Запорожца И. В., Саволай-
нена И. М., Семенова Г. И. и Членова С. Б. — выделены
в особое производство.

Дело в отношении доктора Виноградова А. И. за его
смертью производством прекращено.

Дело в отношении Енукидзе А. С. рассмотрено Военной
коллегией Верховного Суда СССР 15 декабря 1937 года.

Настоящее обвинительное заключение составлено в г. Москве
23 февраля 1938 года.

Прокурор Союза ССР
А. ВЫШИНСКИЙ

После прочтения обвинительного заключения Председа-
тельствующий опрашивает каждого в отдельности подсуд-
димого, признает ли он себя виновным в предъявленных ему
обвинениях. Все подсудимые, за исключением подсудимого
Крестинского, полностью признают себя виновными в
предъявленных им обвинениях.

Суд утверждает порядок ведения судебного следствия, пред-
ложенный Прокурором, и приступает к допросу обвиняемых.
Первым допрашивается подсудимый Бессонов.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БЕССОНОВА

Председательствующий. Подсудимый Бессонов, вы подтверждаете те показания, которые дали на предварительном следствии?

Бессонов. Да, подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Бессонов, сообщите суду коротко, нескольких словах, биографию.

Бессонов. Я родился в 1892 году, в городе Киржаче, Владимирской губернии. Учился я во Владимирском духовном училище, в духовной семинарии, затем был направлен за границу.

Вышинский. Кем вы были отправлены за границу?

Бессонов. Московским меценатом Шаховым в 1912 году. Затем я вернулся в Россию, чтобы получить диплом. Был выселен в Вологодскую губернию вследствие того, что принимал участие в эсеровской организации.

Вышинский. Вы вступили в эсеровскую партию в 1912 году

Бессонов. Да.

Вышинский. И в этой партии пробыли...?

Бессонов. До 1918 года.

Вышинский. Следовательно, Октябрьская революция вас застала в рядах эсеров?

Бессонов. Да.

Вышинский. Ваше отношение к Октябрьской революции?

Бессонов. Эсеровское.

Вышинский. То есть?

Бессонов. Вместе с другими эсерами я не принимал Октябрьской революции. В августе 1918 года я порвал с эсерами и в октябре 1918 года об этом заявил официально.

Вышинский. В этот период времени ваше отношение к Октябрьской революции, к Коммунистической партии было какое? Положительное или отрицательное?

Бессонов. Отрицательное.

Вышинский. В чем заключалось ваше отрицательное отношение?

Бессонов. Я выступал по поручению вологодского городского и областного комитетов эсеровской партии в качестве докладчика на собраниях, развивая и обосновывая позиции эсеров в отношении Октябрьской революции и по событиям текущего дня. Последним моим публичным выступлением было выступление по поводу Брестского мира.

Вышинский. В чем выражалось это ваше выступление?

Бессонов. Я резко и отрицательно относился к заключению Брестского мира.

Вышинский. Когда вы вступили в Коммунистическую партию?

Бессонов. В 1920 году, в мае месяце.

Вышинский. Когда вы вступили на путь троцкистской деятельности?

Бессонов. Я работал в 1931 году в Берлинском торгпредстве СССР и заведывал отделом торговой политики. В процессе переговоров, которые Советское правительство вело в 1931 году с германскими промышленниками относительно предоставления кредитов, я оказался одной из наиболее активных фигур в переговорах. И на этой почве тесно связался с Пятаковым, который вовлек меня в троцкистскую организацию.

Вышинский. Почему он именно к вам обратился с предложением организовать эту связь?

Бессонов. Насколько я понимаю, Пятаков находился в связи с Троцким и до того. Но эта связь носила нерегулярный характер, страдала целым рядом дефектов. А, между тем, обстоятельства требовали от Пятакова и от всей троцкистской организации установления регулярной, постоянной связи, при которой получение директив Троцкого и информации о деятельности троцкистов в СССР было бы постоянным.

Вышинский. По каким же обстоятельствам выбор остановился на вас?

Бессонов. Я представлял из себя одну из наиболее, я бы сказал, прочных фигур в составе Берлинского торгпредства.

Вышинский. Вы согласились на эту роль?

Бессонов. Да, я согласился.

Вышинский. В то время вам было известно, что троцкистская организация под руководством Пятакова, как представителя Троцкого в СССР, и самого Троцкого, ведет уже определенную заговорщическую конспиративную подрывную работу?

Бессонов. Да.

Вышинский. Каким образом это вам стало известно и при каких обстоятельствах?

Бессонов. Пятаков, когда он вел со мною один из решительных разговоров в этой области, дал мне картину состояния оппозиции внутри СССР. Прежде всего он отметил факт общения троцкистов и зиновьевцев на общей платформе. Он указал далее на то, что предприняты шаги, установлен контакт с правыми, шаги, которые обещают быть очень успешными.

Вышинский. Вы тогда из разговоров с Пятаковым узнали, что существует оформленная организация?

Бессонов. Да.

Вышинский. Под чьим руководством эта организация действовала?

Бессонов. Пятаков нисколько не скрывал, что организация в целом руководствовалась директивами Троцкого.

Вышинский. Что конкретно вам говорил Пятаков относительно правых и кого он называл?

Бессонов. Пятаков говорил, что предпринимаются шаги для установления организационного контакта с правыми.

Вышинский. С кем именно?

Бессонов. С Бухариным, Рыковым и Томским.

Вышинский. А эти последние — Бухарин, Рыков и Томский — со своей стороны делали какие-либо шаги в этом направлении?

Бессонов. В 1932 году Пятаков об этом говорил, правда, и останавливаясь на этом подробно.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, вы можете подтвердить показания Бессонова, что в этот период ваша группа вела переговоры с зиновьевской организацией о вашей работе?

Бухарин. Я подробно показал в своих показаниях на предварительном следствии, что попытки контакта правых с зиновьевцами, а потом и с троцкистами были и раньше.

Вышинский. Вы — обвиняемый Бухарин, а также Рыков и Томский — вели переговоры с Пятаковым и другими троцкистами об объединенных действиях против Советской власти?

Бухарин. Да.

Вышинский (к Бессонову). Продолжайте ваши объяснения.

Бессонов. Пятаков поставил передо мной задачу — организовать систематическую, постоянную связь с Троцким. После нескольких разговоров с ним на эту тему (это было в начале мая 1931 года) и по его совету я с рекомендательной запиской Пятакова разыскал в Берлине сына Троцкого — Седова и через него передал первое письмо Пятакова к Троцкому.

Вышинский. Скажите, где, когда, в какое время и при какой обстановке вы вручили ему письмо?

Бессонов. Седов стоял тогда в центре внимания германской я бы сказал, бульварной прессы, ибо перед этим с его сестрой дочерью Троцкого — произошло одно происшествие, в результате которого германская печать очень много писала о самом Троцком, об его детях и, в частности, о Седове, который в то время учился в Берлинском политехникуме. Я мог установить связь с Седовым любым образом, но, по совету Пятакова, для того, чтобы не очень афишировать это дело, воспользовался адресом, который он указал в одной из дневных берлинских газет. И по этому адресу в конце мая 1931 года с рекомендательной запиской Пятакова я разыскал Седова и имел с ним краткий разговор. Через некоторое время, встретившись с Седовым заранее условленным способом — на одном из берлинских вокзалов, я ему передал письмо от Пятакова к Троцкому. Вместе с тем были переданы и первые деньги, которые дал мне Пятаков.

Вышинский. Какие деньги?

Бессонов. Он дал мне 2.000 марок для передачи Седову специально на расходы, связанные с переправкой первых писем.

Вышинский. Что это были за деньги?

Бессонов. Это были деньги Советского государства, предоставленные Пятакову, как председателю комиссии по переговорам...

Вышинский. Выходит так, что Пятаков крал государственные деньги? Воровал их и направлял эти деньги на помощь троцкистской организации?

Бессонов. Да, совершенно верно.

Вышинский. А вы ему помогали в этом деле?

Бессонов. Да.

Вышинский. Финансирование троцкистской организации за счет интересов Советского государства продолжалось и дальше?

Бессонов. Безусловно.

Вышинский. Продолжайте.

Бессонов. Во время первого свидания с Седовым он поставил вопрос о том, чтобы для постоянной связи с Троцким выделить специального человека.

Вышинский. Это была инициатива Седова?

Бессонов. Да, я говорил об этом с Пятаковым. Он считал это совершенно правильным и вскоре (это было в конце июня или в начале июля 1931 года) познакомил меня с инженером Райхом, в то время работавшим в отделе черной металлургии Берлинского торгпредства, человеком, который очень хорошо знал Европу, в частности, европейскую металлургию, бывал в разных странах, говорил на нескольких европейских языках.

Вышинский. А главное?

Бессонов. И самое главное, с 1923 года был троцкистом.

Вышинский. Вы его до этого момента не знали?

Бессонов. Я видел его иногда в коридорах торгпредства.

Вышинский. Вы только не знали, что он связан с Троцким?

Бессонов. Нет.

Вышинский. И вот, вас связал с ним, как с троцкистом, Пятаков?

Бессонов. Да.

Вышинский. Ну, это ясно. А когда Райх стал Иогансоном?

Бессонов. Райх заявил, что техника связи представляет собою очень простое, несложное дело. Правда, это требует довольно большого количества денег и большой скромности от человека, который осуществляет эту связь. Но сотруднику советского торгового представительства, который всюду ездит с советским паспортом, это довольно затруднительно, потому что на каждой границе он будет вызывать специальное внимание, и, с этой точки зрения, нужно найти другого человека, который мог бы осуществлять эту работу по связи таким образом, чтобы курсировать через границу, не возбуждая подозрения.

Когда об этом было сообщено Пятакову, он сказал, что иностранца искать для этой цели нет смысла, а можно Райха сделать иностранцем. И действительно Райх стал иностранцем, то есть в 1931 году, я думаю это было в декабре, Райху удалось, не без помощи троцкистов, превратиться в Карла Иогансона.

Вышинский. Как вы сказали? При помощи троцкистов?

Бессонов. Я знаю, что получение паспорта связано с подкупом должностных лиц, но я не исключаю возможности, что это имело место при денежной поддержке троцкистов, потому

что мне Пятаков говорил, что это стоит известных денег. Паспорт они достали датской натурализации.

Вышинский. Какая же тут натурализация, когда он не был Дании?

Бессонов. По существу, здесь имело место двойное гражданство. В конце 1931 или начале 1932 года Райх, будучи советским гражданином, сотрудником торгпредства, сделался благодар содействию троцкистов и деньгам датским гражданином. Весной 1932 года он был откомандирован в Москву, но в Москву он не поехал и стал невозвращенцем. И с тех пор я его знаю как Иогансона, который служит для связи между мною и Троцким.

Вышинский. Райх стал датчанином и невозвращенцем. Он бы двойником?

Бессонов. Некоторое время он имел два гражданства, из них одно — советское гражданство — было открытое, а датское тайное.

Вышинский. Вы это знали и этому делу содействовали, так ли понимаю?

Бессонов. Это совершенно правильно.

Вышинский. Что же, этот Райх играл крупную роль в смысле связи по троцкистским делам?

Бессонов. Его работа выражалась в систематическом приводе и отвозе корреспонденции. Во-вторых, он организовывал встречи с Троцким или с Седовым, когда это нужно было.

Вышинский. Встречи с вами?

Бессонов. Я имею в виду встречу Пятакова в 1932 году. Затем я имею в виду встречу Крестинского с Троцким, которая была в октябре 1933 года.

Вышинский. Значит, в октябре 1933 года, при помощи Райха была организована встреча Крестинского с Троцким?

Бессонов. Когда Крестинский поздним летом 1933 года приехал лечиться в Германию, он долгое время оставался в Берлине. Он имел со мной два раза разговор, который можно было характеризовать как разговор членов троцкистской организации. Первый разговор касался условий свидания между Троцким и Крестинским.

Вышинский. Кто же желал этого свидания — Троцкий или Крестинский?

Бессонов. Крестинский. Нужно сказать, что это была нелегкая задача в тот период. В этот период Троцкий стал в известной степени в центре европейского внимания, о нем много писали в газетах, и в этих условиях организовать свидание было нелегко. Я не сомневался, что Иогансон располагает широкими связями и это дело может без труда устроить. Я вызвал его в Берлин, и, действительно, через некоторое время он вернулся и сообщил, что свидание может состояться в октябре 1933 года.

Вышинский. Когда?

Бессонов. В октябре 1933 года.

Вышинский. Следовательно, вы оказали Крестинскому содействие в организации встречи с Троцким?

Бессонов. Крестинский знал, что я организовал это дело, но как я организовал это дело Крестинский не знал.

Вышинский. Значит, мы можем установить такие факты: первое — это то, что Крестинский проезжал через Берлин.

Бессонов. Я думаю, это было в сентябре или в конце августа 1933 года.

Вышинский. Куда он ехал?

Бессонов. В Киссинген.

Вышинский. Зачем?

Бессонов. Он лечился. Он остановился в торгпредстве, и я с ним разговаривал. Дважды мы разговаривали на троцкистские темы.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, вы действительно проезжали в Киссинген в 1933 году в августе или сентября?

Крестинский. В начале сентября.

Вышинский. С Бессоновым виделись?

Крестинский. Да.

Вышинский. Разговаривали?

Крестинский. Да.

Вышинский. О чем? О погоде?

Крестинский. Он был советником полпредства в Берлине и в это время исполнял обязанности поверенного в делах. Он информировал меня о политическом положении в Германии, о настроениях фашистской партии, которая в то время была у власти, об их программе и установке к СССР.

Вышинский. А о троцкистских делах?

Крестинский. Мы с ним не говорили. Я троцкистом не был.

Вышинский. Никогда не говорили?

Крестинский. Никогда.

Вышинский. Значит, Бессонов говорит неправду, а вы говорите правду. Вы всегда говорите правду?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Следовательно, Бессонов говорит неправду?

Крестинский. Да.

Вышинский. Но вы тоже не всегда говорите правду. Верно?

Крестинский. Не всегда говорил правду во время следствия.

Вышинский. А в другое время говорите всегда правду?

Крестинский. Правду.

Вышинский. Почему же такое неуважение к следствию? Когда ведут следствие, вы говорите неправду? Объясните.

(Крестинский молчит.)

Ответов не слышу. Вопросов не имею.

Подсудимый Бессонов, когда имели место ваши разговоры с Крестинским о троцкистских делах?

Бессонов. В Берлине был не первый разговор, а второй.

Вышинский. А где был первый?

Бессонов. Первый имел место в Москве в мае 1933 года. Вернувшись в Москву вместе со всей торговой организацией из Англии, я был назначен советником полпредства СССР в Германии. Прежде чем принять этот пост, я имел длительные беседы с Пятаковым и Крестинским.

Вышинский. Где вы разговаривали с ним?

Бессонов. В кабинете Крестинского в НКВД.

Вышинский. О троцкистских делах?

Бессонов. Да, Крестинский мне сказал, что на основе рекомендации и разговора Пятакова он считает необходимым со мною говорить совершенно откровенно относительно тех задач, которые стоят передо мною в Берлине. Пятаков неоднократно и до этого говорил мне, что моя работа в Германии в течение 1931—32 годов, безусловно, создала мне, как члену троцкистской организации, определенную популярность и симпатии среди известных кругов германских промышленников и отчасти германских военных, популярность, которая теперь должна быть использована для новых задач. Эти задачи Крестинский формулировал следующим образом, что я на должности советника Берлинского полпредства должен в первую очередь и раньше всего приложить все усилия к тому, чтобы задержать и по возможности не допустить нормализации отношений между Советским Союзом и Германией на обычном нормальном дипломатическом пути.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, вы не припомните таких «дипломатических» разговоров с Бессоновым?

Крестинский. Нет, у нас не было таких разговоров.

Вышинский. Вообще не было дипломатических разговоров?

Крестинский. Я не совсем расслышал, что говорил Бессонов в последнюю минуту. Здесь плохо слышно.

Вышинский. Разрешите мне просить вас, товарищ Председатель, пересадить Крестинского поближе к Бессонову, чтобы он хорошо слышал, а то я опасаясь, что в наиболее острые моменты Крестинскому будет изменять слух.

(Крестинский пересаживается ближе к Бессонову.)

Вышинский. Я прошу Бессонова специально для Крестинского повторить то, что он сказал, а Крестинского попрошу внимательно слушать, напрячь свой слух.

Бессонов. Я повторяю. Задание, которое я тогда получил от Крестинского, заключалось в том, что я на должности советника Берлинского полпредства СССР, где я, конечно, располагал известными возможностями для осуществления этой задачи, должен всеми доступными мне средствами, — само собою разумеется, соблюдая весь дипломатический декорум, — всеми доступными мне средствами помешать, задержать, не допустить нормализации отношений между Советским Союзом и Германией на нормальном дипломатическом пути и тем самым вынудить немцев искать нелегальных, недипломатических, секретных и тайных путей к соглашению с троцкистской организацией.

Вышинский. Вы слышали это?

Крестинский. Да.

Вышинский. У вас в мае 1933 года были разговоры с Бессоновым?

Крестинский. У меня были разговоры с Бессоновым перед его отправлением в Берлин.

Вышинский. Были. О чем, не помните?

Крестинский. Я не помню деталей.

Вышинский. Вы деталей не помните, а Бессонов помнит.

Крестинский. Не было ни одного звука о троцкистских устан-
новках.

Вышинский. Вы говорили о том, что он должен делать за
границей, или не говорили?

Крестинский. Конечно, говорил.

Вышинский. Говорили, что он должен делать?

Крестинский. Да.

Вышинский. Что он должен делать?

Крестинский. Что он должен стараться создавать нормальные
отношения в тех пределах, в которых это возможно.

Вышинский. В каких возможно. А если невозможно?

Крестинский. Если не будет удаваться — другое дело, но он
должен стараться.

Вышинский. Обвиняемый Бессонов, правильно говорит Кре-
стинский?

Бессонов. Совершенно неправильно. Больше того, Крестин-
ский в этом разговоре дал мне подробную организационную ди-
рективу, каким образом я должен с ним сноситься в будущем.
Помимо официальных писем, которыми обменивается полпред-
ство Германии с НКВД, я должен буду состоять в переписке с
Крестинским. И если в этой переписке Крестинский оговорится,
что он держится в текущих вопросах советско-германских отно-
шений такой-то точки зрения, что он советует обождать в этом
вопросе официальных директив, то это означает, что я должен
буду действовать в духе его «личной» точки зрения, независимо
от того, какие будут официальные директивы.

И, наконец, в-третьих, Крестинский отправлял к своему бли-
жайшему сотруднику по троцкистской линии и по служебной
линии Штерну для того, чтобы я мог получить адреса для уста-
новления связи с Троцким.

Вышинский. Вы слышите, что Бессонов достаточно подробно
говорит о ваших разговорах, которые носят далеко не такой
характер, который вы им придаете. Как же быть?

Крестинский. Таких разговоров не было, хотя на очной став-
ке, которая была в январе месяце, я часть разговора признал.

Вышинский. Вы на очной ставке с Бессоновым подтверждали
эту часть?

Крестинский. Да.

Вышинский. Значит, был такой разговор?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Значит, то, что говорит Бессонов, надо понимать
наоборот?

Крестинский. Не всегда.

Вышинский. Вы говорили, что «в состав троцкистского центра
я формально не входил». Это правда или неправда?

Крестинский. Я вообще не входил.

Вышинский. Вы говорите, что формально не входили. Что
здесь правда, что здесь неправда? Может быть все правда, или

все неправда, или наполовину правда? На сколько процентов, на сколько граммов здесь правды?

Крестинский. Я не входил в состав троцкистского центра, потому что я не был троцкистом.

Вышинский. Никогда?

Крестинский. Нет, я был троцкистом до 1927 года.

Вышинский. Когда я вас допрашивал на предварительном следствии, вы мне говорили правду?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Почему вы мне говорили неправду? Я вас просил говорить неправду?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Просил я вас говорить правду?

Крестинский. Просили.

Вышинский. Вы сообщали, что вы находились на особо конспиративном положении. Что это значит — «особо конспиративное положение»?

Крестинский. Если бы это соответствовало действительности, то это означало бы, что я, будучи действительно троцкистом, принимаю все меры для того, чтобы скрыть свою принадлежность к троцкизму.

Вышинский. Прекрасно. А чтобы скрыть, надо отрицать свой троцкизм?

Крестинский. Да.

Вышинский. Сейчас вы заявляете, что вы не троцкист. Не для того ли, чтобы скрыть, что вы троцкист?

Крестинский (п о с л е м о л ч а н и я). Нет, я заявляю, что я не троцкист.

Вышинский (о б р а щ а я с ь к с у д у). Можно спросить обвиняемого Розенгольца? Как вы считаете, Крестинский был троцкистом?

Розенголец. Он — троцкист.

Вышинский. Какие у вас данные, что Крестинский троцкист и, следовательно, он говорит здесь неправду?

Розенголец. Это подтверждается теми переговорами, которые были у меня с ним, как троцкистом.

Вышинский. Когда были эти переговоры?

Розенголец. Эти переговоры были, начиная с 1929 года.

Вышинский. До какого года?

Розенголец. До 1937 года.

Вышинский. Значит, переговоры велись с 1929 до 1937 года 8 лет вы «переговаривались» с ним, как с троцкистом? Правильно я вас понимаю?

Розенголец. Да.

Вышинский. Обвиняемый Гринько, что вам известно о Крестинском как о троцкисте?

Гринько. Я в своей заговорщической работе имел с Крестинским связь, как с заговорщиком-троцкистом, как с членом правотроцкистского заговорщического центра, по вопросам весьма серьезного свойства, о которых я должен буду давать показания.

Вышинский. Кратко можете сказать, по каким вопросам? По вопросам поддержки Советской власти или борьбы с ней?

Гринько. По вопросам борьбы с Советской властью, установления связи с враждебными Советской власти иностранными государствами.

Вышинский. А вам неизвестно, был ли Крестинский связан с другими иностранными разведками?

Гринько. Он помог мне установить связь с одной из иностранных разведок.

Вышинский. Значит, Крестинский вам помог установить связь с иностранной разведкой. Вы слышите это, обвиняемый Крестинский? Это правда?

Крестинский. Нет.

Вышинский. А вы дали показания, что это правда.

Крестинский. О том, что я помог Гринько установить связь?

Вышинский. Больше того, что вы сами были иностранным разведчиком.

Гринько. У меня есть еще один факт, о котором я хочу здесь сказать. Это то, что я помогал Крестинскому, как бывшему заместителю наркоминдела, использовать те валютные средства, которые накапливались в курсовых разницеах за границей и которые нужны были ему для целей финансирования троцкистов.

Вышинский. Скажите пожалуйста, не было случая, чтобы Крестинский просил вас не производить ревизию валютного фонда?

Гринько. Об этом я и говорю.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, у вас был валютный фонд?

Крестинский. Да, был.

Вышинский. Вы просили Гринько, бывшего наркомфина, не ревизовать этот фонд?

Крестинский. Не просил.

Вышинский. А что вы скажете, Гринько?

Гринько. Я подтверждаю, что он просил, и я эту просьбу выполнил.

Вышинский. Перейдем теперь к Бессонову. Что это за встреча в Меране, кого с кем?

Бессонов. Я показывал, что в начале сентября 1933 года, проезжая через Берлин, Крестинский попросил меня устроить свидание ему с Троцким. Причем, после предварительного обсуждения вопроса о том, где это свидание устроить, мы оба пришли к единодушному выводу, что это свидание нельзя устроить ни во Франции, ни в Германии. Тогда Крестинский предложил место свидания в Италии, в бывшем австрийском, а теперь итальянском курорте — в Меране, в Тироле. Я вызвал Иогансона, который мог организовать эту встречу, дал ему соответствующее задание и через некоторое время получил от него уведомление, что, несмотря на трудности, поездка Троцкого в Меран может иметь место. И потом я узнал от Иогансона, что свидание Крестинского с Троцким в Меране состоялось.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, в Меране вы были?

Крестинский. Да, был.

Вышинский. В каком году?

Крестинский. В 1933 году, в октябре месяце.

Вышинский. Значит, вы были тогда, как об этом говори Бессонов?

Крестинский. Это правильно.

Вышинский. Правильно. Место сходится?

Крестинский. Сходится.

Вышинский. Месяц сходится?

Крестинский. Сходится.

Вышинский. День сходится?

Крестинский. Сходится. Я был для проведения лечения и ни кого из троцкистов не видел.

Вышинский. Значит, Бессонов неправ, а вы говорите правду.

Обвиняемый Бессонов, почему вы говорите о фактах, которые отрицает и оспаривает Крестинский? Может быть, вы чтонибудь путаете? Может быть, там был не Крестинский, а ктонибудь другой?

Бессонов. Нет, у меня с Крестинским был еще целый ряд других разговоров.

Вышинский. Скажите, у вас в тот период времени отношения с Крестинским были хорошие, дружественные или плохие?

Бессонов. Я бы не назвал мои отношения с Крестинским очень хорошими, но, я бы сказал все же, это были отношения просто хорошие.

Вышинский. Можно спросить обвиняемого Крестинского?

Обвиняемый Крестинский, какие у вас отношения с Бессоновым? Плохие или хорошие?

Крестинский. Хорошие.

Далее тов. Вышинский опрашивает подсудимых Розенгольца и Гринько, которые заявляют, что подтверждает и сам Крестинский, что у них отношения были хорошие.

Вышинский. И вот три человека с хорошим отношением к вам, подсудимый Крестинский, говорят то, чего не было?

Крестинский. Да.

Вышинский. Обвиняемый Бессонов, о чем у вас были разговоры с Крестинским в последующее время?

Бессонов. В том же 1933 году у меня был разговор с ним относительно того положения, которое создалось в германских промышленных кругах в связи с известным ослаблением советских заказов в Германии. Я говорил, что среди германских промышленников существует известное разочарование ходом развития советско-германских хозяйственных отношений. Крестинский в этой связи еще более резко, чем это было сделано в мае месяце, подчеркнул передо мною задачу показать немецким промышленникам, что никакие серьезные и большие сношения с Советским Союзом невозможны, покуда у власти в Советском Союзе теперешнее руководство. Чем в большей степени будут разочаровываться германские промышленники и военные круги

в возможности нормализации отношений с Советским Союзом, хотя бы дипломатических, тем в большей степени и более решительно они будут идти на сговор с группами, борющимися с Советской властью.

Во время проезда Крестинского через Берлин, он касался того зондажа, который в то время в наших кругах произвел руководитель внешне-политического отдела национал-социалистической партии Германии Розенберг по вопросу о возможности тайного соглашения между национал-социалистами в Германии и русскими троцкистами, в частности и прежде всего, по вопросу о сырьевой базе для Германии. И в этой связи — по вопросу об Украине. Этот зондаж стал известен мне через Крестинского. Крестинский вызвал меня в день отъезда в Киссинген. Он был очень взволнован этим сообщением, советовался со мной, — что делать. И в этой связи подчеркнул, что зондаж, сделанный Розенбергом, имел в виду именно пребывание Крестинского в Берлине. И Розенбергу, и другим германским деятелям физиономия Крестинского была достаточно известна.

Поэтому это сообщение имело совершенно определенный политический смысл. В этой связи Крестинский просил меня ускорить решение вопроса о его свидании с Троцким потому что ему казалось целесообразным по такому важному вопросу получить директивы.

Ряд моментов из переговоров Крестинского с Троцким в Мелане мне известен по информации самого Крестинского. Информация Иогансона подтверждала это свидание.

Вышинский. Расскажите о вашей троцкистской подпольной деятельности непосредственно в последующие периоды.

Бессонов. Я хотел бы закончить об организации пункта связи. Пункт связи организован в 1931 году, существовал до 1937 года и, как берлинский пункт связи, исчез вместе с моим отъездом из Берлина в Советский Союз в феврале 1937 года.

За это время было получено от Троцкого и отправлено большое количество писем. Я не могу сейчас вспомнить, какое количество, но во всяком случае речь шла о 6—7 директивах-письмах в обе стороны в год. Кроме этого, был целый ряд писем, которые посылались дипломатической почтой. Кроме того, существовали письма, которые пересылались дипломатической почтой на иностранных бланках, главным образом, германских и бельгийских фирм, которые на деловом языке сообщали очередные, наиболее срочные сведения. Задача этого пункта связи заключалась в том, чтобы организовать личные встречи. Иогансон был тем самым лицом, который вместе с Пятаковым совершал поездку в Осло и об имени которого он умолчал, когда давал показания на Военной Коллегии в январе 1937 года.

Вышинский. От кого вам известно, что Иогансон организовывал Пятакову поездку и свидание с Троцким в Осло?

Бессонов. От самого Пятакова и Иогансона.

Вышинский. Расскажите про встречу с Троцким в Париже в 1934 году, — что именно вам поручал Троцкий и что вы сделали во исполнение этого поручения?

Бессонов. Я получил через Иогансона короткое письмо-записку от Троцкого, в котором он писал об организации свидания с одним из троцкистов, имеющих в Германии, для информации о событиях в Германии 30 июня. Я был единственным человеком, который мог туда поехать. В конце июля 1934 года я приехал в Париж дневным поездом и уехал оттуда тоже с дневным поездом. Весь разговор происходил в одной из гостиниц, в которой всегда останавливался Иогансон. Троцкий сказал, что он очень хорошо знает меня по письмам Пятакова и по рассказам Крестинского.

Вышинский. Что вы говорили с Троцким по поводу ваших троцкистских подпольных задач?

Бессонов. Он поставил задачу перед своими сторонниками, работающими на дипломатическом поприще, о взятии линии на саботаж официальных соглашений, чтобы стимулировать интерес немцев к неофициальным соглашениям с оппозиционными группировками. «Они еще придут к нам», — говорил Троцкий, имея в виду Гесса и Розенберга. Он говорил, что нам в этом вопросе стесняться нечего, что нам может быть обеспечена действительно серьезная, настоящая помощь со стороны Гесса и Розенберга. Мы не должны, — говорил он, — останавливаться перед тем, чтобы пойти на широкие территориальные уступки.

Вышинский. Именно?

Бессонов. Мы пойдем на уступку Украины, — говорил Троцкий, — учтите это в своей работе и в своих разговорах с немцами, и я напишу об этом еще и Пятакову и Крестинскому. Дальше он остановился на вопросах, связанных с работой троцкистских организаций в Советском Союзе, и при этом с особенной силой подчеркнул, что в обстановке назревающей неизбежной войны единственно возможной формой прихода троцкистов к власти является поражение Советского Союза в этой войне.

Затем он остановился на вопросе о методах работы троцкистских организаций в Советском Союзе, с особой силой подчеркнув вопрос о необходимости обострения самых крайних террористических методов борьбы. Здесь он сказал как раз те слова, которые приведены в обвинительном заключении и сегодня здесь зачитаны, слова о том, что было бы, конечно, непростительным жеманством, если бы мы, его сторонники в Советском Союзе, не перешли сейчас к прямому уничтожению и устранению Сталина и всех его ближайших сторонников.

Неожиданно для меня он остановился в этой связи на Максиме Горьком, характеризуя роль Максима Горького, как совершенно исключительную в смысле его влияния не только в Советском Союзе, но прежде всего и раньше всего за границей, указывая на его чрезвычайную близость к Сталину и на то, что высказывания Максима Горького самым определенным образом отталкивают многих сторонников Троцкого из европейской интеллигенции от него, приближая их к позиции руководства партии. И в этой связи он пришел к выводу и прямо мне сказал о необходимости устранить Горького, сказал те самые слова, которые

здесь приводились, о необходимости физического уничтожения Горького во что бы то ни стало. Такова была директива.

Вышинский. Вы ее передали?

Бессонов. Да. Вскоре после этого, осенью 1934 года, я был в Москве и подробно рассказал об этом разговоре Пятакову.

Вышинский. Дальше.

Бессонов. В самом конце сентября или в первых числах октября 1936 года я встречался с Крестинским в Москве. Крестинский, очень взволнованный, сообщил мне о том, что дела у троцкистского центра обстоят очень неважно, что имеется целый ряд провалов, что арестованы Пятаков, Радек и целый ряд других, что не исключена возможность его собственного ареста и что он просит меня, при моем возвращении в Берлин, немедленно отправить об этом письменное сообщение Троцкому. Он говорил, что придется, в случае его ареста, передать все организационные связи Карахану, хотя он не представляет себе, как это конкретно можно сделать. Он просил меня даже два раза повторить, правильно ли я его понял, что положение, сложившееся у троцкистов в Советском Союзе к осени 1936 года, нужно характеризовать, как исключительно тяжелое, и что соглашение, достигнутое троцкистами с германской национал-социалистической партией по вопросу о возможности ускорения войны, облегчающей приход троцкистов к власти, должно быть форсировано во что бы то ни стало.

По приезде в Берлин я очень подробно изложил Троцкому об этом, получил от него на письмо ответ, который я направил Крестинскому. Затем, это было в декабре 1936 года, может быть, в самом начале января 1937 года, я получил от Крестинского еще письмо для Троцкого, которое я видел, но не вполне в нем разобрался, потому что оно было написано условным языком.

Вышинский. Это письмо было кем, кому, когда написано?

Бессонов. Это письмо было написано в декабре 1936 года Крестинским Троцкому, которое мною было передано.

Вышинский. Вы его передали?

Бессонов. Я его передал через Иогансона в конце декабря 1936 года и получил через несколько дней ответ от Троцкого.

Вышинский. А с письмом Крестинского вы знакомы?

Бессонов. Письмо Крестинского я читал, потому что оно было послано на мое имя. Но я могу сообщить общее впечатление, потому что письмо было написано очень туманным языком, понятным Крестинскому и Троцкому и не вполне понятным мне.

Вышинский. Что вы там вычитали?

Бессонов. Речь шла о том, что положение складывается таким образом, что дожидаться, пока раскачаются немцы, троцкисты не могут, и поэтому они просят санкции выступить до развертывания войны, до выступления немцев, при помощи центра, который они организовали. Что это за центр, я не могу сказать, потому что с трудом мог расшифровать содержание этого письма.

Вышинский. Кто были ваши ближайшие начальники по троцкистской линии?

Бессонов. Только три человека, с которыми я общался и которые знают о моей работе, — это Пятаков, Крестинский, Троцкий. О том, что я являлся участником троцкистской организации, знает Розенгольц.

Вышинский. Обвиняемый Розенгольц, вы знали Бессонова как троцкиста?

Розенгольц. Я знал это от Крестинского.

Вышинский. Что же вы знали от Крестинского о Бессонове?

Розенгольц. Знал, что он является троцкистом и что он, Бессонов, помогает Крестинскому в троцкистской работе.

Вышинский. Кто это вам говорил?

Розенгольц. Это мне говорил Крестинский.

На этом утреннее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв на два часа.

Вечернее заседание 2 марта

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ГРИНЬКО

Председательствующий. Подсудимый Гринько, вы подтверждаете те показания, которые давали на предварительном следствии?

Гринько. Подтверждаю целиком и полностью.

Вышинский. Подсудимый Гринько, расскажите суду о своей преступной деятельности.

Гринько. Для того чтобы был ясен тот путь, по которому я пришел к совершению громадной цепи преступлений против Советской власти и родины, к измене родине, должен напомнить, что я вошел в Коммунистическую партию в составе боротьбистов — украинской националистической организации. Значительное ядро из руководящего состава боротьбистов — Шумский, Полоз, Блаkitный, я — Гринько, Любченко и другие, влившись в КП(б)У, — сохранило, а затем и обострило свои буржуазно-националистические позиции.

Я могу назвать главные этапы развития националистической, заговорщической, контрреволюционной работы этого боротьбистского ядра.

Первый этап относится, примерно, к 1925—26 годам. Это — так называемый период шумскизма. Уже тогда шумскизм, по существу дела, являлся программой отрыва Украины от СССР, программой буржуазно-националистической реставрации на Украине. Уже тогда это была своего рода большая политическая разведка националистов, проба сил, требование дискредитации русских городов на Украине, дискредитации русских кадров и так далее.

Шумскизм был разгромлен политически и подорван организационно.

После разгрома этой националистической организации остались лишь ее осколки. Но, примерно, в 1929 году уже в Москве возродилась националистическая организация в составе Шумского, меня, Полоза, Максимовича, Солодуба и ряда других. Эта организация уже иначе подходила и к своей программе, и к своей тактике, нежели это было в первый период. Сравнительно скромная позиция первого периода в известной мере объясняется теми представлениями, которые у нас были тогда в разгар нэпа. Мы считали, что не исключена эволюция нэпа в сторону, желательную нам. С другой стороны, в Европе мы не

видели такой силы, в блоке, в союзе с которой мы могли бы делать более решительные шаги вперед. Во второй период обстановка изменилась. Это был уже период развернутого социалистического наступления, когда позиции капиталистических элементов в стране были резко подорваны, когда ни о какой эволюции нэпа в сторону капитализма не могло быть и речи. Это и слепой видел. Тогда постепенно мы нащупали внешне-политические силы, которые могли нам оказать помощь. В этот второй период украинская националистическая организация уже целиком становится на позиции правых в общеполитических вопросах, то есть на позиции борьбы против индустриализации и коллективизации.

В этот период националистическая организация Украины давала директивы своим членам о собирании сил и активной борьбе, главным образом, против коллективизации, вплоть до организации повстанчества. В этой борьбе мы уже имели связь с некоторыми кругами одного враждебного Советскому Союзу государства. Эти наши союзники помогали нам. Для поддержки партизанской борьбы они усилили переброску на Украину диверсантов, петлюровских эмиссаров, оружия и так далее. Эта связь велась через Конара, через Коцюбинского.

Вышинский. Вы лично участвовали в организации переброски оружия и прочего?

Гринько. Я был в курсе этих переговоров и давал на них согласие.

Вышинский. Руководили этим делом?

Гринько. Руководил.

Вышинский. Продолжайте.

Гринько. Этот период закончился в начале 1933 года в связи с арестом почти всей группы. Тогда не был арестован один я. Но я не сложил своего националистического оружия в своей борьбе против Советской власти. К этому периоду относится начало моей личной связи с фашистскими заграничными организациями, с влиятельными элементами фашистских организаций и некоторыми правительственными кругами. Эта связь была направлена к установлению контакта в целях подготовки отторжения Украины от СССР и организации борьбы против Советской власти. Подробные факты и фамилии я назову в закрытом заседании.

В начале 1935 года мне от Любченко стало известно о создании на Украине национал-фашистской организации, поставившей себе целью отторжение Украины от СССР и рассчитывавшей на помощь военной интервенции со стороны тех сил и элементов, с которыми у меня в то время уже была персональная связь. Национал-фашистская организация ставила также своей задачей соединение с «право-троцкистским блоком», установившим связь с военными заговорщиками.

Когда мне стало известно об этой организации, я дал согласие на вступление в нее. На меня была возложена задача установления связи с право-троцкистским центром, с правительственными кругами некоторых враждебных Советской власти госу-

дарств и содействие Любченко в развороте этой работы на Украине.

Организация к тому моменту, когда я с ней связался, уже начала кристаллизоваться как национал-социалистическая организация. Любченко рассказывал мне о центре этой организации на Украине, куда входили Любченко, Порайко и другие. Он рассказывал, что в этом центре дискутировался вопрос о характере партийной организации и о типе Украинского государства. По словам Любченко, организация стала на путь создания централизованной партии по типу национал-социалистической партии. В случае успеха, организация предусматривала создание буржуазного Украинского государства по типу фашистского государства.

О таком характере организации я рассказывал видному участнику право-троцкистского заговора Яковлеву. В право-троцкистских кругах, с которыми мне приходилось разговаривать, эта тенденция превращения нашей организации в организацию фашистского типа несомненно существовала.

Как я выполнил те задачи, которые были возложены на меня этой национал-фашистской организацией?

Во-первых, — связь с право-троцкистским центром. Связь эта пошла у меня по такой линии — Гамарник, Пятаков, Рыков. С Гамарником я связался через Любченко, имевшего связь с Якиром и Гамарником. Через Гамарника связался с Пятаковым, затем с Рыковым. Одновременно выполнялись внешне-политические задачи, поскольку и Пятаков и Гамарник рассказали мне, что Троцкий договорился по поводу компенсации за счет Украины за военную поддержку нашей борьбы против Советской власти. Одновременно с установлением связи с «право-троцкистским блоком» я форсировал установление связи с иностранными силами через Крестинского, с которым меня связал Пятаков.

Установление моей связи с Гамарником, Пятаковым и Рыковым относится, примерно, к концу 1935 года.

Вышинский. Расскажите о вашей связи с Рыковым, в чем она заключалась?

Гринько. Заключалась она в том, что украинская организация стала под команду право-троцкистского центра.

Вышинский. В чем это выразилось?

Гринько. Это выразилось, во-первых, в том, что украинская организация получала задания от право-троцкистского центра. Я, как член этой организации, получил задание от Рыкова. В 1935 году, в начале 1936 года мною в основном были выполнены те задачи, которые были на меня возложены украинской организацией. Я установил связи с право-троцкистским центром. Через Крестинского установил связь с фашистскими кругами одного из иностранных государств, которые приняли ту точку зрения, которой мы добивались. Через Крестинского я передал формулу нашей украинской организации и через него же я получил ответ, что соответствующие силы эту формулу принимают. Имея свои старые персональные связи с фашистскими кругами, я лично потом проверил этот факт и получил подтверждение.

Вышинский. С кем вы установили связь через Крестинского? **Гринько.** С фашистскими кругами одного враждебного Советскому Союзу государства.

Вышинский. Когда это было?

Гринько. Конец 1935 года, начало 1936 года.

Вышинский. А до 1935 года у вас лично не было связей с какими-нибудь фашистскими кругами?

Гринько. Были, с конца 1932 года.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, вы слышали эту часть показаний?

Крестинский. Слышал, но ни с какими фашистами я его не связывал, я его знакомил с деловыми людьми.

Вышинский. Не связывали, а «знакомили»?

Гринько. Я удивляюсь тому, что говорит Крестинский.

Вышинский. А вы, подсудимый Гринько, можете сказать, где у вас происходили переговоры с Крестинским?

Гринько. Я могу сказать то, что это было в моем бывшем кабинете в Наркомфине.

Вышинский (к Крестинскому). Вы бывали в кабинете Гринько?

Крестинский. Бывал довольно часто на разных совещаниях.

Гринько. Я сказал Крестинскому, что у нас такая-то позиция, что меня направил Пятаков, что я прошу передать об этой позиции и дать мне ответ. Крестинский сказал, что передал об этой позиции, сообщил мне, что эту позицию принимают. А я потом с тем самым лицом, которому передал Крестинский, разговаривал лично в Большом театре.

Вышинский. Кроме этого случая у вас были еще переговоры с Крестинским по вопросам антисоветской деятельности?

Гринько. Было то, о чем я говорил на утреннем заседании относительно использования валюты. В большем посредничестве я не нуждался, так как имел свои прямые связи.

Вышинский (обращаясь к Рыкову). Вы подтверждаете эту часть показаний, где Гринько делает ссылку на вас?

Рыков. Да, у нас с ним было два свидания — одно в конце 1935 года, а другое в начале 1936 года.

Вышинский. Какого характера были свидания?

Рыков. Это были свидания членов нелегальной организации, борющихся против партии и Советского правительства.

Вышинский. Вам не приходилось говорить с Гринько о Крестинском?

Рыков. О Крестинском нет. Мне с Гринько не было надобности говорить, потому что я лично знал и без Гринько, что Крестинский троцкист. Точно также Крестинский знал, что я член нелегальной организации.

Вышинский. Выходит, что Крестинский говорит здесь неправду и пытается отвертеться от связи с троцкистами?

Рыков. Он не только говорит неправду, а хочет спутать ту правду, которая здесь есть.

Мы по этому поводу имели разговоры с ним, разговоры, достаточно откровенные для того, чтобы знать доподлинно,

кто с кем разговаривает. По-моему, это было в 1932—1933 годах, точных дат я не помню.

Вышинский. Подсудимый Гринько, продолжайте ваши показания.

Гринько. Постепенно расширяя свои связи с право-троцкистским центром и знакомясь с его участниками, я составил в начале 1934 года представление о том, что из себя представлял право-троцкистский центр.

На основании ряда разговоров, связей и заданий, которые давались Рыковым, Бухариным, Гамарником, Розенгольцем, Яковлевым, Антиповым, Рудзутаком, Ягодой, Варейкисом и целым рядом других людей, для меня стало ясно, что право-троцкистский центр в это время базировался, главным образом, на военной помощи агрессоров. Это было общей позицией и для троцкистов, и для правых, и для националистических организаций, в частности, для украинской националистической организации. Это означало: подрыв оборонной мощи Советского Союза, подрывную работу в армии и оборонной промышленности, открытие фронта в случае войны и провокацию этой войны. Это означало расширение связи с агрессивными антисоветскими элементами за границей, это означало согласие на расчленение СССР и на компенсацию агрессора за счет окраинных территорий СССР. Наряду с этим у право-троцкистского центра существовал вариант захвата Кремля.

Вышинский. В каком году это было?

Гринько. Разговоры об этом велись на протяжении 1935—1936 годов. Об этом говорили все время. Может быть, это было и раньше.

Террористические настроения, и не только настроения, а террористическая работа у право-троцкистского центра, несомненно, имели место.

Мне известны две попытки подготовки террористических актов, которых в обвинительном заключении нет и о которых я должен здесь суду рассказать.

Вышинский. Расскажите о террористической деятельности.

Гринько. В этот период террористическая работа была одним из основных орудий в общем арсенале борьбы против Советской власти.

Вышинский. От кого вы об этом узнали?

Гринько. От Рыкова, Яковлева, Гамарника, Пятакова...

Вышинский. А из числа обвиняемых по настоящему делу?

Гринько. От Рыкова я знал, что это — террористическая организация. Когда Рыков знакомил меня с характером этой организации, он мне сказал, что террор включен в программу.

Вышинский. Подсудимый Рыков, вы подтверждаете показания Гринько?

Рыков. Подтверждаю.

Вышинский. Гринько, откуда пришли эти террористические установки?

Гринько. От Троцкого. Я об этом знал от Гамарника.

Вышинский. Расскажите конкретно о фактах подготовки террористических актов, которые вам лично известны.

Гринько. Хочу сказать о двух подготовлявшихся, но не осуществленных террористических актах. Это относится уже к последнему периоду, примерно, к первой половине 1937 года, связанному с начавшимся разгромом заговорщических организаций. Когда прошел процесс Пятакова и других, в право-троцкистском центре, особенно после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в 1937 году, была большая растерянность. Тогда мне рассказывал об этом Гамарник, причем он ссылаясь на то, что он советовался об этом ранее с Рыковым и Бухариным. Тогда стоял вопрос о том, что должно быть сделано что-нибудь чрезвычайное для того, чтобы спутать карты и задержать то наступление на заговорщиков, которое вели в этот период партия и органы НКВД. После февральско-мартовского пленума ЦК в кругах заговорщиков была поднята кампания против Ежова, в котором концентрировалась целеустремленность и собранность партии по разгрому заговорщиков. В право-троцкистском центре эта кампания шла по двум направлениям: с одной стороны,— дискредитировать Ежова и его работу внутри партии, оклеветать его; ставился также прямо вопрос о необходимости убрать Ежова как человека наиболее опасного для заговорщиков.

Вышинский. Что значит убрать?

Гринько. Убрать — это значит убить. Мне от Гамарника было известно, что Якир и Гамарник поручили троцкисту Озерянскому, который работал тогда в Наркомфине, подготовку террористического акта против Ежова.

Вышинский. Озерянский работал под вашим непосредственным начальством?

Гринько. Да. Он был начальником Управления сберегательных касс.

Вышинский. Он участвовал в вашей организации?

Гринько. Участвовал. Я знал это от Гамарника, но прямых связей по подготовке террористического акта у меня с ним не было.

Вышинский. А по другим контрреволюционным делам?

Гринько. По подрывной работе в Наркомфине связь была.

Вышинский. Озерянский подходящий человек для подобного рода преступлений?

Гринько. Он боевик, бывший анархист...

Вышинский. И головорез?

Гринько. Он способен на подобные вещи.

Второй факт, который мне известен и который относится к тому же периоду,— это подготовка Бергавиновым из Главсевморпути террористического акта против Сталина. Об этом я знал также от Гамарника. Об этом знали Сатипов и Яковлев. Об этом я знал и от самого Бергавинова, который говорил мне, что он задание Гамарника принял и пытается его осуществить.

Одним из заданий, которое было возложено на меня право-троцкистским центром, явилась организация подрывной работы по Наркомфину. Я дал подробные показания на предваритель-

ном следствии. Я здесь останавлиюсь только на самых главных линиях и моментах этой подрывной работы.

Это задание право-троцкистского центра было мне передано Рыковым, причем он подчеркнул, что руководство центра, он и Бухарин, придает большое значение развороту подрывной работы в Наркомфине, ввиду той особенной важности и политического значения, которое имеют деньги. При этом была дана бухаринская формула — ударить по Советскому правительству советским рублем. Это мне передал Рыков и на эту тему мы говорили с Бухариным. Надо сказать, что это задание казалось право-троцкистскому центру настолько серьезным, что Рыков был у меня в Наркомфине по этому поводу и мы совместно с ним разрабатывали программу этих мероприятий.

Вредительская работа должна быть развернута по тем финансовым мероприятиям, которые связаны с широкими массами населения: налоговое дело, сберегательное дело, займовое дело и другие. Программа была разработана мною и Рыковым. Вредительская работа была развернута мною через моего заместителя Левина, через Озерянского, через Четверикова и некоторых других.

Например, в налоговом деле. Те искривления, которые нашли наиболее яркое выражение в Лепельском деле в Белоруссии, являлись одной из частей этих подрывных мероприятий. И если разоблачение Лепельского дела не было повернуто остро против Наркомфина в тот период, то объясняется это тем, что разоблачать это дело ездил Яковлев, который в тот момент отвел удар от Наркомфина.

В области сберегательного дела было проведено два мероприятия, связанных с сокращением сети сберегательных касс и с кампанией по залогу облигаций государственных займов. Сокращенная сеть сберегательных касс была не подготовлена к этому широкому мероприятию, а так как эти операции связаны с обслуживанием десятков миллионов людей, то они вызывали раздражение широких масс населения.

Большая подрывная работа была проведена в области государственного бюджета. Работа эта клонилась к подрыву бюджетной финансовой дисциплины, к ослаблению финансового контроля и, тем самым, к возможности использования государственных средств в центре и на местах для целей заговора. Вся эта работа осуществлялась мной по директивам, которые были мне даны право-троцкистским центром, через ряд людей в аппарате Наркомфина.

Однако подрывная работа этим не ограничивалась. От право-троцкистского центра я получил задание, используя финансы, содействовать подрывной работе по ряду других отраслей народного хозяйства. Например, право-троцкистским центром была разработана довольно большая программа в области подрыва капитального строительства. В разработке программы участвовали Пятаков, кажется, Бухарин и я. Эта программа была направлена к тому, чтобы замедлить темпы капитального строительства, сузить масштабы капитального строительства, пол-

ностью применить бухаринскую теорию «узких мест» в капитальном строительстве, тем более, что капитальное строительство имеет значение не только как важнейшая отрасль народного хозяйства, но и как дело огромного оборонного значения.

Я участвовал также и в подрывной работе в области сельского хозяйства, осуществляя вредительские финансовые мероприятия. Подрывная работа в области сельского хозяйства право-троцкистским центром ставилась как очень важная задача.

Сталиным была выдвинута задача коллективизации, как решающее средство преодоления отсталости сельского хозяйства. На основе успехов коллективизации была поставлена задача достичь урожая в 7—8 миллиардов пудов в год. Право-троцкистским центром разработан план подрывных мероприятий, которые если бы и не сорвали, то во всяком случае оттянули бы получение урожая в размере 7—8 миллиардов пудов. В частности, Рыков ставил вопрос так: надо, чтобы колхозник меньше получал на грудодень.

Проведению вредительских мероприятий и вредительских инструкций по финансированию сельского хозяйства немало помогли Рудзутак, который занимался вопросами финансов в Совнарком, и Яковлев.

Председательствующий. Есть еще у кого-либо вопросы к подсудимому Гринько?

Вышинский. Я хотел бы уточнить несколько вопросов. Во-первых, известно ли вам, подсудимый Гринько, о вредительской работе «право-троцкистского блока» в области снабжения населения предметами первой необходимости — хлебом и так далее?

Гринько. Наряду с вредительством в капитальном строительстве и в сельском хозяйстве, «право-троцкистский блок» осуществлял довольно большую подрывную работу в области товарооборота. По этой линии я имел прямую связь с Зеленским.

В области товарооборота Зеленский и другие вредители в этой области, например, Болотин по Наркомвнуторгу, осуществляли подрывную работу, создавали товарный голод, товарные затруднения в стране. Это относится как к пищевым, продовольственным товарам, так и к товарам первой необходимости. Зеленский, по директивам «право-троцкистского блока», в недородные районы завозил большую массу товара, а в урожайные районы посылал товаров меньше, что создавало затоваривание в одних районах и товарную нужду в других.

Вышинский. Зеленский, вы слышали эту часть показаний Гринько? Как вы относитесь к ним?

Зеленский. Гринько говорит правильно.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, что вы скажете?

Рыков. Я припоминаю, что был разговор относительно низвержения Советского правительства. Вспоминаю, что как раз тогда был процесс вредителей в Сибири. На этом процессе были вскрыты и пойманы вредители. У меня был разговор с Гринько о том, что вредителей в области финансовой поймать труднее.

Вышинский. Это был теоретический разговор?

Рыков. Нет, мы говорили как два человека, которые признают вредительство одним из методов контрреволюционной работы.

Вышинский. То есть говорили как два члена вредительской организации?

Рыков. Да.

Вышинский. А детали вашей беседы вы не припоминаете?

Рыков. О разработке плана или программы вредительства в Наркомфине — этого я не припоминаю.

Вышинский. А вы, Гринько, припоминаете?

Гринько. Я напому. Рыков, вы были у меня в Наркомфине по вопросу о развертывании сельской сети почтовых отделений (вы тогда были наркомпочтемом). После окончания, так сказать, легальной части вы остались, и у нас были общеполитические разговоры — и об украинских делах, и о связях украинских подпольных организаций с право-троцкистским центром. Вы тогда говорили, что вредительство в области финансов отстает.

Вышинский. Вы говорите, что обвиняемый Рыков говорил об отставании Наркомфина, но в чем?

Гринько. Во вредительстве. Тогда мы уговорились об основных линиях, по которым нужно будет развернуть работу.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, вы подтверждаете этот разговор с Гринько насчет вредительства?

Рыков. Да.

Вышинский. Вы признаете себя виновным во вредительстве?

Рыков. Да.

Вышинский. Следовательно, Гринько имел право говорить, что Рыков в должной степени давал ему указания о направлении вредительства?

Рыков. Тут мы друг другу не могли указывать, потому что у нас разногласий не было.

Вышинский. Здесь Гринько говорил о военной группе изменников — Тухачевском и других, которые были в свое время осуждены Верховным Судом. Вы подтверждаете ту часть показаний, которая касается вас?

Рыков. Я знал о военной группе Тухачевского.

Вышинский. Что вы знали?

Рыков. Эта военная группа была организована независимо от блока, независимо от оттенков — троцкисты это или бухаринцы. Военная группа ставила своей целью насильственное устранение правительства Союза и, в частности, участвовала в подготовке кремлевского переворота.

Вышинский. Об этом вам было известно?

Рыков. Да.

Вышинский. Когда вы об этом узнали?

Рыков. Я узнал об этом от Томского в 1934 году.

Вышинский. Подсудимый Гринько, а с Бухариным вам не приходилось говорить?

Гринько. С Бухариным у меня был короткий разговор в Кремле относительно принципиальной основы подрывных мероприятий в области финансов, разговор об отрицательном от-

ношении «право-троцкистского блока» к франко-советскому договору.

Вышинский. Бухарин не объяснял вам, почему он недоволен франко-советским договором?

Гринько. Что касается франко-советского договора, то в право-троцкистском центре (у меня был разговор с Рыковым, с Бухариным) было довольно широко распространено отрицательное отношение к франко-советскому договору, потому что франко-Советский договор был одним из тех этапов мирной политики Советской власти, который устранял или отдалял столкновение с агрессором, столкновение, на которое делал ставку «право-троцкистский блок»; расторжение франко-советского договора в целях развязывания возможностей для агрессора входило в программу «право-троцкистского блока».

Вышинский. Скажите более подробно о пораженческой линии «право-троцкистского блока».

Гринько. Кроме того, о чем я уже показал, могу напомнить, например, что, когда я рассказывал Рыкову некоторые подробности продажи КВЖД, у нас произошел такой обмен репликами, в результате которого было ясно, что это — устранение одного из поводов к возможной войне с Японией, которая стоит в плане «право-троцкистского блока».

Вышинский. Значит, «право-троцкистский блок» ориентировался на войну?

Гринько. Да, на войну, на военное поражение Советского Союза и на содействие агрессора в захвате власти.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ЧЕРНОВА

Председательствующий. Подсудимый Чернов, показания, данные при допросе на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Чернов. Подтверждаю целиком и полностью.

Вышинский. Подсудимый Чернов, сообщите суду краткие биографические сведения.

Чернов. Родился в 1891 году. Учился два года в духовной семинарии. Поступил в Московский университет, где учился около двух лет. Однажды арестовывался за революционную работу, но без тюремного заключения. Вступил в 1916 году в партию меньшевиков и оставался меньшевиком до января 1920 года, когда вступил в Коммунистическую партию (большевиков).

Вышинский. Это формально?

Чернов. Да.

Вышинский. А по существу?

Чернов. Вступивши в Коммунистическую партию (большевиков) в январе 1920 года, до 1927 года я честно выполнял те задания, которые партия на меня возлагала.

Вышинский. До 1927 года?

Чернов. Да. Но должен со всей откровенностью признаться, что старое меньшевистское нутро во мне безусловно сохранилось, и как только от методов ограничения партия перешла к методам наступления на кулацкие элементы в деревне, так это

меньшевистское нутро немедленно себя дало знать. С осени 1927 года у меня начались определенные сомнения в правильности генеральной линии партии. Я в это время работал в качестве наркомторга Украины и руководил хлебозаготовками, а хлеб являлся как раз тем оселком, вокруг которого наиболее сильно обострилось сопротивление кулачества и его борьба против Советской власти.

Вышинский. Вы были членом нелегальной организации правых в 1928 году?

Чернов. Я считаю, что, поскольку я свои взгляды излагал перед своими единомышленниками, выражавшими недовольство политикой партии, — это уже было началом того, чтобы начать создавать такую организацию на Украине, но считаю, что формальным моментом своего вхождения в организацию правых явился момент после моей первой встречи с Рыковым.

Вышинский. Вас вовлек в эту организацию Рыков?

Чернов. Да, но я был к этому уже подготовлен.

Вышинский. Собственно говоря, вы нашли друг друга?

Чернов. Да, надо так понимать. С Рыковым я встретился осенью 1928 года.

Я Рыкову при этой встрече сообщил, что имею на Украине единомышленников. На это Рыков мне ответил, что все это — известные люди, большинство которых он знает и которые могут оказать большую пользу в деле правой организации. Но, дескать, вам не следует сейчас широко выступать и тем самым раскрывать свои силы. Время для нашего широкого выступления еще не настало.

Я на это Рыкову сказал, что если я его правильно понимаю, то, значит, мы должны создать тайную, подпольную организацию. Это он подтвердил. Причем к этому еще добавил, что вот, говорит, вы, Чернов, являетесь наркомторгом Украины, сидите на весьма ответственном участке работы. Ваша задача заключается, дескать, в том, чтобы вы свою работу вели таким образом, чтобы добиться озлобления середняка путем распространения на середняцкие массы деревни тех репрессивных мер, которые правительством установлены были по отношению к кулакам. Углубляйте перегибы, озлобляйте середняка, учтите особо национальное чувство украинского населения и везде объясняйте, что эти перегибы являются результатом московской политики, и таким путем мы будем и создавать наши кадры и поднимать крестьянство против Советского правительства и против ЦК. В заключение мы установили с Рыковым, что я при приезде в Москву буду к нему заходить и поддерживать с ним связь для координации действий правой организации на Украине.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, скажите, в этой части показания Чернова соответствуют действительности?

Рыков. Я с Черновым виделся и старался убедить его в правильности моей тогдашней контрреволюционной деятельности, собирался сделать его своим сторонником и нашел готового сторонника в лице Чернова.

Вышинский. К этому времени у вас группа правых была уже на подпольном положении?

Рыков. На подпольном — нет.

Вышинский. Но была уже оформленная группа?

Рыков. Да. О создании такого типа организационного гнезда, полулегального, могла идти только речь.

Вышинский. Значит, была полулегальная группа во главе с вами, а еще с кем? С Бухариным и Томским? Я так понимаю?

Рыков. Да, была такая группа.

Вышинский. И вы решили вовлечь Чернова в эту группу?

Рыков. Да, я нашел сторонника в лице Чернова.

Вышинский (Чернову). Продолжайте дальше.

Чернов. Дальнейший характер моей работы несколько изменился в связи с тем, что я рассчитывал раньше работать на Украине, а потом меня перевели на работу в Москву.

Я перехожу к следующему эпизоду. В конце 1928 года я должен был поехать в Германию на лечение. Зная о том, что в Германии живет мой старый товарищ по меньшевистской организации, я решил с ним повидаться.

Вышинский. Кто это?

Чернов. Кибрик, с которым я переписывался до 1925 года, проживавший в Германии под чужой фамилией.

Перед поездкой в Германию я решил зайти в Москве к Рыкову.

Вышинский. Почему вы обратились к Рыкову?

Чернов. Потому что я с ним условился, что будем координировать свои действия, как члены правой организации, и кроме того, узнать, не будет ли каких поручений в Германию.

Вышинский. Вы хотели узнать от Рыкова — не будет ли каких поручений по подпольной линии?

Чернов. По правой организации.

При этом свидании с Рыковым я информировал его о положении в украинской деревне, о том, как там идут хлебозаготовки, и сообщил о том, что я еду в Германию. Не будет ли каких поручений? Рыков, зная меня, как старого меньшевика, поставил передо мной вопрос о том, не смогу ли я, будучи в Германии, встретиться с Даном и установить связь с ним и передать поручение от имени правого центра. Я Рыкову ответил, что такую возможность я имею, и думаю, что в этом отношении может оказать помощь мой товарищ по меньшевистской работе, о котором я уже говорил, — это Кибрик. Тогда Рыков дал мне поручение установить связь с Даном и передать ему поручение от правого центра.

Вышинский. Какое поручение?

Чернов. Я забыл сказать, что при этой моей беседе с Рыковым присутствовал еще Томский. Поручения заключались в следующем: через партии II Интернационала поднять общественное мнение капиталистических стран против Советского правительства через лидеров II Интернационала добиться у буржуазных правительств усиления враждебного отношения к Советскому Союзу; заручиться от II Интернационала, а через его лидеров —

и от буржуазных правительств поддержкой в случае захвата власти правыми в стране. Я на это Рыкову сказал, что недостаточно будет передать Дану только эти поручения. Безусловно, Дан поставит ряд вопросов о силах правой организации, о том, что правая организация будет делать после прихода к власти. На это Рыков сказал: «вы можете заверить Дана, что мы располагаем достаточными силами в стране для того, чтобы свергнуть существующую у нас власть и захватить ее в свои руки». Причем, он особо указал, что мы располагаем этими силами в том числе среди видных ответственных военных работников. Второе, что он указал, что я могу заявить Дану, что правые после их прихода к власти установят правительство с учетом требований как II Интернационала, так и буржуазных правительств, и пойдут на соглашение с буржуазными правительствами как по вопросам экономического порядка, так, если потребуется, и по вопросам территориального порядка. Как сейчас помню, Томский, присутствовавший при этой беседе, заявил, что антисоветские партии формально не существуют, но фактически они работу ведут, борются за свержение Советской власти. Мы, говорил он, не только должны их использовать, но и должны их привлечь к управлению государством.

Вышинский. Подсудимый Рыков, перед поездкой Чернова в Берлин вы виделись с Черновым?

Рыков. Да.

Вышинский. Вы с Черновым разговаривали в присутствии Томского или с глазу на глаз?

Рыков. В присутствии Томского.

Вышинский. Вы давали поручение Чернову связаться в Берлине с Даном?

Рыков. Да.

Вышинский. В каких целях?

Рыков. Насколько я помню, было две цели: во-первых, освещение в заграничной печати положения в деревне, недовольства крестьян...

Вышинский. В какой печати?

Рыков. В зарубежной печати.

Вышинский. В какой именно?

Рыков. Я не перечислял ни партий, ни газет, имел в виду печать и социалистическую, и буржуазную.

Вышинский. И меньшевистскую?

Рыков. Да.

Вышинский. Может быть специально «Социалистический вестник»?

Рыков. В частности, и его.

Вышинский. А кстати сказать, вам вообще не приходилось за этот период времени направлять в «Социалистический вестник» какие-нибудь корреспонденции непосредственно или через кого-нибудь?

Рыков. У меня была связь с «Социалистическим вестником» через Николаевского.

Вышинский. У вас была связь с «Социалистическим вестни-

ком». Значит, вы являлись корреспондентом «Социалистического вестника»?

Рыков. Я давал материал.

Вышинский. Этот материал был тенденциозно подобран?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Может быть клеветнического характера?

Рыков. Тенденциозный и клеветнический — одно переходит в другое очень легко.

Вышинский. Одним словом, и то и другое. Вы в то время какую занимали должность?

Рыков. Я в то время был председателем Совета Народных Комиссаров Союза и РСФСР.

Вышинский. И одновременно направляли в «Социалистический вестник» материал клеветнического характера? Правильно я вас понимаю?

Рыков. Совершенно правильно.

Вышинский. Похвальное занятие!

Рыков. Если бы это было похвальное занятие, я бы не имел несчастья разговаривать сейчас с вами.

Вышинский. Это совершенно правильно.

Рыков. Теперь — о второй задаче. Чернов очень ускоряет события, так как в данном случае вопрос о захвате власти, который стоял у нас и который и я ставил, относится не к 1928 году, а к началу 1930 года. Тогда я этого не говорил и не мог говорить, потому что сказал об этом через 2—3 года, а в то время вопрос об этом не стоял.

Вышинский. Тогда позвольте установить, что именно вы говорили в то время. Вы говорили о двух целях. Первая цель — это осведомление Дана о внутреннем положении СССР.

Рыков. Да, через Дана стараться дать определенные тенденциозные сообщения о положении в деревне и политике партии в деревне.

Вышинский. Это одна задача, а другая?

Рыков. Вторая задача — получить поддержку со стороны партий II Интернационала в нашей позиции, занимаемой нами в этом вопросе.

Вышинский. В чем должен был поддержать вас II Интернационал?

Рыков. Добиться такого давления через общественную организацию буржуазных государств на Центральный Комитет ВКП(б), чтобы он изменил свою политику. В период 1928 года эта возможность и эти надежды еще не были потеряны у меня, также как и у других членов организации.

Вышинский. Следовательно, вот эти две задачи перед вами стояли и в этой области вы давали поручение Чернову?

Рыков. Да. И он потом мне сообщил непосредственно или через третье лицо — точно я сейчас этого не помню — о том, что это поручение он выполнил.

Вышинский. Когда это было вам сообщено?

Рыков. Это было после возвращения Чернова месяца через три — четыре.

Вышинский. Подсудимый Чернов, вы считаете правильным то, что говорил здесь подсудимый Рыков?

Чернов. Подтверждаю, но считаю, что Рыков говорит полуправду. Он умалчивает перед судом о том, что давал мне поручение к Дану о том, чтобы не только говорить относительно помощи самих социалистических партий, входящих во II Интернационал, но и о том, чтобы Дан через лидеров II Интернационала добился у буржуазных правительств усиления враждебного отношения к Советскому Союзу.

Вышинский. Так вы понимали поручение Рыкова?

Чернов. Да, я так понимал, так это и было.

Вышинский. Подсудимый Рыков, вы настаиваете на своем показании?

Рыков. Да, настаиваю.

Вышинский. Следовательно, вы, подсудимый Чернов, утверждаете, что основная задача и основное поручение, которое давал вам подсудимый Рыков, заключалось не столько в информации, сколько в организации помощи со стороны враждебных СССР империалистических государств, — вы так утверждаете?

Чернов. Да, да, утверждаю.

Вышинский. Вам впоследствии приходилось говорить с Рыковым на подобного рода темы?

Чернов. По возвращении из-за границы я виделся с Рыковым и передал ему, как мною выполнено поручение, данное мне к Дану.

Вышинский. А вы выполнили это поручение?

Чернов. Выполнил. Я повидался с Даном, сообщил поручение от правого центра и получил ответ не сразу, потому что Дан сказал, что сразу он не может дать ответ, а должен посоветоваться с руководителями II Интернационала. Через несколько дней при второй встрече я получил от Дана положительный ответ на все эти вопросы.

Вышинский. И вы об этом сообщили Рыкову?

Чернов. Да, я об этом сообщил Рыкову.

Вышинский. Продолжайте, подсудимый Чернов.

Чернов. Я еще позабыл сказать о том, что при этом же свидании не от Рыкова, а от Томского я получил поручение создать правую организацию из моих знакомых, если таковые имеются среди сотрудников торгпредства и полпредства в Германии, что я тоже выполнил по приезду в Германию, встретившись с Яновским. По приезду в Берлин я позвонил Кибрику, и мы условились с ним встретиться в баварском зале ресторана «Фатерланд». Эта встреча там с ним и произошла. Встретились мы с Кибриком довольно радостно, как старые знакомые. В беседе я поставил, между прочим, перед ним вопрос о том, что мне очень необходимо увидеться с Даном, и сказал, для каких целей мне это нужно. Кибрик сказал, что эту встречу он мне устроит.

Мы условились, что Кибрик устроит мне эту встречу с Даном в Кенигштейне, куда я поехал для лечения, и встреча в Кенигштейне состоялась. Ко мне зашел Кибрик, и мы с ним пошли в гостиницу, где Дан остановился, и там встреча у меня была с

Даном с глазу на глаз, так как Кибрик ушел. Я рассказал Дану относительно положения внутри Советского Союза, в мрачных красках описал положение сельского хозяйства на Украине, передал Дану все поручения, которые я от правого центра, — лице Рыкова, получил.

Дан ответил мне, что он считает предложение правого центра вполне приемлемым, «но должен, — говорит, — вам задать особый вопрос. Я вас давно знаю. Как вы сами оцениваете силы правой организации?». Я ему на это ответил, что правые обладают достаточными силами для того, чтобы власть захватить удержать, в том числе указал и на наличие достаточных связей среди военных работников. На это мне Дан ответил, что тут дескать, вы неправы. Если правые власть и захватят, то удерживать власть хоть сколько-нибудь длительно без надлежащей помощи и прежде всего вооруженных сил со стороны капиталистических государств не удастся. Кроме того, вы должны, дескать, вести свою работу таким образом, чтобы подорвать экономическую и политическую мощь Советского Союза. Причем как сейчас помню выражение, которое им было допущено, что вы, говорит, не должны останавливаться ни перед какими средствами. Тот, кто борется за свержение власти и останавливается перед теми или другими средствами, является политическим Маниловым, и нужно капиталистическим государствам оказывать помощь в их борьбе против Советского Союза уже сейчас. Вот результаты встречи с Даном.

Через несколько дней я получил приглашение от Кибрика ехать в Берлин. Я приехал. Эта вторая встреча с Даном состоялась на квартире Кибрика. Дан сказал, что он успел связаться с лидерами II Интернационала, и просил меня передать Рыкову о том, что лидеры II Интернационала вполне принимают те предложения, которые я им от имени правого центра передал.

После беседы с Даном, происходившей, как я сказал, в квартире Кибрика, Дан уехал, а мы с Кибриком остались ужинать. После ужина я должен был поехать на вокзал. За ужином сильно выпили. Кибрик, сославшись на какую-то особую занятость, сказал, что он не может меня проводить на вокзал, посадил меня в автобус, и я поехал для того, чтобы отправиться обратно в Кенигштейн. В автобусе, в котором я ехал, ко мне пристало несколько немцев. Один из них меня толкнул, я его тоже в свою очередь толкнул.

Вышинский. Ну и что же случилось?

Чернов. Случилось то, что меня схватили три немца, оставили автобус, пересадили в такси и повезли в полицей-президиум.

Я в полицей-президиуме протестовал и требовал, чтобы меня выпустили. Мне сказали, что я должен дожидаться утра и прихода начальника. Я переночевал там. Утром явился какой-то чиновник, хорошо говоривший по-русски, которому я тут же заявил протест. Он говорит, что должен доложить начальнику. Через некоторое время явился человек. Он назвался полковником Обергауз. Он вынул протокол, перевел мне его — я обвинялся в

изувечении немцев и должен отвечать как уголовный преступник. А кроме того копию этого протокола, сказали мне, направят в наше полпредство. И тут же предложили мне стать сотрудником немецкой охраны, немецкой разведки. Я отказался. Тогда Обергауз сказал, что я, дескать, знаю кое-что о ваших делах в Германии. Я спросил, что? Он ответил — о ваших встречах с Даном, и показал мне несколько фотокарточек встреч с Даном, снятых как в Кенигштейне, так и в Берлине, и кроме того, передал мне коротко содержание беседы с Даном. Причем в этом изложении было ясное повторение слов Дана. Тогда для меня стало абсолютно ясно, что та ловля меня, которая происходила в Германии, организовывалась немецкой разведкой при полном содействии самого Дана и при участии Дана, и что сам Дан безусловно является агентом немецкой разведки, равно как Кибрик.

Вышинский. А то, что вам было предъявлено в полиции, соответствовало действительности?

Чернов. Протокол? Он был составлен тенденциозно, — увечить человека я не мог.

Вышинский. Относительно разговора с Даном?

Чернов. Это соответствовало тому, о чем действительно с Даном говорили.

Вышинский. А разговор с Даном у вас был в присутствии кого?

Чернов. В Кенигштейне разговор был с глазу на глаз. Кибрик привел меня в комнату Дана и сам ушел.

Вышинский. Значит, полицейский чиновник мог знать разговор или от вас или от Дана?

Чернов. Да.

Вышинский. Если вы не могли передать разговор, значит, полицейский знал об этом от Дана, а если Дан сообщил это полиции, значит, он сотрудник полиции?

Чернов. Да, иначе он бы не передавал. Я после этого дал согласие и стал немецким шпионом. После этого начались формальности, анкета, подписка. Обергауз проинструктировал меня о той работе, которую я должен вести в Советском Союзе в пользу Германии. Причем, видя то волнение, в котором я находился, он говорил: вы напрасно волнуетесь. Вы боретесь против Советской власти, и мы боремся против Советской власти, и наверное даже методы нашей борьбы в ближайшее время сойдутся.

Задания, которые давал Обергауз, сводились к тому, что я должен давать систематическую информацию немецкой разведке по тем вопросам, которые ее интересуют и которые будут даваться через представителя немецкой разведки в Москве, и должен организовать диверсионно-вредительскую работу на том участке, на котором я работал. Так как я в то время работал по хлебозаготовкам, то в первую очередь я должен был вредить в хлебозаготовках.

Вышинский. В чем выразилось ваше сотрудничество с германской разведкой?

Чернов. Мне советовал Обергауз, во избежание провала, не

расширять сильно связь с правыми, а держать связь с ограниченным количеством людей и закрепить эту связь. Тут же Обергауз сказал, что в течение некоторого времени меня в Москве не будут беспокоить, давая возможность наладить мою разведывательную работу в Советском Союзе. И, действительно, сначала мне никто не являлся. Прошло несколько месяцев, и у меня произошла встреча с представителем немецкой разведки.

Вышинский. Как же она произошла?

Чернов. Я работал тогда, не помню, заместителем нарком или членом коллегии Наркомторга. Ко мне позвонили из конформбюро Наркоминдела и сообщили, что корреспондент немецкой газеты «Берлинер Тагеблат» Пауль Шефер должен со мной поговорить по вопросам информации. Я должен сообщить ему сведения, которые не являются секретными. Действительно через некоторое время ко мне явился Шефер и сказал, что он явился от полковника Обергауза и назвал мне пароль «Рейнольд». Это была моя кличка, как немецкого шпиона.

Я спросил Шефера, что требуется полковнику Обергаузу. В данное время он потребовал от меня информацию по вопросам внутрипартийной жизни, по вопросам состояния работ среди правых, троцкистов, о положении в деревне. Кроме этого, потребовал специальные сведения о запасах промышленных товаров. Особенно интересовался он запасами промышленных товаров в городе. Потребовал сведений о ходе хлебозаготовки и о мобилизационных запасах хлеба. Одну часть требуемых сведений — информацию о положении в партии, о работе среди правых — я ему тут же передал словесно, а сведения цифрового порядка передал ему через несколько дней.

После этого у меня был ряд периодических встреч с Шефером. Я передавал ему для немецкой разведки информацию через него получал от немецкой разведки указания об организации вредительской работы.

Я имел особенно продолжительную беседу с Шефером по вопросу организации вредительской работы в области заготовок и хлебоснабжения. Основное задание, которое немецкая разведка мне тогда дала, заключалось в том, чтобы организовать порчу хлеба в стране. Для этого надо было задержать строительство складов и элеваторов, чтобы создать разрыв между растущими хлебозаготовками и складской емкостью тем самым, как говорил Шефер, добиться двух вещей: во-первых, самой порчи хлеба и, во-вторых, вызвать озлобление крестьян, которое неминуемо, если они увидят, что хлеб гибнет. Требовалось также организовать сплошное заражение хлебных складов амбарными вредителями и, особенно, клещем. Шефер особенное требование предъявлял к организации заражения амбарными вредителями и клещем мобилизационных запасов. Эти задания, полученные от Шефера, мною выполнялись. Затем Шефер из СССР уехал. Перед отъездом он сообщил мне о том, что, ввиду опасности провала, он должен уехать в Германию, и немецкая разведка не преминет со мной связь установить.

Моя связь с представителями немецкой разведки снова вос-

становилась уже тогда, когда я перешел на работу в Комитет Заготовок. Шпионско-вредительская работа особенно усилилась с моим назначением наркомземом. Через несколько месяцев после назначения меня в Комитет Заготовок явился некий Райвид, мой товарищ по меньшевистской организации в Иванове, работавший в Наркоминделе в течение длительного периода. Мы с ним изредка встречались, поэтому я не удивился тому, что он зашел ко мне в Комитет Заготовок. Но когда мы с ним остались в кабинете одни, он сказал: «Нам надо с вами серьезно поговорить, Рейнольд». Этим все было расшифровано, все стало ясным. Оказалось, что Райвид является резидентом немецкой разведки в Советском Союзе и получил от Обергауза указание установить со мной связь. Мы встречались с Райвидом неоднократно. Когда я перешел на работу в Наркомзем, наши встречи были посвящены тому, чтобы разработать подробную программу вредительской и диверсионной работы в области сельского хозяйства по основным, узловым вопросам. Эта программа, разработанная на основе требований немецкой разведки, заключала в себе вредительство: по семенам, по севообороту, по машинотракторным станциям, по животноводству. Причем особым условием немецкая разведка ставила организацию вредительства в области коневодства, с тем, чтобы, как Райвид говорил, не дать лошадей для Красной Армии.

В части, касающейся семян, мы включили в свою программу — запутать семенное дело, смешать сортовые семена и тем самым понизить урожайность в стране. В части, связанной с севооборотом, — путем неправильного планирования посевных площадей поставить колхозное крестьянство в такое положение, при котором колхозники фактически не могли бы осуществлять правильный севооборот и были бы вынуждены занимать под посевы луга и пастбища. Это должно было привести к уменьшению урожая в стране и вместе с тем вызывало бы озлобление крестьян, которые никак не могут понять, почему их заставляют распахивать луга и пастбища, когда колхозы хотят развивать животноводство и нужна кормовая база.

Что касается МТС, то здесь была поставлена задача вывести из строя тракторы, комбайны, сельскохозяйственные машины, запутать финансовое хозяйство МТС, для чего сажать во главе МТС людей негодных, провинившихся и прежде всего — членов нашей правой организации.

В части животноводства были поставлены задачи — вырезать племенных производителей, добиваться большего падежа скота, не давать развиваться кормовой базе, особенно использовать для падежа скота искусственное заражение скота различного рода бактериями.

Вышинский. Скажите подробно о падеже скота, откуда получали бактерии, какие и так далее.

Чернов. Я должен сказать о том, что я сейчас буду рассказывать, я рассказывал и Рыкову при своих встречах с ним в 1935 году. Я говорил, что мною подготовлены такие-то диверсионные акты, и получил одобрение со стороны Рыкова.

Многу были проведены следующие диверсионные акты. Дело то чтобы добиться падежа скота в Восточной Сибири, я предложил начальнику Ветеринарного управления Гинзбургу, ученику организации правых, а через него начальнику Ветснабования, также участнику организации правых, не завозить проставозвешенные биопрепараты в Восточную Сибирь, зная о том, что в Восточной Сибири очень опасно по части сибирской язвы. Препараты эти туда завезены не были. Подготовка эта велась в 1935 году, и когда весной 1936 года там вспыхнула сибирская язва, то оказалось, что действительно препараты туда завезены не были и тем самым было погублено (я точно не могу сказать, во всяком случае, больше 25.000 лошадей).

Второе. Я поручил Гинзбургу и заведующему бактериологическим отделом Бояршинову произвести искусственное заражение в Ленинградской области свиней рожей, а в Воронежской и Азово-Черноморском крае — чумой. Выбрал я эти две бактерии потому, что прививка эта производится свиньям не убийными микробами, а живыми, только ослабленными. Поэтому технически организовать искусственное заражение было довольно просто. Во-вторых, потому, что по этим двум болезням существует правильный порядок, при котором в случае заболевания чумой в той или иной местности, подлежит поголовно прививке все находящееся в этой местности поголовье свиней. Это давало возможность сразу придать массовый характер этому заболеванию.

С этой целью были выделены, по моему предложению, три фабрики: Кашинцевская, Орловская и Ставропольская. Там были изготовлены биопрепараты с неослабленными бактериями под особыми номерами серий. Номера этих серий были сообщены Бояршинову, который сообщил их на места тем начальникам ветуправлений, на которых можно было положиться в этом случае. А они в свою очередь передали их в районным ветеринарным врачам, которые были антисоветски настроены и в случае большого падежа скота не стали бы поднимать большого шума.

Таким образом, эти биопрепараты были завезены, и искусственная прививка была произведена в этих трех областях.

Трудно оценить результаты, но, во всяком случае, нужно считать, что благодаря этому диверсионному акту было погублено несколько десятков тысяч свиней.

Вышинский. Еще один вопрос по части связей с немецкой разведкой. Вы получали какие-нибудь деньги от разведки?

Чернов. Да, я совершенно упустил это из виду.

Вышинский. Ну, конечно, это такой маловажный вопрос, во нем забыли.

Чернов. Это вопрос, конечно, не маловажный, но я его упустил из виду. Я в Берлине получил 2 тысячи марок...

Вышинский. А всего сколько?

Чернов. Примерно около 30 тысяч немецких марок и около 150 тысяч рублей советскими рублями. Значительная часть этих денег была использована на мои личные нужды, а некоторая

часть — для подкупа членов правой организации, которых я считал нужным подкупить.

Вышинский. Расскажите о ваших дальнейших связях с Рыковым.

Чернов. Продолжаю насчет своих связей с правой организацией и с Рыковым. Кроме тех встреч с Рыковым, о которых я рассказывал, я имел следующую встречу с ним в декабре 1930 года. Был я вызван им самим, встреча происходила у него на квартире. При этой встрече было очень радужное настроение у Рыкова и у Томского, который тоже присутствовал при этой встрече.

Настроение было такого порядка, что неминуемы в ближайшее время крестьянские восстания, которые помогут при надлежащем руководстве со стороны правой организации перейти к захвату власти в стране.

Тут же от Рыкова я получил и указание об организации вредительской работы. Задача, которую Рыков поставил передо мной в этом деле, должна была заключаться в том, чтобы путем распространения на середняцкие массы деревни репрессивных мер, установленных для кулаков, вызвать озлобление крестьянства против политики партии и против Советской власти и путем дезорганизации снабжения хлебом вызвать недовольство среди рабочего населения.

Следующий раз я встретился, тоже по приглашению Рыкова, с ним, кажется, в октябре, но во всяком случае — осенью 1932 года. Эта встреча происходила в тот момент, когда в деревне произошло резкое изменение. Колхозное движение окрепло, кулачество было разгромлено, и деревня уже начала реально ощущать результаты индустриализации страны. Хотя Рыков внешне и старался казаться спокойным человеком, но видно было, что он ошеломлен неудачей тех политических прогнозов, которые он до этого делал. И он в беседе со мной поставил вопрос таким образом, что нам нужно еще дальше уйти в подполье и ориентироваться в деле захвата власти на совершение «дворцового переворота». Я ему сказал: о «дворцовом перевороте» вы говорили и в 1930 году со мной, в чем же разница между установкой 1930 года и установкой 1932 года? Он мне ответил: разница в том, что в 1930 году это был один из возможных вариантов, а сейчас это наиболее решающий и наиболее важный вариант для захвата власти. Как он говорил, мы должны путем «дворцового переворота», то есть ареста и убийства руководителей партии и правительства, захватить власть в стране.

Вышинский. Следующая встреча с Рыковым когда была?

Чернов. Следующая встреча была в 1934 году, через несколько месяцев после назначения меня наркомземом Союза. Происходила она по вызову Рыкова, у него на даче. Эта встреча была у нас с глазу на глаз. И содержание этой встречи относилось, главным образом, к вопросам организации моей работы, как члена правой организации, в связи с моим назначением в Наркомзем Союза. Здесь Рыков поставил передо мной задачу, сводившуюся к тому, что я должен организовать свою работу так, чтобы добиваться подрыва колхозного строя, а для этого ве-

сти руководство колхозами так, чтобы не было заинтересованности у колхозника в участии в колхозном производстве. А для этого вести колхозное хозяйство так, чтобы колхозник, как о. говорил, получал гроши за трудодни.

Следующая и последняя моя встреча с Рыковым состоялась или в конце 1935 года — я точно не помню — или в начале 1936 года. Это было в период, когда происходили известные кремлевские совещания руководителей партии и членов правительства с передовиками сельского хозяйства. При этой встрече указания Рыкова сводились к следующему. Он говорил, что мы, дескать, не можем не учитывать того роста и укрепления колхозов, которые имеются в стране, и того роста новых колхозных кадров, которые на этих совещаниях выявлены. Но это, дескать, отнюдь не означает, что у нас нет сил в деревне, которые мы могли бы организовать. И в качестве этих сил указывал кулацкие элементы в лице возвращенцев из спецпоселений и антисоветски-настроенные элементы из старой сельской интеллигенции — агрономов, врачей, зоотехников и так далее. Эти, дескать, силы мы должны всячески мобилизовать и использовать для нашего дела. И особо подчеркивал, что для возможности захвата власти правых в стране имеются только два выхода: это насильственное устранение руководства партии и руководства правительства, то-есть их арест или убийство или то и другое вместе.

И особенно он упирал на необходимость поражения Советского Союза в войне с капиталистическими странами в случае нападения последних на нас. И в этом свете особо указывал на всю важность организации вредительской и диверсионной работы, говоря, что раз нам необходимо поражение Советского Союза для завоевания власти в стране, то мы это поражение должны ускорить, а равно ускорить и самое наступление войн. путем уменьшения экономической и оборонной мощности Советского Союза.

Вышинский. Ваши встречи с Рыковым носили характер получения указаний и инструктажа со стороны Рыкова в отношении вашей преступной деятельности. Так это?

Чернов. Так.

Вышинский. Подсудимый Рыков, таких, как Чернов, у вас соучастников было много?

Рыков. Это была моя ошибка, но я его к очень крупным соучастникам не причисляю. Он по дороге из ресторана на вокзал успел попасть в полицей-президиум.

Вышинский. Вот, скажем, скамья подсудимых, здесь не мало ваших соучастников, Чернов один из них?

Рыков. Да.

Вышинский. А у вас, подсудимый Чернов, таких руководителей, как Рыков, было много?

Чернов. Кроме Рыкова и немецкой разведки — никого

На этом вечернее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв до 11 часов 3 марта.

Утреннее заседание 3 марта

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ИВАНОВА

Председательствующий. Подсудимый Иванов, вы подтверждаете показания, которые вы давали на предварительном следствии, о вашей антисоветской деятельности?

Иванов. Целиком и полностью подтверждаю.

Вышинский. Расскажите, при каких обстоятельствах, когда вы вступили в подпольную контрреволюционную организацию.

Иванов. Первое мое грехопадение началось в 1911 году, когда я был учащимся тульской гимназии, в 8-м классе. Царской охранке удалось меня завербовать в качестве своего агента.

Вышинский. С каким именно учреждением вы были связаны, как охранник, в каком городе?

Иванов. С жандармским охранным управлением в городе Туле.

Вышинский. В Туле вы с кем были персонально связаны?

Иванов. С ротмистром Маматказиным.

Вышинский. У вас была конспиративная кличка?

Иванов. Была: «Самарин».

Вышинский. У вас был шпиковский номер?

Иванов. Был: 163.

Вышинский. Вы получали вознаграждение за свою работу?

Иванов. Получал вознаграждение и в Москве и в Туле.

Вышинский. Значит, вы были платным...

Иванов. Платным агентом царской охранки.

Вышинский. Это начало вашей политической деятельности?

Иванов. Самая позорная полоса в моей жизни.

Вышинский. Затем вы приезжаете в Москву, поступаете в Московский университет в 1912 году?

Иванов. Да.

Вышинский. В 1913 году вы в Москве ведете активную работу в охранке?

Иванов. Да.

Вышинский. С кем вы связываетесь?

Иванов. С ротмистром Грязновым и подполковником Кололовым.

Вышинский. В чем выражалась ваша провокаторская работа?

Иванов. Я информировал о революционном движении в студенческих организациях, информировал об отдельных товарищах, которые вели революционную работу. Так, например, по

тульскому землячеству я выдал революционеров Северного Поморова. В 1916 году я выдал Каплуна — одного из активнейших участников революционной работы на медицинском факультете.

Вышинский. Сколько времени вы состояли агентом московской охранки?

Иванов. С 1913 года по конец 1916 года.

Вышинский. Какое же вознаграждение вы получали?

Иванов. В тульской охранке получал сначала 15, потом 20 рублей.

Вышинский. А в московской охранке?

Иванов. Получал сначала 30, 40 рублей, затем дошел до 60—75 рублей. В процессе улучшения качества моей работы моя ставка подымалась.

Вышинский. До конца 1916 года вы были связаны с московской охранкой. А с конца 1916 года?

Иванов. С конца 1916 года я порвал с охранкой.

Вышинский. Чем объясняется это ваше решение?

Иванов. Я вырос в таких условиях, так был связан с интересами революции и рабочего класса...

Вышинский. Как были связаны? Вы были связаны в обратном направлении.

Иванов. Когда я рос...

Вышинский. Вы в 8-м классе гимназии становитесь провокатором. В момент своего роста вы — провокатор.

Иванов. Да.

Вышинский. Весь рост ваш был в провокаторстве.

Иванов. Вы меня не поняли...

Вышинский. Я спрашиваю вас, почему вы в конце 1916 года решили порвать с охранкой?

Иванов. Меня это тяготило, с одной стороны, а с другой стороны, подымающаяся революционная волна и перспективы победы рабочего класса меня пугали, я боялся, что, когда победит рабочий класс, документы охранки могут попасть в руки революционных организаций и я буду разоблачен как провокатор.

Вышинский. Вот это другое дело. Вы просто испугались расплаты?

Иванов. Правильно.

Вышинский. Вы говорили о вашем революционном воспитании. Воспитание у вас совершенно определенное. Начали вы свое политическое воспитание под руководством ротмистра тульской охранки Маматказина, а закончили — под руководством Бухарина и Рыкова. Так я вас понимаю?

Иванов. Правильно.

Вышинский. Когда вы проникли в большевистскую партию?

Иванов. В 1915 году.

Вышинский. При каких обстоятельствах? По личному побуждению?

Иванов. Было указание от подполковника Колоколова о том, чтобы я вступил в большевистскую партию.

Вышинский. Значит, вы вступили в партию по указанию подполковника московской охранки Колоколова?

Иванов. Да.

Вышинский. В каких целях?

Иванов. В целях возможно более глубокого освещения деятельности большевистской организации.

Вышинский. С провокаторскими целями?

Иванов. Да, с провокаторскими целями.

Вышинский. Как вы считали свой партийный стаж?

Иванов. В анкетах я писал, что я член партии с 1915 года.

Вышинский. А о том, что вы вступили в партию по поручению подполковника Колоколова, это, конечно, вы оставляли при себе?

Иванов. Этого я никому не рассказывал.

Вышинский. До какого момента?

Иванов. До момента моего ареста.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, вы имели связь с группой «левых коммунистов»?

Иванов. Да.

Вышинский. А кто вас вовлек в эту группу?

Иванов. Здесь никто меня не привлекал, по сути дела, потому что самое мое грехопадение и страх, что я могу быть разоблачен при Советской власти, меня толкали и гнали в стан врагов. И я, как ворон, летящий по запаху на падаль, вливаюсь во всякие враждебные группы, которые борются с Советской властью, потому что я рассчитывал, что тогда при реставрации власти буржуазии я не буду разоблачен.

Вышинский. Когда вы примкнули к «левым коммунистам»?

Иванов. В конце 1917 или в начале 1918 года.

Вышинский. Значит, вы примкнули к этой группе как враг, который рассчитывал, что с этой группой вам удастся свалить Советскую власть?

Иванов. У «левых коммунистов» я находил то, что мне было нужно как врагу Советской власти и рабочего класса.

Вышинский. Вы тогда с Бухариным были связаны?

Иванов. Мы были на нескольких совещаниях. Потом Бухарин однажды поставил передо мною вопрос о том, что в знак протеста против партии и против линии Ленина нужно выйти из Коммунистической партии и организовать свою партию. Расчет был на то, что это может привести к распаду Коммунистической партии и победе «левых коммунистов». Но к этому времени вскрывается следующее. Я работал тогда партийным организатором в Басманном районе. Мне не удалось получить поддержку в партийной массе по линии «левых коммунистов». Масса шла целиком за Лениным. Мне было ясно, что вся работа «левых коммунистов» обречена на провал, на банкротство.

Потом я встретился с Бухариным на X съезде партии, где у нас с Бухариным был следующий разговор. Он поставил вопрос о том, что у меня, мол, с Лениным расхождение по коренным вопросам; я сейчас занят подготовкой своих кадров, которые готовы были бы по первому моему, Бухарина, зову выступить

против Ленина. Это, по-моему, было предварение к созданию «школки» Бухарина.

Вышинский. Как Бухарин рассчитывал выступать против Ленина? В каких формах он готовил выступление?

Иванов. Он был довольно резко настроен. Он просто ждал подходящего момента. Он хотел иметь свои кадры.

Вышинский. Для чего?

Иванов. Для того, чтобы устранить Ленина.

Вышинский. Как устранить?

Иванов. Вплоть до физических методов.

Вышинский. А вы говорите о «школке». Хорошая «школка»

Иванов. Она известна в партии как «школка» «левых коммунистов».

Вышинский. А в действительности это не «школка», а банда, которую создал Бухарин. Продолжайте свои объяснения.

Иванов. Интересен был разговор с Бухариным в 1926 году. Он прямо говорил, что нужно готовиться к борьбе в открытом бою с партией. Имейте в виду следующее, — говорил он, — что мы выступаем и своими выступлениями даем программу для консолидации всех недовольных элементов внутри страны. Но это говорит, — не основное и не главное, а главное в нашей работе — работать в подполье по собиранию кадров, по завлечении в наши сети наиболее влиятельных членов партии.

Вышинский. Дальше.

Иванов. В 1928 году я еду на Северный Кавказ вторым секретарем. Тут Бухарин ставит вопрос о том, чтобы я на Северном Кавказе создал группу правых. Причем он говорит о том, что Северный Кавказ в нашей борьбе с партией и Советской властью имеет очень большое значение. Мы, говорит, должны возглавить соответствующее крестьянское движение, особенно казачества движение против Советской власти. Нашей задачей является Северный Кавказ превратить в русскую Вандею. Он мне тогда развивает по этому вопросу целую свою теорию. Она довольно таки известна в партии. Вы знаете, — говорит он, — что сейчас капитализм вступил в новую фазу своего развития. И на этой стадии капитализм показывает довольно высокие элементы организованности и плановости. Фашизм, говорил Бухарин, соответствует новейшим тенденциям в развитии капитализма. Мы пришли прямо к фашизму.

Вышинский. Практически, что вам предлагал Бухарин?

Иванов. Практически Бухарин предложил создать группу правых. Я ее создал. Он предложил связаться с враждебными элементами. Мы связались с казацким кулачеством и все подготовили для того, чтобы обеспечить кулацкое восстание на Северном Кавказе.

Вышинский. Ставился ли тогда вопрос Бухариным, Рыковым о захвате власти?

Иванов. О захвате власти до 1931 года ставился вопрос.

Вышинский. И вам в этой связи было дано конкретное задание организовать повстанческие отряды на Северном Кавказе?

Иванов. Да, организовать повстанческие отряды на Северном авказе и потом в Северном крае.

Вышинский. В бытность вашу в Северном крае, какое вы получили задание от Бухарина?

Иванов. Бухарин дал задание — силами правых организаций приступить к подготовке поражения Советской власти при интервенции, при войне с капиталистическими фашистскими государствами.

Вышинский. А какие указания давал Бухарин насчет шпионажа?

Иванов. Он сказал о том, что Лобов специально организует это дело и он должен меня информировать о том, как это дело будет осуществляться. Он сказал: «вы должны резиденту, который будет там посажен, своей партийной организацией оказывать всемерную помощь с тем, чтобы обслуживать потребности английской разведки».

Вышинский. А вы выполняли эти наставления?

Иванов. Выполнял, обслуживал, направлял материал, получал указания через этого резидента. Причем эти указания, получаемые от английской разведки, целиком совпадали с теми директивами, которые я получал от центра правых.

Вышинский. Целиком совпадали? Так что вы иногда не различали, где действует центр правых, а где иностранная разведка?

Иванов. Да, здесь было полное совпадение.

Вышинский. Это неудивительно. А чем аргументировал Бухарин свое указание вам связаться с английской разведкой?

Иванов. Он говорил, что эта страна имеет очень большие интересы в Северном крае. Он говорил, что с этой страной у центра правых есть соглашение о помощи правым в свержении Советской власти и в удержании власти капиталистов в России и что в этом соглашении предусматривается обеспечение интересов английских лесопромышленников лесным хозяйством Северного края. Бухарин ставил вопрос о том, что лесопильные заводы надо будет сдать в концессию англичанам, а новые лесопильные заводы, которые были построены при Советской власти, придется отдать в счет погашения царских долгов. Затем в 1934 году он поставил вопрос о том, что мы должны будем все-таки сегодня уже реально расплачиваться. Он сказал, что мы должны выдавать авансы английской буржуазии с тем, чтобы, с одной стороны, не потерять поддержку для себя, а с другой стороны, — не потерять доверие. В соответствии с этими указаниями через Розенгольца и Лобова были осуществлены следующие мероприятия: лес, наиболее высококачественный, продавался по сниженным ценам. На этом Советскому государству нанесен ущерб в несколько миллионов рублей в валюте. Бухарин считал эту меру как аванс английской буржуазии за ту поддержку, которая ею обещана. Иначе, говорил он, нас не будут считать серьезными людьми и потеряют к нам доверие.

Вышинский. Теперь перейдите к вопросу о террористической деятельности и террористических планах.

Иванов. Перед нашей организацией в Северном крае была поставлена задача создать террористическую группу

Вышинский. Кем была поставлена эта задача?

Иванов. Бухариным. Бухарин несколько раз к этому де возвращался, в частности, после убийства Кирова. Он говорил о том, что выстрел в Кирова показал, что одиночные террористические акты результатов не дают, что нужно готовить массовые террористические акты и только тогда мы получим результат. Его установка была на то, чтобы ликвидировать руководство партии, причем были такие рассуждения: если э удастся сделать до войны, тогда дело будет ясно, и, возможно вслед за этим вспыхнет немедленная война с Советским Союзом. Если же нам почему-либо не удастся осуществить акты ликвидации руководства партии до войны, то мы это сделаем во время войны, что внесет большое смутение, подорвет обороноспособность страны и будет резко содействовать поражению Советской власти в войне с империалистами.

Вышинский. Значит, вы действовали по прямым указаниям Бухарина. В каком году это было?

Иванов. Первое указание об организации террористической группы я получил в 1934 году. Нажим был в 1935 году, когда говорилось о том, что мы плохо развертываем работу.

Вышинский. Что вы имеете еще показать о вашей вредительской деятельности?

Иванов. Мы собирали повстанческие группы, главным образом, вокруг Архангельска с тем, чтобы в момент интервенции разорвать связь Архангельска с центральными магистралями нашей страны и тем самым облегчить англичанам захват этого лесного района и важнейшего порта.

Затем диверсионная работа проводилась, главным образом, в лесной промышленности, потому что Северный край — край лесной. Направление этой деятельности шло по пути срыва технического перевооружения лесного хозяйства, засорения, разрушения механизированных пунктов, срыва сплава. Это обрекло ряд лесопильных заводов на остановку и увеличило голод в нашей стране на лесные материалы, что ударило по капитальному строительству в нашей стране.

В Наркомлесе я продолжал ту же вредительскую деятельность, готовил террористические акты. Главное внимание было направлено на срыв технического перевооружения лесозаготовок, на срыв капитального строительства, особенно целлюлозно-бумажной промышленности, с тем, чтобы держать страну на голодном бумажном пайке и этим самым ударить по культурной революции, сорвать снабжение страны тетрадами и этим вызвать недовольство в широких массах. Мы принимали все меры к тому, чтобы задержать постройку новых предприятий и сорвать работу существующих предприятий. Целый ряд мероприятий революционного порядка, которые должны были улучшить работу бумажной промышленности, мы тоже сознательно срывали и этим самым сорвали программу по выработке бумаги.

Бухарин. У меня есть один вопрос. Я хочу спросить гражданина Иванова. Если не ошибаюсь, в последний раз мы виделись в марте 1936 года?

Иванов. Я виделся с Бухариным и в 1937 году. В 1937 году он уже конспирировался от нас.

Вышинский. Он уже от вас конспирировался?

Иванов. Да, конспирировался, боясь, что его могут «наколоть».

Вышинский (Бухарину). Вы отрицаете, что до момента вашего ареста вы встречались с Ивановым?

Бухарин. Нет, я не отрицаю, но я просил просто Иванова, чтобы он мне напомнил, когда мы с ним встречались в последний раз, где он со мной встречался и о чем он со мной разговаривал.

Иванов. Мы на протяжении 1936 года несколько раз виделись. В частности, в декабре или в ноябре 1936 года я перед Бухариным ставил вопрос о том, что организация разваливается, самими массами разоблачаются наши участники, и я поставил вопрос, не выходит ли из всей сложившейся обстановки внутри страны то, что мы становимся целиком банкротами.

Вышинский. Это вы говорили Бухарину?

Иванов. Да. И никогда я Бухарина не видел таким яростным и злобным, как тогда. Он на меня набросился, что — вы трус, вы паникер, вы мне все тычете — «массы», массам не нужно потакать, а вы должны знать, что организация правых против масс будет вести войну. А вы хотите им потакать.

Вышинский. Он хотел вести войну против масс?

Иванов. Да. И дальше, он поставил вопрос таким образом, что если есть отходы, то нужно пойти на более развернутые шаги по уничтожению тех, кто решится открыто раскаться перед Советской властью и этим самым может разоблачить нашу правую организацию. Дело в том, что в самой организации правых была директива о том, что отходящих от правых, разоблачающих свою деятельность, надо приканчивать. Это было сделано над одним из людей, который собирался написать заявление в НКВД с разоблачением деятельности правых на Северном Кавказе. Как мне Лобов говорил, одного такого человека прикончили. И Бухарин мне прямо намекнул, что вы-де знаете, что мы ни с кем не поцеремонимся, если у нас кто сдрейфит и задрожит, и что у нас есть специальные люди, которые осуществляют необходимые мероприятия, значит, убийства.

В 1937 году у нас разговор был тоже очень короткий.

Вышинский. Короткий?

Иванов. Короткий, потому что здесь уже была очень большая настороженность. Вся организация жила страхом. Я бы сказал, что деятельность правых была, по сути дела, накануне коренного разоблачения. В этом разговоре, в частности, был поставлен мною вопрос: а где же интервенция, где же нападение на Советский Союз? Бухарин меня информировал, что принимаются меры, чтобы обязательно побудить в 1937 году к вы-

ступлению фашистские страны — и Японию и Германию — и что на это шансы есть.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, подсудимый Иванов сказал здесь о том, что в 1928 году, даже несколько раньше, он уже имел с вами разговоры по поводу антисоветской работы той организации правых, в какую вы входили. Вы это подтверждаете?

Бухарин. Да, я подтверждаю, во-первых, то, что мне Иванов знаком с эпохи Брестского мира, с 1918 года. Во время X съезда партии я действительно советовал Иванову, считая его контрреволюционно настроенным, продолжать антипартийную работу.

Вышинский. Меня сейчас интересует, правильно ли сказал обвиняемый Иванов о том, что в 1928 году имел с вами разговор относительно антисоветской работы. Вы это подтверждаете?

Бухарин. Да.

Вышинский. Подсудимый Иванов показал, что вы предлагали ему создать на Северном Кавказе организацию правых с определенными задачами. Это тоже подтверждаете?

Бухарин. Самый факт подтверждаю, что я ему давал указания относительно построения организации.

Вышинский. Законспирированной?

Бухарин. Законспирированной, нелегальной, контрреволюционной.

Вышинский. Следовательно, в 1928 году вы перешли на путь нелегальной подпольной деятельности?

Бухарин. Я подтверждаю это.

Вышинский. Говорили ли вы тогда же Иванову о том, что уже действует центр правой организации?

Бухарин. Говорил.

Вышинский. А в каком составе?

Бухарин. В составе троих: Томского, Рыкова и меня, Бухарина.

Вышинский. Говорили, что этот центр готовит свержение Советской власти?

Бухарин. Говорил, но это относится к последующему периоду.

Вышинский. К какому именно?

Бухарин. Мне думается, что это относится примерно к 1932—33 годам.

Вышинский. Значит, несколько позже, но самый факт такого разговора с Ивановым вы подтверждаете?

Бухарин. Я подтверждаю. Не помню ни даты, ни месяца, но это было общей ориентацией правого центра.

Вышинский. А разговор о том, что вы готовитесь к открытым боям, вы подтверждаете?

Бухарин. Открытых боев не могло быть в 1926 году. Указания Иванова на то, что мы готовимся к открытым боям, — это смешение дат.

Вышинский. А на предварительном следствии вы говорили, что это относится к 1926 году?

Бухарин. Да, но не в том смысле, как здесь понимают, гражданин государственный обвинитель.

Вышинский (обращается к суду). Позвольте показания Бухарина, том 5, лист 113. Разрешите огласить. Это ваши показания от 25 декабря 1937 года. Здесь, на листе 113 значится: «Вновь я установил связь с Ивановым во время X съезда партии, беседовал с ним в кулуарах... В 1926—27 годах, когда мы готовились к открытым боям против партии, я рекомендовал Иванову не принимать участия в открытых наскоках на партию, исходя из тех соображений, что Иванов — человек-практик и до поры до времени его целесообразно держать в резерве».

Вы это подтверждаете?

Бухарин. Речь идет об открытом выступлении, а не об открытых боях.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, этот разговор, который я вам процитировал, был?

Бухарин. Был, но слова «открытые бои» не имели смысла насильственных открытых боев.

Вышинский. Вы говорили, что Иванова надо сохранить?

Бухарин. Да.

Вышинский. Вы говорили, чтобы Иванов не ввязывался в открытую драку?

Бухарин. Да.

Вышинский. Вы говорили об открытых боях?

Бухарин. Это я не отрицаю.

Вышинский. Потом в 1927 году Иванов поехал на Северный Кавказ, и вы ему дали поручение заниматься организацией нелегальной группы правых. Правильно?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Именно нелегальной?

Бухарин. Нелегальной.

Вышинский. Это вы подтверждаете. Вы поручили ему также выполнить ряд ваших заданий в связи с этой организацией в период 1928 года. Речь шла не только относительно вербовки, а также относительно организации повстанческих отрядов?

Бухарин. Я в технику этого дела не входил.

Вышинский. Я не говорю о технике организации повстанческих отрядов, я говорю о платформе правых, в которой была установка на повстанчество. Когда вы поручили Иванову создать нелегальную организацию, тогда был у вас разговор относительно повстанческих отрядов?

Бухарин. В это время не был и не мог быть.

Вышинский. А чем должны были заниматься нелегальные организации?

Бухарин. Нелегальные организации должны были заниматься собиранием сил для борьбы против партии, которая обострялась.

Вышинский. А когда вы поставили вопрос о повстанческих отрядах?

Бухарин. Переход к насильственным мероприятиям относится примерно к 1932 году.

Вышинский. Подсудимый Иванов, где вы находились в 1932 году?

Иванов. В 1932 году я находился в Северном крае.

Вышинский. Вопрос относительно организации и формирования повстанческих отрядов вами дебатировался и в какой форме?

Иванов. Дебатировался. Бухарин прямо ставил вопрос о связи с недовольными кулацкими элементами казачества.

Вышинский. Это не в Северном крае, а на Северном Кавказе.

Иванов. Да, на Северном Кавказе.

Вышинский. Это относится не к 1932 году. В 1932 году вы были в Северном крае?

Иванов. Да, в 1932 году я был в Северном крае.

Вышинский. А вопрос о подготовке повстанческих отрядов был и тогда поставлен?

Иванов. Вопрос о подготовке повстанческих отрядов был поставлен также Бухариным передо мною в 1932 году, когда ставился вопрос о создании правых организаций в Северном крае.

Вышинский. Следовательно, вы помните, что у вас были дважды такие разговоры с Бухариным — в 1928 и в 1932 года.

Иванов. Да.

Вышинский. В связи с вашей работой и на Северном Кавказе и в Северном крае?

Иванов. Да.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, говорили вы Иванову, что перед ним стоит задача, поставленная центром правых, организация повстанческого движения?

Бухарин. Он мог так понять.

Вышинский. Обвиняемый Иванов, вы так и понимали?

Иванов. Директива была передана мне довольно ясно для того, чтобы понять ее простой смысл. Ставился вопрос о том, что кулачество озлоблено. Это — те социальные силы, на которые мы должны ориентироваться. Наша задача состояла в том, чтобы возглавить восстание.

Вышинский. Бухарин, вы это подтверждаете?

Бухарин. Это правильно, но не по отношению к Иванову. Я говорил это другому лицу. Я этого Иванову не мог говорить потому что в 1932 году Иванова не было на Северном Кавказе.

Вышинский (к Иванову). Вы когда уехали с Северного Кавказа?

Иванов. С Северного Кавказа я уехал 2 или 1 апреля 1931 год.

Вышинский. Когда вы говорили, будучи на Северном Кавказе, с Бухариным?

Иванов. В 1928 году.

Вышинский. А в 1932 году были разговоры о повстанчестве.

Иванов. Да, были такие разговоры.

Вышинский. Позвольте подвести итог. Судя по показаниям Иванова и вашим (обращаясь к Бухарину), можно считать твердо установленным, во-первых, что вы с Ивановым вели разговоры относительно организации повстанчества. Так это

Бухарин. Так.

Вышинский. Что вы ориентировали Иванова на необходимость использования в интересах борьбы с Советской властью кулацких восстаний.

Бухарин. Да.

Вышинский. Что вы имели в виду также и организацию этих кулацких восстаний.

Бухарин. Хотя прямо об этом не говорил.

Вышинский. Хотя прямо об этом не говорили, но в этом направлении его ориентировали.

Бухарин. Совершенно правильно.

Вышинский. Причем вы утверждаете, что все это относится к 1932 году?

Бухарин. Да.

Вышинский. Иванов показывает, что ему от вас стало известно о существовании блока между троцкистами, правыми группировками и националистическими группами. Вы это подтверждаете?

Бухарин. Это я подтверждаю.

Вышинский. А знали вы о переговорах Иванова и других с капиталистическими странами?

Бухарин. Да, это относится к гораздо более позднему времени. Я посвятил Иванова во внешне-политическую ориентацию правого центра, я говорил ему относительно того, что в борьбе против Советской власти можно использовать военную конъюнктуру и целый ряд других вещей.

Одним словом, я был обязан, как один из руководителей правого центра, доложить одному из руководителей периферийного центра нашу установку. В чем заключалась эта установка? Коротко, эта установка заключалась в том, что в борьбе с Советской властью возможно использование военной конъюнктуры и тех или иных уступок капиталистическим государствам для их нейтрализации, а иногда и для помощи с их стороны.

Вышинский. Иначе говоря, ориентация на помощь некоторых иностранных государств?

Бухарин. Да, можно и так сказать.

Вышинский. Иначе говоря, ориентация на поражение СССР?

Бухарин. В общем, суммарно, повторяю — да.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ЗУБАРЕВА

Председательствующий. Обвиняемый Зубарев, те показания, которые вы дали на следствии в НКВД и в органах Прокуратуры, вы подтверждаете?

Зубарев. Да, подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Зубарев, когда вы вступили на путь преступной деятельности в контрреволюционной организации правых?

Зубарев. В 1929 году, когда я был вовлечен в организацию правых Смирновым Александром Петровичем, с которым я был знаком с 1919 года. При встрече в начале 1928 года я высказы-

вал свое недовольство и несогласие с линией партии в отношении политики в деревне. Тогда же он меня информировал о том, что организация правых существует, и я впервые узнал в 1929 году, что он является членом этой организации. Тогда же впервые узнал о том, что существует союзный центр этой организации.

Далее, он говорил о том, что правые придают большое значение Уралу, что они (и он, в частности) рассчитывают на мое участие в контрреволюционной работе.

Когда я дал согласие, он мне тогда же заявил о том, что я на Урале буду не одинок, что на Урале уже есть активный член контрреволюционной организации, очень влиятельный, что он связан уже непосредственно с союзным центром через посредство Рыкова. Он назвал Кабакова.

Вышинский. Когда началась связь с Рыковым?

Зубарев. Связь с Рыковым началась в 1930 году, когда он приезжал в Свердловск на партийную конференцию.

Вышинский. При каких обстоятельствах у вас возникла эта связь с Рыковым, как с руководителем правого заговорщического центра?

Зубарев. Я тогда работал по партийной линии. Во время конференции я имел с Рыковым довольно длительную беседу.

Вышинский. О чем?

Зубарев. Рыков ссылался на А. П. Смирнова, что он от него знает, что я являюсь активным участником правой организации. Я охарактеризовал ему общее положение Урала, состояние нашей организации. Указал на то, что уже в декабре 1929 года мы с Кабаковым организовали областную руководящую группу, объединяющую всю работу. Я назвал ему состав этой группы, в которую входили: Кабаков, я, Советников и другие. Я рассказал ему и о той работе, которую я проводил по заданиям Смирнова, а через Кабакова — и его, Рыкова.

Рыков говорил, что мы были бы смешны, если бы не вели свою борьбу за кулацкое восстание, если бы мы сами не принимали абсолютно никаких мер в организации такого кулацкого движения и не стали у руководства. Рыков говорил, что прежде всего необходимо, чтобы со своей стороны мы воспользовались этим моментом для разжигания недовольства в деревне. Задачи, которые выдвинул тогда Рыков в беседе со мной, можно свести к трем основным моментам.

Первый — это вредительская работа в деревне: срыв посевной кампании путем несвоевременной выдачи и подвоза семенного материала, понижения его качества. Это будет, естественно, озлоблять население. С другой стороны, — меры, противоречащие укреплению колхозов, направленные к тому, чтобы возбуждать недовольство крестьянского населения.

Второй момент — это возбуждение населения путем различного рода провокационных мер: неправильная организация снабжения основными продуктами питания и особенно неправильная организация общественного питания. Это было в целом ряде

мест в последующем 1932 году, в частности, в Перми, Лысьве и, насколько мне известно, в районе Кизела и в Березниках.

Третий момент — консолидация всех элементов враждебно настроенных к Советской власти, блокирование с существующими на Урале контрреволюционными организациями, в частности, с троцкистскими, зиновьевскими и эсеровскими. Нам было подчеркнуто, что, не теряя своей самостоятельности, мы должны снестись с ними и организовать связь и контакт.

Вышинский. Подсудимый Рыков, что вы можете сказать по этой части показаний подсудимого Зубарева? Вы подтверждаете встречу?

Рыков. Да.

Вышинский. А разговоры, поручения?

Рыков. Подтверждаю разговоры относительно характеристики мной настроений в тот период в деревне. Я должен был давать и давал такие поручения.

Вышинский. Давали ли вы поручения Зубареву?

Рыков. Да.

Вышинский. Когда?

Рыков. В мае 1930 года.

Вышинский. Подсудимый Зубарев, скажите, что конкретно вами было сделано для совершения преступлений против Советского правительства?

Зубарев. Я давал указания о срыве хлебозаготовок, поощрении враждебных настроений в связи со сдачей хлеба, о противодействии коллективизации, о противодействии мероприятиям, проводимым партией и правительством в отношении укрепления колхозов.

Вышинский. А об организации кулацких восстаний вы давали указания?

Зубарев. Давал. Они находились в прямой зависимости от этих мероприятий.

Вышинский. Это вы делали по личной инициативе или не по личной?

Зубарев. Я проводил те директивы, которые я получил от Смирнова, от Рыкова. Эти установки также имел и Кабаков, поддерживавший все время непосредственную связь с Рыковым и Томским.

Я знал о той вредительской работе, которая проводилась по линии промышленности, и о той связи, которую имела уральская организация с троцкистами и эсерами.

Вышинский. Это когда было?

Зубарев. В 1932, 1933 и 1934 годах. Это я знаю со слов целого ряда участников и, в том числе, непосредственно от самого Кабакова.

Вышинский. Какие факты вредительства имели место в вашей деятельности?

Зубарев. Я давал вредительские установки, наносящие вред Советскому государству, в отношении сельского хозяйства на

Урале. Что касается моей работы в Москве, то в Москве контрреволюционная деятельность моя начинается с середины 1933 года

Вышинский. Скажите, в чем выражается ваша вредительская деятельность?

Зубарев. Когда я работал в области семеноводства по линии Наркомзема Союза, она выразилась в том, о чем говорил вчера подсудимый Чернов: запутывание семеноводства, ухудшение качества семян, применение недоброкачественного материала, плохая его очистка, небрежное хранение, а в результате, это вызвало не только снижение урожая, но и враждебное настроение со стороны крестьянства, недовольство этими, так называемыми, сортовыми семенами.

А дальше, в марте 1934 года я оставил работу в Наркомземе Союза и перешел на работу в Наркомзем РСФСР.

Здесь моя преступная деятельность заключалась, прежде всего, в неправильном планировании посева овощей. В частности уделялось слабое внимание развитию посевов овощей в наших восточных районах, где развитие овощеводства имело громадное значение, особенно в связи с развитием промышленности, в частности, в ДВК и в Западно-Сибирском крае. Завоз туда овощей из основных овощных районов центральной части России составлял величайшие экономические трудности и загружал транспорт чрезвычайно невыгодным грузом, — это во-первых. Во-вторых, проводилась точно такая же работа в отношении слабого развития питомников по плодовым растениям.

По линии совхозов основное вредительство заключалось том, что до самого последнего времени не были установлены правильные севообороты, а в целом ряде совхозов их вовсе не было. Все это, естественно, снижало урожай. Целый ряд совхозов имевших большое количество скота, вследствие неправильного построения севооборотов оставался без кормов. В результате падеж скота, медленное развитие скотоводства.

Вышинский. Известно вам было, что в программу центра всей группы «право-троцкистского блока» входили террористические акты?

Зубарев. Да, известно.

Вышинский. Вы лично причастны в какой-либо мере к организации террористических актов?

Зубарев. Да.

Вышинский. Когда и против кого?

Зубарев. В конце 1936 года, примерно, в декабре, мы — я Лисицын — имели директиву об организации в Наркомземе РСФСР террористической группы.

Вышинский. Вы входили в эту группу?

Зубарев. Да, я входил.

Вышинский. Вы организовали эту группу?

Зубарев. Я был одним из участников и одним из организаторов ее.

Вышинский. Против кого вы намеревались совершить ваши злодейские террористические акты?

Зубарев. Вначале мы конкретно никого персонально не имели

в виду, — а вообще намечали террористические акты против руководящего состава Центрального Комитета ВКП(б), в частности, против членов Политбюро. В силу своего положения, в силу своих связей и больших возможностей в смысле организации террористического акта мы остановились на Молотове...

Вышинский. На Молотове — Председателя Совета Народных Комиссаров СССР?

Зубарев. Да, на Молотове.

Вышинский. А еще были у вас преступные замыслы такого рода?

Зубарев. Мы остановились на этом. Других возможностей мы не видели. Вначале ставился вопрос относительно Сталина, Кагановича, Ворошилова и Молотова, но мы остановились на Молотове по тем соображениям, о которых я уже говорил.

Вышинский. Расскажите, при каких обстоятельствах вы оказались агентом царской охраны.

Зубарев. В 1908 году у моего отца в деревне, где я также был в тот момент, был произведен обыск большим нарядом полиции. При обыске было найдено значительное количество литературы.

Вышинский. Какой?

Зубарев. Нелегальной литературы. Руководивший обыском пристав Васильев поставил передо мной вопрос в такой плоскости: «если вы, Зубарев, хотите избежать репрессии, то у вас есть только единственная возможность — принять мое предложение быть агентом полиции».

Через некоторое время я был у него на квартире в городе Котельниче. Получил от него задания относительно информации о составе котельнической организации, о характеристике отдельных наиболее активных руководителей — Чибисове, Петухове и Попове. Я должен был давать сведения о спичечной фабрике и о воинском гарнизоне. Это было в декабре — ноябре 1908 года. В марте я был у него второй раз. Затем выехал из пределов Вятской губернии в Уфимскую губернию и поступил на работу в качестве счетовода в кооперативе в уездном городе. В первый момент мне там не пришлось встречаться с полицией, но затем в середине 1910 года у меня установилась связь со стерлитамакским исправником.

Вышинский. Какая связь?

Зубарев. Как агента.

Вышинский. То есть вы стали агентом полиции в Стерлитамаке?

Зубарев. Да. Пристав Васильев мне заявил, что им было послано соответствующее уведомление по месту моего последующего жительства. С этого времени началась моя работа, причем я получил кличку «Палин».

Вышинский. Это вторая ваша кличка?

Зубарев. Да. Первая кличка была «Василий».

Вышинский. Были у вас еще клички?

Зубарев. Была еще кличка «Прохор», в Уфе.

Вышинский. Кого вы предавали?

Зубарев. Кооперативные кадры и кадры земских работников.

В Стерлитамаке я имел поручение давать сведения о ссыльных которых было в Стерлитамаке значительное количество.

Вышинский. Большевистскую ссылку освещали?

Зубарев. Там был один социал-демократ агроном Силин еще один социал-демократ, фамилию которого я сейчас помню.

Вышинский. Значит, всех, кого предали, вам трудно запонить. В конце 1915 и начале 1916 года вы переехали на жительство в Уфу?

Зубарев. Да.

Вышинский. При каких обстоятельствах? Почему вы потялись в Уфу?

Зубарев. Губернское земство предложило мне занять должность губернского инструктора по кооперации. Я приехал в Уфу и через полтора месяца был мобилизован...

Вышинский. Приехав в Уфу, вы опять связались с полицией?

Зубарев. Да, в начале февраля 1916 года.

Вышинский. Значит, вы вступили в связь с полицией 1908 году?

Зубарев. Да.

Вышинский. На протяжении ряда лет эта связь продолжалась. Потом вы оказываетесь в Стерлитамаке и вступаете здесь в связь с полицией. Значит, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 годы часть 1915 года вы состояли в связи с полицией, проживая в то время в Стерлитамаке?

Зубарев. Да.

Вышинский. Потом вы переезжаете в Уфу и опять связываетесь с полицией. После этого вы призываетесь в армию. Когда вы были в армии, продолжали вы давать сведения полиции о революционных настроениях в армии?

Зубарев. Я получил задание освещать политические настроения той воинской части, в которой я находился.

Вышинский. Вы это делали?

Зубарев. Да, один раз я это сделал, потом выехал из Уфы.

Вышинский. Значит, на протяжении большого периода в былые связаны с полицией вплоть до самой революции?

Зубарев. Да.

Вышинский. Вы получали вознаграждение за эту свою работу?

Зубарев. Дважды от пристава Васильева по 30 рублей.

Вышинский. По 30 серебрянников?

Зубарев. Да.

Вышинский. В два раза больше чем Иуда?

Зубарев. Да.

Председательствующий. Вы занимались шпионской деятельностью?

Зубарев. Да.

Председательствующий. Расскажите вкратце о своей шпионской деятельности.

Зубарев. Моя шпионская деятельность началась с конца 1935 года. Вовлечен я был в эту организацию для дачи секре

ных сведений секретарем Сулимова Ивановым. Сведения секретного порядка, касающиеся данных по линии сельского хозяйства, я давал дважды — в январе и в декабре 1936 года. Я подробно освещал состояние деревни, освещал хлебные запасы, семенные и продовольственные фонды, особенно фуражные, говорил о состоянии скота.

От Иванова я узнал, что эти сведения давались в пользу фашистской Германии.

Вышинский. Я прошу вызвать сюда в качестве свидетеля бывшего полицейского пристава Васильева, который вербовал в свое время Зубарева, для проверки этого обстоятельства.

Председательствующий. Суд определил удовлетворить ходатайство Прокурора и вызвать Васильева в качестве свидетеля на заседание суда.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ВАСИЛЬЕВА Д. Н.

Председательствующий. Ваша фамилия Васильев?

Васильев. Васильев.

Председательствующий. Ваше имя, отчество?

Васильев. Дмитрий Николаевич.

Председательствующий. Когда вы родились?

Васильев. В 1870 году.

Председательствующий. Вы в 1907, 1908, 1909, 1910 годах в каких городах жили?

Васильев. В городе Котельниче.

Председательствующий. Какую должность занимали?

Васильев. Я был становым приставом 4-го стана.

Председательствующий. С какого и по какой год были приставом?

Васильев. С 1906 года по 1917 год.

Председательствующий. Во время вашей работы в качестве пристава приходилось вам кого-нибудь вербовать в качестве провокатора?

Васильев. Приходилось.

Председательствующий. В частности, не приходилось ли вам завербовать Зубарева?

Васильев. Зубарева да, так точно.

Председательствующий. В двух словах расскажите, как вы его завербовали.

Васильев. Полицейский урядник Смердинской волости сообщил мне, что в доме, где жил у своего отца в деревне Зубарев Прскопий Тимофеевич, собираются молодые люди, поют революционные песни, читают революционные книги. Ну, я, конечно, по долгу своей службы тогда приехал в деревню с урядником Коневым, сделал обыск, обнаружил и отобрал действительно много революционных изданий. Зубарева пришлось, конечно, арестовать. В моей канцелярии Зубарев сказал, что у них еще есть в деревне революционно настроенные люди. Назвал он мне имена двух человек, но фамилии не сказал, и обещал, что он

выявит этих двух людей. Я доложил исправнику. Исправник велел его завербовать и отобрать от него подписку.

Председательствующий. Какого характера подписку?

Васильев. О том, что он обязуется давать полиции сведения. При отобрании этой подписки он сказал, что кличка его буд «Василий».

Председательствующий. Сам сказал?

Васильев. Да, сам сказал. Я хорошо помню.

Председательствующий. О деньгах стал разговаривать?

Васильев. Потом уже о деньгах.

Председательствующий. Какая же плата была установлен

Васильев. Исправник прислал ему 30 рублей.

Председательствующий. Потом вам приходилось давать еще деньги?

Васильев. Я хорошо помню один раз, но может быть и е давал, я не отрицаю.

Вышинский. В течение какого времени вы были связаны Зубаревым?

Васильев. С 1908 по 1909 год.

Вышинский (обращаясь к Зубареву). Вы не прип мните, этот Васильев тогда был приставом?

Зубарев. Так как прошло 30 лет, мне трудно сейчас вспом нить, но, кажется, что этот... Не отрицаю.

Вышинский. Похож?

Зубарев. Да.

Вышинский. Вы получали деньги от Васильева или от кого либо другого? И кому давали сведения?

Зубарев. Да, от Васильева и передавал сведения Васильев

Вышинский. Сколько раз, не помните?

Зубарев. Я был у него два раза.

Вышинский. Вы подтверждаете, что свидетель Дмитрий Ни колаевич Васильев напоминает вам того пристава Василье который вас впервые завербовал на службу в полицию?

Зубарев. Да, подтверждаю.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

На этом утреннее заседание заканчивается, и Председ тель ст в у ю щ и й объявляет перерыв до 18 часов.

Вечернее заседание 3 марта

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО КРЕСТИНСКОГО

Председательствующий. Приступаем к допросу подсудимого Крестинского.

Вышинский. Позвольте мне до допроса Крестинского задать несколько вопросов подсудимому Раковскому.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Раковский, вы признали себя виновным в преступлениях, которые вам предъявлены?

Раковский. Признал.

Вышинский. Вы здесь слышали также ответ Крестинского, который на вопрос суда заявил, что он не троцкист и не совершил преступлений, в которых он признавался на предварительном следствии. Я хотел бы спросить у вас, как у одного из виднейших представителей и руководителей троцкистского подполья в СССР, что вы знаете о троцкистской деятельности Крестинского в последний период времени?

Раковский. Крестинский в доказательство того, что он отошел от троцкизма, заявил, что в конце 1927 года он послал письмо Троцкому, в котором отмежевался от троцкистских позиций. Это письмо Крестинского мне известно. Троцкий давал мне его читать. И не только мне. Но для того, чтобы осветить смысл этого письма, я должен прежде всего указать на один факт.

Возвращаясь в Москву, за несколько недель до посылки Крестинским этого письма, накануне пленума ЦК перед XV съездом, я остановился в 1927 году в Берлине, как всегда — в полпредстве, где тогда работал Крестинский. Вместе со мной был Каменев. Он приехал из Рима и тоже отправлялся на пленум ЦК. Между мной, Каменевым и Крестинским, как между единомышленниками, происходил тогда в Берлине обмен мнений.

Вышинский. Как между единомышленниками?

Раковский. Да. Само собой понятно, как между единомышленниками. До этого времени со стороны Крестинского не было никаких признаков отхода от оппозиции. При встрече в Берлине мы вместе обсуждали, что следует предпринимать оппозиции на предстоящем пленуме. Крестинский оставался в Берлине. Он был того мнения, что нужно продолжать и дальше маневрировать.

Вышинский. То есть двурушничать?

Раковский. Тогда это слово не употреблялось.

Вышинский. А смысл?

Раковский. Смысл тот же.

Через некоторое время после этого, когда я уже был в Москве, Троцкий мне показал письмо Крестинского.

Вышинский. Когда это было?

Раковский. Я думаю, что это было в первых числах декабря 1927 года.

Вышинский. Вы припоминаете, что в этом письме было?

Раковский. Точное содержание я не помню, но общее впечатление было такое, что это маневр. Когда я прочел это письмо Крестинского, я сказал Троцкому: «Крестинский подготавливает то, что на языке юриспруденции называется свое «алиби». Троцкий подтвердил это. Так впоследствии и получилось, ибо, когда ЦК ВКП(б) обратился к полпредам, разделявшим троцкистские взгляды, с вопросом, как они относятся к исключению руководителей оппозиции из партии, Крестинский написал в ЦК письмо и ссылался в нем на это свое «алиби».

Вышинский. Ссылался на письмо к Троцкому, как на доказательство разрыва с троцкизмом?

Раковский. Да, на это письмо, как на доказательство, что он отошел. Письмо Крестинского в ЦК было напечатано в газете в 1928 году. Я не считаю, что этот документ свидетельствует о отходе Крестинского от троцкистской оппозиции.

Вышинский. Следовательно, письмо, о котором здесь говорил подсудимый Крестинский, как о доказательстве его разрыва с Троцким и троцкистами, вы рассматриваете исключительно как маневр, как документ, который должен был бы, в случае необходимости, свидетельствовать о его «алиби»?

Раковский. Правильно.

Вышинский. Следовательно, на мой вопрос — был ли в ноябре 1927 года и позже Крестинский троцкистом, — как вы отвечаете?

Раковский. Да, Крестинский был троцкистом и с троцкизмом никогда не порывал.

Вышинский. Следовательно, как вы расцениваете сделанное здесь вчера заявление подсудимого Крестинского, что он не был троцкистом, по крайней мере с ноября 1927 года?

Раковский. Как не соответствующее действительности.

Вышинский. Вам известно, что обвиняемый Крестинский позже был троцкистом?

Раковский. Известно.

Вышинский. Вы можете привести какие-нибудь факты?

Раковский. Могу, я обращусь, если позволит суд, к самому Крестинскому.

Председательствующий. Пожалуйста.

Раковский (К р е с т и н с к о м у). Николай Николаевич, когда я был в ссылке, ты мне писал?

Крестинский. Да, через дочь, которая ехала в Саратов, я писал.

Вышинский. Позвольте спросить подсудимого Крестинского: в каком году это было?

Крестинский. Это было в 1928 году.

Раковский. Это было в 1929 году, в августе или июле. В 1928 году я был в Астрахани.

Вышинский. Я просил бы, подсудимый Раковский, сообщить, о чем вам писал в 1929 году, во время вашего пребывания в Саратове, в ссылке, обвиняемый Крестинский?

Раковский. Крестинский в этом письме писал, чтобы я вернулся в партию, естественно, в целях продолжения троцкистской деятельности.

Вышинский. Значит, вы сейчас устанавливаете факт его связи с вами, хотя вы были ссыльным троцкистом?

Раковский. Да, и его желание, как и других троцкистов, сохранить троцкистские кадры, по возможности проникнув в партию.

Вышинский. Значит, он уговаривал вас, чтобы вы, из тактических соображений, в интересах троцкистского дела, вернулись в партию?

Раковский. Так я понял.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, правильно понял содержание вашего письма подсудимый Раковский?

Крестинский. Правильно.

Вышинский. Я прошу суд о следующем. По моему требованию сейчас были проверены документы, изъятые при обыске у Крестинского. Среди них имелась копия его письма Троцкому от 27 ноября 1927 года, того самого письма, на которое ссылался вчера Крестинский и о котором говорит Раковский.

Я прошу разрешить мне предъявить Раковскому и Крестинскому эту копию письма и спросить их, об этом ли письме Троцкому оба они говорят.

(Копия письма от 27 ноября 1927 года представляется Крестинскому.)

Крестинский. Это то самое письмо.

Вышинский. Прошу предъявить копию письма обвиняемому Раковскому.

Раковский (читая письмо). Да, насколько я могу помнить, это есть то самое письмо.

Вышинский. Прошу разрешить предъявить Раковскому выдержку из газеты «Экономическая жизнь» от 8 апреля 1928 года, где написано: «Выдержка из письма Крестинского от 22 марта 1928 года». Не это ли он имел в виду, когда говорил о письме Крестинского в ЦК, посланном уже после его письма к Троцкому?

Раковский. Да, об этом.

Вышинский. Значит все факты установлены. Подсудимый Раковский, не помните ли вы следующего места из личного письма Крестинского Троцкому, как оно отражено в копии. Крестинский пишет: «По моему глубокому убеждению, тактика оппозиции за последние полгода была глубоко ошибочной, вредной для целей самой оппозиции, можно сказать, трагически не-

правильной». Можно ли из этого абзаца сделать заключение что здесь содержится какое-либо осуждение троцкизма?

Раковский. Нет. Крестинский рассуждает как человек, находящийся в троцкистской организации. Он исходит из троцкистских предпосылок. Он говорит в интересах троцкистской организации, троцкистских целей.

Вышинский. Следовательно, здесь есть просто оценка тактической линии троцкистов, даваемая человеком, в данном случае Крестинским, остающимся на почве троцкистской борьбы против Советской власти?

Раковский. Да, это так.

Вышинский. Позвольте спросить Крестинского: правильно ли будет так понимать это место из вашего письма к Троцкому?

Крестинский. Да, так.

Вышинский. Дальше в копии этого письма говорится:

«Смешно говорить о сохранении кадров, когда они уже фактически уничтожены неправильной политикой самой оппозиции. Нельзя, ведь, считать кадрами пару сотен исключенных и поставленных вне закона товарищей. Это — кадры для тюрьмы и ссылки, а не для продолжения внутривластной борьбы. Еще смешнее говорить о сохранении влияния на массы. Где это бывало в истории, чтобы группа, потерпевшая полное поражение в борьбе благодаря собственным ошибкам могла сохранить влияние на массы? А, ведь, для всякого неослепленного ясно, что преждевременные, обреченные на неудачу выступления и последующее полное поражение есть результат ошибок, плохого, неверного руководства.

И при капитуляции, и при непримиримой тактике потери влияния неизбежны. Но в первом случае медленно, постепенно упорной работой внутри партии и в советском аппарате можно восстановить, вновь заработать доверие масс и влияние на них».

О чем же здесь идет речь? Мне представляется, что здесь речь идет об оценке тактической линии троцкистов с точки зрения интересов троцкистской борьбы против партии, но никак не о разрыве с троцкизмом.

Раковский. Да, это так, я это подтверждаю полностью.

Вышинский (обращаясь к Крестинскому). Вы выслушали подробное объяснение Раковского о так называемом отходе вашем от троцкизма. Считаете ли вы эти объяснения Раковского правильными?

Крестинский. То, что он говорит, правильно.

Вышинский. Если верно то, что говорил здесь Раковский, то будете ли вы продолжать обманывать суд и отрицать правильность данных вами на предварительном следствии показаний

Крестинский. Свои показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю.

Вышинский. Что означает в таком случае ваше вчерашнее

заявление, которое нельзя иначе рассматривать, как троцкистскую провокацию на процессе?

Крестинский. Вчера, под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелым впечатлением от оглашения обвинительного акта, усугубленным моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен. И вместо того, чтобы сказать — да, я виновен, я почти машинально ответил — нет, не виновен.

Вышинский. Машинально?

Крестинский. Я не в силах был перед лицом мирового общественного мнения сказать правду, что я вел все время троцкистскую борьбу против Советской власти.

Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем тягчайшим обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измену и предательство.

Вышинский. У меня вопросов к подсудимому Крестинскому пока нет.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РЫКОВА

Председательствующий. Подсудимый Рыков, ваши показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Рыков. Да, подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Рыков, скажите, когда началась ваша подпольная заговорщическая деятельность против Советского правительства?

Рыков. По существу дела она началась с 1928 года.

Вышинский. С 1928 года она оформилась?

Рыков. Может быть, трудно запомнить.

Вышинский. Скажите, в чем выражалась в это время ваша антисоветская деятельность, какие непосредственно ставили организационные задачи, какие вы преследовали цели?

Рыков. В этот период, 1928—1930 годы... Я говорю — «в этот период» потому, что он несколько однотипен. Я боролся активно против всей политики партии и Советского правительства и, главным образом, против политики партии в отношении к крестьянству. Эта деятельность выразилась в моих, что называется, легальных выступлениях. Нелегальная организация в этот период использовала легальные возможности.

Вышинский. Какие у вас были отношения с Ягодой в 1928—29 годах?

Рыков. В отношениях с Ягодой все было нелегально. У нас уже в этот период существовали кадры, которые были специально законспирированы в целях организации дальнейшей борьбы с партией. К этим людям, в частности, принадлежал Ягода, с которым я был в этот период и перед тем связан лично, от которого я получал специально подобранную информацию, которую я использовал для своих выступлений против политики

партии в деревне. Когда, в дальнейшем, на заседании Полбюро было вскрыто сочувствие Ягоды нам по вопросу о чрезвычайных мерах в хлебозаготовках по отношению к кулакам, он после короткого времени осуществил маневр двурушничества, заявил себя сторонником партии, на самом деле оставаясь членом нашей контрреволюционной организации. Причем сделал это было не только с моего ведома, а, насколько помню, и по моему совету.

Вышинский. Было ли у вас с Ягодой соглашение о том, что члены вашей подпольной организации им не будут репрессироваться?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Было ли с Ягодой соглашение о том, что будет оберегать подпольную организацию правых, используя свое служебное положение?

Рыков. Да.

Вышинский. Подсудимый Ягода, вы подтверждаете эту часть показаний Рыкова?

Ягода. Факт подтверждаю.

Вышинский. В 1929 году было это?

Ягода. Было.

Вышинский (обращаясь к Рыкову). Подсудимый Рыков, вы говорите, что это было в 1929 году?

Рыков. Да, это было в 1929 году.

Вышинский. Во всяком случае, это было тогда, когда вы, подсудимый Ягода, были заместителем председателя ОГПУ и когда на вашей обязанности лежала борьба с подпольными группами

Ягода. Да.

Вышинский. Следовательно, вы совершили прямую государственную измену?

Ягода. Да.

Вышинский. Садитесь. Продолжайте, подсудимый Рыков.

Рыков. Уже с самого начала нашей открытой борьбы против партии образовалась прослойка членов нашей контрреволюционной организации, которая не заявляла себя открыто сторонками правых. К их числу, кроме Ягоды, принадлежали такие люди, как Антипов, Разумов, Румянцев.

Таким образом, в этот период так называемой открытой борьбы, наряду с легальной, открытой борьбой, сразу стал складываться и нелегальный центр правых в составе меня, Бухарина и Томского. Руководство борьбой было в наших руках. Этот центр удержался и продолжал свою контрреволюционную работу до последнего времени.

Нелегальная работа заключалась в том, что такие же группы в тот период — с 1928 по 1930 год — стали создаваться и на территории Союза. Главными составными частями того, что вошел в состав контрреволюционной организации в Москве, был Томский со своими профессионалистами, Бухарин со своими сыновьями, в частности, со своими учениками, с его «школкой», потом с целым рядом своих сторонников, затем Угланов с группой

своих сторонников из москвичей. Это сразу составило организацию правых. До 1930 года шло накопление этой организации.

В этих же целях, в целях борьбы с партией мы использовали профсоюзный съезд. Почти все 93 человека, которые голосовали за Томского и против партии на профсоюзном съезде, вошли в нашу контрреволюционную организацию.

Когда на пленумах, конференциях и съездах партии позиции правых подвергли систематическому разоблачению, было совершенно ясно, что удержаться на легальной позиции было невозможно. Тогда началась серия заявлений об отказе от правых убеждений. Все эти заявления были обманом партии. Из центра, куда и я входил, давались непосредственные директивы о том, чтобы такие заявления подавать.

Несколько позднее, одним из последних, подал заявление об отказе от защиты платформы правых и я, вместе с Бухариным и Томским. Этим заявлением мы хотели обмануть партию. После того, как было вынесено решение съезда партии о несовместимости взглядов правых с принадлежностью к партии, мы перешли полностью на нелегальность.

Таким образом, с 1930 года контрреволюционная организация была нелегальной на 100 процентов, и ее работа была построена на обмане партии.

Кроме этого заявления, которое я подал, мы, в частности я, напечатали в газете несколько статей против своих собственных заявлений и установок. Этим мы преследовали ту же цель — обман.

Вышинский. Так что обман партии это была широко практиковавшаяся вами система?

Рыков. Да, конечно, это была система, которая практиковалась очень широко.

Вышинский. В период 1928—29 годов у вас действовал руководящий центр?

Рыков. Да, тройка, с самого начала.

Вышинский. В лице кого?

Рыков. В лице моем, Бухарина и Томского.

Вышинский. Следовательно, можно прямо утверждать, что уже в 1928 году у нелегальной группы правых был свой руководящий центр в лице этой тройки?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Перейдем к дальнейшему периоду.

Рыков. Следующий период — 1930—33 годы. Это тот период, когда формировались наиболее преступные методы работы и цели, которые поставила себе контрреволюционная организация. Я должен здесь оговориться, было бы неправильно сказать, что в период 1928—30 годов никто из правых не говорил о применении таких методов как террор.

Вышинский. Были такие?

Рыков. Конечно, в этот период отдельные лица уже выставляли требования о применении этих методов, но это были предвестники того, что потом было принято в виде тактики контрре-

волюционной организации правых. Для периода 1930—33 годов в смысле принципиальных установок является характерной та называемая рютинская платформа. Обсуждалась эта рютинская платформа дважды в 1932 году при моем участии, на даче Томского. Кроме меня на первом собрании присутствовали Бухарин и Томский и целый ряд лиц, в числе которых был Василий Шмидт и Угланов. На втором заседании Бухарин не был, он был в отпуску, но он потом, ознакомившись с платформой, полностью солидаризировался и присоединился к ней. Платформа называется рютинской потому, что она была издана сторонниками правых, группой Рютина, из московской организации Угланов.

Эта группа, при производстве следствия по поводу этой платформы, приняла всю ответственность на себя. Это было сделано с заранее обдуманной намерением, чтобы нам самим не быть привлеченными к ответственности за эту платформу. Благодаря тому, что Ягода был во главе ОГПУ, нам удалось это сделать. Это было сделано в интересах двурушничества.

Вышинский. Уже тогда, следовательно, элементы терроризма имели место в вашей деятельности?

Рыков. Платформа признавала, насколько я помню, — а я помню, ибо принимал участие в редактировании, — насильственные методы изменения руководства партией и страной — террор восстания. Вторая формулировка — это объединение тех сил, тех организаций, которые борются с партией и правительством СССР. Эти два тезиса являлись основными и определяющими в рютинской платформе и вместе с тем для всего последующего периода.

Наша контрреволюционная работа за этот период стремилась опереться и оперлась до некоторой степени на те силы контрреволюции, которые в это время активизировались. Я имею в виду кулацкие выступления, кулацкие восстания, кулацкий саботаж который в то время был довольно широко развит. Тут мы применили все формы использования антисоветских, буржуазных сил в деревне для борьбы с партией и правительством: от использования уже назревших выступлений до сознательной организации кулацких восстаний. В качестве примеров могу привести два случая, в которых центр принял непосредственное участие. Я имею в виду Северный Кавказ и Сибирь.

Центр правых обращал на Северный Кавказ особое внимание в связи с большим удельным весом казачества и зажиточного крестьянства.

Туда в 1932 году ездил специально Эйсмонт в целях организации нашего участия в кулацком движении. Эйсмонт поехал туда с моего ведома и после предварительного разговора с мной, с целью всемерного обострения кулацкого движения на Северном Кавказе и содействия его распространению. После этого он мне сообщил, что связался с Пивоваровым и туда кроме Эйсмонта, был послан Слепков, один из видных членов бухаринской организации. Он был послан с ведома и по инициативе Бухарина.

Вышинский. С ведома Бухарина?

Рыков. По его инициативе; по-моему, Бухарин не будет о

этого отказываться. Я посылал Эйсмонта и Смирнова, а он послал Слепкова.

Вышинский. С какими конкретными заданиями поехал Слепков?

Рыков. Подробные задания давал Бухарин, но основное задание было, как я уже сказал, — всемерное обострение недовольства кулаков, вплоть до всякого рода открытых выступлений.

Вышинский. То есть, иначе говоря, для организации кулацких выступлений, кулацких восстаний?

Рыков. Конечно. Я это и сказал.

Вышинский. Что вы скажете, подсудимый Бухарин?

Бухарин. Я подтверждаю все, что говорил здесь до сих пор.
Рыков. Слепков посылался на Северный Кавказ именно для этой цели.

Вышинский. Стало быть, весной 1932 года, по прямому заданию центра, и в частности Рыкова и Бухарина, направляется на Северный Кавказ один из ваших ближайших соучастников по подполью Слепков для всемерной, как сказал Рыков, организации кулацких выступлений. Правильно это?

Бухарин. Я уже сказал, что подтверждаю от первого до последнего слова все то, что сказал здесь Рыков.

Вышинский. Следовательно, вы послали Слепкова для организации кулацких восстаний на Северном Кавказе?

Бухарин. Следовательно, послал для того, чтобы поднять восстание. Тогда стояла задача всемерного обострения кулацкого недовольства по отношению к Советской власти, задача разжигания этого недовольства, организации кадров и организации выступлений, вплоть до вооруженных кулацких восстаний.

Вышинский. Вот это я и хотел знать. (К Рыкову). Теперь можно перейти к Сибири.

Рыков. Относительно Сибири я знаю со слов Бухарина...

Вышинский. О чем?

Рыков. О том, что Яковенко в Сибири осуществлял такую же работу, какая велась на Северном Кавказе, то есть он стремился поднять кулацкие активные выступления. Он неоднократно виделся с Бухариным и разговаривал с ним. Конечно, Бухарин давал ему установки, директивы, пропагандировал его.

Вышинский (обращаясь к суду). Позвольте Бухарина спросить по этой части. Подсудимый Рыков правильно осветил факт отправки вами Яковенко в Сибирь для организации кулацкого восстания?

Бухарин. Правильно. Яковенко встретил меня случайно в Серебряном бору. Он сказал, что есть достаточные силы для того, чтобы поднять восстание. Я ему согласия сначала не дал, сказал, что посоветуюсь со своими единомышленниками. Этот вопрос я поставил формально на обсуждение центра.

Вышинский. В 1932 году?

Бухарин. Да. Они выразили недовольство, что я сразу не ответил Яковенко положительно. После состоявшегося решения я об этом сказал Яковенко, не вдаваясь в детали технической сто-

роны, что центр стоит за то, чтобы движение разжечь и поднять восстание.

Вышинский. И он поехал?

Бухарин. Да, он поехал.

Вышинский. И что же, были там в Сибири кулацкие выступления?

Бухарин. Да, выступления были.

Вышинский. В 1932 году вы стали на путь прямой государственной измены. Правильно это или нет?

Бухарин. Совершенно верно. Я сказал, что я считаю датировку с рютинской платформы, с осени 1932 года.

Вышинский. Значит, ваша деятельность заговорщика и государственного изменника вами самим исчисляется с 1932 года в связи с эволюцией правого уклона в контрреволюционную организацию? Правильно?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Значит, у вас на балансе значится: подготовка и организация кулацких восстаний на Северном Кавказе и подготовка и организация кулацких восстаний в Западной Сибири. Так?

Бухарин. Так.

Вышинский (обращаясь к Рыкову). Это, подсудимый Рыков, вам также было известно? Это с вашего ведома делалось?

Рыков. Конечно. В связи с Северным Кавказом в смысле преступности есть еще один момент, это — по линии эсеровской связи, которую перед этим мы обсуждали специально в связи с кулацкими восстаниями. Связь с эсерами на основе совместных антисоветских выступлений кулачества, как сообщил мне Эйсмонт, была осуществлена на практике на Северном Кавказе.

Это первое, что характерно для наших преступлений за период 1930—1933 годов.

В этот же период сформулировались взгляды правых и по вопросу о терроре. Нарастание террористических настроений началось еще до 1930 года, насколько мне известно. Приблизительно в 1932 году оформилось наше положительное отношение к применению террора, как метода борьбы за власть, причем это нашло свое выражение и на практике. Я не представляю себе теоретического террора. Когда люди говорят о терроре, то это чисто практическая вещь. Нельзя заниматься теорией террора без практики. Как только были приняты установки, сейчас же начались соответствующие организационные и практические выводы из этого, то есть создался целый ряд террористических групп. Я лично давал целый ряд террористических директив, кроме людей, близких мне, как Нестеров, Радин, целому ряду других. Я передавал эти директивы и национальным организациям. Говорил по вопросу о терроре с участниками пан-тюркистской и белорусской националистической организаций, и скоро террористические установки с соответствующими выводами были широко приняты. У меня кроме этих разговоров по этому поводу были и другие. Нестеров затем сообщил, что на

Урале, в Свердловске, была по моим указаниям создана организация.

В позднейшее время, в 1935 году, я имел разговор террористического характера с Котовым, руководящим членом московской организации правых. Приблизительно в 1934 году я дал указание своей бывшей секретарше Артеменко о наблюдении за прохождением правительственных машин.

В этот же период по вопросу о терроре была установлена связь с эсером Семеновым через Бухарина. Я лично Семенова не знал. Бухарин сказал, что через Семенова он готовит покушение на Сталина. Потом мы, насколько помню, обсуждали вопрос о связи с эсерами по этой линии и связь эта была установлена через Бухарина, который имел наиболее прочные связи. Я имел разговор такого же террористического характера и с Белобородовым при поездке на курорт на Северный Кавказ. Это было приблизительно в 1934 году.

Вышинский. Подсудимый Рыков, откуда вам известно о связи Бухарина с этим эсером-террористом Семеновым?

Рыков. Со слов Бухарина, который говорил, что он был связан с Семеновым со времени эсеровского процесса, в связи с покушением на Ленина. На этом процессе, как известно, Бухарин выступал защитником Семенова.

Вышинский. Бухарин выступал защитником Семенова?

Рыков. Да.

Вышинский. А вы не имели случая видеть Семенова у Бухарина?

Рыков. Однажды я пришел на квартиру к Бухарину, у него сидел неизвестный мне человек, который после моего прихода ушел.

Вышинский. Бухарин вам говорил, что это тот Семенов, который организовывал покушение на Сталина?

Рыков. Он ли организовывал, не могу сказать.

Вышинский. Вы были в курсе организации этого покушения?

Рыков. Я не в курсе этого дела, но, повидимому, знал.

Вышинский. На предварительном следствии вы говорили, почему я вас об этом и спрашиваю, что «в 1932 году или в начале 33 года я, придя к Бухарину, застал у него неизвестного человека, который вскоре ушел. После его ухода Бухарин сообщил мне, что это тот Семенов, которого он знает со времени процесса эсеров, которого он защищал (то, что вы сейчас показали), — и далее он сообщил, что эсеры готовят покушение на Сталина и Кагановича. Я и Бухарин с удовлетворением приняли это сообщение, так как исполнение его облегчило бы контрреволюционную деятельность правых». Этот эпизод вы подтверждаете?

Рыков. Да.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, вы это подтверждаете?

Бухарин. В основном подтверждаю, но я хотел уточнить...

Вышинский. Подсудимый Бухарин, правильно ли говорит подсудимый Рыков, что в 1932—33 годах он застал у вас человека, которого вы называли Семеновым?

Бухарин. Возможно. Точно не помню, видел ли он Семенова и произошла ли эта сцена...

Вышинский. Но вы с Семеновым были связаны?

Бухарин. Да, я был связан. В курсе этой связи был и Рыков с моих собственных слов.

Вышинский. У вас была связь с эсеровским террористом Семеновым?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Вы, будучи не только членом Коммунистической партии, но членом ЦК, организовывали террористические акты против руководителей партии?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Вы тогда знали от Семенова, что готовится покушение на товарищей Сталина и Кагановича?

Бухарин. Нет, Рыков не точно передает. Тут дело обстояло так. Семенов сообщил: у него есть связи с различными эсеровскими террористическими группами, и так как он знает о настроениях среди правых контрреволюционных организаций по линии террора, то он предложил использовать эти связи.

Вышинский. Для чего?

Бухарин. Для террористической работы против руководства партии, в том числе Сталина и Кагановича.

Вышинский. Значит, у вас с Семеновым были в 1932 году разговоры о том, что следует организовать покушение на товарища Сталина и товарища Кагановича?

Бухарин. Тогда шла речь относительно террористических актов против руководящих деятелей партии.

Вышинский. Теоретический был разговор?

Бухарин. Нет, организация групп есть не теоретический разговор.

Вышинский. О чем же был разговор?

Бухарин. Разговор был о террористических планах по организации подготовки реализации этого плана против членов Политбюро.

Вышинский. Я прошу суд разрешить мне огласить показания подсудимого Бухарина на предварительном следствии.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Листы дела 105—106. При допросе вас, подсудимый Бухарин, Прокурором Союза 1-го декабря вы показывали: «Я хочу показать правду и заявляю, что предложение это (раньше шла речь о предложении Семенова) было мною доложено на совещании центра, и мы решили поручить Семенову организацию террористических групп». Это правильно?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Это как раз относится к 1932 году?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Значит, в 1932 году вы Семенову поручали, по решению центра правых, организацию террористической группы. Так это или нет?

Бухарин. Так.

Вышинский. Для чего вы ему поручили организовать террористическую группу?

Бухарин. Для совершения террористических актов.

Вышинский. Против кого?

Бухарин. Против членов Политбюро.

Вышинский. В том числе?

Бухарин. В том числе и против Сталина.

Вышинский. Продолжайте, подсудимый Рыков.

Рыков. Повторяю, я не могу ручаться за абсолютную точность моей памяти. Но я эпизод помню буквально так, что...

Вышинский. Что вы приняли с удовлетворением это сообщение Бухарина Семенову или Семенова Бухарину, или и Семенова и Бухарина?

Рыков. Это значит, что наибольшая однозначность с точки зрения политической заключается в том, что мы хотели чужими руками сделать...

Вышинский. Что сделать?

Рыков. Произвести террористические акты.

Вышинский. В том и другом случае дело шло об использовании эсеровских террористов для покушения на товарища Сталина и товарища Кагановича?

Рыков. Да, я понял дело так. И тут у меня оказывается разногласие с Бухариным. Я думал, что Семенов, состоя в другой организации, это организует. Тот же вариант, который изложен Бухариным, что я поручал Семенову создать какую-то специальную террористическую организацию, — я в первый раз слышу.

Бухарин. Это весьма понятно. Факт заключается в том, что Семенов сделал предложение. Это предложение стало известно не только мне, но и другим тогдашним моим единомышленникам по преступным действиям, и они согласились. Я совершенно согласен с Рыковым, что тут есть элемент еще более однозначный — чтобы чужими, эсеровскими руками сделать, — это совершенно понятно. Но я говорю, что была налицо, конечно, несомненная попытка использования эсеровских террористических сил для преступно-изменнической борьбы против руководства партии. Так как я был связан с Семеновым, то в данном случае несомненно инициатива принадлежала мне.

Вышинский. Так, может быть, и в этом была ваша, подсудимый Бухарин, инициатива организации террористического акта против товарища Сталина?

Бухарин. Это я признал. Но суть дела заключается в том, и я хочу подчеркнуть этот момент, что эта моя инициатива не исключает того, что в данном случае Семенов получил ответ с согласия моих двух единомышленников. Я еще раз подчеркиваю, что это не исключает моей инициативной роли в этом деле, а наоборот...

Вышинский. Позвольте мне констатировать, что у вас, у Бухарина, как члена центра правой подпольной организации, была подпольная конспиративная связь с эсеровским террористом, который вместе с вами подготовлял организацию покушения на

товарища Сталина и других членов Политбюро, причем эта подготовка террористических актов шла с ведома и одобрения центра правых, в том числе Томского и Рыкова.

Бухарин. Да.

Вышинский. Значит здесь сошлись линии — эсеровская и бухаринская?

Бухарин. Возможно и это.

Вышинский. Перейдем к подсудимому Рыкову. Мы разобрали часть ваших преступлений. Закончили мы, примерно, 1933 годом.

Рыков. Конец этого периода совпадает с ликвидацией кулачества. В связи с этим правые потеряли свою последнюю социальную базу — кулачество. И последующий период характеризуется созданием исключительно заговорщического типа организаций и применением самых острых методов борьбы против партии и правительства. Сюда, в частности, относится одна из попыток, которая была сделана, — это подготовка «дворцового переворота». Этот вопрос встал в 1933 году. Опорой для осуществления этого контрреволюционного плана явился Енукидзе, который вступил в качестве активного члена в организацию правых в 1933 году. Большую роль играл Ягода, который возглавлял ОГПУ.

Стал вопрос, как согласовать силы контрреволюции для осуществления «дворцового переворота». Был создан центр для этой задачи с привлечением туда троцкистов и зиновьевцев: Каменева, Пятакова, затем Енукидзе; туда вошли также я, Бухарин и Томский. Мы должны были скомпактовать все силы вокруг этого центра. Причем с этим центром была связана военная группа Тухачевского и группа Ягоды.

В 1934 году уже обсуждалась возможность тактического использования этой организации в связи с предстоящим XVII партсъездом. Я не помню точно, по указанию ли Томского или, может быть, по указанию Енукидзе, был поставлен вопрос, чтобы осуществить этот переворот во время XVII партсъезда, когда соберутся все ответственные работники, и одновременно с виднейшими членами правительства можно будет подвергнуть аресту тех виднейших работников республик и областей, которые могли бы сопротивляться перевороту. Но этот план был отвергнут. Сплоченность партии, популярность правительства, отсутствие какого-нибудь недовольства в стране, конечно, делали такого рода попытки совершенно авантюристскими, совершенно никчемными и это послужило причиной отвержения этого плана.

Люди, которые упорствуют в своей контрреволюционной борьбе, прибегают к тем мерам, к тем способам, к тем союзникам, которые в последующий уже за 1933 годом период у нас были. Это — о сношениях «центра» с немецкими фашистами. Естественно, что в этом вопросе мы, и лично я, старались несколько смягчить свои показания, потому что это очень скверная вещь.

Мы изобразили дело так, что мы не обсуждали предварительно в центре эти сношения. Фактически дело обстояло так: инициатива была у Томского. Узнали я и Бухарин об этом после. Но все это формальные моменты, потому что все мы, я и Буха-

рин, мы ни на минуту не колебались по вопросу о том, что Томский сделал правильно. Если бы он спросил, мы бы сказали: так нужно. Что характерно в этих переговорах? Характерно то, что Карахан сообщил, что немецкие фашисты отнеслись, конечно, с полным благожелательством к возможности прихода власти правых и всячески будут это приветствовать...

Он говорил, что немцы настаивают на том, чтобы национальным республикам было предоставлено право свободного выделения из системы Союза.

Вышинский. Что это значит по существу?

Рыков. Это означает то, что от СССР отходят крупнейшие национальные республики. Из национальных республик они пытаются сделать смежные с ними территории, которые сделают своими вассалами, и тем самым получают возможность нападения на оставшуюся часть Союза. Они приближаются, таким образом, к сердцу СССР, им облегчается возможность ведения с их стороны победоносной войны с СССР.

Вышинский. Следовательно, это — расчленение СССР, отторжение от него ряда республик?

Рыков. Да.

Вышинский. Подготовка фашистам плацдарма для нападения и победы?

Рыков. Да, это несомненно.

Вышинский. Вы шли к своим преступным целям ценою измены?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Правильно или неправильно будет сказать, что в период 1932—33 годов организовалась группа, которую можно назвать «право-троцкистским антисоветским блоком»?

Рыков. Фактически он был. Организационно он с 1933 — 34 годов выразился в так называемом контактном центре.

Вышинский. Вот, вот. Контактный центр явился дальнейшим оформлением организационных отношений?

Рыков. Да, фактически и политически это будет правильно.

Вышинский. Это будет правильно, причем этот блок поставил своей задачей... как вы формулируете?

Рыков. Поставил своей задачей насильственное свержение советского строя, путем измены и путем соглашения с фашистскими силами за границей.

Вышинский. На каких условиях?

Рыков. На условиях расчленения СССР, отторжения национальных республик.

Вышинский. Этот блок состоял, вы говорили, из правых. Далее, кто в него входил?

Рыков. Правые, троцкисты и зиновьевцы.

Вышинский. Входили и эсеры?

Рыков. По отдельным республикам.

Вышинский. Входили меньшевики, через которых вы были связаны с Николаевским и с Даном за границей. И наконец, в национальных республиках были отдельные буржуазно-национа-

листические группы. Например, в Белоруссии. Кто там был и подсудимых?

Рыков. Из подсудимых — Шарангович.

Вышинский. Обвиняемый Шарангович, вы входили в «право-троцкистский блок»?

Шарангович. Я был связан непосредственно с Антиповым и знал о связи Голодеда с Рыковым.

Вышинский (к Рыкову). А по Средней Азии с кем вы были связаны?

Рыков. С пан-тюркистскими организациями.

Вышинский. С кем?

Рыков. С Рыскуловым, Файзуллой Ходжаевым.

Вышинский. Обвиняемый Файзулла Ходжаев, вы подтверждаете?

Ходжаев. Подтверждаю — я имел непосредственное отношение к Рыкову, был связан позже с Бухариным.

Вышинский. Непосредственно по заговорщическим делам?

Ходжаев. По заговорщическим делам.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, правильно ли показывает Файзулла Ходжаев?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Обвиняемый Икрамов, вы входили в «право-троцкистский блок»?

Икрамов. С правой группой я был связан через Бухарина. Я могу сказать, что Бухариным был завербован.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, вы подтверждаете показания Икрамова?

Бухарин. Подтверждаю.

Вышинский. Значит, в блок входили троцкисты, зиновьевцы, правые, буржуазные националисты, средне-азиатские группы, белорусские группы и через Гринько — украинские группы.

Позвольте мне спросить Крестинский, вам известно о том, что троцкисты входили в «право-троцкистский блок», о котором здесь идет речь?

Крестинский. Мне известно со слов Пятакова, когда он говорил со мной об этом в феврале 1935 года, что образовалась организация, объединяющая правых, троцкистов и военных, имеющая своей целью подготовку военного переворота. Мне было также известно, что в состав руководящего центра входят от правых — Рыков, Бухарин, Рудзутак и Ягода, от военных — Тухачевский и Гамарник, от троцкистов — Пятаков.

Вышинский. Вы сами лично входили в этот центр?

Крестинский. В этот центр после ряда арестов входили в 1937 году: Розенгольц и я — от троцкистов, Рудзутак и Ягода — от правых, Тухачевский и Гамарник — от военных.

Вышинский. Следовательно, вы не только со слов Пятакова знали о существовании такого рода объединения антисоветских сил, но и непосредственно в этом убедились?

Крестинский. Это так.

Вышинский. Подсудимый Рыков, линия на поражение разде-

лялась и вами, и Бухариным, или же у Бухарина была на этот счет особая точка зрения?

Рыков. Мы точных формулировок не давали, но во всяком случае я знаю о существенных разногласиях по этому поводу. Помню, что однажды Бухарин в моем присутствии формулировал вопрос об открытии фронта.

Вышинский. Может быть вы более подробно расскажете об этом?

Рыков. Здесь достаточно перечислить ряд фактов. Существование военной группы во главе с Тухачевским, которая была связана с нашим центром и которая ставила своей целью использование войны для низвержения правительства, — это подготовка самой настоящей интервенции. Наши сношения с немцами, которые мы всячески усиливали, должны были всячески стимулировать военное нападение, поскольку здесь заговорщическая организация вступала в изменнические отношения с ними. Это самое острое, что можно в данной форме из крупных мероприятий выдумать. Взять работу в Белоруссии...

Вышинский. Связь с польской разведкой имела место?

Рыков. Отношения были очень близкие. Был контакт по вопросу о так называемой независимой Белоруссии. Существовал и целый ряд других дел вплоть до работы белорусской организации среди белоруссов в самой Польше, причем здесь помощь была взаимная: белорусская организация оказывала помощь пилсудчикам, польским фашистам в их работе в Коммунистической партии Западной Белоруссии, а те в свою очередь оказывали помощь здесь.

Вышинский. Вы на предварительном следствии говорили о том, что в переговорах с поляками вы были согласны на отторжение от СССР Белоруссии. Какова ваша личная установка в этом вопросе?

Рыков. Этот вопрос обсуждался в свое время в центре, и мы все единогласно — я, Бухарин и Томский — были за то, что в случае возникновения такого национального движения допускаем это выделение.

Вышинский. Вы шли прямо на такой изменнический акт, как отторжение Белоруссии от СССР к Польше?

Рыков. На независимость. Белоруссия должна была быть под протекторатом Польши.

Вышинский (к Бухарину). Вы стояли, как и Рыков, на пораженческой позиции?

Бухарин. Нет, но я отвечаю за это дело.

Вышинский. Что вы отвечаете, это дело другое. Мне нужно установить факт, был ли у вас разговор с Рыковым и Томским относительно открытия фронта?

Бухарин. Был, не с Рыковым, а с Томским.

Вышинский. О чем?

Бухарин. Был разговор с Томским, он сказал относительно идеи открытия фронта.

Вышинский. Был разговор с Томским об открытии фронта? Кому открыть фронт?

Бухарин. Против СССР...

Вышинский. Кому открыть фронт?

Бухарин. Германии...

Вышинский. Что же это означает?

Бухарин. Это означает государственную измену.

Вышинский. А как открыть фронт, кто с вами об этом говорил?

Бухарин. Говорил об этом Томский, что есть такое мнение у военных.

Вышинский. У каких это военных?

Бухарин. У правых заговорщиков.

Вышинский. Конкретно?

Бухарин. Он назвал Тухачевского, Корка, если не ошибаюсь, и потом троцкистов.

Вышинский. Когда члены блока разговаривают о таких вещах, то можно говорить, что это — план.

Бухарин. Становится планом, когда ставится точка над «и»

Вышинский. Можно ли сказать, что Томский поставил точку над «и»?

Бухарин. Совершенно правильно.

Вышинский. Значит, это установлено. А вы были против этого?

Бухарин. Да, я был против.

Вышинский. А ваше мнение, подсудимый Рыков? Можно сказать, что Бухарин стоял на точке зрения поражения СССР?

Рыков. Зная Бухарина, я бы сказал, что, возможно, он не считал это единственным, но считал это то, что называется дискутабельным, в определенных условиях осуществимым.

Вышинский. Вы подтверждаете показания, которые вы дали Прокурору СССР (читает): «что касается нашей пораженной позиции, то и ее Бухарин полностью разделял». Подтверждаете это?

Рыков. Да.

Вышинский. «И высказывался за эту позицию еще более резко чем мы». Кто это мы?

Рыков. Я имел в виду себя и Томского. Я имею в виду вопрос об открытии фронта.

Вышинский. Дальше: «... и как пораженец, он высказывался даже более резко чем мы».

Рыков. Тут может быть лучше изменить формулировку. Я не хочу в этом отношении ставить себя лучшим, чем он. Мы одни наковы.

Вышинский. На предварительном следствии вы показывали правду или неправду?

Рыков. Конечно, я показывал правду.

Вышинский. У меня к подсудимому Рыкову вопросов больше нет.

Председательствующий. Подсудимый Рыков, в ваших показаниях о работе организации правых в Белоруссии вы отметили, что фактически ваша организация правых в Белоруссии

превратилась в экспозитуру польского генерального штаба. Это правильно?

Рыков. Да.

Председательствующий. Вы в своих показаниях отметили: «наши директивы совпадали с директивами польского генерального штаба». Здесь надо понимать директивы центра — Бухарина, Рыкова, Томского?

Рыков. Когда я это писал, я преследовал цель охарактеризовать окончательные политические результаты.

Председательствующий. Результат таков, что ваши организации в Белоруссии превратились в экспозитуру польского генерального штаба.

Рыков. Это есть формулировка политического результата, а не определенной организационных отношений.

Председательствующий. Ваши организации правых в Белоруссии развешивали вредительскую работу в сельском хозяйстве, в строительстве дорог по заданию польского генерального штаба?

Рыков. Мне известны два случая со слов Голодеда — это относительно конского поголовья и второе — относительно коров.

Председательствующий. Почему понадобилось польской разведке давать задания — проводить вредительскую работу в строительстве дорог?

Рыков. Это, очевидно, для затруднения продвижения наших войск на защиту границ Советского государства.

Председательствующий. Факт это или нет, что организация правых на территории Западной Белоруссии насаждала провокаторов в зарубежные коммунистические организации?

Рыков. Это верно.

Председательствующий. Если вы заявили, что организация правых на территории Белоруссии была, как вы выражаетесь, экспозитурой польского генерального штаба, то что можно сказать об организации правых на территории Украины? Чей она была экспозитурой или органом какого генерального штаба?

Рыков. Я не знаю точно отношений там. Я не имел об этом подробных разговоров. Но, по-моему, там должно быть положение, аналогичное тому, что было в Белоруссии, то есть — экспозитура немецко-польского фашизма.

Председательствующий. Таким образом, ваша организация на территории Украины была фактически организацией германского и польского фашизма?

Рыков. Да.

Председательствующий. Ваша организация правых на территории Северного края была агентурой разведывательных органов также одного из иностранных государств?

(Рыков молчит).

Вы слышали показания Иванова?

Рыков. Относительно его шпионской работы?

Председательствующий. Да, и относительно возможных уступок леса и лесопильных заводов английским капиталистам?

Рыков. Это я слышал.

Председательствующий. Вы с этим согласны? Так это было По крайней мере, такие планы от вашего центра Иванов имел

Рыков. Я об этом не знал и таких директив не давал, по крайней мере...

Председательствующий. Скажите, подсудимый Рыков, когда вы давали показания о работе организации правых на Северном Кавказе, вы упоминали, что вы имели дело с белогвардейской организацией казачества?

Рыков. Я здесь упустил показать о казачьей организации правых, которая была там создана. Приступили к ее созданию в период 1930—31 годов. В дальнейшем об организации работы в казацкой организации меня информировал Пивоваров.

Она окончательно оформилась приблизительно в 1934 году когда она возглавлялась Лариным...

Председательствующий. Меня интересует характер связей этой организации.

Рыков. Из всех правых организаций это едва ли не самая крайняя правая. Туда входили, кроме казаков, реэмигранты, которые, как говорил Пивоваров, сохранили связи с оставшимися за границей остатками казацких армий и в своей работе получали помощь от этих казацких белых армий. Через них и с ними были разговоры о том, что если дойдет до восстания в Средней Азии, то эти самые остатки казачьих организаций за границей обещали даже помощь при помощи десанта. Вот что я знал от Пивоварова относительно казачьих организаций

Председательствующий. А десант предполагался в каком составе, белоэмигрантский?

Рыков. Я сказал — остатки казачьих белых армий за границей.

Вышинский. У меня, если позволите, два вопроса в связи с показаниями обвиняемого Рыкова к Крестинскому.

Обвиняемый Крестинский, скажите пожалуйста, что вам и известно об участии группы Тухачевского в «право-троцкистском блоке»?

Крестинский. Мне об участии Тухачевского известно следующее. Когда я в октябре 1933 года виделся с Троцким в Мерах он обратил мое внимание на то, что, ориентируясь на государственный переворот, мы ни в коем случае не должны опираться только на свои троцкистские силы, потому что они недостаточны для этого, а что нужно договориться и с правыми, и с военными. Он обратил особое внимание на Тухачевского, человека авантюристического, претендующего на то, чтобы занять первое место в армии, и который, вероятно, пойдет на многое. Он просил меня передать об этом Пятакову и переговорить самому с Тухачевским.

Вышинский. Вам пришлось разговаривать с Тухачевским?

Крестинский. Я разговаривал с ним в начале 1934 года уже после того, как с ним говорил Пятаков. Я передал ему о своем разговоре с Троцким. Тухачевский сказал, что он принципиально относится вообще положительно не только к объединению

сил, но и к постановке перед собой этой задачи. В дальнейшем мне приходилось несколько раз разговаривать с Тухачевским на эти темы. Это было во второй половине 1935 года, в 1936 и 1937 годах.

В одном из разговоров в 1935 году он назвал мне несколько человек, на которых он, между прочим, опирается. Он назвал Якира, Уборевича, Корка и Эйдемана. Затем, в другом разговоре, очень существенном разговоре, который происходил на чрезвычайном VIII Съезде Советов, Тухачевский поставил перед мной вопрос о необходимости ускорения переворота. Дело заключалось в том, что переворот увязывался с нашей пораженческой ориентацией и приурочивался к началу войны, к нападению Германии на Советский Союз, и поскольку это нападение откладывалось, постольку откладывалось и практическое осуществление переворота. В этот период начался постепенный разгром контрреволюционных сил. Были арестованы Пятаков и Радек, начался арест троцкистов, и Тухачевский начал бояться, что если дело будет оттягиваться, то оно вообще сорвется. Поэтому он поставил вопрос об ускорении контрреволюционного выступления.

Вышинский. Подсудимый Розенгольц, вы в этой части подтверждаете показания Крестинского?

Розенгольц. Да, подтверждаю.

Вышинский. Вам приходилось разговаривать с Тухачевским и Крестинским?

Розенгольц. У меня был в конце марта 1937 года разговор с Крестинским по вопросу об ускорении организации переворота.

Вышинский. Подробно вы будете об этом говорить тогда, когда вас будут допрашивать. Больше у меня к вам вопросов сейчас нет.

На этом вечернее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв до 11 часов 4 марта.

Утреннее заседание 4 марта

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ШАРАНГОВИЧА

Председательствующий. Подсудимый Шарангович, вы подтверждаете ваши показания, данные на предварительном следствии?

Шарангович. Полностью подтверждаю. Позвольте мне рассказать все последовательно. Изменником родины я стал в августе 1921 года и был им до ареста. В августе 1921 года после заключения мира с Польшей, я возвращался из польской тюрьмы в порядке обмена, как заложник, с группой осужденных. Я остановился в Варшаве. В Варшаве нас вызывали поочередно в советское посольство, чтобы выяснить лицо каждого из нас. В советском посольстве работал тогда некто Вноровский. Этот Вноровский заявил мне, что поляки не хотят меня выпускать и что они смогут это сделать только в том случае, если я дам согласие работать в польской разведке. Я это согласие дал, и после этого польской разведкой и был переброшен в Советский Союз. По прибытии в Минск этим же Вноровским я был связан с ответственным резидентом польской разведки Богуцким, который занимал тогда ответственный пост в Белоруссии. Богуцкий уехал из Белоруссии в 1923 году и перед отъездом связал меня с ответственным польским резидентом, занимавшим тогда в Белоруссии тоже довольно ответственное положение, — Славинским.

Я тогда работал в Белоруссии с половины 1923 года и до половины 1924 года старшим помощником Прокурора Республики. Через меня проходило много дел, шпионских и других дел более важных. По заданию Славинского я информировал его о сущности этих дел и о лицах, проходящих по ним.

В начале 1926 года я уехал из Белоруссии в Сибирь, и у меня связи с польской разведкой временно оборвались. Оставался я, конечно, агентом польской разведки, но конкретно каких-нибудь заданий я не получал. Возобновилась эта связь — и более активная чем предыдущая — в конце 1932 или в начале 1933 года, конкретно с консулом одного из иностранных государств, граничащих с Белоруссией. Это было уже после того, как я вступил в национал-фашистскую антисоветскую организацию в Белоруссии.

Было это так. Ко мне обратился некто Жебровский, который тогда занимал пост третьего секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Но с ним разговор я имел, собственно говоря, зондирующий.

Более ясный разговор по этому поводу я имел с Бенеком, который работал в Белоруссии наркомземом. Бенек предложил мне от имени этого консула следующее: хотя этот консул и имеет уже достаточно тесную связь с рядом людей, входящих в руководство национал-фашистской организацией в Белоруссии, в том числе и с ним, с Бенеком, однако он хочет установить и со мной эту связь, имея в виду, что я нахожусь на партийной работе.

В это время я передал через Бенека содержание некоторых решений ЦК ВКП(б), относящихся к Белоруссии. Потом дал информацию о шоссежных дорогах, о сети партийных ячеек и по ряду политических вопросов. Но дело, конечно, заключается не только в том, что я передавал, и не только в моих личных связях, а дело, главным образом, — в том, что уже к тому периоду наша национал-фашистская организация, одним из руководителей которой я был, была, по существу, тесно связана с польским генеральным штабом.

В национал-фашистскую организацию я был завербован Голодедом и Чернышевичем в начале 1932 года. Голодед подробно информировал меня о составе этой организации и о том, что эта национал-фашистская организация связана с московским центром правых, получает от него директивы, персонально от Рыкова и Бухарина. Основные цели национал-фашистской организации в Белоруссии Голодед коротко формулировал так: свержение Советской власти и восстановление капитализма, отторжение Белоруссии от Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами. Что же касается методов и средств, то сюда входили: вредительство, диверсия, террор.

Особенно Голодедом была подчеркнута необходимость установления, в целях осуществления этих задач, тесной связи с польским генеральным штабом.

В этом направлении мы и получали систематические директивы и инструктировались московским центром правых. Я это хочу подтвердить рядом фактов.

В ноябре 1932 года в Москву ездили Голодед и Червяков. Они встречались с Рыковым и Бухариным, причем я должен сказать, что, насколько мне известно, Червяков был связан с Рыковым еще с 1928 года, а Голодед — с 1930 года. Помню, после поездки Голодеда и Червякова в 1932 году в Москву, когда они возвратились, у нас было в Минске совещание центра нашей организации в полном составе, где они и информировали нас. Информация эта сводилась к тому, что и Рыков, и Бухарин подтверждали все свои прежние установки для нашей организации, выразив недовольство слабой деятельностью нашей организации. Там же в Москве был дан ряд конкретных установок, в первую очередь — по вопросам вредительской, диверсионной деятельности и, во-вторых, — относительно усиления и установления более тесной связи с польским генеральным штабом.

Вышинский. Расскажите конкретно о вашей преступной деятельности в области вредительства.

Шарангович. Мы ставили перед собой задачу наиболее широ-

ко развернуть вредительство во всех областях народного хозяйства.

Вышинский. В каких целях?

Шарангович. В целях подготовки поражения СССР и в целях создания недовольства населения в стране.

Вышинский. В целях провокационных?

Шарангович. Конечно.

Вышинский. В чем же выразилась конкретно ваша преступная деятельность?

Шарангович. Я занимался вредительством, главным образом, в области сельского хозяйства. В 1932 году мы, и я лично, в этой области развернули большую вредительскую работу. Первое — по срыву темпов коллективизации.

Вышинский. Вы какую должность тогда занимали?

Шарангович. Я был вторым секретарем Центрального Комитета Компартии Белоруссии.

Вышинский. Так что возможности у вас были большие?

Шарангович. Конечно. Я лично давал вредительские установки ряду работников.

Вышинский. Своим сообщникам?

Шарангович. Да, сообщникам. Мы организовывали выходы из колхозов. Затем мы запутывали посевные площади. Суть этого дела заключалась в том, что мы давали одним районам такие посевные площади, которые они не могли освоить; другим районам, имевшим большие площади для посева, наоборот, давали уменьшенные задания. Кроме того, мы организовали срыв хлебозаготовок. В 1932 году это было проведено таким образом. Сначала наша национал-фашистская организация приняла все меры к тому, чтобы хлебозаготовки шли плохо, то есть срывали их. Потом, когда было вынесено специальное решение Центрального Комитета ВКП(б) о ходе хлебозаготовок в Белоруссии, то наша организация, боясь провала и возможного разоблачения приняла срочные меры к тому, чтобы хлебозаготовки несколько подтянуть. Я должен также сказать, что в 1932 году была нами распространена чума среди свиней, в результате чего был большой падеж свиней.

Наряду с этим мы проводили организацию совхозов в Республике за счет земель колхозников и единоличников.

Вышинский. С нарушением интересов колхозников и единоличников?

Шарангович. Конечно, да. Позднее несколько по линии сельского хозяйства была проведена нами вредительская работа в области наделения колхозников приусадебными участками.

Я должен особо остановиться на вопросе относительно единоличников, потому что это связано с планами нашей национал-фашистской организации. В Белоруссии к этому периоду еще насчитывалось около ста тысяч единоличников. Нами была дана такая установка, что раз единоличник не идет в колхоз, то он является врагом Советской власти. Это было нами сделано в провокационных целях. К единоличникам, сопротивляющимся коллективизации, мы, исходя из своих провокационных установок

применяли такие налоговые мероприятия, которые создавали среди единоличников недовольство и повстанческие настроения.

Вышинский. Вы не припоминаете Лепельского дела?

Шарангович. Я это все и связываю с Лепельским делом. Лепельское дело, если можно так выразиться, было просто эпизодом в цепи нашей подрывной работы.

Вышинский. Значит, Лепельское дело это был результат вашей нарочито преступной, провокационной деятельности?

Шарангович. Совершенно правильно. В Лепельском деле вредительство выразилось в том, что там нажим на единоличников был особенно силен. Потом, когда ЦК ВКП(б) принял соответствующие меры для исправления того, что было нами проделано, то положение изменилось. Настроение у единоличников, у той части, которая была спровоцирована, резко улучшилось.

Дальше, по сельскому хозяйству я хочу сказать относительно нашей диверсии в области коневодства. В 1936 году в Белоруссии была нами широко распространена анемия. Это проводилось нами с целью, так как конь в Белоруссии играет огромное оборонное значение. Мы стремились подорвать эту сильную базу в случае, если она понадобится в связи с войной.

Вследствие этой меры пало, насколько я помню сейчас, около 30 тысяч лошадей. Я должен сказать, что эту меру относительно лошадей мы провели не только по своей инициативе.

Вышинский. А еще по чьей?

Шарангович. Мы имели прямую установку из московского центра правых. Дальше, в области сельского хозяйства была нами проведена вредительская работа, следствием которой в пограничных районах экономические показатели были худшие, чем в тыловых районах.

Вышинский. А в области промышленности?

Шарангович. В области промышленности вредительство проводилось на таких объектах, как торф. Торф, как топливная база, для энергетики Белоруссии имеет очень большое значение, и поэтому подрыв этой топливной базы вел к подрыву всех отраслей промышленности.

Энергетика. Здесь, главным образом, внимание концентрировалось в отношении Белгрэса, который снабжает промышленность Витебска, Орши, Могилева. Здесь топливо не подвозилось своевременно. Тормозилось строительство. Конкретно беру Кричевский цементный завод, Оршанский льнокомбинат, Могилевский труболитейный завод...

Дальше, говоря о вредительстве, я должен остановиться на культурном фронте, потому что наша национал-фашистская организация придавала этому участку особое значение в условиях национальной республики. На этом участке работало значительное количество участников нашей национал-фашистской организации. Это вредительство проводилось в целях компрометации национальной политики партии и Советской власти. Здесь вредительство шло и по линии школ, и по линии писательских организаций, и театра.

Вышинский. Значит, подытоживая вашу преступную вреди-

тельскую деятельность, можно сказать, что ни одна отрасль социалистического строительства не осталась вне вашей вредительской деятельности?

Шарангович. Совершенно правильно.

Далее, мы приняли и проводили, как практическую задачу террор: мы создавали террористические группы, подготавливали террористические акты, в первую очередь подготавливали террористический акт в 1936 году против Ворошилова, когда он приезжал в Белоруссию на маневры. Тогда были нами созданы две террористические группы, но этот террористический акт нам не удалось совершить. Наряду с этим здесь, в Москве, нами была создана группа, которая находилась в связи с белорусской национал-фашистской организацией и существовала на случай необходимости проведения террористического акта в Москве.

Вышинский. Откуда вам известно, что такая группа в Москве была?

Шарангович. Мне известно об этом было от Голодеда и Волковича.

Вышинский. Подытожим кратко, в чем вы себя признаете виновным по настоящему делу.

Шарангович. Во-первых, что я изменник родины.

Вышинский. Старый польский шпион.

Шарангович. Во-вторых, я заговорщик. В-третьих, я непосредственно проводил вредительство.

Вышинский. Нет. В-третьих, вы непосредственно один из главных руководителей национал-фашистской группы в Белоруссии и один из активных участников «право-троцкистского антисоветского блока».

Шарангович. Правильно. Потом я лично проводил вредительство.

Вышинский. Диверсии.

Шарангович. Правильно.

Председательствующий. Организатор террористических актов против руководителей партии и правительства.

Шарангович. Верно.

Председательствующий. И все это совершал в целях...

Шарангович. И все это совершал в целях свержения Советской власти, в целях победы фашизма, в целях поражения Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами.

Председательствующий. Идя на расчленение СССР, отделение Белоруссии, превращение ее...

Шарангович. Превращение ее в капиталистическое государство под ярмом польских помещиков и капиталистов.

Председательствующий. Вопросов у меня больше нет.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ХОДЖАЕВА

Председательствующий. Переходим к допросу подсудимого Ходжаева. Показания, которые вы давали о вашей антисоветской деятельности в течение многих лет, вы подтверждаете?

Ходжаев. Подтверждаю.

Вышинский. Скажите, подсудимый Ходжаев, в чем вы себя признаете виновным?

Ходжаев. Мои преступления против революции, против Рабоче-крестьянского государства, против партии начинаются с 1920 года. В 1920 году я был поставлен во главе Советского государства — я говорю о Бухарской народной республике, — во главе высшей ее исполнительной власти. Вот в этот период моей работы я примкнул к буржуазно-националистической организации — «Милли Иттихад».

Вышинский. Что это значит?

Ходжаев. Это значит «национальный союз», который ставил перед собой задачу превратить Бухарскую народную республику в буржуазно-демократическую республику как буферное государство между Англией и Советской Россией. Я вошел в эту буржуазно-националистическую организацию и, как активный руководитель этой буржуазно-националистической организации, участвовал, руководил ее контрреволюционной, антисоветской работой. Это — первый этап.

В 1925 году я был назначен Председателем Совнаркома Узбекистана. Начиная с 1928 года, я сблизился с националистическими кругами бывшей Туркестанской республики, а в последнее время, в Узбекистане, в лице одного из руководителей Компартии Узбекистана, в лице Икрамова, я нашел себе союзника и вместе с ним мы составили то ядро, которое вело в Узбекистане националистическую, антисоветскую работу.

Наконец, третий этап — 1930 год, когда я в один из своих приездов в Москву, после деловой встречи с Рыковым в Совнаркоме Союза, беседуя на различные темы, договорился с ним о нашей совместной антисоветской работе.

Вышинский. То есть?

Ходжаев. То есть о совместной работе узбекской националистической организации под руководством правых против руководства партии, против Советского государства. Рыков тогда еще мне говорил о том, что в случае нашей совместной работы центр правых гарантирует независимость Узбекской республики...

Вышинский. Что это значит — независимость Узбекской республики?

Ходжаев. В данном случае эту независимость от Советского Союза надо рассматривать, как зависимость от какой-то другой — капиталистической — страны.

Вышинский. Вы так понимали Рыкова?

Ходжаев. Да, я так и понимал.

Вышинский. А чем он мотивировал это?

Ходжаев. Мотивировка была одна — что и правые и мы, националисты, боролись против руководства партии, против Советского правительства. Для того чтобы правые достигли своих целей, для того чтобы мы достигли своих целей, мы должны были сломать это руководство. В этих целях мы заключили союз. Значит, цель оставалась одна — свергнуть Советское правительство, свергнуть руководство ЦК ВКП(б).

Вышинский. Ослабить СССР?

Ходжаев. Ослабить СССР, безусловно.

Вышинский. А для чего ослабить СССР?

Ходжаев. Я коротко хочу остановиться на бухарском периоде, чтобы было понятно, каким образом я пришел к сегодняшнему моему положению.

В заговорщическую организацию бухарских националистов после революции 1920 года я пришел не случайно, а потому, что я был воспитан как националист. И вот, будучи уже членом партии, я тогда вошел в буржуазную националистическую организацию.

Большинство буржуазно-националистической организации Бухары ориентировалось тогда на Англию. Разумеется, эти националистические круги и тогда совершенно ясно представляли себе, что независимость от Советской России, опора на Англию не могут обойтись так просто, и не ради прекрасных глаз будет Англия оказывать содействие. Они и тогда считали возможным принять протекторат Англии и под этим протекторатом отделиться окончательно от Советской России. Вот в целях осуществления этой задачи мы тогда проводили целый ряд действий.

Мы систематически вытесняли из советского и партийного аппарата действительных членов партии, настоящих советских людей, и занимали эти посты своими людьми. Свои кадры для этого мы формировали, главным образом, из буржуазной молодежи, обучали их не в советских школах, а посылали преимущественно за границу — в Германию, в Турцию.

Мы, вместе с тем, вели очень большую работу по организации вооруженных сил, так как мы не имели большого влияния в армии. Наши вооруженные силы мы формировали, главным образом, в виде милиции. Мы пытались использовать басмачество, которое к этому времени уже появляется в пределах Бухары. Мы пытались создавать новые кадры басмачества.

Между прочим, это мое антисоветское настроение выразилось еще в том, что, когда в 1923 году был поставлен вопрос об экономическом объединении Туркестана, Бухары и Хорезма в целях координации действий, я был ярким противником этого экономического объединения, считая, что это экономическое объединение есть преддверие к еще большему усилению влияния Советской России и советизации Бухары.

Дальше, когда в 1924—25 годах был поставлен вопрос о национально-территориальном размежевании советских республик Средней Азии, я был против этого размежевания. Но быть открыто против размежевания означало ставить тогда себя открытым врагом, на что я не мог идти. Вот почему я под маркой сторонника национального размежевания оказался во главе Узбекского советского государства.

Вышинский. Значит, сманивировали?

Ходжаев. Сманеврировал, сдвинули.

В узбекской парторганизации известна «группа 18-ти». Организатором этой группы был я. Когда проводилась земельная реформа, в целях наделения землей бедняцких слоев населения Узбекистана, в этот период значительно оживилась кулацко-бай-

ская верхушка. Кроме того, часть ответственных работников Узбекистана была недовольна этой реформой. Я использовал это недовольство и начал формировать группу узбекских националистов.

Вышинский. Это какой год?

Ходжаев. Это, примерно, середина 1925 года. Эта группа «18-ти» решила провести известное давление на партию. Исходила она из того, что крупных работников не так-то уж много в Узбекистане. Если эти 18 человек, наиболее видные люди, в виде протеста подадут в отставку, то этого достаточно будет для того, чтобы партия пошла на известные уступки байству и кулачеству. Этим путем хотели захватить партийное руководство в Узбекистане. Мы рассчитывали в этом своем маневре тогда на одного из руководителей Компартии Узбекистана Икрамова; рассчитывали, зная, что он в период 1918—20 годов, будучи еще молодым человеком, участвовал в буржуазно-националистических организациях Туркестана.

Вышинский. В каких организациях?

Ходжаев. Это была пантюркистская организация, которой руководил Рыскулов. Мне было известно, что Икрамов принадлежал к этой группировке, но почему-то Икрамов с нами не объединялся, а мы с ним не вели никаких непосредственных переговоров. Мы оказались битыми на съезде. После этого опять мы решили законспирироваться, подали заявление, что мы ошибались, неправильно поступали, что мы согласны проводить линию партии.

Вышинский. Второй раз сманеврировали?

Ходжаев. Второй раз сдвинул. Между 1925—1928 годами у меня происходило сближение с Икрамовым на почве практической работы. Икрамов работал в ЦК, я — в Совнарком. Это сближение привело к тому, что я узнал, что у Икрамова есть своя националистическая группа, которая называется «Милли Истиклял», что значит «национальная независимость». Мы с ним не то что объединились, но начали контактировать нашу работу.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, вы были членом подпольной националистической организации в 1928 году?

Икрамов. Да.

Вышинский. Эта организация называлась «Милли Истиклял»?

Икрамов. Да.

Вышинский. Значит, в этой части показания Ходжаева правильны?

Икрамов. Правильны.

Вышинский. Ходжаев был членом подпольной националистической фашистской организации «Милли Истиклял»?

Икрамов. Нет, Файзулла Ходжаев не был. У Ходжаева была своя организация.

Вышинский. Значит, Ходжаев был в своей организации, а вы в своей. Обе организации буржуазно-националистические, фашистского типа?

Икрамов. Правильно. Но что контакт сами установили,—эт неправильно. Контакт установлен под нажимом правого центра **Вышинский.** То есть?

Икрамов. Под нажимом Бухарина и под непосредственны, руководством Антипова сконтактировали работу двух националистических организаций.

Вышинский. В чем же у вас разногласия с Ходжаевым?

Икрамов. Я говорю, что не в 1928 году, а в 1933 году, по нажимом Бухарина.

Вышинский. А в 1928 году не контактировали?

Икрамов. Нет.

Ходжаев. Мне кажется, Икрамову хочется кое от каких фактов отмахнуться. До того периода, как мы пошли на союз с правыми, мы с Икрамовым, главным образом, были руководителями, по существу говоря, широкой антисоветской работы. В чем она заключалась? Во-первых, в том, что мы поставил перед собой задачу захвата нашими националистическими кадрами целого ряда советских организаций в Узбекистане, такие органы, как Наркомпрос, чтобы школы иметь в своих руках, университет иметь в своих руках, печать, плановые организации, Наркомзем и так далее. И должен сказать, что эту задачу мы осуществили.

Вышинский. Кто мы?

Ходжаев. Я и Икрамов. В нашем лице были две националистические организации, о которых я говорил.

Вышинский. Обвиняемый Икрамов, в этой части вы согласны с показаниями обвиняемого Ходжаева?

Икрамов. Согласен.

Вышинский. Подсудимый Ходжаев, откуда вам известно, что организация Икрамова тоже действовала?

Ходжаев. Я в предварительных показаниях указывал конкретные факты. В 1928 году от имени Икрамова ко мне явился некий Бурнашев, ближайший помощник Икрамова.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, то, что Ходжаев говорит, что к нему приходил Бурнашев от вашего имени говорить, это факт?

Икрамов. Факт.

Вышинский. Дальше.

Ходжаев. В конце 1929 или начале 1930 года были арестованы два ближайших друга Икрамова и участники организации — Рамзи и Бату.

Вышинский. Кем они были?

Икрамов. Рамзи был руководителем научно-исследовательского института, а Бату — в Наркомпросе был главным по культурным делам.

Вышинский. За что они были арестованы?

Икрамов. За участие в националистической контрреволюционной организации.

Ходжаев. И вот, когда произошел арест этих людей, первый, к кому обратился Икрамов по поводу ареста этих лиц, был я.

Вышинский. Почему?

Ходжаев. Потому, что он трусил, он думал, что дело коснется его. Я перехожу к более существенной части моего показания, которая относится к периоду 1928 года, то есть к периоду составления первой пятилетки. Я не знаю, известно ли суду, что у буржуазных националистов, особенно в Средней Азии, существовала такая теория — организовать замкнутое хозяйство, то есть сделать так, чтобы хозяйство Республики развивалось независимо от других частей Союза. И вот эту теорию мы превратили в жизнь, то есть мы составили первую пятилетку, которая шла вразрез с директивами Союзного правительства и соответствовала установкам националистов на замкнутое хозяйство. Мы планировали хозяйство таким образом, чтобы меньше иметь хлопков.

Этот план был расшифрован в Москве. Правительство не приняло эту пятилетку. По инициативе Сталина был поставлен вопрос о пересмотре хлопковой программы. И вот, для того чтобы сломать эту новую директиву ЦК ВКП(б) и правительства, чтобы не дать хлопку, мы создали новый план, дутый, значительно преувеличенный. Мы стали проводить теорию монокультуры, то есть теорию одной культуры в сельском хозяйстве, как доминирующей культуры, — хлопок. Для этого надо было разбить, разгромить севооборот, уничтожить луга, то есть, клевер, корма, вытеснить на поливных землях не только пшеницу, ячмень, но и такую культуру, как рис. А это означало — вызвать колоссальное недовольство народа, потому что мы представили дело так: план московский, мы, якобы, московские приказчики, мы осуществляем директивы Москвы. — «Недовольны? Так, вот жалуйтесь на Москву». Эту задачу мы поставили.

Вышинский. Провокационную задачу?

Ходжаев. Провокационную задачу, поставили ее сознательно и осуществляли в течение ряда лет.

К чему это привело? Это привело действительно к уничтожению севооборота, это привело к снижению поголовья скота, это привело к снижению шелководства. Это привело, в конце концов, и к снижению самой урожайности хлопка. И поэтому Узбекистан годами не выполнял планы по хлопку.

Мы планировали так, что, скажем, в Фергане — в основной хлопковой базе Советского Союза, в Бухаре — вторая в то время база, процент шелководства доходил до 96—98. Если у крестьянина 10 га земли, он должен на 8 га или на 9 га посеять хлопок. Сами понимаете, если один гектар остается на все остальное, то это хозяйство начинает гибнуть.

Это было сделано вполне сознательно нашей организацией, под моим руководством, под руководством Икрамова.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, что вы скажете по поводу этих объяснений?

Икрамов. Я их полностью подтверждаю. Но я еще хочу дополнить. В этом деле нашим союзником (договоренности не было, а было молчаливое согласие), нашими союзниками были троцкисты.

Председательствующий. Подсудимый Ходжаев, продолжайте ваши показания.

Ходжаев. Перехожу к третьему этапу. Я уже говорил вначал что, начиная с 1930 года, я связался с правыми в лице Рыков

Это было в 1930 году, на одном из приемов по официальны делам.

Мы условились насчет методов нашей работы. На перво время Рыков дал мне следующие установки: во-первых, вреди тельство, главным образом, в области сельского хозяйства. Вт рое — это то, что надо объединять все возможные оппозицион ные группировки и силы, какие найдутся, и направить эти силе против руководства ВКП(б), против правительства, активизируе вредительство, провокационные методы работы, антисоветскую деятельность.

В осуществление этой директивы Рыкова мы начали прово- дить это вредительство.

В 1933 году осенью приехал в Узбекистан Бухарин. Со слов Икрамова я знаю о беседах между Бухариным и Икрамовым и о тех директивах, какие оставил Бухарин для нашей национали стической организации.

В 1934 году в Узбекистан приехал Антипов. Антипов мне не посредственно дал директиву активизировать вредительство, ди версионную работу. Мало того, надо провокационную работу усилить, чтобы было достигнуто большое недовольство масс более активно приступить к формированию повстанческих групп в Узбекистане надо создать пару террористических групп, н всякий случай, понадобятся, мол. И последнее — нам надо свя заться непосредственно с Англией, как с той страной, которая больше может быть заинтересована в разрешении судеб Сред ней Азии.

В 1936 году приехал в Ташкент Бухарин. Это было в август 1936 года. Бухарин меня спросил, как мы осуществляем дире ктивы правого центра. Я ему рассказал о широких планах вред тельства. Но Бухарина эта моя информация не удовлетворил. Не удовлетворила не потому, что мы плохо проводили вреди тельство и антисоветскую провокационную работу, а потому, чт во-первых, отсутствовали повстанческие кадры, во-вторых отсутствовали оформленные террористические группы и, в-треть их, что мы еще не были связаны с Англией. Эти три вещи вы вали недовольство Бухарина.

Вышинский. Предлагал проявлять больше активности?

Ходжаев. Да, лучше, активнее работать...

Вышинский. То есть?

Ходжаев. По организации повстанческих кадров.

Вышинский. Это раз.

Ходжаев. По организации террористических групп.

Вышинский. Это два.

Ходжаев. И связь с Англией.

Вышинский. Что у вас требовал Бухарин, говоря о связи с Англией?

Ходжаев. Бухарин говорил, что есть соглашение с фашист

ской Германией, есть намечающееся соглашение с Японией. Но, когда идет речь о средне-азиатских республиках, наиболее близкая мощная страна — это Англия. С ней надо договориться. Что мы, правые, со своей стороны, примем участие, но вы ближе стоите от границы, вы сами установите связь.

Вышинский. Близко от какой границы?

Ходжаев. С Афганистаном. Там есть английский представитель. Бухарин сказал, что когда идет речь о помощи капиталистических стран нам, правым, в захвате власти и вам — в деле вашей независимости, надо что-нибудь пообещать, что-нибудь дать.

Вышинский. Что дать? Что пообещать?

Ходжаев. Дать — это значит признать протекторат Англии, это как минимум. Я не говорю об экономических вещах, которые естественны. Не может Узбекистан с 5 миллионами населения сделаться независимым государством между двумя колоссами — с одной стороны Советским Союзом, с другой стороны — Англией. Нужно пристать к какому-нибудь берегу. Если от одного берега отходишь, к другому берегу пристаешь.

Вышинский. Так говорил Бухарин?

Ходжаев. Я так понял.

Вышинский. Это совпадало с вашими настроениями и желаниями?

Ходжаев. Объективно это совпадало. Мы имели с Бухариным довольно продолжительную беседу вокруг этих вопросов. Бухарин тогда только что вернулся из поездки по европейским странам. Он говорил о стабилизации капитализма, о том, что в этом деле сыграл огромную роль фашизм, особенно немецкий фашизм.

Вышинский. Хвалил фашизм?

Ходжаев. Я понимаю это как восхваление фашизма. Он говорил, что фашистская Германия сейчас всеми силами работает над тем, чтобы сделать Германию гегемоном Европы, что методом для этого у Германии является фашизация всей Европы, что идет подготовка соответствующего соглашения с крупными азиатскими государствами, в частности, с Японией, что возможно соглашение между фашистской Германией и Японией для борьбы с СССР. Отсюда он делал вывод, что задача заключается в активизации наших контрреволюционных сил. Икрамова тогда не было в Ташкенте. После приезда Икрамова, я его информировал об этой беседе с Бухариным, и так как я уверил Бухарина и от своего имени и от имени Икрамова в том, что мы эти директивы осуществим, то мы и начали их осуществлять.

Теперь перейду к конкретной моей вредительской работе.

В сельском хозяйстве наша вредительская задача заключалась в том, чтобы запутать севообороты. Это мы осуществили в течение первой и второй пятилеток. Наша задача заключалась в том, чтобы запутать семенное дело. Эту задачу мы осуществили. Наша задача заключалась в том, чтобы вызвать недовольство крестьянского населения администрированием, перегибами. Затем нам удалось нанести значительный ущерб поголовью животно-

водства. Хочу привести один конкретный пример. За 1936 год согласно решению партии и правительства, мы должны были передать колхозникам около 130.000 телок, овец и прочего поголовья. Мы передали это в течение года. Но итоги учета поголовья за второе полугодие 1936 года и первое полугодие 1937 года показали, что из этих 130.000 голов в наличии осталось лишь около 30—40 тысяч. Я имею в виду молодняк. Куда же девалось остальное? Во-первых, часть этого поголовья вообще не попадала крестьянам. Наши люди, которые сидели в районах и в округах, сами себя наделяли этими телками и овцами, а потом резали их и продавали.

Во-вторых, не была поставлена в колхозах работа по сохранению молодняка. В области шелководства мы осуществили следующую вредительскую меру: если в 1928 году мы имели около 7—8 тысяч тонн шелка-сырца, то сейчас имеется 10—12 тысяч тонн. Однако возможности Узбекистана по настоящим подсчетам составляют, примерно, 22—23 тысячи тонн. Этого можно было бы достигнуть, если бы не была осуществлена одна мера. Суду, конечно, известно, что в сельском хозяйстве проводится механизация, то есть вводятся тракторы, машины, а у нас земельные участки небольшие, обарыченные — проходят каналы для полива участков. В Узбекистане нет такого арычка, который бы не был обсажен тутовым деревом, а это дерево является кормом для шелкопряда. И вот мы под тем видом, что нельзя механизировать сельское хозяйство, нельзя поставить трактор там, где нет большого поля, что это неэкономично, что это убыточно, под флагом механизации мы провели вырубку до 10 процентов тутовых деревьев и тем самым уничтожили кормовую базу шелководства. Людей, которые говорили, что нельзя вырубать, мы били, заявляя: «Ты против механизации, ты против политики партии? Значит ты оппортунист, тебе надо бить».

Я уже не говорю о люцерне, которая сопутствует хлопку и является одной из главных культур в севообороте. Люцерна была вредительски почти полностью уничтожена. Она восстанавливается только в последние два года под непосредственным нажимом ЦК ВКП(б). В последнее время мы каждую неделю получали телеграммы за подписью Сталина — «почему люцерна осыпается? Почему не сеете?». Только под этим нажимом мы начали исправлять положение с люцерной.

Я не говорю также о целом ряде других вредительских действий в области сельского хозяйства.

Я забыл сказать о двух диверсионных актах, которые были проделаны в области ирригации. Первый акт — это в отношении Рават Хаджа, плотины, построенной Советской властью, огромного водodelителя, делящего воду реки Заревшан. В начале 1936 года членом нашей организации Халбатыровым был подготовлен диверсионный акт по уничтожению, по порче этой плотины. Ему это дело не удалось, так как его и его помощников органы НКВД во-время арестовали.

Другой такой же акт готовился в Фергане, тоже и

большом водodelителе, который командует полями почти половины всей Ферганы. Этот акт тоже не удалось полностью осуществить, хотя частично он был осуществлен Рахмановым, начальником Узбекского водхоза, который также являлся членом нашей организации.

Что касается промышленности, мне известно о вредительстве на Чирчикстрое. Начальником этого строительства был Розит. Он — правый по своему прошлому и настоящему. Мне, как и Икрамову и другим членам нашей организации, известно, что Розит проводил там вредительство. Вредительство заключалось, как я понимал, в трех вещах: во-первых, в том, чтобы удорожать стоимость строительства; во-вторых, дефицитные материалы тратить на второстепенные постройки (например, все знают, что в Ташкенте лучшие дома строятся обычно из кирпича, а дома обычного типа — из сырца; а на этом строительстве одноэтажный дом построен на железобетоне, в то время как для электростанции нехватало ни цемента, ни железа); наконец, в-третьих, вредительство выражалось в том, чтобы изгонять из Чирчикстроя людей, преданных Советской власти. Советская печать в свое время сообщала о случае с Зильберштейн. Это имеет непосредственное отношение к данному делу.

Вышинский. Что это за случай и какое отношение имеет к данному делу?

Ходжаев. Зильберштейн являлась очень дельным и преданным инженером. Она строила на Чирчикском строительстве плотину. Зильберштейн принадлежала к той группе специалистов, которая вела активную честную советскую работу. А Розит выжил ее под разными предлогами с этого строительства.

Вышинский. С вашего ведома?

Ходжаев. Безусловно. Мы против этого не возражали.

Вышинский. А о том, что Розит вредительствует, вы знали?

Ходжаев. Разумеется.

Вышинский. И покрывали его?

Ходжаев. Да, покрывали.

Второе — это Кувасайская ГРЭС, крупная электростанция, которая строится в Ферганской долине на 48—50 тысяч киловатт и которая должна дать электроэнергию всей или почти всей ферганской промышленности. Тянулось это строительство очень долго. И это не случайно.

Ряд таких вредительских актов производился в Бухаре, в Самарканде и в ряде других мест.

Вышинский. Хильковский цементный завод?

Ходжаев. Тогда остановили завод якобы на ремонт, для переоборудования его на новый лад, хотя это можно было сделать через два — три года. Ирригация осталась без цемента. Цемент нужно было возить из Новороссийска.

Вышинский. Затем — серные рудники?

Ходжаев. Серный рудник выбыл из строя не сам по себе, не благодаря пожару, а потому, что Невский — старый троцкист, который был послан Пятаковым, — организовал пожар и взрыв на руднике. Невского надо было немедленно арестовать. Вместо

этого мы занимались перепиской с Москвой, надеясь, что его кто-либо возьмет под защиту. Все же Невский в конце концов был арестован.

Далее я хочу остановиться на вопросе строительства. Темпы отставания строительства в Узбекистане объясняли тем, что там мало строительных материалов; цемента, железа, леса. Но строительство сознательно срывалось. Вот, например, строительство школ. Оно требует, главным образом, кирпича. На месте, в Узбекистане, можно приготовить миллиарды штук кирпича.

Между тем, в строительный сезон, как правило, кирпича у нас не бывало.

Вышинский. Почему?

Ходжаев. Потому что производством кирпича руководил Рахман, член троцкистской организации, руководимой Цехером, связанной с нами. То же самое с больницами и с целым рядом других культурно-просветительных учреждений. Мы захватили в свои руки руководство школами. Мы подготавливали буржуазно-националистические кадры и их руками захватывали школы университетов.

Что касается выполнения других директив — об организации повстанческих групп в Узбекистане, — мы боялись непосредственно сами взяться за организацию этого дела, потому что это дело могли бы разнюхать сразу. Поэтому после совещания с Икрамовым мы совместно в устном виде дали указания наши людям из состава секретарей райкомов и председателей исполкомов, чтобы они проводили подготовку к организации ядра через которое можно было бы уже перейти к массовой организации повстанчества.

Другая директива заключалась в том, чтобы из амнистированных рядовых басмачей, сдавших еще в 1922—23 годах, была бы подготовлена в кишлаках и селах соответствующая группа. Таковы были директивы. На местах эта работа проводилась: то есть люди вовлекались, группы создавались. Что касается террористических групп, то об этом деле я никому не говорил, кроме двух лиц. Я сам знаю, знал Икрамов и знал некий Шермухамедов, которому я, посоветовавшись с Икрамовым, поручил организацию этих террористических групп.

Вышинский. Это ваша общая кандидатура?

Ходжаев. Наша общая.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, насчет Шермухамедов Ходжаев правильно показывает?

Икрамов. Кандидатура Шермухамедова обсуждалась.

Вышинский. А для чего?

Икрамов. Ему было дано поручение относительно геррора.

Ходжаев. И наконец последний пункт — это насчет связи Англией. Мне самому непосредственно устанавливать связь Англией было невозможно. Надо было искать для этой связи какие-то средства. Я мог поискать людей в Таджикистане.

Вышинский. Через басмачей?

Ходжаев. Через курбаши, то есть начальников басмачей. Курбаши, если он настоящий начальник басмачей, не может быть

не связанным с англичанами, потому что басмачество было организовано с участием англичан.

Вышинский. Скажите, вы к каким общественным слоям принадлежите по своему происхождению?

Ходжаев. Я из купеческой семьи.

Вышинский. Кто был отец?

Ходжаев. Торговец.

Вышинский. Крупный, мелкий?

Ходжаев. Крупный. Торговал каракулем, умер в 1912 году.

Вышинский. У вас были связи с буржуазными кругами по вашему прошлому социальному положению?

Ходжаев. Да.

Вышинский. Когда впоследствии вы возглавляли вредительскую организацию в Узбекистане, вам приходилось заниматься вредительством в области каракулеводства?

Ходжаев. Непосредственно нет. Но в колхозах в 1931 году был урон поголовья под руководством некоего Хисметова.

Вышинский. Вредительство было?

Ходжаев. Да.

Вышинский. Вы организовывали?

Ходжаев. Да.

Вышинский. К какой организации вы принадлежали до революции?

Ходжаев. Организация, к которой я принадлежал, это — партия бухарских либералов, конституционно-монархическая партия.

Вышинский. Кадетская?

Ходжаев. Да. В 1917 году я отошел от этой партии и был в числе организаторов другой партии — младо-бухарской партии, программу которой мы напечатали в 1917 году. Мы ставили перед собой задачу буржуазно-националистического развития Бухары. К этой партии я принадлежал.

Вышинский. Потом опять примкнули к националистам?

Ходжаев. Потом, когда я оказался во главе власти, я примкнул опять к националистам.

Вышинский. И с тех пор вели эту линию?

Ходжаев. И с тех пор эту линию вел.

Вышинский. И вам помогал Бухарин?

Ходжаев. Я об этом и говорю. Я начал свою деятельность как националист, прошел большой и длительный путь — 23 года из сорока одного года. Я изменил не только народам Бухары, Узбекистана, но и Советского Союза в целом. Я оказался участником в составлении террористических групп. Вот почему я несу полную ответственность перед советским судом, перед советским народом. Я понимаю, что мое позднее раскаяние делу не поможет, но я говорю об этом для того, что может быть это предупредит хоть кого-нибудь, чтобы по моему следу не пошли.

Вышинский. Что вам известно об убийстве Абид Саидова?

Ходжаев. Я слышал об этом деле в 1931 году.

Вышинский. Убит он был за что?

Ходжаев. Он был убит своим братом по постановлению националистической организации «Милли Истиклял»...

Вышинский. В которой кто участвовал?

Ходжаев. В которой участвовал Икрамов.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, был такой факт — убийство Абид Саидова?

Икрамов. Был такой факт.

Вышинский. За что он был убит?

Икрамов. Официально знаю, что он разоблачал на су «милли истиклялов», контрреволюционеров, и по заданию этой группы его убили.

Вышинский. Какая группа его убила?

Икрамов. Группа «милли истиклялов».

Вышинский. А членом этой группы вы были?

Икрамов. Был.

Вышинский. Когда это было?

Икрамов. В 1930 году.

Вышинский. В 1930 году вы занимали в этой группе руководящую роль?

Икрамов. Нет.

Вышинский. Кто ею руководил?

Икрамов. Председателем был Каримов. В то время у нас была поставлена одна задача: захватить вузы, засорить вузы классов враждебными Советской власти элементами, подготовить кадры. Вот это — основная линия.

Вышинский. А между прочим убили Абид Саидова?

Икрамов. Да.

Вышинский. За что был убит Абид Саидов?

Икрамов. За то, что разоблачал буржуазных националистов.

Вышинский. Был ли Бату в числе убийц Абид Саидова?

Икрамов. Он — участник убийства.

Вышинский. Это тот Бату, который с Рамзи являлся вашим человеком?

Икрамов. Да.

Вышинский. Значит, Абид Саидова убил Бату — ваш человек.

Икрамов. Да.

На этом утреннее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв до 18 часов.

Вечернее заседание 4 марта

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РОЗЕНГОЛЬЦА

Председательствующий. Переходим к допросу подсудимого Розенгольца. Показания ваши, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Розенголец. Да.

Вышинский. Подсудимый Розенголец, расскажите кратко о вашей преступной деятельности.

Розенголец. Я, как известно, был участником троцкистской профсоюзной оппозиции во время профсоюзной дискуссии в 1920—21 годах. Затем в 1923 году я подписал так называемую платформу «46».

В 1929 году Крестинский привез мне директиву Троцкого о том, чтобы Крестинский и я законспирировались и по возможности заняли бы ответственное положение, заняли бы выжидающую позицию до того момента, когда соответствующие силы в стране, по мнению Троцкого, могли бы одержать верх, и мы могли бы принять участие в организации новой власти.

Вышинский. Значит, в 1929 году Крестинский привез вам директиву от Троцкого?

Розенголец. Да.

Вышинский. Что вы скажете на этот счет, подсудимый Крестинский?

Крестинский. Тут имеется некоторая неточность. Я виделся с сыном Троцкого в конце 1929 года. Я работал тогда за границей и мог передать Розенгольцу эту директиву только в начале 1930 года.

Вышинский. Разница между концом 1929 года и началом 1930 года небольшая. Мне здесь важно установить, что вы действительно передали некую директиву Троцкого Розенгольцу. Значит, это было в конце 1929 года или начале 1930 года?

Розенголец. Далее, в 1933 году Крестинским было получено письмо из-за границы. В 1933 году я был за границей и в Фельдене, в Австрии, имел встречу с Седовым. Затем я виделся с Седовым в 1934 году в Карлсбаде.

Вышинский. Содержание ваших разговоров?

Розенголец. Седов передал следующие директивы Троцкого: рекомендовалось связаться с правыми и работу вести в контакте с ними.

Вышинский. С кем конкретно?

Розенгольц. Крестинский сообщал, что он имел указания в отношении Рыкова и Рудзутака. Затем Седов много говорил о необходимости максимальной, возможно более тесной связи с Тухачевским, поскольку, по мнению Троцкого, Тухачевский и всякая группа должны были быть решающей силой в контрреволюционном выступлении. В разговорах выявилось также имеющее у Троцкого опасение в отношении бонапартистских тенденций Тухачевского. Поэтому Троцкий предлагал во время переворота повсюду ставить своих людей.

Во исполнение этой директивы Крестинский был связан с Тухачевским. В течение всего этого периода времени, с 1933 по 1937 год, у меня связь была с Рыковым и с Рудзутаком.

Наиболее существенный момент в этих переговорах с Седовым — это вопрос относительно наметки состава правительств. Седов также передал директивы Троцкого по организации террора. В 1933 же году были директивы и указания в отношении вредительства в области внешней торговли. Поскольку Седов сообщил об имеющемся у Троцкого соглашении с соответствующими германскими кругами, вопрос вредительства имел с этой точки зрения очень существенное значение для Троцкого, для поддержания и его авторитета, и поддержания соглашения. Основные линии вредительства шли в направлении возможно помощи в области внешней торговли интересам Германии и Японии. Затем был поставлен вопрос, и он несколько раз и очень настойчиво ставился со стороны Троцкого и Седова, — вопрос о финансировании через каналы внешней торговли троцкистского движения.

Вышинский. Как тогда ставился вопрос о войне?

Розенгольц. В отношении войны линия у Троцкого была не поражение.

Вышинский. Предполагалось, что будет война? Когда?

Розенгольц. В 1935 и 1936 годах.

Вышинский. Значит, тогда Троцкий предполагал, что война должна возникнуть в 1935, 1936 годах, и в этой связи...

Розенгольц. Стоял вопрос о перевороте. Причем здесь произошло изменение в установках, потому что сначала шел вопрос о желательности и необходимости осуществления военного переворота применительно к срокам возможного начала войны. А потом, ввиду выяснившейся оттяжки войны, стал вопрос о том, что желательно ускорить переворот, не дожидаясь военных событий. Это было уже в 1937 году.

Вышинский. Вы не припоминаете, как вообще Рыков относился к оттяжке сроков контрреволюционного выступления Тухачевского?

Розенгольц. Он относился к оттяжке сроков выступления очень нежелательно.

Вышинский. Нервничал?

Розенгольц. У Рыкова и других было опасение, что оттяжка может вызвать целый ряд провалов.

Вышинский. Говорил ли вам Рыков, что Тухачевский обещает выступить, а не выступает?

Розенгольц. Да.

Вышинский. А кто еще говорил?

Розенгольц. Об этом говорил и Крестинский, и Седов перетавал мнение Троцкого.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, скажите, в 1936 году вы говорили Розенгольцу о том, что Тухачевский медлит с контрреволюционным выступлением?

Крестинский. Да. В конце 1936 года вопрос был поставлен одновременно и Троцким за границей в письме Рыкову, и Тухачевским самим о том, чтобы ускорить переворот и чтобы этого не увязывать с началом войны.

Вышинский. Значит, Тухачевский торопил?

Крестинский. В конце 1936 года Тухачевский стал торопить.

Вышинский. А вы в это время торопили его?

Крестинский. Я с ним согласился.

Вышинский. Торопили или нет?

Крестинский. Я не торопил, но соглашался.

Вышинский. Значит, вы считали, что надо ускорить контрреволюционное выступление, то есть поторопиться. Если держались такой точки зрения, значит, торопили?

Крестинский. Да, но в более поздний период.

Вышинский (к Розенгольцу). Как вы реагировали на арест Пятакова в этом плане?

Розенгольц. Уже после суда над Пятаковым пришло письмо от Троцкого, в котором ставился вопрос о необходимости максимального форсирования военного переворота Тухачевским. В связи с этим было совещание у меня на квартире.

Вышинский. А что это за письмо было, нельзя ли подробнее узнать?

Розенгольц. Там Троцким ставилось несколько вопросов. Прежде всего указывалось, что если будут медлить, то произойдет то, что по частям будут разгромлены все контрреволюционные силы. Поэтому, поскольку уже значительный разгром кадров произведен, необходимо ряд возможных акций максимально ускорить.

Вышинский. Например?

Розенгольц. В ответ на приговор суда о расстреле Пятакова ставился вопрос об организации террористических актов в отношении руководителей партии и правительства и вопрос в отношении максимального форсирования военного переворота.

Вышинский. Не припоминаете ли вы, что в этом письме Троцкий давал оценку поведения на суде Пятакова, сознавшегося в своих преступлениях?

Розенгольц. Я точно не припоминаю этого момента.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, вы не припоминаете, что Троцкий писал в этом письме?

Крестинский. В этом письме было негодование Троцкого по поводу поведения Пятакова. Было предложение о том, чтобы в дальнейшем, если такой случай будет, — так себя не вести.

Вышинский. А как себя вести?

Крестинский. Не признавать свою вину.

Вышинский. Может быть, ваше поведение на суде два дня му назад тоже было продиктовано вот этой директивой?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Но эту директиву Троцкого вы помнили?

Крестинский. Помнил.

Вышинский. Подсудимый Розенгольц, продолжайте.

Розенгольц. Момент, на котором я остановился, — это совещание, которое было с Тухачевским.

Вышинский. Где было это совещание?

Розенгольц. У меня на квартире.

Вышинский. У вас было на квартире совещание, с кем?

Розенгольц. С Тухачевским и с Крестинским. Это было в конце марта 1937 года. На этом совещании Тухачевский сообщил, что он твердо рассчитывает на возможность переворота, и указывал срок, полагая, что до 15-го мая, в первой половине мая ему удастся этот военный переворот осуществить.

Вышинский. В чем заключался план этого контрреволюционного выступления?

Розенгольц. Тут у Тухачевского был ряд вариантов. Один и вариантов, на который он наиболее сильно рассчитывал, это возможность для группы военных, его сторонников, собраться у него на квартире, под каким-нибудь предлогом проникнуть в Кремль захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей партии и правительства.

Вышинский (к Крестинскому). Вы подтверждаете это?

Крестинский. Да, подтверждаю. Совещание это было у Розенгольца.

Розенгольц. Мы с Крестинским обсуждали вопрос о возможном террористическом акте в отношении Председателя Совнаркома Молотова.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, обсуждали вы вопрос о террористическом акте против Вячеслава Михайловича Молотова?

Крестинский. Мы обсуждали с ним вопрос иначе — в более широком разрезе...

Вышинский. Этот вопрос стоял у вас?

Крестинский. Мы с ним говорили вообще о необходимости восстановить террористическую деятельность троцкистов, превавшуюся после смерти Пятакова, и на эту тему мы говорили с Розенгольцем и Гамарником, говорили о необходимости террористических актов против руководителей партии и правительства.

Вышинский. Против кого именно?

Крестинский. Имелись в виду Сталин, Молотов и Каганович, но специально террористического акта в отношении Молотова в деталях мы не обсуждали.

Вышинский. Меня не интересуют детали. Был у вас разговор о подготовлявшемся террористическом акте против товарища Молотова?

Крестинский. Не о подготовлявшемся, а о необходимости подготовить.

Вышинский. Итак, вы говорили о необходимости подготовить террористический акт для того, чтобы его совершить?

Крестинский. Да, конечно.

Вышинский. Правильно ли, что вы систематически торопили с переворотом Тухачевского?

Крестинский. Начиная с ноября 1936 года, я был решительным сторонником максимального ускорения этого переворота. Торопить Тухачевского не приходилось, ибо у него было такое же настроение, и он сам поставил перед нами — перед правыми, передо мной, Розенгольцем и Рудзутаком — этот вопрос. Наши настроения в вопросе о перевороте совпадали.

Вышинский (Розенгольцу). Что вы скажете о ваших встречах с Гамарником?

Розенгольц. Я подтверждаю те показания, которые я давал на предварительном следствии.

Вышинский. Какие именно?

Розенгольц. Относительно Гамарника основным моментом является то, что Гамарник сообщил о своем предположении, повидимому согласованном с Тухачевским, о возможности захвата здания Наркомвнудела во время военного переворота. Причем Гамарник предполагал, что это нападение осуществится какой-нибудь войсковой частью непосредственно под его руководством, полагая, что он в достаточной мере пользуется партийным, политическим авторитетом в войсковых частях. Он рассчитывал, что в этом деле ему должны помочь некоторые из командиров, особенно лихих. Помню, что он назвал фамилию Горбачева.

Вышинский. Значит, кроме того, что Тухачевский вас посвящал в план своего преступного заговора, вас также посвящал в этот план и Гамарник?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Продолжайте.

Розенгольц. Преступно была использована внешняя торговля в отношении расхищения средств для финансирования троцкистского движения. Назову два наиболее крупных примера. Первое — это операции, которые осуществлял Краевский, в размере до 300 тысяч долларов, которые были переданы троцкистской организации или Троцкому непосредственно.

Вышинский. В распоряжение Троцкого?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Краевским?

Розенгольц. Да.

Вышинский. По вашему поручению?

Розенгольц. Да. Осуществлялось это через соответствующие фирмы путем использования Седова в качестве комиссионера. Затем это финансирование было организовано также мною лично, когда я вошел в соглашение с одним официальным лицом в Москве при заключении договора.

Вышинский. С каким официальным лицом?

Розенгольц. С представителем одного из государств.

Вышинский. Одного из иностранных государств?

Розенгольц. Да. Относительно соглашения, по которому, примерно, около 110 тысяч долларов ежегодно, в течение трех лет должен был получать Троцкий.

Вышинский. Так что финансирование Троцкого было вами налажено регулярно и как следует?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Это более крупное, а по мелочам? Например, в 1933 году было передано в распоряжение Троцкого 2 тысяч фунтов стерлингов?

Розенгольц. Это помимо меня, но с моего ведома, конечно.

Вышинский. Это по линии внешней торговли, а вы были тогда...

Розенгольц. Я был наркомом внешней торговли и с моей санкции и с ведома...

Вышинский. Значит, вами. Значит, 2 тысячи фунтов стерлингов передано. Это — тоже крупная сумма, но перед 110 тысячами долларов — это мелочь. А в 1934 году 15 тысяч фунтов стерлингов тоже было передано Троцкому?

Розенгольц. Да, 15 тысяч фунтов, потом еще один раз 10 тысяч фунтов.

Вышинский. 15 тысяч, потом 10 тысяч, потом 2 тысячи, наберется уже 27 тысяч фунтов стерлингов.

Розенгольц. И еще 20 тысяч марок.

Вышинский. Значит, деньги все-таки приличные. К этому еще добавить 300 тысяч долларов. За какой срок?

Розенгольц. Это с 1933 года. По Экспортлесу — 300 тысяч.

Вышинский. По Экспортлесу — это особо. Дальше, еще что вы имеете показать?

Розенгольц. Теперь я хотел отметить еще, что в более ранние годы — в 1923 году, в связи с имевшимся у меня деловым контактом...

Вышинский. С кем?

Розенгольц. С немецкими военными кругами, Троцкий предложил передать Секту сведения о советских военно-воздушных силах.

Вышинский. И вы передали?

Розенгольц. Да, я эти сведения передал.

Вышинский. Кроме денег Троцкому, вы еще передали шпионские сведения Секту?

Розенгольц. Да, да, это было в 1923 году.

Вышинский. И позже, потом?

Розенгольц. Начиная с 1931 года передавались сведения о заказах по внешней торговле.

Вышинский. Секретные, государственные?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Вам неизвестно, еще кто-либо другой передавал ли аналогичные сведения Секту в то время?

Розенгольц. Я знал, что у Крестинского была какая-то нелегальная связь с рейхсвером.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, о какой связи с рейхсвером говорит Розенгольц?

Крестинский. В 1921 году Троцкий предложил мне, воспользо-
завшись встречей с Сектом, при официальных переговорах пред-
ложить ему, Секту, чтобы он оказывал Троцкому систематиче-
скую денежную субсидию для разворачивания нелегальной троц-
кистской работы, причем предупредил меня, что если Сект по-
просит в качестве контртребования оказание ему услуг в обла-
сти шпионской деятельности, то на это нужно и можно пойти.
Я поставил этот вопрос перед Сектом, назвал сумму 250.000 ма-
рок золотом, то есть 60.000 долларов в год. Генерал Сект, по-
говоривши со своим заместителем, начальником штаба, дал прин-
ципиальное согласие и поставил в виде контртребования, чтобы
Троцкий в Москве или через меня передавал ему, хотя бы и не
систематически, некоторые секретные и серьезные сведения воен-
ного характера. Это контртределение генерала Секта было при-
нято и, начиная с 1923 года, этот договор стал приводиться в
исполнение.

Вышинский. Вы передавали шпионские сведения?

Крестинский. Да. Мне приходилось также получать пару раз
деньги.

Вышинский. От кого приходилось вам получать деньги?

Крестинский. От генерала Секта.

Вышинский. Где?

Крестинский. У него в служебном кабинете. Я передавал де-
ньги непосредственно Троцкому, когда ездил в Москву.

Вышинский. Лично?

Крестинский. Да, не привлекая к этому никого.

Вышинский. Садитесь.

Значит, вы, подсудимый Розенгольц, с 1923 года начали пере-
давать шпионские сведения иностранным государствам?

Розенгольц. Правильно.

Вышинский. Продолжайте дальше.

Розенгольц. Теперь относительно вредительства. Я хочу отме-
тить, что это вредительство ставило задачей помощь Германии,
главным образом, и частично — Японии.

Из наиболее крупных актов этого вредительства, которое, по-
нятно, является одновременно и изменнической деятельностью,
я назову заключение нефтяного договора с Германией. Назову
факт экспорта золотоотходов в Германию, в то время как рацио-
нальнее было бы их перерабатывать в Советском Союзе. Далее —
экспорт цинковых концентратов, авансовый экспорт. Затем —
экспорт чугуна в Японию по удешевленным ценам и в значите-
льном количестве в тот период, когда на рынке была острая нуж-
да в чугуне. Выдача фрахтовых ордеров с задержкой, что выз-
вало переплату, заключение ряда невыгодных условий в догово-
рах, в частности, формулировку пункта о форсмажоре. Также за-
держка экспорта в Монголию, Западный Китай.

Особенно нужно отметить вредительство, вытекающее из за-
дачи на поражение, — это задержка оборонного импорта.

Вот собственно все основное.

ВТОРОЙ ДОПРОС ПОДСУДИМОГО КРЕСТИНСКОГО

Председательствующий. Подсудимый Крестинский, расскажите вкратце о вашей контрреволюционной деятельности, не останавливаясь на тех моментах, которые уже освещены.

Крестинский. Я начал мою нелегальную троцкистскую деятельность в конце 1921 года, когда по предложению Троцкого я дал свое согласие на создание нелегальной троцкистской организации и на включение меня в состав ее центра, предусмотренного в составе: Троцкого, Пятакова, Серебрякова, Преображенского и меня, Крестинского. Это предложение Троцкий сделал мне сейчас же после X съезда. Я дал свое согласие на вступление в эту организацию. Годом позднее я совершил преступление — это именно то, о чем я рассказывал во время допроса подсудимого Розе Гольца, — мое соглашение по поручению Троцкого с генерал-Сектом, с рейхсвером в его лице, о финансировании троцкистской организации в обмен за те услуги шпионско-разведывательного характера, которые мы при этом брались оказывать рейхсверу. С 1923 года соглашение с Сектом приводилось в исполнение, главным образом, в Москве, иногда в Берлине. В 1926 году рейхсвер поставил вопрос об отказе от этого соглашения. Я думаю, что это был тактический шаг для того, чтобы поставить нам повышенные требования...

Вышинский. Кому «нам»?

Крестинский. Троцкистам. Мы в это время уже привыкли к поступлению регулярных сумм, твердой валюты...

Вышинский. Привыкли к получению денег от иностранных разведок?

Крестинский. Да. Эти деньги шли на развивавшуюся за границей, в разных странах, троцкистскую работу, на издательство и прочее...

Вышинский. На что «прочее»?

Крестинский. На разъезды, на агитаторов, содержание некоторых профессионалов в тех или других странах.

И в 1926 году, в разгар борьбы троцкистских групп за границей с партийным руководством, как в Москве, так и у братских партий, отказ от этих денег мог бы подрезать борьбу троцкистов. И поэтому, когда Сект предупредил, что он предполагает прекратить это субсидирование, я, естественно, поставил вопрос — на каких условиях он согласился бы продолжить соглашение.

Тогда он выдвинул предложение, что та шпионская информация, которая давалась ему несистематически, от случая к случаю, должна принять более постоянный характер, и, кроме того, чтобы троцкистская организация дала обязательство, что, в случае прихода ее к власти во время возможной новой мировой войны, эта троцкистская власть учтет справедливые требования германской буржуазии, то есть, главным образом, требования получения концессий и заключения другого рода договоров. После запроса Троцкого и получения от него согласия я дал генералу

схему положительный ответ, и наша информация начала носить истематический характер. В устном порядке были даны обещания насчет будущего послевоенного соглашения.

Вышинский. Не скажете ли вы, сколько было всего получено денег?

Крестинский. Начиная с 1923 года по 1930 год мы получали каждый год по 250 тысяч германских марок золотой валютой.

Вышинский. Это составит, примерно, 2 миллиона золотых марок за эти годы?

Крестинский. Да, примерно, 2 миллиона золотых марок.

Вышинский. Это то, что вам известно?

Крестинский. Да, это то, что мне известно.

Вышинский. Это соглашение, заключенное с 1923 года, действовало до 1930 года?

Крестинский. Через меня — до 1930 года. До конца 1927 года выполнение этого соглашения шло, главным образом, в Москве. Затем, с конца 1927 года почти до конца 1928 года, в течение примерно 10 месяцев, был перерыв в получении денег, потому что после разгрома троцкизма я был изолирован, не знал планов Троцкого, не получал от него никакой информации и указаний и поэтому при получении денег я бы не знал, что с ними делать. Так продолжалось до октября 1928 года, когда я получил от Троцкого, который в то время был в ссылке, из Алма-Аты письмо. В этом письме содержалось указание Троцкого о получении немецких денег, которые он предлагал передать или Маслову или французским друзьям Троцкого, то есть Росмеру, Мадлене Паз и другим.

Я обратился к генералу Секту. Он был к этому времени уже в отставке и не занимал никаких постов. Он вызвался переговорить с Гаммерштейном и получить деньги. Деньги он получил.

Вышинский. А кто такой Гаммерштейн?

Крестинский. Гаммерштейн был в тот период начальником штаба рейхсвера, а с 1930 года стал командующим рейхсвером.

При нашем свидании он завел со мной, не говоря о нашей обязанности сообщать шпионские сведения, политическую беседу на международные темы с тем, чтобы получить от меня некоторую информацию. Небольшую информацию секретного характера я ему дал.

Вышинский. Деньги он уплатил?

Крестинский. Да, деньги он дал.

Вышинский. Он знал, за что дает?

Крестинский. Знал. До получения денег ко мне позвонил Маслов и эзоповским языком спросил, не был ли у меня кто-нибудь и нет ли чего-нибудь для передачи ему. Я к Маслову относился отрицательно, считая его принципиальным.

Вышинский. А вы считаете себя человеком принципиальным?

Крестинский. Ну, я был троцкист, а он мог быть сегодня троцкистом, завтра отойти от троцкизма, затем опять становился троцкистом...

Вышинский. Троцкистом вы были всегда?

Крестинский. Да. Маслову я сказал, что для него у меня нет

денег, а есть для Росмера и Мадлены Паз. Через десять дней позвонил и сказал, что приехала Мадлена Паз, сказал, что она остановилась в отеле «Эксельсиор». Там у меня с ней состоялось свидание, и я передал ей деньги. И так продолжалось до осени 1930 года. Когда я уезжал из Германии, я наметил два варианта: первый вариант — связать с Сектом Седова, с которым у меня уже к моменту отъезда была встреча и установился контакт, и же связать Путна, незадолго до моего отъезда назначенно военным атташе в Берлине, о котором я знал от Смирнова, что он был троцкистом. Я дал знать Седову, чтобы он постарался приехать в Берлин до моего отъезда, а Секту сказал, что к нему от моего имени или от имени Троцкого зайдет кто-нибудь. Если зайдет Седов или Путна, то он может не требовать от них никакой письменной рекомендации и легализации и смело иметь с ними дело. Седов не попал к Секту. А в 1931 году, когда Пятаков поехал в Берлин заканчивать кредитное соглашение и выдавать заказы, с ним ехал и И. Н. Смирнов. Тогда я сообщил Пятакову о соглашении, которое было между мною и Сектом, и предложил ему выяснить и, если Путна является членом нашей организации, включить его в это дело. Пятаков по возвращении сказал, что дело сделано и что Путна эту связь принял и поддерживает.

Вышинский. Контакт с Сектом у вашей троцкистской организации имел место даже до 1921 года?

Крестинский. Там был контакт с ним, о котором я не хочу говорить в открытом заседании.

Вышинский. Кое-что можно сказать сейчас. Во-первых, кто такой был Копп?

Крестинский. Копп был вообще старый меньшевик. Он был близким человеком к Троцкому.

Вышинский. У вас с Троцким и Коппом был разговор о том, чтобы достать средства для конспиративной троцкистской работы?

Крестинский. Этот разговор был весной 1922 года.

Вышинский. Значит, Копп занимался троцкистской конспиративной работой?

Крестинский. Да, да.

Вышинский. В июле 1920 года по вопросу, о котором вы, очевидно, не думаете здесь говорить, а скажете в закрытом заседании, этот самый Копп наладил контакт с Сектом?

Крестинский. Да. Сект обратился к Коппу.

Вышинский. Я делаю из этого вывод, что не только в 1921 и 1922 году, но еще в 1920 году Троцкий через Коппа прощупывал и нашел дорогу к Секту.

Крестинский. Подробностей этого я не знаю, тогда были официальные встречи.

Вышинский. Вопрос о денежных средствах на троцкистские цели от германского рейхсвера — это официальная сторона или нет?

Крестинский. Это секретная троцкистская сторона, преступная вещь.

Вышинский. Позвольте огласить следующее место в томе 3, лист дела 13 оборот: «во время этих разговоров стал вопрос о денежных средствах для конспиративной троцкистской работы... Этот вопрос о денежных средствах поднял Троцкий...»

Крестинский. Верно.

Вышинский «...у которого были какие-то затруднения в использовании для конспиративных троцкистских целей аппаратных средств. Тогда Копп предложил сделать попытку получить необходимые денежные средства от германского рейхсвера... Контакт между Коппом и генералом Сектом был уже, таким образом, установлен...»

Это показание обвиняемого Крестинского от 9-го июня 1937 года.

Обвиняемый Крестинский, вы это подтверждаете?

Крестинский. Да, да.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, продолжайте.

Крестинский. В 1929 году осенью, кажется в сентябре, когда я находился в отпуску на юге Германии, в Киссингене, ко мне по телефону позвонил из Берлина Якубович и сообщил — это было сказано эзоповским языком, — что сын Троцкого хочет меня повидать по поручению отца. Я предложил ему приехать в Киссинген. На другой день или через день приехали Седов и Якубович. Они остановились в разных гостиницах. Седов остановился в гостинице «Энглишер Гоф», которая не посещалась советскими гражданами. В этой гостинице состоялось свидание.

Информация Седова заключалась в том, что Троцкий советует высланным и исключенным троцкистам подавать заявления о том, что они отказываются от оппозиционной борьбы и о принятии их обратно в партию. В частности, он сообщил, что с Пятаковым и Радеком я могу откровенно разговаривать, хотя Пятаков подал заявление об отходе от троцкизма в 1928 году, а Радек, — кажется в 1929 году, и указал, что они остаются сторонниками троцкизма.

Далее он сказал, что необходимо отказаться от работы в массах, нужно заботиться о том, чтобы сохранить организационный костяк, чтобы эти люди проникали в партийные и советские организации и старались занять там более или менее самостоятельные, ответственные посты, чтобы велась работа в строго законспирированном виде по привлечению новых сторонников из числа надежных людей в единичном порядке для увеличения и укрепления кадрового костяка. Я должен был продолжать отношения с рейхсвером по получению денег и по передаче информации и я должен был наладить связь между Троцким и его уполномоченными в Европе и троцкистами в Советском Союзе.

Связь с Троцким была установлена следующим образом. В Берлине, еще год приблизительно после моего отъезда, оставался Якубович, и мы договорились с ним, что он будет получать от меня в дипломатической почте письма, если будет нужно для пересылки Троцкому, а он во время свидания с Седовым договорился о тех парижских адресах, по которым он будет пересылать эти письма.

Кроме того, у меня установилась в то время связь с другим работником полпредства — Штерном, который питал троцкистские симпатии. Я договорился с ним, что если Якубович будет уезжать из Берлина, то я прошу Штерна от Якубовича эти поручения и задания перенять, что и было сделано.

Кроме того, Радек обратился ко мне, а я через некоторых моих наркоминдельских работников отдела печати наладил снабжение некоторых иностранных корреспондентов секретной информацией.

Вышинский. Кого именно из иностранных корреспондентов

Крестинский. Имелись в виду немецкие корреспонденты.

Вышинский. Вы фамилии их знаете?

Крестинский. Предполагаю, что это был Баум, предполагаю, что это был Юст, что это были Гюнтер Штейн, Вильям Штейн

Вышинский. Вы — организатор этого дела?

Крестинский. Да.

Вышинский. Расскажите, как была организована ваша встреча с Троцким в Меране.

Крестинский. Я был проездом несколько дней в Берлине. В Берлине сидел советником наш троцкистский человек Бессонов, у которого связь с Троцким должна была быть, ибо, когда он в мае 1933 года уезжал в Берлин, я говорил, чтобы он эту связь установил.

Вышинский. Вы ему поручили?

Крестинский. Да, поручил установить эту связь. Я сказал ему, что надо дать знать Троцкому, что я хочу с ним повидаться.

Вышинский. Значит, Бессонов рассказывал нам здесь сущую правду?

Крестинский. Да.

Вышинский. А вы ранее пытались это отрицать?

Крестинский. Когда в первый день я отрицал свою виновность, не будучи в состоянии публично ее признать, я, естественно, как логический вывод из этого, отрицал и то, что говорили Розенгольц и Бессонов.

Вышинский. Но согласитесь, что этим вы поставили Бессонова в положение лгуна.

Крестинский. Ну, что ж, я же сам лгал. Если я ставил себя в положение лгуна, то тем легче было мне поставить других в это положение.

Вышинский. Такова ваша логика!

Крестинский. Когда я сказал, что хочу повидаться с Троцким, он ответил, что такая возможность есть, причем я сказал, что до конца сентября буду в Киссингене, а числа до 10 октября буду в Меране, и дал ему адрес киссингенского санатория, в котором я всегда останавливался.

Я еще был в Киссингене, когда мне позвонил Бессонов по телефону и сообщил, что встреча состоится в Меране. Троцкий приехал в Меран около 10 октября вместе с Седовым.

Приехал Троцкий, как он мне говорил, под чужим французским паспортом и приехал тем маршрутом, о котором говорил Бессонов, то есть через франко-итальянскую границу, а не через

Швейцарию и Германию. Для Троцкого вопросы, в которых мы думали в Москве, были бесповоротно решены, и он сам перешел к изложению своих указаний по этому поводу. Он сказал, что поскольку мы с 1929 года перешли к организации заговорщического типа, постольку, естественно, захват власти может быть осуществлен только силой. Но наша заговорщическая организация никакого переворота сама произвести не может. Необходимо по этому поводу прямое соглашение с какой-нибудь буржуазной страной. Он отметил, что зачаточным соглашением такого рода является наше соглашение с рейхсвером. Но это соглашение ни в какой мере не удовлетворяет ни троцкистов, ни немецкую сторону по двум причинам. Во-первых, нашим контрагентом в этом деле является только рейхсвер, а не германское правительство в целом. Если рейхсвер при прежних правительствах играл решающую роль и можно было считаться с ним, как с правительством в целом, то с приходом к власти Гитлера и стремлением Гитлера подчинить себе рейхсвер и с некоторой настроенностью в отношениях со стороны некоторых руководителей рейхсвера к проникновению Гитлера в рейхсвер, нельзя идентифицировать германское правительство с рейхсвером и надо постараться, чтобы нашим контрагентом был не только рейхсвер, но и германское правительство в целом. Это первое.

Второе. В чем сущность соглашения с рейхсвером? Мы получаем небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, в частности, Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он готов вместо колоний, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территорией Советского Союза. А нам нужны не 250 тысяч золотых марок, нам нужны германские вооруженные силы для того, чтобы при их помощи притти к власти, и в этом направлении нужно вести работу. Эта работа есть изменническое соглашение с иностранным правительством об использовании вооруженных иностранных сил для победы над Красной Армией и для открытия пути к власти троцкистам. Но ведь если даже произойдет нападение, скажем, Германии на Советский Союз, это еще не дает возможности захватить аппарат власти, если у нас не будут в этом направлении подготовлены известные внутренние силы. А троцкисты, как таковые, недостаточно многочисленны и сильны, чтобы такую организацию одним создать. Необходимо иметь оплот и в городе и в деревне, у мелкой буржуазии и у кулаков, а там связь имеют, главным образом, правые. Необходимо иметь, наконец, опору, организацию в Красной Армии среди командиров, чтобы соединенными усилиями в нужный момент захватить важнейшие пункты и притти к власти.

Из этого вытекало: первая установка была на соглашение с иностранными правительствами, вторая — на создание в Советском Союзе объединенных сил троцкистов, правых и военных заговорщиков.

Говоря о правых, о необходимости организационно связать-

ся с ними, Троцкий говорил, что не надо ограничиваться Рыковым, Бухариным и Томским, так как хотя они и признанные вожди правых, но они в достаточной степени уже скомпрометрованы, и что надо использовать для связи Рудзутака, который в течение многих лет сидел в Советском правительстве, и ни когда никому не было известно о каких-либо его разногласиях с партией, и поэтому надо на него обратить внимание и связаться с ним.

Что касается военных, то, говоря о них, Троцкий называл только одно имя — имя Тухачевского, как человека бонапартистского типа, авантюриста, честолюбца, стремящегося играть не только военную, но и военно-политическую роль, который, не сомненно, с нами пойдет.

Дальше Троцкий развил мысль о необходимости терроризма и диверсий, причем диверсионные акты и террористические акты он рассматривал под углом зрения и применения их во время войны и для дезорганизации обороны, Красной Армии, для дезорганизации правительства к моменту переворота. И в то же время эти диверсионные и террористические акты давали бы ему, Троцкому, большую устойчивость и уверенность в переговорах с иностранными правительствами, ибо он мог бы ссылаться на то, что его сторонники в Советском Союзе и достаточно сильны, и достаточно активны.

Он брал на себя переговоры с немцами. Что касается японцев, о которых он говорил, как о силе, с которой надо тоже договориться, то он говорил, что ему непосредственно пока с ними связаться трудно, что надо будет говорить с ними в Москве, что для этого надо использовать Сокольников, который работает в Наркоминделе и как раз занимается восточными делами. И поскольку разговор будет происходить только с официальным лицом и первоначальный разговор будет иметь зондирующий характер, то для начала можно ограничиться такими общими заявлениями о том, что если к власти в Советском Союзе придет правительство из блока оппозиционных группировок, то оно будет благопринятно относиться к японцам и учтет пожелания японцев при обсуждении и разрешении с ними тех спорных вопросов, которые между Советским правительством и японским правительством существуют. Он просил меня об этих всех установках и, в частности, о необходимости снестись с японцами, передать Пятакову. Кроме того, он просил меня, чтобы, не ограничиваясь разговором Пятакова с Тухачевским и Рудзутаком, я тоже с ними повидался, потому что я имею возможность рассказать о непосредственном разговоре с Троцким, о непосредственном впечатлении, а это может в этом смысле оказать несколько большее влияние. Этим я заканчиваю мое свидание с Троцким в Мере.

Я должен изложить последствия своих действий по возвращении из-за границы. Возвратившись, я сразу информировал о своих разговорах Пятакова и Розенгольца. Пятаков переговорил с Тухачевским и Рудзутаком.

В феврале 1934 года я виделся и с Тухачевским и Рудзутаком, передал содержание разговора. Получил от обоих принципиальное подтверждение, признание линии на соглашение с иностранными государствами, на их военную помощь, на пораженческую установку, на создание внутренней объединенной организации. Они заявили далее, что вопрос у них не в принципе, а в необходимости выяснить свои силы. После этого будет дан окончательный ответ Пятакову, как главному представителю троцкистской организации в СССР.

Еще до получения мною сообщения от Пятакова, что дело уже заверчено и соглашение заключено, я уже тоже начал у себя в наркомате подбирать силы и намечать, на кого я могу опираться в случае контрреволюционного переворота.

В начале 1935 года Пятаков сообщил, что договоренность есть, назвал состав центра, который я уже приводил вчера, и сообщил, что я и Розенгольц будем, не входя в состав центра, работать под его руководством, главным образом, по наметке и подготовке будущего правительственного аппарата. Это было разделение труда. Нам было указано, что по этому делу мы будем связаны с Рудзутаком от правых и Тухачевским.

Теперь относительно намечения сроков выступления. С самого момента моего свидания в Меране считалось непрерываемо установленным, что выступление приурочивается к началу войны и что поэтому мы самостоятельно здесь, в Союзе, сроков выступления Тухачевского устанавливать не можем. Этот вопрос выходил за пределы компетенции моей и Розенгольца: мы были связаны с Тухачевским, Рудзутаком и Рыковым, но по вопросам высокой политики и о сроках выступления велись разговоры Пятаковым. Мы ждали начала войны, ждали нападения. Когда после ареста Пятакова и Радека Бессонов уезжал в Берлин, я, пользуясь его отъездом, послал устную информацию Троцкому о том, что я, по согласовании с Розенгольцем и Рудзутаком, формулирую положение так: мы считаем, что арестовано довольно много троцкистов, но тем не менее основные силы этого антисоветского соглашения — троцкисты, правые и военные заговорщики — еще не затронуты, не разгромлены, что выступление может состояться и что для этого нужно центру ускорить внешние иностранные выступления. Это было в октябре 1936 года. Но в конце ноября 1936 года на Чрезвычайном VIII Съезде Советов Тухачевский имел со мной взволнованный, серьезный разговор. Он сказал: начались провалы; очевидно пойдет дальнейший разгром троцкистов и правых. Он делал выводы: ждать интервенции не приходится, надо действовать самим. Тухачевский говорил не только от своего имени, но и от имени контрреволюционной организации военных. Я поговорил с Розенгольцем, затем поговорил с Рудзутаком и пришли к выводу, что Тухачевский прав, что дело не терпит; решили запросить Троцкого. С дипломатической почтой я переслал письмо Троцкому через Бессонова. В письме речь шла о перемене установки на непримиримую связь между нашим внутренним выступлением и войной. Я говорил о необходимости ускорить выступление. Для

меня было ясно, что придется при такого рода выступлении скрыть от советского народа истинные цели переворота. Мы шли на восстановление капиталистических отношений в СССР и территориальные уступки буржуазным государствам, с которыми об этом уже договорились. Заявить об этом открыто советскому народу мы не смели. Я поставил перед Троцким вопрос о том, что мы выпустим соответствующие обращения к населению и армии, в которых обойдем все вопросы, связанные с истинными целями переворота.

В своем письме я запрашивал мнение Троцкого и по вопросу разделе совхозов и колхозов. Мне казалось, что колхозная форма себя хозяйственно, с точки зрения производительности труда, оправдала в глазах колхозных крестьян. Я думал, что лучше на время сохранить эту форму, изменивши несколько взаимоотношения внутри колхоза, чтобы дать там возможность выделяться верхушке. Поэтому я полагал, что во всяком случае нам не следует резко выступать по этому вопросу. Это письмо Бессонов переправил Троцкому. Троцкий ответил, что он согласен.

Вышинский. Когда получили ответ?

Крестинский. Ответ этот, вероятно, был получен в конце декабря или в начале января. Оказалось, что Троцкий, по своей инициативе, поставил вопрос об ускорении выступления и послал это указание в письме на имя Розенгольца иным, окольным путем. И вот, после получения этого ответа и началась более не посредственная подготовка выступления.

Примерно к началу февраля относится и оформление выступления в центр Розенгольца и меня. В ноябре Розенгольца, мне и Гамарнику пришлось взять на себя руководство троцкистской организацией. Пятакова уже не было, Радека тоже. Нам пришлось вести разговоры с Тухачевским и Рудзутаком, нам пришлось переписываться непосредственно с Троцким. Затем у нас состоялось совещание на квартире Розенгольца. На этом совещании был намечен срок выступления — вторая половина мая. Но в самом начале мая выяснилось, что Тухачевский не едет в Лондон. К этому времени вернулся из Средней Азии Рудзутак. После возвращения Рудзутака и после выяснения того, что Тухачевский в Лондон не едет, он заявил, что может произвести это выступление в первой половине мая.

С 1935 года у меня была связь с тремя ответственными работниками московской партийной организации, которые были скрытыми троцкистами, — Постолюковским, Фурером и Корытным.

Я связался с ними, сказал, что близится выступление и необходимо поэтому, чтобы они наметили списки людей в Москве, которых нужно будет арестовать и снять с постов в момент выступления, и списки людей, которых можно будет назначить на эти освободившиеся места. Было установлено, что, примерно, к 12 мая соответствующие списки я могу получить. Но в первых числах мая начался разгром контрреволюционной организации. Стало ясно, что выступление становится невозможным. Через несколько дней после этого я был арестован.

Я хочу еще немного дополнить свои показания.

Осенью 1935 года Троцкий через Якубовича бросил нам всем упрек в недостаточном развертывании террористической и диверсионной деятельности.

Во время свидания с Тухачевским последний настаивал на том, чтобы до контрреволюционного выступления были совершены некоторые террористические акты. Поскольку Тухачевский настаивал на террористических актах, мы дали свое согласие, заявив ему, что террористы исполнители будут ему даны. Гамарник сказал нам, что у него тоже намечены кадровики — исполнители террористических актов.

Вот, мне кажется, все, что я могу рассказать о своей деятельности и деятельности связанных со мной людей по террористическому подполью, по заговорщической и изменнической работе.

Вышинский. После всех ваших колебаний и противоречивых заявлений, которые были здесь на суде сделаны, вы теперь признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Крестинский. Да, признаю.

Вышинский. Вы признаете себя виновным в том, что вы с 1921 года систематически передавали шпионские сведения германской разведке?

Крестинский. Фактически — с 1923 года, хотя договоренность была в 1922 году. Когда я договорился с троцкистской организацией относительно этого, я считаю, что преступление уже было совершено.

Вышинский. Признаете вы себя виновным в том, что вы были активным участником «право-троцкистского блока»?

Крестинский. Да, я был активным участником «право-троцкистского заговорщического блока».

Вышинский. Далее, что вы не только участник, но и один из организаторов заговора против Советской власти?

Крестинский. Да, но до 1937 года я не был членом центра, а одним из активных участников организации.

Вышинский. Но вы были членом группы при центре?

Крестинский. Да, был членом группы при центре.

Вышинский. Что вы, засим, непосредственно подготавливали и были участником подготовки плана антисоветского государственного переворота в СССР путем вооруженного восстания, подкрепленного террористическими актами...

Крестинский. Да.

Вышинский. В расчете на вовлечение СССР в войну и на поражение СССР?

Крестинский. Да.

Вышинский. И, наконец, что вы были одним из участников обсуждения и подготовки террористических актов против товарища Сталина, товарища Молотова и товарища Кагановича?

Крестинский. Признаю.

Вышинский. Не известно ли вам, не брал ли на себя специальную задачу осуществить террористический акт и ваш сообщник Розенгольц?

Крестинский. Я об этом не слышал от него.

Вышинский. Подсудимый Розенгольц, был ли у вас лич преступный замысел осуществить террористический акт прот, кого-либо из руководителей Советского правительства?

Розенгольц. Да, я об этом показал и подтверждаю.

Вышинский. Вы лично намеревались совершить террористический акт?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Может быть, вы скажете, против кого?

Розенгольц. Как показано мной на предварительном следствии, — против Иосифа Виссарионовича Сталина.

Вышинский. У меня больше вопросов к Крестинскому не

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РАКОВСКОГО

Председательствующий. Подсудимый Раковский, показанные вами на предварительном следствии, вы подтверждаете.

Раковский. Полностью подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Раковский, скажите кратко, в чем вы себя признаете виновным по настоящему делу.

Раковский. Моя изменническая работа делится на два периода. Между этими периодами проходила моя ссылка. Только это обстоятельство и помешало тому, что я не вошел так глубоко во все эти центры, которые здесь создавались. Поскольку после ссылки моя изменническая работа имела более систематический характер, я позволю себе начать именно со второго периода.

Получив разрешение лечиться на озере Ширдо в 1932 году, я летом, проездом через Новосибирск, виделся с Н. И. Мураловым. Он мне сказал, что от Троцкого получены указания о переходе на новые — террористические методы борьбы. Троцкий указывал, что после разгрома оппозиции, после того отпора, который она встретила в партии и среди рабочего класса, после того разброда и разложения, которые наступили в ее собственных рядах, старые методы борьбы уже не приведут к захвату власти.

Полтора года спустя, в феврале 1934 года, я дал телеграмму в ЦК ВКП(б), что полностью идейно и организационно разочаруюсь и прошу принять меня обратно в партию. Эта телеграмма была неискренней, я солгал. Я намеренно собирался скрыть от партии и от государства о моей связи с «Интеллидженс Сервис» с 1924 года, о связи Троцкого с «Интеллидженс Сервис» с 1926 года, я собирался скрыть мой разговор с Мураловым в 1932 году.

Приехав в Москву в мае, я встретился с Сосновским. Сосновский заявил мне, что бывшие руководители старой троцкистской оппозиции снова возвращаются на активную подпольную работу.

Во второй половине июля 1934 года я получил письмо от Троцкого. Он в письме просил меня использовать мои обширные связи с заграничными политическими, преимущественно «левыми», кругами. Я понял смысл этих указаний так: нужно укрепить и усилить капиталистическую агрессию против Советского

ского Союза. На это предложение я пошел. С этого момента я уже обеими ногами стоял на позициях троцкизма.

В сентябре 1934 года я был отправлен в Токио во главе советской краснокрестной делегации на международную конференцию обществ Красного креста. На второй же день после моего приезда в Токио в коридоре здания японского Красного креста меня встретил один крупный общественный деятель Японии. (Я назову его на закрытом заседании). Он пригласил меня на чай. Я с ним познакомился и ответил положительно на его любезное приглашение. В разговоре указанное лицо сказало: интересы того политического течения, к которому я принадлежу в СССР, и интересы некоего правительства вполне совпадают. Он заявил, что для некоего правительства и для него чрезвычайно ценно знать мою оценку внутреннего политического положения Союза. В тот же вечер я имел беседу с полпредом Юреневым, которого я знал как троцкиста еще с 1926 года. Я ему рассказываю об этом несколько странном разговоре указанного мною лица. Я сказал Юреневу, что тут идет речь о привлечении меня в качестве шпиона, информатора некоего правительства.

Тогда Юренев вынимает из кармана письмо и говорит мне: «Дело решенное, нечего колебаться». Он мне показал письмо Пятакова, которое я привез ему из Москвы сам.

Юренев вынул письмо из своего кармана — в нем наряду с текстом, написанным клером, был другой текст, написанный симпатическими чернилами. Пятаков ему писал: «Вероятно некое правительство само предпримет шаги в этом направлении» (то есть в направлении использования Раковского). Дальше Пятаков писал Юреневу относительно Богомолова — полпреда в Китае, указывая ему, что некое правительство недовольно его политической линией, что он больше помогает Великобритании, чем данному правительству. Наконец, Юренев сказал, читая письмо: «А вот это мне трудно сделать». Там ему было указано о необходимости использовать известные переговоры о продаже КВЖД для того, чтобы можно было что-нибудь выручить в пользу троцкистов. Юренев был связан с троцкистским подпольем в Москве, с Пятаковым.

На второй или третий день после моего разговора с Юреневым, после одного торжественного обеда, некое высокопоставленное лицо, присутствовавшее на этом обеде, познакомилось со мной. Официальное лицо заявило, что наши интересы совпадают с интересами некоего государства, что между троцкистами в СССР и между представителями некоего государства достигнуто соглашение, но мы еще не знаем точных условий этого соглашения. Крупный общественный деятель, который со мной разговаривал, как я узнал, сделал это по поручению высокопоставленного лица. После этого я имел еще два свидания с общественным деятелем...

На этом вечернее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв до 11 часов 5 марта.

Утреннее заседание 5 марта

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РАКОВСКОГО

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Председательствующий. Подсудимый Раковский, вы имеете слово для окончания ваших показаний.

Раковский. На втором и на третьем свидании с деятелем возглавляющим крупную общественную организацию в Японии у нас были установлены характер тех сведений, которые я обещался передавать японской разведке в Москве, а также и техника этой передачи. Еще в Токио я привлек к этому делу доктора Найда, секретаря краснокрестной делегации, принадлежность которого к подпольной контрреволюционной террористической организации мне уже была известна. Он и играл роль агента связи между мною и японской разведкой.

В Токио я имел еще одну встречу с третьим лицом. Я был представлен этому третьему лицу вторым высокопоставленным лицом. Он попросил меня пойти с ним вместе пить кофе.

Беседу со мной он начал с того, что заявил мне: «Нам известно, что вы являетесь ближайшим другом и единомышленником господина Троцкого. Я должен вас попросить, чтобы вы ему написали, что некое правительство недовольно его статьями по китайскому вопросу, а также и поведением китайских троцкистов. Мы вправе ожидать от господина Троцкого иной линии поведения. Господин Троцкий сам должен понимать, что является необходимым для некоего правительства. Входить в подробности не нужно, но ясно, что вызвать инцидент в Китае явилось бы желательным поводом для того, чтобы можно было вмешаться в китайские дела». Обо всем этом я написал Троцкому — о моих переговорах в Токио, о моих разговорах с Юреневым, о моих встречах и, конечно, об этом последнем предположении.

О всех моих разговорах я ставил также в известность и Юренева, с которым я часто виделся. Юренев сильно смущало одно обстоятельство. «Мы, — говорит он, — очутились в таком переплете, что иногда не знаешь, как себя вести. Бойшься, как бы, удовлетворив одного из наших контрагентов, не обидеть другого. Вот теперь, например, возникает антагонизм между Англией и Японией в китайском вопросе, а нам приходится иметь связь и с английской, и с японской разведкой...»

Вышинский. Кому это — нам?

Раковский. Троцкистам. Я ему сказал: вы преувеличиваете трудность вашего положения. Нам, троцкистам, приходится играть в данный момент тремя картами: немецкой, японской и английской. Немецкая карта, по крайней мере, в тот момент для меня была недостаточно ясна. Я лично считал, что не исключено, что Гитлер будет искать сближения с правительством СССР. Я ссылался на политику Ришелье: у себя он истреблял протестантов, а в своей внешней политике заключал союзы с протестантскими германскими князьями. Отношения между Германией и Польшей тогда были все еще в стадии рождения, Япония же является актуальным агрессором против СССР. Японская карта была для нас, троцкистов, чрезвычайно важна. Но, с другой стороны, не нужно переоценивать значения Японии, как нашего союзника против Советского правительства. Если даже японская агрессия и сможет продвинуться на территорию СССР, она утонет в пространстве и тайге. А что касается Великобритании, здесь дело посерьезнее. Великобритания в данный момент находится в антагонизме с Японией. Не нужно забывать, что Англия возглавила коалицию против французской революции и 25 лет боролась.

Председательствующий. Вы поменьше уходите в область прошлого и побольше говорите насчет троцкистской организации.

Раковский. Таким образом, вывод заключался в том, что нужно держать связь с английской разведкой, а в данный момент направить внимание на японскую разведку.

Вышинский. Значит, надо служить и японской, и английской разведке, а вдобавок еще и германской?

Раковский. Последняя, по моему тогдашнему личному мнению, — как перспектива.

Вышинский. Вы видели из показаний Крестинского, что это была вовсе не перспектива. Вы лично были связаны с какими разведками?

Раковский. С английской и японской.

Вышинский. А Крестинский? Подсудимый Крестинский, вы с какой разведкой были связаны?

Крестинский. С немецкой.

Вышинский. В перспективе или реально?

Крестинский. В действительности.

Вышинский. В действительности!

Раковский. Я вернулся из Токио, имея в кармане мандат японского шпиона. Быстро, в течение нескольких месяцев, можно сказать, я завершил ту эволюцию троцкизма, которую другие троцкисты завершили в течение нескольких лет.

Приехав в Москву, я продолжал болеть до 15 января 1935 года.

В это время пришел навестить меня Сосновский.

Я поставил его в известность о всех моих разговорах в Японии и передал Сосновскому ответное письмо Юренева Пятакову, написанное симпатическими чернилами. В течение 1935 и в первой половине 1936 года, то есть до процесса Каменева и Зиновьева, я передал через Найда японской разведке пять сооб-

щений. Я передавал о влиянии отмены карточной системы на уровень заработной платы, о состоянии колхозов, о выполнении промфинплана. Изложение и выводы сознательно делали резко пессимистически, в сгущенных черных красках. Я это делал для того, чтобы поощрять аппетиты агрессоров.

В начале 1935 года я получил второе письмо от Троцкого. Он возвращался к своей теме, изложенной в первом письме, и давал директивы о необходимости изолировать Сталина, изолировать Советский Союз в международном отношении.

Прежде всего, шла речь о левых заграничных элементах. Тут надо играть на их пацифистских чувствах. Надо так представлять дело, что СССР может стать причиной войны. Если же я буду говорить с английскими лейбористами, то надо исходить из того, как английские элементы боятся восстановления обязательной воинской повинности, что неминуемо в случае войны. Поскольку речь шла о правых заграничных элементах, — тут дело проще. Их настроения против СССР достаточно ясны и определены, с ними можно говорить открытым языком. Что же касается демократических элементов, то тут надо подходить не лобовым ударом, а обходным движением.

И вот представился случай, когда я мог применить эту директиву Троцкого. Это было во время приезда французского премьера Лавала. Среди журналистов, которые приехали из Франции вместе с Лавалем, был Эмиль Бюре — мой близкий старый товарищ по Франции, перешедший в лагерь правых республиканцев и ставший директором одной из крупнейших и самых авторитетных французских газет «Л'ордр». Я пошел к нему в гостиницу «Метрополь», поставив себе задачу убедить его, что франко-советское сближение чревато опасностью, что оно может привести к новой превентивной войне со стороны Германии. Я ему заявил, что это не мое только мнение, я ведь знаю настроения всей оппозиции, ее пораженческие настроения.

Вышинский. Какой оппозиции? Когда это дело было?

Раковский. Это было в середине 1935 года, когда Лаваль приезжал в Москву.

Вышинский. О какой же оппозиции вы говорите?

Раковский. Я говорю и о правых и о троцкистах.

Вышинский. Какая же это оппозиция? Это бандитская группа контрреволюционеров!

Раковский. Бюре мне ответил: Франция не может оставаться изолированной перед растущей милитаризацией Германии. Н агрессора нужно надеть смиренную рубашку, это есть единственный способ подавить войну. Об этом ответе я написал Троцкому.

В начале января 1936 года мне позвонил Пятаков из Наркомтяжпрома и сказал короткую фразу по-французски: «наш друг недоволен тобой, ты не активен».

Через некоторое время я встретился с Радеком и он мне рассказал о поездке Пятакова в Осло. Эта встреча была в начале июля, во время приема международной комиссии по гигиене при Лиге наций. Радек поставил меня в известность о переговорах

между немцами и Троцким и просил моего содействия. Он предполагал, что следовало бы поддержать Троцкого в Москве, то есть перед представителями германской разведки в Москве.

Теперь я возвращаюсь к моей изменнической деятельности до ссылки и начну с показаний относительно того, как я стал агентом «Интеллидженс Сервис».

Дело происходило в конце 1924 года. После падения правительства Макдональда, ко мне в полпредство в Лондоне явились два англичанина — Армстронг и Леккерт, мне лично знакомые.

Вышинский. Кто они такие?

Раковский. Армстронг — бывший морской офицер. Леккерт и Армстронг составляли часть окружения известного английского крупного капиталиста лорда Инверфорса, бывшего министра кабинета Ллойд-Джорджа. С Армстронгом я познакомился еще в Лозанне, в начале 1923 года, во время лозаннских переговоров.

Вышинский. Вы уже в 1924 году оказались завербованным в качестве агента «Интеллидженс Сервис». Правильно?

Раковский. Правильно.

Вышинский. Скажите, при каких обстоятельствах произошла эта вербовка, при каких обстоятельствах вы сделали себя агентом «Интеллидженс Сервис» в 1924 году?

Раковский. Армстронг сказал: «Мы питаем к вам большую симпатию и хотим предупредить вас против опасности, которая вам грозит». Он вынул из кармана бумажку, которую предъявил мне.

Вышинский. Что это за бумажка?

Раковский. Это было письмо, написанное на машинке и подписанное моей подложной подписью.

Вышинский. Для кого было предназначено это письмо?

Раковский. Это письмо было написано в Германию, а адреса не было.

Вышинский. Для германской разведки?

Раковский. Возможно.

Вышинский. Что же в этом письме говорилось?

Раковский. В этом письме говорилось, примерно, следующее: «Посылаю вам приложенный список румынских торговых фирм и редакций газет, которые следует привлечь на сторону Германии для привлечения самой Румынии в войну на стороне той же самой Германии».

Вышинский. Что означает такое содержание письма?

Раковский. Содержание письма означало, что у меня с германской разведкой, с германским правительством или какой-то германской организацией существовала связь.

Вышинский. И вы помогли Германии в вербовке на территории Румынии румынских граждан для содействия Германии?

Раковский. Правильно.

Вышинский. А скажите, в Румынии вы были в это время, к которому относится это письмо?

Раковский. Письмо было помечено из Берна октябрём 1915 года, а в это время меня не было в Берне.

Вышинский. А вы в Румынии были?

Раковский. В Румынии я был с 1904 по 1907 год и с 1912 года по 1917 год.

Вышинский. В период войны вы находились в Румынии?

Раковский. В Румынии.

Вышинский. Чем вы занимались в Румынии официально? Какие у вас были средства к существованию?

Раковский. Я был сыном состоятельного человека. Мой отец был помещиком.

Вышинский. Я спросил — каковы были ваши средства к существованию?

Раковский. Моими средствами к существованию были доходы от имущества отца.

Вышинский. Значит, вы жили на доходы в качестве ренты.

Раковский. В качестве сельского хозяина.

Вышинский. То есть помещика?

Раковский. Да.

Вышинский. Значит, не только ваш отец был помещиком, но и вы были помещиком, эксплуататором?

Раковский. Ну, конечно, я эксплуатировал. Получал же я доходы, а доходы, как известно, получают от прибавочной стоимости.

Вышинский. Это другой разговор. Имели вы тогда отношения с разными помещичьими и капиталистическими кругами в какой бы то ни было мере?

Раковский. Очень мало. Если надо было брать деньги в заем в банке, то имел дело с этим банком. Ведь я в самой Румынии жил очень мало.

Вышинский. Но всю войну вы прожили в Румынии?

Раковский. Да.

Вышинский. Я хочу прямо поставить вопрос: у меня есть большое подозрение, что письмо, которое вам предъявил Армстронг, письмо в адрес германской разведки, было подписано не вашим подложным именем, а вами действительно было подписано, потому что вы тогда уже состояли в германской разведке. Перейдем к дальнейшему, к вашему сотрудничеству с английской разведкой. Продолжайте.

Раковский. Когда Армстронг и Леккерт мне предъявили этот документ, я сказал: «Да это же грубейший подлог». Документ был помечен Берном 15 октября, а я тогда был в Румынии, а не в Берне. Тогда они мне заметили: «Вы утверждаете, что является подлогом и письмо Зиновьева, а вот результат: падение правительства Макдональда и предстоящее аннулирование того договора, который вы подписали с английским правительством. Мы осведомлялись относительно вас у господина Истмена (Истмен — американский троцкист) и узнали о вашей принадлежности к течению мистера Троцкого, о вашей близости с ним. И только вследствие этого обстоятельства «Интеллидженс Сервис» дало агреман* на назначение вас полпредом в эту страну». Это заяв

* Агреман — согласие на принятие посла.

тение изменяло всю ситуацию. Они говорили мне: «Мы явились сюда не как ваши враги». Я им заявил: прежде всего мне необходимо иметь подтверждение, что вы действительно в данном случае представляете «Интеллидженс Сервис». Через некоторое время я был приглашен на обед в ресторан на улице Оксфорд-стрит, где они меня познакомили с лицом, которое они представили как заведующего русским отделом «Интеллидженс Сервис». Фамилию его я не помню точно (это дело относится к 1924 году), если память не изменяет, — не то Ричардсон, не то Робертсон. Он подтвердил, что Армстронг и Леккерт действуют от имени «Интеллидженс Сервис».

После этого я поехал в Москву. Для меня было важно выиграть время. Я приехал в Москву и сообщил Троцкому. Троцкий говорил, что подложное письмо было предлогом для разговоров.

Троцкий согласился с тем, чтобы войти в связь с английской разведкой, благословил, так сказать, меня на это дело, оговаривая, что нужно быть осторожнее, что нужно еще выявить, что они могут дать для троцкизма. Возвратившись в Лондон, я вскоре был вызван к одному официальному лицу, которое мне подтвердило, что данное «Интеллидженс Сервис» предложение действительно санкционировано. В свою очередь Армстронг и Леккерт заявили, что агентом связи между мною и ими будет журналист Фарбман. К этому делу в качестве агентов связи я привлек, завербовал еще двух сотрудников полпредства. Это произошло уже в начале 1925 года. Перед отъездом из Лондона я успел передать документ — оценку советской политики в средне-азиатских национальных республиках, с точки зрения человека, который желает поддержать враждебные отношения к СССР. В октябре того же 1925 года я был переведен полпредом в Париж. Держать непосредственную связь с «Интеллидженс Сервис» мне в этом положении было трудно. И когда ко мне явился снова Фарбман, посоветовавшись с ним, решили привлечь к непосредственному обслуживанию «Интеллидженс Сервис» Мдивани. Затем мои связи с «Интеллидженс Сервис» прекратились. Летом 1934 года, после того, как я вернулся из ссылки, мои связи возобновились. В Москву приехала одна моя знакомая английская женщина, которая напомнила мне, что следует возобновить связи с «Интеллидженс Сервис».

Вышинский. Почему этот вопрос интересовал английскую жонглину?

Раковский. Я ее знал в Лондоне, возможно утверждать, что она сама была связана с «Интеллидженс Сервис».

Вышинский. Иначе говоря, английская разведчица?

Раковский. Да.

Вышинский. Как ее фамилия?

Раковский. Леди Пейджет.

Вышинский. Какое у нее социальное положение?

Раковский. Она известная крупная филантропка; во время войны имела госпиталь в Киеве.

Вышинский. Вы ее так и считали филантропкой?

Раковский. По совместительству.

Вышинский. Так же, как и вы филантроп по совместительству?

(Раковский молчит).

Вышинский. Вы возобновили эту связь через Пейджет тоже с ведома Троцкого?

Раковский. Нет.

Вышинский. Вы были с Троцким в связи с 1934 года?

Раковский. Был. В 1934 году я ему писал, то есть в 1935.

Вышинский. Расскажите о том, что вам известно о связях Троцкого с «Интеллидженс Сервис»?

Раковский. Это было накануне ссылки Троцкого в Алма-Ату. Первоначально его должны были направить в Астрахань, но он добивался отмены этого назначения и получил Алма-Ату. Будучи у него на квартире на улице Грановского, я нашел его очень довольным тем, что ему обменяли Астрахань на Алма-Ату. Я удивился. Ведь до Алма-Аты надо ехать от Фрунзе несколько дней (тогда там еще не было железной дороги). Он ответил: «Зато ближе к китайской границе», и он указал мне на сверток карт. Он дал мне понять, что рассчитывает на побег. Я его спросил, каким же образом через Западный Китай, через песчаные пустыни, через горы, без средств, можно организовать побег. «Мне поможет «Интеллидженс Сервис», — сказал Троцкий. И тут он мне строго конфиденциально сообщил, что с 1926 года он вошел в преступную связь с «Интеллидженс Сервис».

Вышинский. Через кого?

Раковский. Через одного из представителей концессии «Лена-Гольдфильдс».

Вышинский. А он имел отношение к этой концессионной фирме?

Раковский. Он был тогда председателем Главконцесском

Вышинский. Значит, тогда, когда он был председателем Главконцесскома, он вошел в связь с «Интеллидженс Сервис» через представителя фирмы «Лена-Гольдфильдс»?

Раковский. Вполне правильно. Он мне сообщил еще другой факт: он уже успел оказать известную услугу английской «Интеллидженс Сервис», это относится к началу 1927 года. По его словам, он за некоторые услуги этой организации в свою очередь помог консерваторам осуществить разрыв отношений с СССР, что он указал «Интеллидженс Сервис» как на удобный инцидент на возможность организации налета на Аркос. Он называл при этом некоторых лондонских троцкистов, работавших там, в том числе Мюллера или Миллера, через которых было обеспечено нахождение в помещении Аркоса специально сфабрикованных документов, и что он дал, таким образом, в руки Джойнсона Хикса (тогдашнего министра внутренних дел) повод к тому, чтобы убедить его коллег в необходимости разрыва дипломатических отношений между СССР и Англией. Оппозиция ожидала тогда, что она сможет использовать трудности.

Я сам с конца 1924 года был связан с «Интеллидженс Сервис», потому я легко понял все то, что мне говорил Троцкий о его связи с «Интеллидженс Сервис».

Я должен сказать, что к 1927 году относится еще один факт из моей изменнической работы. Это — переговоры с правыми капиталистическими кругами во Франции. Дело началось во время июльского пленума 1927 года. После речи Сталина, где он резко выступил против так называемого тезиса о Клемансо Троцкого, я был у Троцкого на обеде и спросил у него: «Я не понимаю, почему так резко ставит вопрос Сталин. В этом сравнении с Клемансо я не вижу ничего особенного». Троцкий мне заметил: «Сталин прекрасно понимает, что он делает, Сталин считает, что если пропасть между оппозицией и партией будет углубляться, то в силу логики вещей оппозиция должна перейти на последовательные пораженческие позиции». На второй день у меня опять был разговор с Троцким. Он сказал: «Я пришел к выводу о необходимости сделать указание нашим единомышленникам за границей, полпредам и торгпредам, чтобы они зондировали у правых кругов капиталистических стран, где они находятся, в какой степени троцкисты могут рассчитывать на поддержку с их стороны». Я ему сказал, что во Франции приходится иметь дело, главным образом, с Пятаковым. Он просил меня ему об этом сообщить.

Председательствующий. Подсудимый Раковский, то, что вы сейчас говорите, имеет отношение к вашей связи с английской разведкой? Вы перешли к 1934 году, а теперь возвращаетесь обратно к 1927 году.

Раковский. Я закончил с английской разведкой.

Председательствующий. Я понял, что в 1934 году возобновилась ваша связь и дальнейшая работа в английской разведке, а вы вернулись снова к 1927 году. Скажите, после попыток привлечь вас в английскую разведку в 1934 году вы принимали какое-нибудь участие в работе английской разведки?

Раковский. Да, я сказал, что в начале 1936 года снова стал обслуживать ее. Я передал анализ новой Конституции с точки зрения отношений периферийных республик с центром, причем анализ новой Конституции был дан абсолютно отрицательный.

Я хочу еще сказать относительно тех переговоров, которые мне поручил вести Троцкий летом 1927 года во Франции. Я встретился с депутатом Николь из Роэ. Николь — очень крупный льнопрядильщик севера, фабрикант, принадлежащий к правым республиканским кругам. Я его спросил тогда относительно возможностей или перспектив, которые существуют для оппозиции, можно ли искать опоры среди французских капиталистических кругов, которые настроены агрессивно против СССР. Он мне ответил: «Конечно, и в большей мере, чем вы, может быть, сами ожидаете». Но это будет, как он сказал, главным образом, зависеть от двух обстоятельств. Первое обстоятельство — это то, чтобы оппозиция стала действительно реальной силой, а второе обстоятельство, — в какой степени она пойдет на концессии французскому капиталу.

Второй разговор я имел в Париже в сентябре 1927 года с депутатом, крупным зерноторговцем Луи Дрейфус. Нужно сказать что и этот разговор и заключение — аналогичны с теми, которые у меня были с Николем.

Теперь о моих контрреволюционных связях. Приехав из ссылки в 1934 году, я встретился с Сосновским и с ним поддерживал связь. В марте 1935 года Сосновский сообщил мне о том что уже давно заключен блок между правыми и троцкистами, что есть полное согласие в целях и в методах — шпионаж, диверсия, вредительство. Он указывал на такую подробность: правые дали директиву, чтобы все их кадры ушли в глубокое подполье и были бы, таким образом, неуязвимы. Так они сохраняли свои кадры.

Другим подпольщиком, с которым я встретился в 1934 году, был Крестинский. Я у него был два раза в наркомате в связи с моей поездкой в Токио. Второй раз, когда я его видел, он сказал, что работает как подпольщик.

Вышинский. Как троцкист?

Раковский. Как троцкист. Последняя встреча с Сосновским была в декабре 1935 года.

Вышинский. Скажите, как вы могли бы кратко формулировать признание своей вины перед Советским Союзом?

Раковский. Я признаю, что, начиная с 1924 года, я являлся изменником советской социалистической родины.

Вышинский. А ваша сначала фракционная, потом контрреволюционная подпольная троцкистско-преступная деятельность в каком году началась?

Раковский. С Троцким я был лично знаком с 1903 года. Это знакомство укрепилось, и я являлся его близким другом.

Вышинский. Политическим?

Раковский. Политическим, когда касались политических вопросов.

Вышинский. И личным?

Раковский. И личным.

Вышинский. И оставались таковым до последнего времени?

Раковский. И оставался таковым до последнего времени.

Вышинский. Следовательно, почти 35 лет вас связывает политическая и личная дружба с Троцким?

Раковский. Правильно.

Вышинский. Вы вели борьбу против партии и Советского правительства?

Раковский. В 1921 году была дискуссия о профсоюзах, что называется проба сил. А с конца 1924 года уже создается нелегальная связь, переходящая в рамки Уголовного кодекса.

Вышинский. С 1924 года создаются нелегальные, преступные, караемые советским законом связи и преступная деятельность?

Раковский. Которую я изложил.

Вышинский. Которую вы признали. Во имя чего вы, троцкисты, вели эту борьбу против Советского государства?

Раковский. Во имя захвата власти.

Вышинский. И далее, в каких целях захват власти?

Раковский. Цели сводились, в основном, к ликвидации тех достижений, которые существуют в настоящий момент.

Вышинский. То есть, иначе говоря, к ликвидации социалистического строя?

Раковский. К возвращению, я не говорю открыто, капиталистического строя...

Вышинский. Открыто вы этого не скажете?

Раковский. Я хочу сказать, что в моем сознании не фигурировало это, как открытая, как ясная цель, но в моем подсознании, я не могу не отдавать себе отчета, что я на это шел.

Вышинский. А задача заключалась в озверелой борьбе против социалистического государства, в целях захвата власти в интересах — в конце концов, каких же?

Раковский. Когда мы думали, что можно захватить власть и ее удержать и не передать фашистам, — это было безумие, это утопия.

Вышинский. Следовательно, если бы вам удалось захватить власть, то неизбежно она оказалась бы в руках фашистов?

Раковский. Эту оценку я абсолютно разделяю.

Вышинский. Значит, вы хотели захватить власть при помощи фашистов?

Раковский. При помощи фашистов. В конце концов власть оказалась бы в руках фашистских агрессоров.

Вышинский. И вы лично действовали в целях и интересах этого фашизма?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Действовали методами шпионажа?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Подготовки поражения СССР в предстоящей войне в случае нападения на СССР?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Подготовки ослабления мощи и обороноспособности СССР методами вредительства, диверсии и террора?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Это есть не только измена перед Советским государством, но и перед всем международным рабочим движением. В этом вы себя признаете виновным?

Раковский. Признаю.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ЗЕЛЕНСКОГО

Председательствующий. Подсудимый Зеленский, вы подтверждаете показания, которые вы давали на предварительном следствии?

Зеленский. Да, я подтверждаю. Я должен коснуться в первую очередь самого тяжелого для меня преступления — это о своей работе в царской охранке. Я состоял агентом самарской охранки с 1911 по 1913 год.

Летом 1911 года у меня был произведен обыск. У меня были найдены кое-какие документы, изобличающие меня в принадлежности к социал-демократической организации. Я был доста-

втен в жандармское управленче, допрошен полковником Бетпажем, который заявил мне следующее: либо они создадут меня каторжный процесс, либо я должен стать информатором охранного отделения. Я смалодушничал и дал согласие на то, чтобы стать осведомителем.

При вербовке мне была дана кличка «Очкастый». Мне было предложено информировать о работе местной социал-демократической большевистской группы, о ее борьбе с ликвидаторами. В дальнейшем я регулярно получал деньги за эту предагетскую работу — 25, 40, 50 и даже 100 рублей. Так продолжалось до февраля 1912 года.

Я давал сведения о работе большевиков в обществе взаимной помощи, клубе печатников, о работе большевиков в обществе потребителей. Само собой разумеется, что я имел встречи и в конспиративной квартире с жандармским офицером, фамилию которого я не знал, а называл его Василий Константинович. Я ему сообщал имена руководящих работников самарской организации. Я выдал ряд людей, которые были арестованы. Помимо работы по осведомлению, жандармы поручают мне и провокаторскую работу. Мне было дано поручение организовать типографию. Мне было поручено организовать при помощи квитанционных книжек сбор членских взносов с тем, чтобы та были печати, то есть мне было дано задание подготовить такой фактический материал, который при аресте организации послужил бы основанием для создания судебного процесса по 102-й статье и высылки людей на каторгу.

В феврале 1912 года я был арестован вместе с теми людьми, которых я выдал: Буянов, Благодарова, Левин, Вульфсон, Кучменко. Будучи арестован и заключен в самарскую тюрьму, я обратился к Бетипажу с заявлением о вызове меня на допрос, так как я желал узнать мотивы моего ареста. Бетипаж меня вызвал и заявил, что это сделано для того, чтобы предохранить меня «для вас же лучше, что мы вас арестовали». В тюрьме я просидел 6 месяцев, после чего был выслан в Нарымский край. Переотправкой ко мне в тюрьму явился тот же самый жандармский офицер, с которым у меня были свидания на конспиративной квартире, и потребовал, чтобы я из ссылки информировал о настроениях ссыльных.

Должен сказать, что, кроме непосредственной связи с жандармским офицером, охранка связала меня с другим агентом — провокатором Полонко, который доставлял часть той информации, которую я давал, то есть служил связующим звеном.

Обязав меня информировать из ссылки, жандармское управление сообщило мне конспиративный адрес для сношений, именно типографию Авербуха. Таким образом, уже в Нарымскую ссылку я пришел предателем рабочего движения.

Поскольку я скрывал свое преступление от партийных организаций и партийных людей, я пользовался их доверием, как член партии.

Вышинский. Не известно ли вам, интересовалось ли жандармское управление вами лично во время вашего ареста в 1912 го-

Не запрашивало ли оно другие охранные учреждения о при-
ах ареста, что с вами случилось?

Зеленский. Не знаю, вероятно запрашивало. Это мне не из-
стно.

Вышинский. В августе 1911 года или весной 1911 года, точ-
к данных у меня нет, вы были подвергнуты обыску? И были
вербованы?

Зеленский. Да.

Вышинский. До этого момента вы не были ни в какой свя-
и с охранкой?

Зеленский. Нет.

Вышинский. А чем тогда объяснить, что 11 августа 1911 года
был запрос начальника саратовского губернского жандармского
управления по району о том, что «из полученных агентурным
путем писем видно, что арестованный вами Зеленский весной
или летом с/г будто бы был подвергнут вами обыску. Вслед-
ствие того, что сообщения об этом от вас не было, прошу со-
общить, достоверно ли это, что послужило поводом к его обыску
и какие результаты такового». Выходит, что начальник сара-
товского жандармского управления 11 августа 1911 года инте-
ресуется вашим делом специально. Чем это объяснить?

Зеленский. Я сам — уроженец Саратова, в Саратове привле-
кался, был связан с некоторыми саратовскими работниками...

Вышинский. Значит, безотносительно к тому, что вы были
агентом охранки?

Зеленский. Безотносительно.

Вышинский. А может быть и в этой связи?

Зеленский. Не знаю.

Вышинский. Не знали ли вы о том, что 4 сентября 1911 года
начальник оренбургского губернского жандармского управле-
ния запрашивал: «Прошу уведомить, что такое могло случиться
за последнее время с Зеленским». То же самое делает началь-
ник самарского губернского жандармского управления. Выходит,
что вами интересуются сразу три охранных жандармских управ-
ления: самарское, где вы были завербованы в июле 1911 го-
да, затем саратовское — 11 августа 1911 года и, наконец, в сен-
тябре оренбургское жандармское управление.

Зеленский. Да.

Вышинский. «Что такое могло случиться за последнее время
с Зеленским». Что это значит?

Зеленский. Я не могу дать разъяснения по этому поводу.

Вышинский. Но вы посмотрите формулировка какая? «Про-
шу уведомить, что такое могло случиться за последнее время с
Зеленским». Это же формулировка очень определенная: де-
скать, Зеленский — наш человек, а вы его арестовываете. В чем
дело? Что случилось с ним? Только так можно понять. Или по-
иному можно это понять?

Зеленский. Можно так, а можно и не так.

Вышинский. Вы не обращались ли к «его высокородию гос-
подину начальнику...»

Зеленский. Я подал заявление с просьбой вызвать меня д допроса и выяснить мотивы ареста.

Вышинский. А я думаю, что вы не так писали. Разреш огласить ваше заявление, потом можете спорить.

«Его высокородию, господину начальнику самарского и дармского управления. Прошение. Имею честь покорнейше пр, сить вас вызвать меня в управление, или пожаловать в сама скую губернскую тюрьму для выяснения вопросов, связанных моим арестом, а также разрешите мне свидание с моим брато Яковом Абрамовичем Зеленским».

Ваш брат не был агентом жандармского управления?

Зеленский. Нет, не этот, а другой брат.

Вышинский. Как его звали?

Зеленский. Александр.

Вышинский. Он тоже был агентом жандармского управ ления?

Зеленский. Да.

Вышинский. Какого?

Зеленский. Тоже самарского.

Вышинский. Значит у вас семейное дело возникло? (З е л е н с к и й м о л ч и т).

Вам не известно, что в 1913 году вами интересовался полиг мейстер и почему? Его запрос в самарское губернское ж андармское управление: «По встретившейся надобности, прощ вас не отказать уведомить меня, куда и на какой срок выст Исаак Аврумович Зеленский». Это вы?

Зеленский. Да.

Вышинский. В июле 1911 года вас завербовывают агент самарского жандармского управления, в августе запрашива саратовское жандармское управление и в сентябре оренбургск жандармское управление — что могло с вами случиться? Нап нец в 1913 году в январе полицмейстер запрашивает, куда высланы, на какой срок. Все, значит, с вами ищут связи и ботятся о вашей судьбе. Так это или нет?

(З е л е н с к и й м о л ч и т).

Зеленский. Я думаю...

Вышинский. Я спрашиваю, это факт?

Зеленский. Факты таковы.

Вышинский. По справке того же жандармского управлен и в 1910 году Полонко получал 40 рублей в месяц. Оплата про водилась по ведомости № 25 за 1910 год: сентябрь — октябрь 60 рублей, ноябрь — декабрь — 40 рублей, февраль — 60 рубл. март — 60 рублей, в апреле — 100 рублей. А у вас как?

Зеленский. Тоже — 25, 40, 50, тоже 100.

Вышинский. Из ссылки посылали письма на имя Авербу Кто такой был Авербух?

Зеленский. Владелец типографии.

Вышинский. И одновременно агент охраны?

Зеленский. Вероятно, да.

Вышинский. Прошу суд удостоверить, что в том же 51 том

а листе 24 содержится протокол допроса арестованного в декабре 1937 года Авербуха Лейбы Моисеевича. Это он?

Зеленский. Полагаю, что это тот самый.

Вышинский. И вот Авербух показывает: «Кроме этого, мой адрес использовался самарским жандармским управлением, агентствами жандармского отделения, находящимися даже в ссылке. Помню, через меня шли донесения некоего Исаака Абрамовича, находящегося в ссылке». Это вы?

Зеленский. Полагаю, что так.

Вышинский. «Его письма я передавал в жандармское управление». Вопрос: «Персонально кому вы передавали письма Исаака Абрамовича?» Ответ: «Фамилию лица я не помню». Вопрос: «Сколько писем вы передали?» Ответ: «Всего с 1913 по 1916 год я передал четыре-пять писем в жандармское управление».

Зеленский. Факт.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, был ли такой случай, что обвиняемый Ягода в 1924 году вас посетил и вам предоставил вот эти фотографические и дактилоскопические данные из жандармского управления?

Зеленский. Да.

Вышинский (к Председательствующему). Можно обвиняемого Ягоду спросить?

Председательствующий. Да.

Вышинский. Обвиняемый Ягода, вы подтверждаете этот факт?

Ягода. Да. Это было дело его брата. Его брат был арестован. Зеленский очень волновался. Брат был провокатором и расстрелян в 1924 году.

Вышинский. А вы передали этот материал Зеленскому? Почему?

Ягода. Он был в то время секретарем Московского комитета партии. Он не приехал, но звонил, чтобы я приехал.

Вышинский. Вы были?

Ягода. Был. Я ему показал все дело. Зеленский очень взволновался и просил оставить у него дело.

Вышинский. И вы оставили?

Ягода. Нет, я забрал обратно.

Вышинский. А каким образом эти дела оказались у него?

Ягода. Я не помню.

Зеленский. Он привез мне дело моего брата и мои лично самарские дела.

Вышинский. Вот эти дела?

Зеленский. Да. Я попросил дать мне эти два фотографических снимка.

Вышинский. Два?

Зеленский. Два или сколько там.

Вышинский. Здесь целых девять снимков.

Зеленский. Но эти карточки не удостоверяют...

Вышинский. Мне важно сейчас зафиксировать показания обвиняемого Ягоды, что вы волновались, интересовались и в результате этих ваших интересов и волнений 9 карточек вашего

брата, провокатора, оказались в вашем распоряжении. Вы были тогда?

Зеленский. Секретарем Московского комитета.

Вышинский. Вы сообщили тогда Центральному Комитету партии об этом факте?

Зеленский. Нет, не сообщил.

Вышинский. Значит, вы скрыли все это? Рассказывайте перь дальше.

Зеленский. Теперь — вопрос относительно моей вредительской работы. Я примкнул к организации правых в конце 1928 или в начале 1929 года. Примкнул по мотивам, которые указаны в обвинительном заключении, — из-за боязни разоблачения моей преступной деятельности.

Вышинский. Какой преступной деятельности?

Зеленский. Провокаторской.

Вышинский. Вот так и говорите.

Зеленский. Я был завербован А. П. Смирновым. Приезжая в Ташкент, я принимал участие на ряде собраний правых, имевших место у Смирнова в течение 1929—1930 годов. На собраниях резко критиковалась линия партии и вырабатывалась линия борьбы против ЦК партии.

В 1929—1930 годах Смирнов давал мне ряд указаний относительно срыва коллективизации в Средней Азии.

Указания эти заключаются в следующем: необходимо внешне сохранить, как Смирнов выражался, мощное хозяйство, подразумевая под этим кулацкие хозяйства; необходимо всячески тормозить развитие коллективного движения — тормозить срывать колхозное строительство. Он указывал на необходимость оказать поддержку правой националистической организации в ее борьбе против партии. В Ташкенте я выдвинул лозунг «догнать и перегнать передовые в отношении коллективизации районы Союза». На основе этой директивы местные организации разработали план быстрых темпов коллективизации и приступили к организации колхозов, применяя при этом административные методы. Этот способ срыва колхозного строительства был подхвачен национал-шовинистическими организациями, которые организовали ряд перегибов. Когда недовольство приняло значительные размеры и перед ЦК нельзя было скрыть этих грубых ошибок, допущенных при коллективизации, мне было дано указание о том, чтобы вместо исправления ошибок пустить дело таким образом, чтобы люди выходили из колхозов, — не препятствовать этому. Под этой, казалось бы, легальной формулой открывался путь для кулацкой агитации и кулацкой активности в направлении развала колхозов.

После снятия меня из Ташкента и по приезде в Москву я продолжал поддерживать отношения со Смирновым, как представителем центра правых. После того, как Смирнов был разоблачен как правый, я стал держать связь с Антиповым. От него я получал указания относительно активизации вредительской работы кооперации и Центросоюзе. Цель вредительской работы, которую ставила себе организация правых в торговле, заключалась

в следующем: Антипов и все правые придавали особое значение дезорганизации хозяйства в тех отраслях, которые наиболее близко соприкасаются с населением, — жилищное дело, кооперация, торговля, — чтобы вызвать недовольство населения плохой работой по снабжению, а этим самым вызвать недовольство против правительства, то есть с явно провокационной целью. Содержание вредительской работы заключалось в следующем. Правые организовали перебои в торговле товарами повседневного спроса. Так, например, такие перебои были организованы в Курской области в первом квартале 1936 года в торговле сахаром, многие лавки в течение недели-двух не имели сахара. Такого же рода вредительские перебои были организованы в Ленинградской области в торговле махоркой. Такого же рода перебои были летом 1936 года в торговле печеным хлебом в ряде сельских местностей Белоруссии, расположенных в пограничных районах.

Чтобы дать некоторое представление о том, какого характера были эти перебои, я укажу на следующее: из 30 тысяч лавок, которые были обследованы торгово-кооперативными секциями советов и торговой инспекцией, в первом квартале 1936 года не было соли в 3 700 лавках. Из 42 тысяч лавок в 2 тысячах лавок отсутствовала продажа сахара. В третьем квартале 1936 года отсутствовала продажа махорки в 1 600 лавках из 36 тысяч лавок. Так что это были не единичные явления, а довольно распространенные.

Вышинский. А насчет масла как обстояло дело благодаря вашей преступной деятельности?

Зеленский. Маслом мы в деревне не торгуем.

Вышинский. Я не спрашиваю, чем вы торгуете. Вы торговали раньше всего основным — родиной. А я спрашиваю, какие меры предпринимала ваша организация для того, чтобы сорвать товарооборот и лишить население необходимейших, первых предметов потребления? Кроме сахара и соли известно ли вам что-нибудь относительно масла?

Зеленский. Нет.

Вышинский. Например, то, что не выпускали дешевых сортов масла.

Зеленский. Это совсем другое дело.

Вышинский. То есть как другое?

Зеленский. Я хочу рассказать вам то, что имело отношение...

Вышинский. Я спрашиваю вас: известны ли вам преступные операции в отношении снабжения населения маслом, в частности, дешевыми сортами масла, или нет? Операции, которые были проделаны по указанию вашего «право-троцкистского блока», известны вам или нет?

Зеленский. Да, известны.

Вышинский. В чем они заключались?

Зеленский. Они заключались в следующем: все заготовительные организации при выработке масла пользовались мировыми стандартами, определяющими сортность масла.

Вышинский. Вы хотите мне объяснить технику дела, а я хочу объяснить суть этого дела.

Вот вы говорили на предварительном следствии, что подрыв характер работы заключался и в следующем: установленная шкала для определения сортности масла, вырабатываемого из мод приводила к тому, что получалось масло только высшего сорта дешевого масла на рынок не поступало. Факт это или не факт?

Зеленский. Факт.

Вышинский. Дальше. Это отражалось на бюджете потребителя. Так или не так?

Зеленский. Правильно.

Вышинский. И вызывало это со стороны населения удовольствие или неудовольствие?

Зеленский. Неудовольствие.

Вышинский. Вы стремились к этому?

Зеленский. Стремилась.

Вышинский. А то масло, которое выпускалось, всегда было доброкачественным или вы тоже старались сделать его недоброкачественным?

Зеленский. Да.

Вышинский. Были ли случаи, что члены вашей организации имеющие отношение к масляному делу, в масло подбрасывали стекло?

Зеленский. Были случаи, когда в масле оказывалось стекло.

Вышинский. Не «оказывалось», а подбрасывалось стекло. Вы понимаете разницу — подбрасывалось стекло. Были ли такие или нет?

Зеленский. Были случаи, когда в масло подбрасывалось стекло.

Вышинский. Были ли случаи, когда ваши соучастники, общники преступного заговора против Советской власти и ветского народа подбрасывали в масло гвозди?

Зеленский. Были случаи.

Вышинский. С какой целью? Чтобы было «вкуснее»?

Зеленский. Это ясно.

Вышинский. Вот это и есть организация вредительской диверсионной работы. В этом вы себя признаете виновным?

Зеленский. Признаю.

Вышинский. А вы говорите — мы этим не занимаемся, не кооперативное дело. Вы член «право-троцкистского заговорнического блока»?

Зеленский. Член.

Вышинский. Вы отвечаете за всю преступную деятельность блока?

Зеленский. Отвечаю.

Вышинский. В том числе за диверсионную?

Зеленский. Отвечаю.

Вышинский. За гвозди, за стекло в масле, которые режут горло и желудки нашего народа?

Зеленский. Отвечаю.

Вышинский. А теперь насчет яиц. Этот вопрос тоже интересует население. Например, был ли такой случай или случаи, что Москву периодически пытались оставить без яиц? Были ли такие случаи?

Зеленский. Да, были.

Вышинский. В 1936 году был такой случай, что Москва сидела без яиц по вашей вине, по вине не вашей персонально, а одного из активных участников этого заговорщического блока?

Зеленский. Был.

Вышинский. Не припомните ли, когда особенно резко это выявилось?

Зеленский. Я сейчас месяц не могу назвать, но могу сообщить о следующем факте. В 1936 году была допущена вредительская порча 50 вагонов яиц.

Вышинский. 50 вагонов яиц! Это где, в Москве?

Зеленский. Да.

Вышинский. Сознательно?

Зеленский. Я полагаю.

Вышинский. Полагаете только? А директива была — вредить, чем можешь?

Зеленский. Была.

Вышинский. И они, поставленные на яичное дело, вредили в этом деле? Было ли это с вашего ведома?

Зеленский. Да, это было с моего ведома.

Вышинский. Как члена...

Зеленский. Контрреволюционной организации.

Вышинский. А вы кем в это время были?

Зеленский. Председателем Центросоюза.

Вышинский. Значит, на вашей обязанности было снабжение населения предметами питания?

Зеленский. Да.

Вышинский. И вы так вот снабжали население питанием. Теперь можете говорить дальше.

Зеленский. Я считаю, что обсчет, обмер, обвес — не менее вредительское дело. Когда человек приходит за покупкой в лавку, его обсчитывают, обмеривают и обвешивают, то есть ему назначают цену большую, чем та, по которой продается товар, либо ему дают вес меньший, чем это следует, либо отпускается товар не того качества.

Вышинский. Для чего это делается?

Зеленский. Для того, чтобы вызвать недовольство населения.

Вышинский. То есть с провокационными целями?

Зеленский. Понятно. Механика этого дела заключается в том, что в оптовых организациях отсутствует прейскурант цен. Таким образом, часто и ревизующие организации и сами потребители лишены возможности проверить правильность назначенных цен. Цены назначаются торгующими организациями или продавцами лавки очень часто по своему усмотрению, то есть бесконтрольно. Таким образом, поймать человека, обсчитывающего потребителя, почти невозможно. Это явление приняло серьезный характер и большое распространение. Чтобы дать характеристику размеров этого вредительства, я укажу на то, что из 135.000 лавок, которые были проверены инспекцией торгово-кооперативной сети, установлены случаи обсчета и обмана по-

купателей в 13.000 лавок. Фактически же количество их значительно больше.

Очень важный вид вредительства, также в целях вызова довольства населения, заключается в замораживании товаров, рота, достигаемом путем неправильной или несвоевременной сылки товаров. Так, например, были случаи, когда летние вары засылались зимой и, наоборот, зимние товары прибыв в лавки летом.

Вышинский. То есть летом населению предлагали валенки зимой — тапочки?

Зеленский. Да.

Вышинский. Стало быть, это делалось преднамеренно, по шим указаниям?

Зеленский. Да.

Вышинский. В тех же провокационных целях?

Зеленский. Да.

Я должен еще указать один метод вредительства в завоз, замораживании товаров. В четвертом квартале 1936 года б определены товары для хлебозакупок. Товары были направле во все районы хлебозакупок и оказалось, что в Татарии, Б кирии и в других местах хлебозакупка идет неудовлетво, тельно. Товары же, предназначенные для хлебозакупочно фонда, держались там в течение 4—6 месяцев, и только по п шествии этого был поставлен вопрос об их разбронировани Население видело товары в лавках и не имело возможности плучить их, и это, в свою очередь, вызывало острое недово ство у населения.

Я должен коснуться еще крупнейшего вопроса — это воп о содействии растратам и хищениям. Мною было поручено р работать вредительскую инструкцию по учету. Суть вредите ства здесь заключалась в том, что я разрешил производить гр повые записи торговых операций по так называемой группос системе, что ослабляло возможность контроля. Кроме то мною была резко сокращена бухгалтерская отчетность и б сохранена довольно значительная отчетность оперативная, ч ослабляло всякую возможность учета подотчетных лиц. Мнс сознательно тормозилась работа ревизионных комиссий с еских потребительских обществ. Осуществить борьбу против р страт и хищений без работы ревизионных комиссий, без ор низации общественного контроля, невозможно. Мною сознате, но не были приняты меры для того, чтобы организовать эту р боту. Я должен указать также и на то, что мы принимали меу к разрушению учета пайщиков, учета паевого капитала.

Мы, вредители, могли проводить такого рода широкую р боту только при наличии пособников. Такими пособниками в варообороте являлись вредительские организации Наркомвн торга и Госплана. Пособниками являлись и те, кто должен б ревизовать и контролировать, то есть Антипов, а он являлся т человек, от которого я непосредственно получал директив по вредительству.

Я должен коснуться еще одного вопроса. Я имел заданис

преследовал цель засорять этот аппарат чуждыми, враждебными, антисоветскими и повстанческими элементами. Засоренность аппарата Центросоюза видна из того, что в аппарате Центросоюза было при мне около 15 процентов бывших меньшевиков, эсеров, анархистов, троцкистов и так далее. В некоторых областях количество чуждых, выходцев из других партий, колчаковских офицеров и так далее, например, в Красноярском крае, Иркутске, Западной Сибири, было значительно выше.

Я давал указания, чтобы не выгонять этих людей из аппарата, имея в виду, что при том разветвленном аппарате в деревне, который имеет кооперация, эти люди могут всегда явиться центром притяжения всякого рода антисоветских элементов и организатором всякого рода повстанческих групп и банд.

Председательствующий. Вы ничего не сказали о ваших антисоветских связях с заграницей.

Зеленский. Я использовал иностранное бюро Центросоюза в целях тенденциозной и неправильной рассылки информации о состоянии кооперации, об ее отношении с Советским правительством.

Вышинский. Вы скажите прямо, использовали ли вы свое положение, будучи председателем Центросоюза, в аппарате, в котором находилось иностранное бюро, для антисоветской контрреволюционной деятельности за границей?

Зеленский. Я думаю, что рассылка тенденциозных...

Вышинский. Тенденциозных с антисоветским уклоном провокаторских сведений. Это есть антисоветская работа?

(Зеленский молчит).

Председательствующий. В ваших показаниях имеется фраза: «договориться с этими руководителями об оказании возможной помощи на случай восстания против Советской власти». Вы подтверждаете это или нет?

Зеленский. Подтверждаю.

Председательствующий. Как же это вы пытались использовать?

Зеленский. При свидании с неким Александр...

Председательствующий. Кто этот Александр?

Зеленский. Лидер английской кооперативной партии, входящей в состав рабочей партии. При проезде его я ставил вопрос о том, как отнеслись бы английские кооператоры, если бы в Советской стране к власти пришли правые, какую помощь они могли бы оказать правительству правых.

Председательствующий. Александр эту помощь обещал или воздержался от ответа?

Зеленский. Александр заявил, что он приветствовал бы приход правительства правых. Что касается помощи, то он заявил о том, что английские кооператоры могут гарантировать получение, во всяком случае, таких кредитов и такой помощи, которая была предоставлена Советскому правительству во время эмбарго.

На этом утреннее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв до 18 часов.

Вечернее заседание 5 марта

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ИКРАМОВА

Председательствующий. Подсудимый Икрамов, вы подтверждаете показания, данные на предварительном следствии?

Икрамов. Полностью подтверждаю.

Председательствующий. Расскажите вкратце о вашей антисоветской деятельности.

Икрамов. На путь антисоветских действий я вступил в 19 году. Правда, еще в сентябре 1918 года я вступил в легальную молодежную организацию националистического типа. До апреля или мая 1919 года я состоял членом этой организации. К троцкистской оппозиции я примкнул в 1923 году.

В 1928 году я был фактически одним из руководителей контрреволюционной националистической организации, которая по существу являлась национал-фашистской. Эта организация называлась «Милли Истиклял», что значит «национальная независимость». Это название само за себя говорит. Мы боролись за буржуазную независимость. Мы тогда ни к каким большим конкретным действиям приступить не могли, надо было накапливать силы, подготовить кадры; с этой целью мы принимали в работу таких людей, которые бы в будущем стали нашими верными кадрами, то есть мы набирали молодежь из среды, социальной чуждой Советской власти. Подготавливая этих людей, мы рассчитывали через них захватить советский и партийный аппарат чтобы в нужный момент этими силами можно было сделать контрреволюционный переворот. По мере накопления кадров этой националистической контрреволюционной организации прибавлялись новые моменты борьбы против Советской власти.

В 1930 году, в связи с убийством Абид Саидова группой молодежи из этой организации, была арестована группа людей, человек 7—8. После этого я решил, что провал есть уже советский факт, надо защитить оставшихся людей.

Просто говорить о том, что они невиновны, — было бы смешно. Поэтому мы стали проводить двурушническую линию, то есть я, Каримов, Рахими выступали в партийной организации разоблачением этих людей. И таким образом нам удалось сохранить остальные кадры.

Однако этим я не ограничился. В 1932 году я начал ходатайствовать об освобождении некоторых арестованных людей из этой группы: Рамзи, Качимбека, Назирова и других.

Вышинский. А Бату?

Икрамов. Об этом непосредственном участнике я не ходатайствовал, у меня была некоторая злоба на него за то, что он стал на путь террора тогда, когда этого не нужно было делать, и это был удар по нашей организации. Мне удалось добиться освобождения Рамзи.

Вышинский. Но Рамзи в это время был разоблачен, как член вашей организации?

Икрамов. Я не помню. Качимбек и Назиров были разоблачены.

Вышинский. А кто из них участвовал в убийстве?

Икрамов. Я могу сказать только на основании официальных материалов. Из участников этого убийства помню: Бату, Насыр Саидова. Кажется, участвовал Садыр Кадыров. Остальных я не помню.

Вышинский. Все они члены этой организации?

Икрамов. Да.

Вышинский. Которой и вы были членом?

Икрамов. Да.

Вышинский. Вы обсуждали с другими, уцелевшими членами вашей организации — с Каримовым, с Шермухамедовым и другими — вопрос о терроре, о тактике и так далее?

Икрамов. После того, как я увидел, что организация разваливается, я вызвал к себе Каримова, Шермухамедова и сказал им, что надо собирать силы и решительно действовать.

В связи с этим обсуждали вопрос о терроре и решили, что террор сейчас нам никакой пользы не дает.

Вышинский. Пока не дает?

Икрамов. Мы тогда решили террором не заниматься, накопить силы и из той программы, которую я изложил, не выходить.

Вышинский. Значит, террором не занимались по тактическим соображениям или по принципиальным?

Икрамов. И принципиально, и тактически. Террор пользы не приносит и только мешает достижению цели.

Вышинский. Какой?

Икрамов. Одного убьем, а Советская власть крепкая, раскроет всех нас.

Вышинский. Ну вот, это и есть тактические соображения.

Икрамов. И принципиальные.

Вышинский. Какие же вы хотели принимать меры, чтобы огорчить себя от тех честных граждан, кто вас разоблачал? Абид Саидова за что убили?

Икрамов. Абид Саидов был нечестный человек. Я убежден, что он попал бы в тюрьму или убежал. Он был раньше организатором басмачества.

Вышинский. Он бы сидел, по вашему мнению, а вы уже сидите. Так что вы нам не говорите, что он нечестный. За что он был убит?

Икрамов. За то, что он разоблачил «Милли Истиклял».

Вышинский. То есть вашу контрреволюционную организацию?

Икрамов. Да.

Вышинский. Значит, поступил как честный гражданин.

Икрамов. Возможно.

Вышинский. Как это «возможно»? Я думаю, что он поступил как честный человек, разоблачил контрреволюционную организацию. Ведь он погиб за это?

Икрамов. Да.

Вышинский. Погиб за Советскую власть?

Икрамов. Да.

Вышинский. Как же вы позволяете себе говорить о том, что он нечестный человек? Вы обсуждали вопрос о том, какими мерами бороться с разоблачением вашей организации? Что вы по этому поводу решили?

Икрамов. Мы этот вопрос обсудили и приняли такое решение: против таких людей, как людей плохих, устраивать гонения, выгонять с работы, чтобы они не могли нам мешать.

Вышинский. Объявлять их людьми антисоветскими, можно быть националистами, устраивать на них гонения, словом, действовать всякими провокационными способами. Правильно?

Икрамов. Правильно.

Вышинский. Это честно?

Икрамов. Нет.

Вышинский. Вот я и напоминаю вам насчет того, что вы говорили относительно Абид Саидова, будто он нечестный человек. Вы на самом деле этим маневром хотели спрятать свое настоящее лицо? Это была ваша тактика?

Икрамов. Да, правильно.

Вышинский. Когда вы перешли к этой провокаторской тактике?

Икрамов. В 1931 году.

Вышинский. Вы совещались по этому поводу со своими людьми, собирали их, дали такую директиву?

Икрамов. Да, это было, и эту директиву дал я.

По мере обострения классовой борьбы в Узбекистане выдвигались новые вопросы, в частности, вопрос о коллективизации. Перефразировав установку Зеленского, я дал такую установку Узбекистан — хлопковый район, сельскохозяйственный район, поэтому в деле коллективизации мы не должны отставать от передовых районов Советского Союза. В результате этого в ряде районов были массовые выступления против колхозов.

Вышинский. То есть этот лозунг был провокационным?

Икрамов. Да, этот лозунг был провокационным.

Вышинский. Что получилось на практике от этого провокационного лозунга?

Икрамов. Был удар по дехканам. Был также удар по коллективизации и развал крестьянского хозяйства.

Вышинский. Потом поправилось крестьянское хозяйство?

Икрамов. Да, поправилось.

Вышинский. Этот ваш маневр был разоблачен?

Икрамов. Не дали ему ходу.

Вышинский. Не дали ходу — значит, маневр был разоблачен.

Икрамов. Дальше, чтобы нарушить севооборот, мы дали такую директиву, что все поливные посевные площади должны быть засеяны хлопком. Тем самым скот оставался без корма и дехканам не давали сеять для себя продовольственных и бахчевых культур. Я имею в виду дыни, арбузы, лук, морковь и другие важные культуры. Все это вызывало со стороны дехканства недовольство.

Вышинский. Как вы использовали это недовольство?

Икрамов. Это недовольство не могло нарастать. Один год мы провели, но на следующий год партия и Советская власть нас по голове ударили и исправили это.

Теперь я хочу сказать относительно блока нашей националистической организации с центром правых. Меня хотели завербовать, хотели сделать соучастником правых еще в 1931 году. Поэтому меня два раза приглашали на дачу к А. П. Смирнову.

Вышинский. Первый раз кто вас приглашал?

Икрамов. Первый раз приглашал, кажется, Смирнов, я точно сказать не могу, я поехал к Зеленскому, а он меня повел к Смирнову. Другой раз приглашал Антипов.

Я на этом этапе не был завербован и блок не установил. Непосредственную контрреволюционную связь с правыми я установил в 1933 году в Ташкенте. Бухарин приехал в Среднюю Азию отдыхать. До тех пор у меня с ним не было дружеских отношений. Он приехал ко мне и дней 7 или 8 жил у меня на квартире. Мы вместе ездили на охоту, на дачу, всегда вместе были. Бухарин сначала завел разговор о коллективизации, повторил старый, общеизвестный бухаринский тезис о военно-феодалной эксплуатации крестьянства.

Вышинский. В 1933 году?

Икрамов. Да. Сравнивал колхозы с барщиной. Дальше Бухарин говорил, что партия и Советская власть ведут неправильную линию, что индустриализация не нужна, что индустриализация ведет к гибели.

Наряду с этим он сказал, что не верит в тезис Ленина, что отсталые колониальные страны при поддержке передового пролетариата могут притти к социализму, минуя стадию капитализма. Бухарин считал, что в республиках Средней Азии это невозможно и что им придется обязательно пройти стадию нормального развития капитализма.

Вышинский. То есть он предлагал в Узбекистане восстановить капитализм?

Икрамов. Да, именно так. Я с ним согласился. Так он меня завербовал. Бухарин при этом спросил: «ты, согласен?» «Согласен». «Будешь действовать с нами?» «Буду», — говорю. Тут я ему сказал, что я не с сегодняшнего дня контрреволюционный человек, что я не новичок, а руководитель такой же контрреволюционной организации. Я рассказал о своей организации и мы договорились, что вместе будем действовать: политическая линия единая и организационно установим такую же единую

линию. Тогда он сформулировал наше соглашение таким образом: цель одна — свергнуть руководство партии и Советской власти и прийти самим к власти для того, чтобы осуществить наши задачи.

Вышинский. То есть?

Икрамов. Для реставрации капитализма.

Вышинский. В целом?

Икрамов. Да, не только в Узбекистане, но и во всем Союзе. Тогда он сказал: какая ваша тактика? Я сказал: накопление сил и контрреволюционный переворот. Конечная цель — отторжение Узбекистана от Советского Союза. Он сказал — ваши средства мелочны. Вы хотите ждать, когда придет трудный момент для Советской власти, и тогда вы будете действовать. Нет, лучше надо действовать. Мы одобряем ваши действия в вопросе отторжения Узбекистана. В этом вопросе у правых есть договоренность с украинскими националистами, белорусскими националистами и националистами других республик. Таким образом, политически мы полностью договорились. Тогда Бухари перед нами поставил ряд задач. Первый вопрос — вредительство, второй вопрос — кулацкое восстание. Эти два вопроса он увязал таким образом, что без организации вооруженной борьбы нельзя достигнуть цели. Он говорил, что надо кулаков организовывать, использовать религиозный фанатизм, привлечь духовенство и таким образом создать повстанческую организацию. Что касается вредительства, мне вначале его указания были не очень понятны. Я боялся, что если мы сами — руководители — будем вредить, то завтра народ скажет: садитесь сами в тюрьму. Он ответил: вы чудак, если думаете, что будут говорить о том, что вы делали. Надо в каждом таком случае сказать, что это линия Советской власти и, таким образом, виновата Советская власть. Это поможет оттолкнуть народ от Советской власти.

Я согласился. Дальше он сказал, что в программе правых стоит вопрос и о терроре. Потом он указал, что обязательно нужна будет диверсионная, подрывная работа. Вот задачи, которые он поставил тогда. Я согласился, сказал, что будем действовать. Я сначала перечислю все программные вопросы, а потом — как действовали.

Вышинский. Это вы называете программными вопросами?

Икрамов. Это программа, на основании которой мы действовали.

Вышинский. Это изложено было в 1933 году?

Икрамов. Да, в августе или в сентябре.

Вышинский. Я Бухарина хочу спросить. У вас было свидание с Икрамовым в 1933 году?

Бухарин. Было, я жил у него в течение нескольких дней в 1933 году.

Вышинский. Значит, он правильно рассказывает?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Были политические разговоры?

Бухарин. Были,

Вышинский. Икрамов правильно излагает их?

Бухарин. В основном я держался рютинской платформы.

Вышинский. В основном правильно излагает? Вы предлагали ему вместе с вами бороться против Советской власти?

Бухарин. Да.

Вышинский. Затем — говорили, какие методы в этой борьбе применить?

Бухарин. Методы, которые входят в рютинскую программу. Там было глухо и о терроре.

Вышинский. О вредительстве тоже с ним говорили?

Бухарин. Нет, не говорил.

Вышинский. Вы первый завербовали его в контрреволюционную организацию правых?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Для борьбы с Советской властью?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Знакомили в пределах рютинской платформы?

Бухарин. Да.

Вышинский. Отрицаете, что в этот раз говорили о вредительстве и диверсиях?

Бухарин. Это был первый разговор...

Вышинский (обращается к Икрамову). Вы сейчас утверждаете то, что Бухарин с вами говорил о вредительстве?

Икрамов. У нас еще был с ним разговор. Это было в 1935 году, не помню какого числа. Он придирался к кому-то, что перепутали даты и месяц. Я могу указать несколько обстановку. Это было на Zubовском бульваре, в новых домах, на четвертом или пятом этаже.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, я вас спрашиваю, припоминаете ли вы ту обстановку?

Бухарин. Да.

Вышинский. Этот факт встречи с Икрамовым в 1935 году был?

Бухарин. Был.

Вышинский. У вас вообще после 1933 года была антисоветская связь с Икрамовым?

Бухарин. Я виделся с ним в 1933 и 1934 годах или в 1932 и в 1933 годах, точно не помню.

Вышинский. С момента, как вы его завербовали, вы с ним встречались?

Бухарин. Встречался.

Вышинский. Говорили с ним на темы, связанные с вашей антисоветской работой?

Бухарин. Говорил.

Вышинский. Это самое главное. Садитесь.

Подсудимый Икрамов, продолжайте.

Икрамов. Самый главный был разговор такой: Бухарин говорил, почему у нас две группы — Файзуллы Ходжаева и Икрамова? Надо вам совместно действовать.

Вышинский. Вы в конце концов сговорились с Ходжаевым? С Ходжаевым был заключен союз?

Икрамов. Да.

Вышинский. Против кого?

Икрамов. Против Советской власти.

Вышинский. Ходжаев, правильно это?

Ходжаев. Я хочу сказать, что Икрамов не совсем правильно говорил по поводу того, что до 1933 года, до разговора с Бухариным, у нас не было с ним согласованных действий.

Вышинский. Они были?

Ходжаев. Были они. В 1926—27 годах у нас не было совместной работы с Икрамовым, но с 1928 года мы работали вместе.

Вышинский. В каком смысле работали?

Ходжаев. В смысле вредительства. Я другого смысла не вкладываю в эти слова. Икрамов неправильно хочет сказать о том, что только после нажима Бухарина в 1933 году он стал на позиции вредительства и со мной вместе работал. Этим он хочет часть вины от себя отвести так же, как руководство национальной организации хотел свалить на Каримова. Я считаю это недостойным Икрамова.

Вышинский. А все-таки Бухарин сыграл какую-нибудь роль в объединении ваших контрреволюционных сил?

Ходжаев. Да.

Вышинский. Какую?

Ходжаев. В том смысле, что у нас с 1928 года хотя и была единая работа вместе с Икрамовым, вредительская работа, и борьба за влияние в Узбекистане иногда мешала, если можно так выразиться, плодотворности этой антисоветской работы. Поэтому сначала Бухарин, потом Антипов предлагали единение с Икрамовым. Они говорили, чтобы мы вместе работали, вместе вели борьбу...

Вышинский. Против?

Ходжаев. Против Советской власти, против партии, против руководства партии.

Вышинский. Это верно, подсудимый Икрамов?

Икрамов. Верно.

Вышинский. То, что говорит Ходжаев о том, что в объединении ваших контрреволюционных сил сыграл огромную роль Бухарин, это вы подтверждаете?

Икрамов. Ну, конечно. Ходжаев говорит, что между 1925—1928 годами у него было затишье, не было людей. У нас большинство наркомов были пантюркистами и националистами: Хидйр Алиев, Хаджибаев, Курбанов и другие. Все это были люди связанные с Файзуллоем.

Вышинский. Какая же роль у Бухарина была?

Икрамов. Бухарин сказал, почему у вас две группы? Вам надо объединиться. Я тогда ему определенного ответа не дал. В конце 1934 года приехал к нам Антипов. Он мне сказал, что по поручению центра правых необходимо обе наши организации обязательно объединить, чтобы во всех вопросах была договоренность и совместные выступления. Собралась тройка — Антипов, Ходжаев, Икрамов. Мы договорились относительно совместной работы наших организаций.

Вышинский. Подсудимый Ходжаев, что вы можете сказать относительно басмача Максума?

Ходжаев. Максум был начальником милицейского отряда при председателе ревкома. В 1921 году мы его в Бухаре разоружили, но он бежал. Вскоре был пойман, судим. Это было после того, как была принята басмаческая ориентация.

Вышинский. Кем была принята?

Ходжаев. Нами.

Вышинский. Вы ему помогли избежать ответственности?

Ходжаев. Он был амнистирован.

Вышинский. У вас свидание с Энвер-пашой было?

Ходжаев. Я имел три свидания. В Бухаре — два свидания, официальные, одно у меня на квартире — неофициальное.

Вышинский. Цели этого свидания?

Ходжаев. Цель последнего свидания заключалась в том, чтобы обсудить предложение Энвер-паши о том, какой линии должно держаться бухарское правительство по отношению к Советскому Союзу и какая требуется тактика.

Вышинский. От Советского правительства вы об этих свиданиях скрыли?

Ходжаев. Безусловно.

Разрешите к этому добавить. Зеленский поддерживал не меня, а Мухитдинова, который имел английскую ориентацию, об этом он ни слова не сказал.

Вышинский. Мы сейчас спросим. Подсудимый Зеленский, скажите, этот эпизод с Мухитдиновым имел место?

Зеленский. Я должен был время от времени выступать против Ходжаева, иначе я бы себя разоблачил.

Вышинский. Вы были в Средней Азии, в каком году?

Зеленский. В 1924 году.

Вышинский. И там оставались до какого года?

Зеленский. До января 1931 года.

Вышинский. Значит, вы там пробыли 7 лет?

Зеленский. Да.

Вышинский. За эти 7 лет, занимаясь контрреволюционной вредительской деятельностью, вы имели связи с Икрамовым и Ходжаевым?

Зеленский. Связи с Икрамовым я не имел, а правую линию Ходжаева я покрывал.

С 1928 года мне стала яснее связь Икрамова с националистической организацией. Когда была раскрыта организация «Милли Истиклял», тогда, в целях самосохранения, я очень решительно выступил против Икрамова, ставил вопрос о его снятии вплоть до ареста.

Вышинский. В порядке перестраховки?

Зеленский. Да. Когда была раскрыта группа «Милли Истиклял», то ряд участников этой организации в своих показаниях в органах ОГПУ указали на то, что фактическим руководителем этой организации является Икрамов.

Вышинский. Следовательно, вы знали по показанию ряда участников, что Икрамов являлся руководителем?

Зеленский. Да.

Вышинский. И для перестраховки ставили вопрос о том, чтобы Икрамова арестовать?

Зеленский. Да.

Вышинский. А в действительности боролись против контрреволюционной деятельности?

Зеленский. А по существу не боролся, не мог бороться потому что сам был уже изменником.

Икрамов. Теперь дальше. Непосредственно под руководством Антипова, по поручению правого центра, установили блок об националистические организации. Антипов информировал о германо-японской ориентации и о связи с немцами и японцами. Он говорил также о существовании военной группы и о том, что на случай войны они будут действовать путем открытия фронта для наступающих сил интервентов. Тогда же он сказал, что и на надо действовать.

При второй встрече с Бухариным решили, что постоянную связь нужно держать с Антиповым. Он спросил меня относительно действий. Я сказал: кое-какое вредительство проводим. Он сказал, что этого совершенно недостаточно, надо развертывать, надо действовать, время нельзя упустить.

Третья встреча была связана с вопросом о связи с Англией о чем говорил вчера Файзулла. Действительно, Файзулла Ходжаев в октябре 1936 года сообщил мне о том, что Бухарин разговаривал с ним, что Бухарин очень оптимистически отнесся к капиталистической стабилизации европейских стран, в особенности фашистских государств. Он сказал, что надо ориентироваться на Англию. Поскольку вопрос был серьезный и крупный, я в конце ноября или начале декабря 1936 года спросил об этом Вухарина. Он ответил утвердительно.

Вышинский. Бухарин ответил утвердительно?

Икрамов. Да.

Вышинский. А где он это сказал?

Икрамов. Это было во время Съезда Советов в ноябре или в начале декабря 1936 года. Во время Съезда Советов я встретил Бухарина на лестнице, никого не было, я его и спросил об этом. Он ответил утвердительно, причем он сформулировал таким разом: если сейчас войны не будет, если скоро интервенции не будет, — нашему делу капут. Могут всех нас переловить, а вопрос ускорения войны не можем разрешить из-за Англии, которая в некотором отношении является международным арбитром. Пока она не решится в какую-нибудь сторону, не придет к чему-нибудь, до тех пор войны не будет. Известно, говорит Бухарин что англичане давно смотрят на Туркестан, как на лакомый кусочек. Если будет такое предложение, тогда англичане, может быть скоро перейдут на сторону агрессора против Советского Союза.

Вот почему я поверил, когда мне Файзулла Ходжаев сообщил об ориентации на Англию. Относительно террора мне говорил Антипов. Он хвалился: кого наметили правые убить, тот до Средней Азии не доедет.

Теперь разрешите сказать, что сделала наша националистиче

ская контрреволюционная организация в осуществление своего плана, своей программы. После того, как Бухарин упрекнул меня в недостаточной активности, я сам непосредственно совершил вредительский акт. В 1935 году мы — я, Любимов и Файзулла Ходжаев — совместно дали директиву за подписью Любимова и Икрамова (подписи Файзуллы кажется не было): принять хлопок повышенной влажности против установленного правительством Союза стандарта, в результате чего 14 тысяч тонн хлопка пропало и убытки составили несколько миллионов рублей.

Вышинский. Это сознательно было вами сделано?

Икрамов. Конечно. Если бы это были случайные вещи, я бы о них здесь не говорил. По каракулю было вредительство. Мы не сами его непосредственно сделали, но через членов нашей организации. За 1936 год ввиду неправильного ухода была снижена сортность на 27%. В 1937 году была массовая порча каракулевых шкурок при пардозе — при переработке каракулевых шкурок произошло массовое сгорание. Это тоже было сделано членами нашей организации (там работал Сата Ходжаев).

Было осуществлено вредительство и в коммунальном хозяйстве Ташкента и Бухары. В Ташкенте действовал член нашей организации Таджиев — он вредил в области планирования, канализации, строительства.

Вот факт вредительства в области строительства. Ташкент делится на две части: старый город и новый город. В старой части канализации нет, огромное пространство занимают земли, на которых нельзя строить дома. Кроме того, имеется много поглощающих ям. Новое здание Наркомпочтеля начали строить, причем ввиду наличия девятнадцати поглощающих ям надо было начинать закладывать фундамент с 30—40 метров.

В коммунальном хозяйстве Бухары также проводилось вредительство. Разрушали город, распродавали дома. Жителям предлагали платить непосильные налоги, они оставляли дома, которые подвергались распродаже.

Сознательно распыляли, размазывали средства, отпущенные правительством Союза на районное строительство. Незаконченное строительство к 1937 году выражается в сумме 34 миллиона рублей.

Вышинский. Все из-за размазывания средств?

Икрамов. Да. Это дело рук Каримова и Файзуллы Ходжаева.

Вышинский. С вашего ведома делалось?

Икрамов. Конечно. Если бы я хотел, я мог раскрыть. Такое же крупное вредительство, на которое мы закрывали глаза, имело место по линии строительства Наркомлегпрома, на хлопкозаводах и шелковых фабриках. Цифр я сейчас не помню, огромные средства вложены в строительство, переходящее из года в год. В Намангане, например, начали строить шелкомотальную фабрику. Полтора-два миллиона израсходовали, а в середине года говорят, что нужно консервировать. Я очень удивился, так как не знал техники этого дела. Говорят, что для консервации потребуется полмиллиона рублей, и действительно Наркомлегпром отпустил для консервации полмиллиона рублей.

На строительство хлопкоочистительного завода в Бухаре затрачено 5 миллионов рублей. Завод готов, но не может работать, хотя и машины привезены. Почему? Потому что нет прессов.

Вышинский. Сколько стоит пресс?

Икрамов. Наверно 100—200 тысяч. Даже дома построены рабочих и служащих, а завод стоит и используется сейчас пустым амбаром.

Вышинский. Кто отвечает за это?

Икрамов. За это отвечает Наркомлегпром. Но и я, как человек, закрывавший на это глаза, конечно, тоже отвечаю.

Вышинский. Вы прикрывали это?

Икрамов. Конечно, я делал вид, что не вижу. Такие же дела — по хлопковым амбарам.

Вышинский. Что вы сделали для организации повстанческих отрядов?

Икрамов. Мы дали директиву. Что конкретно сделано, мне неизвестно. Но Балтабаев говорил, что Алмасов заявлял ему, что он уже приступил к этому делу в Маргеланском районе, что у него уже кое-какие кадры есть. Потом Файзулла мне говорил, что в Бухаре тоже готовится это дело. Вот мои преступления перед Советской властью.

Если можно подытожить, я сформулирую. Мои преступления это — измена социалистической родине, измена советскому народу, в первую очередь узбекскому народу, который меня вскормил, взрастил.

Председательствующий (к Прокурору). У вас есть вопросы к подсудимому Икрамову?

Вышинский. Нет. У меня есть вопрос к подсудимому Бессонову.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Я хотел бы, подсудимый Бессонов, чтобы вы несколько уточнили один факт — относительно свидания с эсером Масловым. Вы говорили в первый день процесса о том, что получили от Пятакова задание связаться с эсерами.

Бессонов. Да, я об этом говорил.

Вышинский. Вы это осуществили через кого?

Бессонов. Речь идет о связи с «трудовой крестьянской партией», состоявшей из остатков бывшей эсеровской партии.

Осенью 1934 года, во время моего очередного свидания с Пятаковым, он впервые коснулся моего эсеровского прошлого. Я дал ему подробную характеристику деятелей эсеровской партии по Северной группе, в том числе характеристику Сергея Семеновича Маслова, являвшегося в прошлом и являющегося в настоящее время руководителем «трудовой крестьянской партии», которую он основал, будучи в эмиграции за границей. Я спросил Пятакова, для какой цели он интересуется моим эсеровским прошлым. Пятаков сказал, что у него на этот счет имеются соображения, навеянные отчасти разговорами с правыми и отчасти возникшие у него самостоятельно.

Действительно, перед моим отъездом в Берлин, например

через месяц после этого разговора, Пятаков попросил меня по-видаться с Масловым, аргументируя необходимость этого свидания следующим образом. Во-первых, у него имеются указания, идущие из «право-троцкистского блока», что «трудовая крестьянская партия» располагает довольно значительными кадрами деревенской интеллигенции, главным образом, среди кооператоров и агрономов. По своим программным и тактическим установкам она представляет из себя организацию, с которой легко можно и нужно установить контакт. Так как я хорошо знаю Маслова по прошлой работе и так как я живу постоянно за границей, то ему представлялось, что я являюсь подходящей кандидатурой, чтобы произвести зондаж относительно соглашения с «трудовой крестьянской партией».

Вышинский. Соглашения «трудовой крестьянской партии» с кем?

Бессонов. Пятаков говорил от своего имени, то есть от имени троцкистов и от имени блока. Как я уже упоминал, мысль о соглашении родилась у него отчасти самостоятельно, отчасти под влиянием разговоров с правыми.

Вышинский. Не помните ли, с кем он вел эти разговоры?

Бессонов. Никаких фамилий он не называл.

Вышинский. А имелся в виду?

Бессонов. Я думаю, что кто-нибудь из работников Наркомата земледелия. Несколько позже, после свидания с Масловым, я получил задание связать Маслова с работниками, бывшими в Чехословакии.

Вышинский. У вас это свидание с Масловым состоялось?

Бессонов. Состоялось, но не в 1934 году, а в 1935 году летом.

Вышинский. Где состоялось?

Бессонов. В Праге.

Вышинский. А почему в Праге?

Бессонов. Маслов живет постоянно в Праге.

Вышинский. С какого времени он там живет?

Бессонов. По моим данным, он живет в Праге с 1922 или с конца 1921 года.

Вышинский. Чем он там занимался?

Бессонов. Он издавал там журналы и газеты.

Вышинский. На какие средства он издавал газеты и журналы? Или на какие средства он существует?

Бессонов. Материальные возможности у него хорошие. Маслов говорил, что он получает средства для «трудовой крестьянской партии», что у него имеются источники финансирования из польских, румынских и югославских кругов.

Вышинский. То есть, попросту говоря, как это переложить на язык действительных отношений?

Бессонов. В каждой из этих стран существует довольно большая прослойка правящего класса, которая заинтересована как в деятельности «трудовой крестьянской партии», так и в деятельности «право-троцкистского блока».

Вышинский. То есть иначе говоря, они находились у них на содержании?

Бессонов. Да.

Вышинский. А не были ли эсеры связаны еще с разведками?

Бессонов. В начале разговора с Масловым выяснилось, что с имеет связь и с организацией Генлейна. Это есть организация, которая ставит перед собой задачу присоединить к Герман Богемию. Это организация, которая и по форме, и по содержанию является фашистской организацией.

Вышинский. Маслов издавал свои газеты и журналы и в же время сам существовал и его организация находилась на содержании реакционных кругов буржуазии Польши, Румынии Югославии?

Бессонов. Да.

Вышинский. Кроме того он связан с другими организациями?

Бессонов. Он связан с организацией Генлейна.

Вышинский. Что это за организация? Чем она является?

Бессонов. Агентурой немецкого фашизма в Чехословакии.

Вышинский. Что у вас был за разговор с Масловым?

Бессонов. Я изложил ему сущность того поручения, которое мне дал Пятаков. Маслов указал три условия, на которых он согласен предоставить свою организацию под общее руководство «право-троцкистского блока». В эти условия, очень неопределенные, входило и соглашение по некоторым программным вопросам. Он имел в виду прежде всего деревенский вопрос и национальный вопрос. Центральное его условие — немедленно предоставление ему известной суммы денег со стороны «право-троцкистского блока» как в иностранной, так и в советской валюте. И затем предоставление для работы «трудовой крестьянской партии» легальных возможностей, которыми располагал блок. В обмен на эти условия он считал возможным дать директиву своей организации в Советском Союзе, соподчинить работу «трудовой крестьянской партии» по всем направлениям «право-троцкистскому блоку». Я, конечно, ответа ему на эти вопросы дать не мог. Но в течение 1935 года я связал Маслова с представителем Троцкого, который с ним по этому пункту договорился.

Вышинский. Скажите, Маслов в беседе с вами высказал желание связаться с Троцким?

Бессонов. Он говорил, что он пытался установить контакт с Троцким через одного чешского троцкиста.

Вышинский. А он не говорил, по чьей инициативе, у кого возникло это желание установить свидание с Троцким? Он не ссылался на Генлейна?

Бессонов. Говорил. Он говорил, что в последнее время подготавливалось слияние с организацией Генлейна, что в ближайшем времени предстоит объединение всех оппозиционных группировок работающих в Советском Союзе и контактирующих со своей деятельностью с соответствующими органами фашистской Германии.

Вышинский. Касались ли вы в разговоре с Масловым в какой-нибудь мере или степени Бухарина и Рыкова?

Бессонов. Маслов сказал, что он очень хорошо ориентирован в развитии антисоветских группировок внутри Советского

Союза и что он ориентирован как по информации своих заграничных друзей, как он выразился, так и по информации, получаемой им непосредственно от своих ячеек в Советском Союзе.

Кроме того, он сказал, что он предпринимал шаги к установлению контакта с некоторыми правыми. Он упоминал в этой связи фамилию наркомземовского работника Муралова А. И., с которым установил связь посредством какого-то кооператора, фамилию которого сейчас не помню.

Вышинский. Следовательно, он был в курсе антисоветской деятельности Бухарина и Рыкова?

Бессонов. Безусловно.

Вышинский. И сам имел связь с правыми?

Бессонов. Он характеризовал эту связь, как шаг к установлению прочной организационной связи с правыми.

Вышинский. Была организационная связь, которая впоследствии благодаря его шагам превратилась в прочную организационную связь?

Бессонов. Да, в 1935 году.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БУХАРИНА

Председательствующий. Переходим к допросу подсудимого Бухарина. Первый вопрос к подсудимому Бухарину: подтверждаете ли вы ваши показания на предварительном следствии об антисоветской деятельности?

Бухарин. Я свои показания подтверждаю полностью и целиком.

Вышинский. Сформулируйте коротко, в чем именно вы признаете себя виновным.

Бухарин. Во-первых, в принадлежности к контрреволюционному «право-троцкистскому блоку».

Вышинский. С какого года?

Бухарин. С момента образования блока. Еще до этого я признаю себя виновным в принадлежности к контрреволюционной организации правых.

Вышинский. С какого года?

Бухарин. Примерно, с 1928 года. Я признаю себя виновным в том, что я был одним из крупнейших лидеров этого «право-троцкистского блока».

Вышинский. Какие цели преследовала эта контрреволюционная организация?

Бухарин. Эта контрреволюционная организация, если сформулировать коротко...

Вышинский. Да, пока коротко.

Бухарин. Она преследовала, по существу говоря, — хотя, так сказать, может быть, недостаточно сознавала и не ставила все точки над «и», — своей основной целью реставрацию капиталистических отношений в СССР.

Вышинский. Свержение Советской власти?

Бухарин. Свержение Советской власти — это было средство для реализации этой цели.

Вышинский. При помощи?

Бухарин. При помощи использования всех трудностей, которые встречаются на пути Советской власти, в частности, при помощи использования войны, которая прогностически стояла в перспективе.

Вышинский. Которая стояла прогностически в перспективе при чьей помощи?

Бухарин. Со стороны иностранных государств.

Вышинский. На условиях?

Бухарин. На условиях, если говорить конкретно, целого ряда уступок. Вплоть до территориальных уступок.

Вышинский. То есть?

Бухарин. Если ставить все точки над «и», — на условиях расчленения СССР.

Вышинский. Отторжения от СССР целых областей и республик?

Бухарин. Да.

Вышинский. Например?

Бухарин. Украины, Приморья, Белоруссии.

Вышинский. В пользу?

Бухарин. В пользу Германии, в пользу Японии, отчасти Англии.

Вышинский. А как насчет вредительства дело обстояло?

Бухарин. С вредительством дело обстояло так, что в конце концов, в особенности под нажимом троцкистской части так называемого контактного центра, который возник примерно в 1936 году, несмотря на целый ряд внутренних разногласий и маневренную политическую механику, после различных перипетий споров была принята ориентация на вредительство.

Вышинский. Следовательно, была ориентация на ослабление на подрыв обороноспособности?

Бухарин. Этого не было формально, но по сути дела это так.

Вышинский. Но действия и деятельность в этом направлении были ясны?

Бухарин. Да.

Вышинский. О диверсионных актах вы то же самое можете сказать?

Бухарин. Я, главным образом, занимался проблематикой общего руководства и идеологической стороной, что, конечно, исключало ни моей осведомленности относительно практической стороны дела, ни принятия целого ряда с моей стороны практических шагов.

Вышинский. Но блок, во главе которого вы стояли, ставил задачей организацию диверсионных актов?

Бухарин. Насколько я могу судить по отдельным различным всплывающим у меня в памяти вещам, это — в зависимости конкретной обстановки и конкретных условий...

Вышинский. Подсудимый Ходжаев, был у вас разговор с Бухариным о том, чтобы форсировать вредительство?

Ходжаев. В августе 1936 года у меня на даче, когда я разговаривал с Бухариным, он указывал на то, что вредительская работа слабо поставлена в нашей националистической организации.

Вышинский. И что же нужно сделать?

Ходжаев. Усилить, и не только усилить вредительство, но надо перейти к организации повстанчества, террора и тому подобного.

Вышинский (к Бухарину). У вас ставилась задача организовать повстанческое движение?

Бухарин. Повстанческая ориентация была.

Вышинский. Ориентация была? Вы на Северный Кавказ посылали Слепкова для организации этого дела? Посылали вы в Бийск Яковенко для той же цели?

Бухарин. Да. Я думал, что когда вы спрашиваете о Средней Азии, то речь должна идти в моем ответе только о Средней Азии.

Вышинский. Значит, организация повстанческого движения имела место и в деятельности «право-троцкистского блока»?

Бухарин. Имела место.

Вышинский. Установка на организацию террористических актов, на убийство руководителей партии и Советского правительства у блока была?

Бухарин. Она была, и я думаю, что эту организацию следует датировать, примерно, 1932-м годом, осенью.

Вышинский. А ваше отношение к убийству Сергея Мироновича Кирова? Это убийство было совершено также с ведома и по указаниям «право-троцкистского блока»?

Бухарин. Это мне не было известно.

Вышинский. Подсудимый Рыков, что вам известно по поводу убийства Сергея Мироновича Кирова?

Рыков. Я ни о каком участии правых и правой части блока в убийстве Кирова не знаю.

Вышинский. Вы были связаны с Енукидзе?

Рыков. С Енукидзе? Очень мало.

Вышинский. Он был участником «право-троцкистского блока»?

Рыков. Был с 1933 года.

Вышинский. Подсудимый Ягода, известно ли вам, что Енукидзе, о котором говорил сейчас обвиняемый Рыков, представлял правую часть блока и имел непосредственное отношение к организации убийства Сергея Мироновича Кирова?

Ягода. И Рыков и Бухарин говорят неправду. Рыков и Енукидзе участвовали на заседании центра, где обсуждался вопрос об убийстве Сергея Мироновича Кирова.

Вышинский. Имели ли к этому отношение правые?

Ягода. Прямое, так как блок — право-троцкистский.

Вышинский. Имели ли к этому убийству отношение, в частности, подсудимые Рыков и Бухарин?

Ягода. Прямое.

Вышинский. Имели ли к этому убийству отношение вы, как член «право-троцкистского блока»?

Ягода. Имел.

Вышинский. Правду ли говорят сейчас Бухарин и Рыков, они об этом не знали?

Ягода. Этого не может быть, потому что, когда Енуки передал мне, что они, то есть «право-троцкистский блок», речи на совместном заседании вопрос о совершении террористического акта над Кировым, я категорически возразил...

Вышинский. Почему?

Ягода. Я заявил, что я никаких террористических актов допущу. Я считал это совершенно ненужным.

Вышинский. И опасным для организации?

Ягода. Конечно. Рыков и Енукидзе сначала категорически возражали против совершения террористического акта, но под давлением остальной части «право-троцкистского блока» дали согласие. Так мне говорил Енукидзе.

Вышинский. Вы лично после этого приняли какие-нибудь меры, чтобы убийство Сергея Мироновича Кирова осуществилось?

Ягода. Я дал распоряжение Запорожцу. Когда был задержан Николаев...

Вышинский. Первый раз?

Ягода. Да. Запорожец приехал и доложил мне, что задержал человек...

Вышинский. У которого в портфеле?

Ягода. Были револьвер и дневник. И он его освободил.

Вышинский. А вы это одобрили?

Ягода. Я принял это к сведению.

Вышинский. А вы дали потом указания не чинить препятствий к тому, чтобы Сергей Миронович Киров был убит?

Ягода. Да, дал...

Вышинский. К Бухарину еще один вопрос. Ваше отношение к террору положительное или отрицательное, к террору против советских деятелей?

Бухарин. Вы спрашиваете... я, как участник «право-троцкистского центра», был ли сторонником...

Вышинский. Террористических актов.

Бухарин. Был.

Вышинский. Против кого?

Бухарин. Против руководителей партии и правительства.

Вышинский. Вы стали таким сторонником, примерно, с 1929—1930 года?

Бухарин. Нет, я думаю, что, примерно, с 1932 года.

Вышинский. А в 1918 году вы не были сторонником убийств руководителей нашей партии и правительства?

Бухарин. Нет, не был.

Вышинский. Вы были сторонником ареста Ленина?

Бухарин. Ареста? Было два таких случая...

Вышинский. Это было?

Бухарин. Да.

Вышинский. А о том, чтобы убить Владимира Ильича?

Бухарин. Говорилось в первый раз относительно задержания на 24 часа.

Вышинский. А на арест товарища Сталина в 1918 году вы рассчитывали?

Бухарин. Был разговор относительно составления опять-таки нового правительства «левых коммунистов».

Вышинский. Я спрашиваю, у вас был план ареста в 1918 году товарища Сталина?

Бухарин. Был план ареста Ленина, Сталина и Свердлова.

Вышинский. Товарищей Ленина, Сталина и Свердлова?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. А насчет убийства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова?

Бухарин. Ни в коем случае.

Вышинский. Я буду ходатайствовать перед судом вызвать сегодня к концу заседания или в следующее судебное заседание свидетелей по настоящему вопросу: бывшую активную участницу группы «левых коммунистов» Яковлеву, бывших активных участников так называемой группы «левых коммунистов» Осинского, Манцева и затем «левых» эсеров, членов ЦК «левых» эсеров Карелина и Камкова для того, чтобы их допросить по вопросу о том, был ли у Бухарина и «левых» эсеров и какой именно план ареста и убийства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова.

Председательствующий (после совещания с членами суда). Суд определил удовлетворить ходатайство государственного обвинителя о вызове в качестве свидетелей: Яковлевой, Осинского, Манцева, Карелина и Камкова.

Подсудимый Бухарин, если вы желаете что-нибудь сказать о вашей преступной антисоветской деятельности, пожалуйста, вы имеете слово.

Бухарин. Я хочу остановиться на вопросе о реставрации капитализма. Разрешите?

Вышинский. Конечно, это же ваша основная специальность.

Бухарин. Я хотел бы вначале остановиться на идейных установках. Я хочу ответить на тот вопрос, который гражданин государственный обвинитель задал Раковскому, — во имя чего «право-троцкистский блок» проводил такую преступную борьбу против Советской власти. Я сознаю, что я не лектор и не должен здесь читать проповеди, а я — подсудимый, который должен нести ответственность, как преступник, стоящий перед судом пролетарской страны.

Мы все превратились в ожесточенных контрреволюционеров, в изменников социалистической родины, мы превратились в шпионов, террористов, реставраторов капитализма. Мы пошли на предательство, преступление, измену. Мы превратились в повстанческий отряд, организовывали террористические группы, занимались вредительством, хотели опрокинуть Советскую власть пролетариата.

Вышинский. Вы скажите, подсудимый Бухарин, как практически это облеклось у вас в антисоветскую деятельность?

Бухарин. Тогда позвольте мне перечислить некоторые программные пункты. И сейчас же я перейду к изложению моей контрреволюционной практической деятельности.

Вышинский. Из Америки в Россию вы ехали через...

Бухарин. Через Японию.

Вышинский. Долго там пробыли?

Бухарин. Неделю.

Вышинский. За эту неделю вас не завербовали?

Бухарин. Если вам угодно задавать такие вопросы...

Вышинский. Я имею право на основании Уголовно-процессуального кодекса задавать такие вопросы.

Председательствующий. Прокурор тем более имеет право задавать такой вопрос, потому что вы, Бухарин, обвиняетесь в попытке убийства руководителей партии еще в 1918 году, в том, что вы еще в 1918 году подняли руку на жизнь Владимира Ильича Ленина.

Вышинский. Я не выхожу из рамок Уголовно-процессуального кодекса. Угодно — вы можете сказать «нет», а я могу спрашивать.

Бухарин. Совершенно правильно.

Вышинский. Никаких связей с полицией не завязывалось?

Бухарин. Абсолютно.

Вышинский. Тогда почему так легко вы пришли к блоку, который занимался шпионской работой?

Бухарин. Относительно шпионской работы я совершенно ничего не знаю.

Вышинский. А блок чем занимался?

Бухарин. Здесь прошли два показания относительно шпионажа — Шаранговича и Иванова, то есть двух провокаторов.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, а Рыкова вы считаете провокатором?

Бухарин. Нет, не считаю.

Вышинский (к Рыкову). Подсудимый Рыков, вам известно, что «право-троцкистский блок» вел шпионскую работу?

Рыков. Я знаю, что были организации, которые вели шпионскую работу.

Вышинский. Скажите, белорусская национал-фашистская организация, являющаяся частью вашего «право-троцкистского блока», руководимая обвиняемым Шаранговичем, вела шпионскую работу?

Рыков. Да.

Вышинский. Была связана с польской разведкой?

Рыков. Да.

Вышинский. Вы знали об этом?

Рыков. Знал.

Вышинский. А Бухарин не знал?

Рыков. По-моему, знал и Бухарин.

Вышинский. Итак, обвиняемый Бухарин, об этом говорит не Шарангович, а ваш дружок Рыков.

Бухарин. Но тем не менее, я не знал.

Вышинский. Мне хочется объяснить обвиняемому Бухарину. Вы теперь понимаете, почему я спрашиваю у вас относительно Австрии?

Бухарин. Связь с австрийской полицией заключалась в том, что я сидел в крепости в Австрии.

Вышинский. Обвиняемый Шарангович, вы были польским шпионом, хотя и сидели в тюрьме?

Шарангович. Был, хотя и сидел.

Бухарин. Я сидел в шведской тюрьме, дважды сидел в сийской тюрьме, в германской тюрьме.

Вышинский. То, что вы сидели в тюрьме, не служит свидетельством того, что вы не могли быть шпионом.

Обвиняемый Рыков, вы подтверждаете, что после всех си и отсидок в тюрьмах разных стран Бухарин вместе с вами знал о шпионской связи Шаранговича с польской разведкой? Знал и одобрил это?

Рыков. Я знал об организациях, которые ведут шпионскую работу.

Вышинский. То, что Бухарин сидел в разных тюрьмах, мешало ему одобрить связь с польской разведкой своих с общников. Вы это понимаете?

Бухарин. Я понимаю, но я это отрицаю.

Вышинский. Когда оформилась ваша контрреволюционная правая организация?

Бухарин. Примерно, к 1928—29 годам относится мое сближение с Томским и Рыковым, потом — связи и прощупывание среди тогдашних членов Центрального Комитета, нелегальных совещания, и на этой уже основе быстро выросла своеобразная организация руководства правой организацией, которую можно изобразить как иерархическую лестницу во главе с тройкой Рыков, Томский и я...

В 1930—1931 годах начинается следующий этап в развитии контрреволюционной организации правых. Тогда в стране было большое обострение классовой борьбы, саботажа кулачества сопротивления кулачества политике партии и так далее. Этот этап я считаю переходом к «двойной бухгалтерии» по всему фронту. Тройка превратилась в нелегальный центр и поэтому если раньше эта тройка была головкой оппозиционных кругов, то она сейчас превратилась в центр нелегальной контрреволюционной организации.

К этому нелегальному центру близко примыкал Енукид, который имел связь с этим центром через Томского. Близко к нему стоял также Угланов.

Примерно к осени 1932 года начинается следующий этап в развитии правой организации, а именно — переход к тактике насильственного ниспровержения Советской власти.

Переход к тактике насильственного ниспровержения, в общем я датирую моментом, когда была зафиксирована так называемая рютинская платформа. Она была названа рютинской в конспиративных целях для перестраховки от провала.

Как раз к этому самому моменту получилась такая ситуация, что Троцкий свой левацкий мундир должен был сбросить. Когда дело дошло до точных формулировок того, что же нужно в конце концов делать, то сразу обнаружилась его правая платформа, то есть он должен был говорить относительно деколлективизации и так далее.

Вышинский. То есть вы идейно вооружили и троцкизм?

Бухарин. Совершенно верно. Тут такое было соотношение сил что Троцкий давил в смысле обострения методов борьбы, а мы до известной степени его вооружали идеологически. В рютинской платформе был зафиксирован переход к тактике насильственного ниспровержения Советской власти. Рютинская платформа была апробирована от имени правого центра. В суть рютинской платформы вошли — «дворцовый переворот», террор, курс на прямую смычку с троцкистами. В то время возникла политическая блокировка с Каменевым, Зиновьевым. В этот период были встречи с Сырцовым и Ломинадзе.

Я использовал легальные возможности для антисоветских, нелегальных целей. Пятаков рассказал в беседе, которая происходила летом в 1932 году, о встрече с Седовым относительно установки Троцкого на террор. В то время мы с Пятаковым считали, что это не наши идеи, но мы решили, что очень быстро найдем общий язык и что разногласия в борьбе против Советской власти будут изжиты. Томский и Рыков, может быть я ошибаюсь, говорили с Каменевым и Сокольниковым. Мне помнится, что в тот период Томский особенно настаивал на осуществлении государственного переворота и на концентрации всех сил, тогда как члены правого центра ориентировались на повстанческое движение. В 1932 году создался уже контрреволюционный блок правых, троцкистов и каменевцев-зиновьевцев.

На этом вечернее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв до 11 часов 7 марта.

Утреннее заседание 7 марта

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БУХАРИНА

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, продолжай показания о вашей антисоветской деятельности.

Бухарин. Третьего дня я закончил на том, что в конце 1932 года образовался блок правых, троцкистов, зиновьевцев примерно на основе рютинской платформы. Среди участники контрреволюционной организации правых к этому времени у стали возникать террористические настроения. Их можно было констатировать в кругу так называемых моих учеников, в группе Матвеева, группировавшейся около Угланова, среди сторонники Рыкова и среди некоторых профсоюзников. К этому периоду относится создание группы заговорщиков в Красной Армии. Я об этом слышал от Томского, который непосредственно был информирован об этом Енукидзе.

Примерно к этому же времени, то есть к концу 1932 года и началу 1933 года, образовался так называемый контактный центр, куда вошли представители различных антипартийных контрреволюционных течений, в том числе и правые.

Зарождение идеи государственного переворота у нас, у правых заговорщиков, относится примерно к 1929—30 годам. Эта идея впервые была высказана Томским в связи с тем обстоятельством, что у Енукидзе, который был лично связан с Томском и часто с ним общался, в это время была сосредоточена охрана Кремля. И в то же самое время можно было говорить об исполнении служебного положения Рыковым, который был Предателем Совнаркома.

В этот период мы уже обсуждали вопрос о свержении Советского правительства насильственным путем с помощью группы военных участников заговора.

Вышинский. В лице Тухачевского, Примакова и некоторых других?

Бухарин. Совершенно верно. К 1931—1932 годам в связи с изменением политической конъюнктуры упор был поставлен на развитие повстанческого движения, и контрреволюционной первой организацией во главе с правым центром было спровоцировано несколько кулацких восстаний.

Вышинский. Под вашим непосредственным указанием и под вашим руководством?

Бухарин. Совершенно верно. Я послал Слепкова для подго-

говки кулацкого восстания на Кубани, Рыков послал на Кавказ Эйсмонта, который вступил в связь с правым Пивоваровым и троцкистом Белобородовым. Кроме того, могу сообщить, что о кулацком саботаже, как некоей предварительной стадии более острых форм борьбы, мне сообщали П. Петровский и Зайцев.

Вышинский. Поскольку вы упомянули об Эйсмонте, я хотел бы спросить вас относительно ваших связей с белогвардейскими кругами и немецкими фашистами. Вам известно это обстоятельство?

Бухарин. Мне это не известно. Во всяком случае я не помню.

Вышинский (к суду). Позвольте Рыкова спросить. Что вы можете сказать по этому поводу?

Рыков. Мне от Пивоварова было известно, что казачий союз, который был организован по указанию, по совету Слепкова...

Вышинский. Белогвардейский казачий союз?

Рыков. Да... он через реэмигрантов, которые входили в состав кадров этой контрреволюционной организации, имел связи с остатками казачьей эмиграции за границей. И в этой связи помощь оказывали немецкие фашисты.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы об этом знали, знали Пивоварова?

Бухарин. Я Пивоварова не знал.

Вышинский. Рыков знал, что Пивоваров возглавляет на Северном Кавказе местную организацию изменников, контрреволюционеров и что он связан с белогвардейскими казачьими кругами за границей, а вы, Бухарин, не знали?

Бухарин. Я не оспариваю возможность такого факта, но я этого не знал.

Вышинский. Подсудимый Рыков, знал об этом факте Бухарин или не знал?

Рыков. Инициатива организации этого союза, по словам Пивоварова, принадлежала Слепкову, которого на Северный Кавказ послал Бухарин и которому, как я полагаю, Бухарин давал определенные указания и директивы.

Вышинский. Следовательно, эта связь исходила по бухаринской линии?

Рыков. Идея исходила по бухаринской линии.

Вышинский. Идея и практическое претворение ее в жизнь?

Рыков. Слепков это делал.

Бухарин. Что Слепкова я посылал, я не отрицаю. Я посылал его, чтобы он связался с белогвардейскими казачьими кругами.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, — факт или не факт, что группа ваших сообщников на Северном Кавказе была связана с белоэмигрантскими казачьими кругами за границей? Рыков говорит об этом, Слепков говорит об этом.

Бухарин. Если Рыков говорит об этом, я не имею основания не верить ему.

Вышинский. Вам, как заговорщику и руководителю, был известен такой факт?

Бухарин. С точки зрения математической вероятности можно сказать с очень большой вероятностью, что это факт.

Вышинский. Позвольте спросить еще раз Рыкова: Бухар, было известно об этом факте?

Рыков. Я лично считаю с математической вероятностью, он должен был об этом знать.

Вышинский. Ясно. Подсудимый Бухарин, вам известно б, что Карахан был участником право-троцкистской заговорщ ской группы?

Бухарин. Известно.

Вышинский. Известно вам было, что Карахан — немец шпион?

Бухарин. Нет, это не известно.

Вышинский (к Рыкову). Подсудимый Рыков, вам известно было, что Карахан вел переговоры с некоторыми немецкими кругами?

Рыков. Да, да.

Вышинский. Изменнические переговоры?

Рыков. Изменнические.

Вышинский. Карахан от имени вашего блока предполагал уступить немцам какую-то часть союзной территории?

Рыков. Я с Караханом сам не виделся, я знаю это со слов Томского, который излагал в моем присутствии и в присутствии Бухарина.

Вышинский. Значит, и Бухарин знал? Разрешите спросить Бухарина. Вы знали?

Бухарин. Я знал.

Рыков. Изложение было таково, что немецкие фашисты принимают эти условия, то есть льготы по концессиям, торговым договорам и так далее, но со своей стороны они требуют, чтобы национальным республикам было предоставлено право свободного выделения.

Вышинский. Ну, а что это означает?

Рыков. Значит, — не то, что мы предлагали. Это было новое требование немцев. Это, конечно, означает на деловом языке расчленение СССР.

Вышинский. То есть отдачу части СССР немцам?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Вы имели в виду отторгнуть Украину в пользу германского фашизма?

Рыков. Практически речь могла идти насчет Белоруссии.

Вышинский. А насчет Украины?

Рыков. Мы не могли решать этот вопрос без согласия украинских контрреволюционных организаций.

Вышинский. Тогда я обращаюсь к подсудимому Бухарину. У вас в 1934 году были об этом переговоры с Радеком?

Бухарин. Радек мне рассказал относительно его переговоров Троцким, что Троцкий имел переговоры с немецкими фашистами о территориальных уступках за помощь контрреволюционным организациям.

Вышинский. Говорил вам Радек, что по указанию Троцкого надлежит уступить, отдать немцам Украину?

Бухарин. Насчет Украины я положительно помню; речь шла и относительно других областей, но о каких я не помню.

Вышинский. Вы показывали таким образом: «что Троцкий, фрсрируя террор, все же считает основным шансом для прихода власти блока поражение СССР в войне с Германией и Японией за счет территориальных уступок (немцам — Украину, японцам — Дальний Восток)». Было это?

Бухарин. Да, было.

Вышинский (к Рыкову). Вы показали на предварительном следствии и здесь на суде, что Карахан с немецкими фашистами вел переговоры о помощи вашему заговору. Факт это или этого не было?

Рыков. Мы приняли меры, благоприятствующие практической деятельности правого центра. Это реализовалось в работе, в руководстве по отношению к Белоруссии.

Вышинский. Значит, немцы беспокоились о Белоруссии в пользу кого?

Рыков. О чем беспокоились немцы, я не могу сказать.

Вышинский. Они беспокоились о том, что вы отдадите Белоруссию кому? Не немцам?

Рыков. Полякам.

Вышинский. А немцам — что? Выходит, что немцы хлопочут ради кого? Ради поляков? Немцы оказывают вам услугу, а вы взамен этого Белоруссию отдаете полякам. Они оказываются в смешном положении.

(Рыков молчит).

Вышинский. Перехожу к первому вопросу. Следовательно, Карахан вел переговоры с немцами. Видимо, это происходило с ведома вашего блока. Бухарин об этом знал?

Рыков. Томский об этом сказал мне и Бухарину.

Бухарин. Я об этом узнал пост-фактум, потому, что Карахан...

Вышинский. Вы одобрили переговоры Карахана от имени блока с немецкими фашистами?

Бухарин. Вообще относительно переговоров... я одобрял, то есть считал, что целесообразно...

Вышинский. Не вообще, а переговоры, которые вел Карахан? Вы эти переговоры одобрили?

Бухарин. Не дезавуировал, следовательно, одобрил.

Вышинский. А вы говорите, что вы об этом узнали пост-фактум. Разрешите спросить подсудимого Рыкова. Эти переговоры Карахан вел по собственной инициативе?

Рыков. Он вел их по поручению, по инициативе Томского, но я и Бухарин эту инициативу одобрили, когда нам докладывали об этих переговорах.

Вышинский. Одобрили не только факт переговоров, но и инициативу, то есть самое дело в целом?

Рыков. Мы оба — не маленькие люди. Если не одобрять такие вещи, тогда с ними надо бороться. В нейтралитет в таких вещах играть нельзя.

Вышинский. Итак, можно установить, что с ведома Бухарина

Карахан вел переговоры с немецкими фашистами. Вы это, обняемый Рыков, подтверждаете?

Рыков. Да.

Вышинский. Итак, подсудимый Бухарин, вы несете ответственность за эти переговоры Карахана с немцами?

Бухарин. Безусловно.

Вышинский. Подсудимый Рыков сказал, что в тот период речь шла о том, чтобы отторгнуть Белоруссию. Так я понимаю?

Бухарин. Я себе представляю это совсем не так.

Рыков. Томский нам передал, что Карахану немцы скажут, что в придачу к экономическим уступкам немецкие фашисты настаивают на предоставлении национальным республикам права выделения. Мы тут же поняли и истолковали это так, что речь идет о расчленении СССР.

Вышинский. То есть о том, чтобы отдать Белоруссию?

Рыков. И тут же в общей форме мы приняли это.

Вышинский. Кто это «мы»?

Рыков. Я, Бухарин и Томский.

Вышинский. Правильно, подсудимый Бухарин?

Бухарин. Не совсем. Не насчет Белоруссии, а насчет Украины.

Вышинский. Ага, теперь уже насчет Украины. А ведь речь с тех пор шла насчет Белоруссии. Разрешите предъявить обвинение Рыкову его показания том 1, лист дела 119: «Должен сказать, что вопрос об ориентации на Польшу, с той точки зрения, чтобы заручиться ее поддержкой на случай нашего прихода к власти, возник значительно раньше, а именно в 1919—1931 годах». Вы подтверждаете это?

Рыков. Да.

Вышинский. Оглашаю дальше: «Общая формула, на которой мы тогда сошлись, сводилась к тому, что в переговорах с поляками, связь с которыми через Червякова уже к тому времени была установлена, мы пойдем на отторжение от СССР Белорусской советской республики». Верно? С кем вы обсуждали этот вопрос?

Рыков. Я это обсуждал с Голодедом и Червяковым, они были в курсе дела.

Вышинский. Они были в курсе дела. А Бухарин был в курсе дела?

Рыков. Да.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы знали обо всем этом?

Бухарин. В 1930 году не могло стоять такого вопроса, Гитлер к этому времени еще не был у власти.

Вышинский. В 1930—31 годах были у вас разговоры с Рыковым и Томским?

Бухарин. Я не помню этого.

Вышинский. Не помните? Подсудимый Рыков, что вы можете сказать?

Рыков. Первое сообщение об этом было сделано Томским, он сослался на Червякова, который был у него на даче. И тогда, по сообщению Томского, мы втроем обсуждали этот вопрос и я предложил о контакте с контрреволюционной белорусской организацией.

анизацией приняли. Во всяком случае, это было в присутствии Бухарина.

Вышинский. Так как это было в присутствии Бухарина, значит, Бухарин об этом знал.

Разрешите обратиться к Шаранговичу, одному из руководителей белорусской подпольной организации заговорщиков. Что вы по этому поводу скажете, подсудимый Шарангович?

Шарангович. И Голодод, и Червяков об этой установке информировали нашу организацию, как о совершившемся факте. Причем я должен сказать, что в разговорах относительно этой установки Томский никогда не фигурировал, речь шла о Рыкове и Бухарине. При этом Червяков имел несколько разговоров с Бухариным, и он после разговоров не только меня информировал, но информировал на совещании центра нашу организацию со ссылками на Бухарина и Рыкова.

Вышинский. Следующий абзац ответа Рыкова, лист дела 120: «Червяков развернул в Белоруссии чрезвычайно активную деятельность. В своих взаимоотношениях с поляками он и связанные с ним по нелегальной деятельности сделали все практические выводы из этой нашей директивы». Вы это подтверждаете, Рыков?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Следовательно, Червяков и люди, связанные с вами, имели систематическую связь с поляками?

Рыков. Да.

Вышинский. Какая эта связь?

Рыков. Там была и шпионская связь.

Вышинский. Шпионская связь в части вашей организации имела с поляками по вашей директиве?

Рыков. Конечно.

Вышинский. В том числе и Бухарина?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Вы и Бухарин были связаны?

Рыков. Безусловно.

Вышинский. Значит вы были шпионами?

(Рыков молчит).

Вышинский. И организаторами шпионажа?

Рыков. Я ничем не лучше шпиона.

Вышинский. Вы были организаторами шпионажа, были шпионами?

Рыков. Можно сказать, — да.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы признаете себя виновным в шпионаже?

Бухарин. Я не признаю.

Вышинский. А Рыков что говорит, а Шарангович что говорит? Вы интересовались шпионскими делами?

Бухарин. Я об этом роде деятельности не получал никаких информации.

Вышинский. Вам незачем делать постное лицо, подсудимый Бухарин, и нужно признаться в том, что есть. А есть вот что: у вас имела группа ваших сообщников, заговорщиков в Белорус-

сии, возглавляемая Голодедом, Червяковым, Шارانговичем. Г вильно, Шارانгович?

Шارانгович. Правильно.

Вышинский. И по директиве Бухарина и Рыкова, под их руководством вы связались с польской разведкой и польским генералом? Правильно, Шارانгович?

Шارانгович. Совершенно правильно.

Вышинский. Следовательно, кто был организатором шпионажа, которым вы занимались?

Шارانгович. Рыков, Бухарин.

Вышинский. Значит, они были шпионами, так же как...

Шارانгович. Как и я сам.

Вышинский (к Рыкову). Подсудимый Рыков, в 1932 году Голодед вам рассказывал, что все сколько-нибудь крупные назначения людей на руководящие посты в Белоруссии предварительно согласовывались с польской разведкой?

Рыков. Да.

Вышинский. Бухарин об этом знал?

Рыков. Этого я не могу сказать.

Вышинский. Не знаете? Не хотите выдавать дружка? Считаете ли вы, что было бы естественно тому же Голодеду иметь разговор с Бухариным по этому вопросу или же они должны были конспирировать это от Бухарина?

Рыков. Я думаю, что, естественно, он говорил с Бухариным, но о чем они говорили, мне не известно.

Вышинский. Насчет изменнической деятельности польского шпиона Ульянова вам известно?

Рыков. Мне известно.

Вышинский. Бухарин об этом знал?

Рыков. Я не знаю.

Вышинский. Насчет изменнической деятельности польского шпиона Бенека известно?

Рыков. Мне известно.

Вышинский. Бухарину известно?

Рыков. Не знаю.

Вышинский. Разрешите тогда, товарищ Председатель, прочитать лист дела 127, где содержится вопрос Рыкову и его ответ. «Вопрос: В отношении осведомленности и руководства деятельностью вашей организации в Белоруссии вы все время говорили почти исключительно о себе. А какова была роль остальных членов центра? Ответ: То, что я здесь показал...» А вы здесь показали о Бенеке, об Ульянове, о директиве поляков о подрыве обороноспособности, о назначении с ведома польской разведки должностных лиц — это вы показали... «То, что я здесь показал, знали, разумеется, и остальные члены центра. Знали Бухарин и Томский...» Подтверждаете вы это?

Рыков. Это относится ко всему нашему отношению к Белоруссии.

Вышинский. Нет, вы здесь не вывернетесь. Я прочту дальше «Знали Бухарин и Томский, частично в эти дела был также посвящен Шмидт», — вы имеете в виду Василия Шмидта. — «На

воей роли я больше остановился по той причине, что по решению центра основные связи по белорусской антисоветской организации правых были сосредоточены в моих руках». Ясно?

Рыков. Мне это ясно.

Вышинский. Я прошу суд удостовериться. То, что мною процитировано, имеет полное тождество с тем, что записано в подлинном протоколе, подписанном Рыковым, и я прошу предъявить это Рыкову для того, чтобы он опознал свою подпись.

Рыков. Я не отрицаю.

Председательствующий. Подтверждаю, что эти цитаты соответствуют подлинному протоколу, имеющему подпись Рыкова на каждой странице.

Вышинский (к Рыкову). По вашему предположению, Бухарин об этих шпионских связях знал или не знал?

Рыков. Он должен был знать, но менее детально и менее подробно, чем я знал.

Вышинский. Я спрашиваю вас не о деталях, а о существе. Существо Бухарин знал?

Рыков. О существе связи Бухарин был информирован и знал об этом.

Вышинский. Я это и хотел установить. Позвольте считать установленным, что Рыков и Бухарин знали о существе изменнической связи, в состав которой входил и шпионаж. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, продолжайте.

Бухарин. В 1933—34 годах кулачество было уже разгромлено. Повстанческое движение перестало быть реальной возможностью, и поэтому в центре правой организации снова наступил период, когда ориентация на контрреволюционный заговорщический переворот сделалась центральной идеей.

Силы заговора—это были силы Енукидзе плюс Ягода, причем Енукидзе в то время удалось завербовать, насколько мне помнится, бывшего коменданта Кремля Петерсона, который, кстати сказать, был в свое время комендантом поезда Троцкого, затем военная организация заговорщиков: Тухачевский, Корк и другие.

Вышинский. В каком году это было?

Бухарин. Я считаю, это было в 1933—34 годах.

Вышинский. А одновременно вы вели переговоры с Ходжаевым пораженческо-изменнического характера?

Бухарин. С Ходжаевым я имел один единственный разговор в 1936 году.

Вышинский. Вы говорили с Ходжаевым о том, что уже имеется соглашение с фашистской Германией?

Бухарин. Нет, не говорил.

Вышинский (к суду). Позвольте спросить подсудимого Ходжаева.

Подсудимый Ходжаев, говорил с вами Бухарин?

Ходжаев. Да, говорил.

Вышинский. Как, где, когда, о чем конкретно?

Ходжаев. В августе месяце, когда Бухарин приехал в Таш-

кент. Разговор между мною и Бухариным произошел на д у меня в Чимгане. После обзора внутреннего положения С Бухарин сказал, что надо нашу деятельность направить та образом, чтобы эта деятельность помогла привести к пора нию Союза. По его словам, внутреннее и внешнее положе вело к этому. Он сказал, что мы, правые, имеем соглаше с фашистской Германией, намечаем соглашение с Японией.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, были вы у Ходжаев даче?

Бухарин. Был.

Вышинский. Разговор вели?

Бухарин. Не такой, а другой разговор, тоже конспира тивный...

Вышинский. Я спрашиваю не вообще о разговоре, а об эт разговоре.

Бухарин. В «Логике» Гегеля слово «этот» считается сам ь трудным...

Вышинский. Я прошу суд разъяснить обвиняемому Б рину, что он здесь не философ, а преступник, и о гегелевс философии ему полезно воздержаться говорить, это лучше е дет, прежде всего, для гегелевской философии...

Бухарин. Разговор на даче был.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы подтверждаете по зания Ходжаева?

Бухарин. Я говорил, что нам придется иметь дело с разл ными иностранными государствами и что нельзя иметь д только с одной группировкой, но нужно иметь дело и с и гими.

Вышинский. Об Англии был разговор?

Бухарин. Был.

Вышинский. О Японии был разговор?

Бухарин. Был.

Вышинский. О Германин был разговор?

Бухарин. Был.

Вышинский. Был разговор о том, что нужно использовать то и другое в интересах вашей борьбы против Советской в сти?

Бухарин. Такой постановки вопроса не было. Я ведь гово с Ходжаевым первый раз.

Вышинский. Вы с Ходжаевым разговаривали о сверже Советской власти, подготовлявшемся вашей заговорщиче группой?

Бухарин. Говорил в закрытых туманных формулах.

Вышинский. В таких, однако, формулах, чтобы он по вас?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский (к Х о д ж а е в у). Вы поняли?

Ходжаев. Абсолютно.

Вышинский. Значит Ходжаев прав, что вы ему, говорили н счет связей с английскими разведчиками?

Бухарин. А этого не было.

Вышинский (к Ходжаеву). Было так, Ходжаев? Ходжаев. Было.

Мы установили с ним, что лучше действовать либо через таджикских людей, либо послать в Афганистан человека.

Вышинский (к Бухарину). Я еще раз спрашиваю на основании того, что здесь было показано против вас: не угодно ли вам признаться перед советским судом, какой разведкой вы были завербованы — английской, германской или японской?

Бухарин. Никакой.

Вышинский. Я к Бухарину пока не имею вопросов.

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, продолжайте ваши показания, только говорите поконкретнее.

Бухарин. В период около XVII партийного съезда, по инициативе Томского, возникла мысль о том, чтобы государственный переворот путем применения вооруженных контрреволюционных сил приурочить как раз к моменту XVII партийного съезда. По мысли Томского, составной частью этого переворота было чудовищное преступление — арестовать XVII партийный съезд.

Пятаков против этой идеи высказался не по принципиальным соображениям, а по соображениям тактического порядка: это вызвало бы исключительное возмущение среди масс. Эта идея была отвергнута.

Должен сказать, что еще в гораздо более ранний период я лично давал поручения Семенову об организации террористических групп, причем докладывал об этом в нашем правом центре. Это было принято. Таким образом, я более, чем кто-либо другой из членов центра, ответственен за организацию террористических групп Семенова. Я давал также поручения эсеру Семенову, о котором речь шла третьего дня на допросе, связаться с подпольными членами эсеровского ЦК.

Во-вторых, я пытался установить связь с заграничными организациями и группами эсеров через некоего С. Б. Членова. Эсеры ответили принципиальным согласием на поддержание блока и контакта с правыми, троцкистами, зиновьевцами и прочими, но они потребовали формальных гарантий, чуть ли не в письменной форме. Условия, которые они поставили, сводятся к изменению крестьянской политики в духе кулацкой ориентации и затем к легализации партий эсеров и меньшевиков, из чего, само собою разумеется, вытекал коалиционный состав того правительства, которое имеет возникнуть в случае успеха заговора.

Кроме того, непосредственно лично я во время своей последней заграничной поездки в 1936 году, после разговора с Рыковым, установил связь с меньшевиком Николаевским, который очень близок к руководящим кругам меньшевистской партии. Из разговора с Николаевским я выяснил, что он в курсе соглашений между правыми, зиновьевскими, каменевскими людьми и троцкистами, что он вообще в курсе всевозможных дел, в том числе и рютинской платформы. То конкретное и новое, о чем шел между нами разговор, заключалось в том, что, в случае

провала центра правых, или контактного центра, или вершущей организации всего заговора, через Николаевс будет договоренность с лидерами II Интернационала о том они поднимают соответствующую кампанию в печати.

Кроме меня персонально, некоторые другие из крупных ковоидителей право-троцкистской организации то же самое им связи, устанавливали преступный контакт с представите давно сложившихся контрреволюционных организаций.

У Рыкова были связи через Николаевского с меньшевик очень крупные связи были у А. П. Смирнова. Они установи еще тогда, когда он был в Наркомземе, где, как известно, целый ряд крупнейших деятелей эсеровского или около-эсеровского движения.

Таким образом, не подлежит никакому сомнению — и я вполне целиком и полностью признаю, — что кроме блокиро с троцкистами, зиновьевцами, каменевцами, буржуазно-националистическими организациями была еще совершенно непосредственная и реальная связь с эсерами и меньшевиками, чему и посредственным виновником в значительной мере был я с разумеется, в качестве руководящего центра правых. Речь ш в первую очередь об эсерах подпольных, которые оставал здесь, то есть о бывшем центральном комитете официальной партии эсеров и, во-вторых, о заграничной организации, которая, главным образом, сосредоточивалась около такой фигуры как Марк Вишняк — бывший секретарь Учредительного собрания.

Вышинский. Я хотел бы спросить по поводу эсеровских впросов. Здесь Бессонов дал показания относительно его поездки в Прагу и свидания с Сергеем Масловым. Там в разговоре Бессонова с Масловым была ссылка на Бухарина и Рыкса. Подсудимый Бессонов, вам говорил Маслов о том, что он курс подпольной деятельности Бухарина?

Бессонов. Он говорил, что он в курсе контрреволюционных взглядов правой оппозиции и их подпольной деятельности.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, у вас была непосредственная связь с Масловым?

Бухарин. Нет.

Вышинский. Подсудимый Бессонов, вам известно также, и был Маслов в Праге? Что он был организатором контрреволюционной кулацкой партии? Что он жил на средства иностранной разведки и на средства своих газет и журналов? Так, подсудимый Бессонов?

Бессонов. Совершенно верно.

Вышинский. Через кого он был информирован?

Бухарин. Мне это не известно, но я предполагаю, что было сделано через оставшихся членов заграничного центрального комитета эсеров.

Вышинский. Вы были связаны с ЦК эсеров?

Бухарин. Через Членова с Рапопортом.

Вышинский. Эсером?

Бухарин. Этот Рапопорт был связан с Марком Вишняком

Вышинский. Значит, вы предполагаете, что о вашей под-
юльной деятельности Сергей Маслов был информирован через
членов заграничного ЦК эсеровской организации или...

Бухарин. Или Рапопорта, или Вишняка.

Вышинский (к Рыкову). Вы информировали о своей под-
юльной работе Николаевского?

Рыков. Да.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, продолжайте.

Бухарин. С приходом к власти фашистов в Германии среди
верхушки контрреволюционных организаций начался обмен мнени-
ем относительно возможности использования иностранных го-
сударств в связи с военной ситуацией.

Летом 1934 года Радек мне сказал, что от Троцкого полу-
чены директивы, что Троцкий с немцами ведет переговоры, что
Троцкий уже обещал немцам целый ряд территориальных усту-
пок, в том числе Украину. Если мне память не изменяет, там же
фигурировали территориальные уступки и Японии.

Должен сказать, что тогда, в ту пору, я Радеку возражал.
Мне казалось, что при развитии массового патриотизма, кото-
рый не подлежит никакому сомнению, эта точка зрения Троц-
кого политически и тактически нецелесообразна с точки зре-
ния самого заговорщического плана, что здесь надо действо-
вать гораздо более осторожно.

Вышинский. Кто сказал это?

Бухарин. Я говорил это. Я даже считал, что предваритель-
ные переговоры вообще совершенно не нужны.

Вышинский. Чтобы не провалиться?

Бухарин. Я говорю не о провале в смысле ареста, а в смы-
се провала всего дела.

Вышинский. Я тоже об этом говорю. Это в каком году
было?

Бухарин. Разговор с Радеком был летом 1934 года.

Вышинский. А разговор с Караханом был позже?

Бухарин. Был после его приезда в Москву, в 1935 году.

Вышинский. А этому разговору с Караханом предшествовал
разговор с Енукидзе или разговор с Енукидзе на эту тему был
позже?

Бухарин. Первый разговор был с Томским. Томский призна-
вал возможным использование войны и предварительных согла-
шений с Германией.

Вышинский. Когда был у вас разговор относительно того,
чтобы открыть немцам фронт?

Бухарин. Когда я спросил Томского, как он мыслит меха-
нику переворота, он ответил, что это дело военной организа-
ции, которая должна открыть фронт.

Вышинский. Разрешите мне предъявить показания Бухари-
на — том 5, листы дела 95—96: «Томский сказал мне, что об-
суждалось два варианта: случай, когда новое правительство ор-
ганизуется во время мира»..., — а значит, заговорщики организуют
во время мира новое правительство, — «и случай, когда оно ор-
анизуется во время войны, причем для последнего случая нем-

цы требуют больших экономических уступок»..., — уступки, торых я уже говорил, — «и настаивают на территориальных тупках». Скажите, правильно это или нет?

Бухарин. Да, это все правильно.

Вышинский (читает дальше). «Я спросил Томского, не же мыслится в этой связи механика переворота. Он сказал, это дело военной организации, которая должна будет отк^н фронт немцам».

Бухарин. Да, правильно.

Вышинский. А когда он вам сказал это, вы возражали?

Бухарин. Я возражал.

Вышинский. А почему вы не написали, что «я возража^ю

Бухарин. Тут уже дальше написано.

Вышинский. А дальше тут написано совсем другое. Да, написано так: «на это я сказал ему, что в таком случае». В каком случае?

Бухарин. В случае открытия фронта.

Вышинский. Правильно... «в таком случае целесообразно дать под суд виновников поражения на фронте. Это даст нам возможность увлечь за собой массы, играя патриотическими лозунгами». Это и есть ваше возражение?

Бухарин. Да.

Вышинский. А что значит играть патриотическими лозунгами?

Бухарин. Это не значит «играть» в одиозном смысле...

Вышинский. Играть патриотическими лозунгами, то есть ог^раться, изобразить так, как будто кто-то изменил, а мы — патриоты... То, что вы здесь применили иезуитский, вероломный способ, свидетельствует и дальнейшее. Позвольте огласить далее: «Я имел в виду, что этим самым, то есть осуждением виновников поражения, можно будет избавиться попутно от тревожившей меня бонапартистской опасности».

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вышинский. Так вот как вы «возражали» против открытия фронта! Отдать под суд виновников поражения на фронте, сыграть на патриотических лозунгах и выйти сухими из воды. С Енукидзе по этому поводу говорили?

Бухарин. С Енукидзе говорил.

Вышинский. С Караханом говорили?

Бухарин. Говорил.

Вышинский. Что говорили по этому поводу Енукидзе и Карахан?

Бухарин. Они подтвердили, во-первых, что Карахан заключил договор с немцами на условиях экономических уступок; во-вторых, что немцы выставили требование относительно уступки территории, на что Карахан ответа не дал, заявив, что это должно быть обсуждено. В том числе есть и формула относительно выделения союзных республик. В-третьих, относительно договоров СССР с Чехословакией и Францией о взаимной помощи. Немцы требовали разрыва этих договоров, а Кар-

ан ответил на этот вопрос утвердительно, мы рассчитывали, что немцев надует и это требование не выполним.

Вышинский. Значит, все у вас тут построено было на надутельстве? А они рассчитывали вас надуть?

Бухарин. Это всегда так бывает.

Вышинский. Использовать вас, а потом выбросить на свалку?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. В общем проиграли и вы, и они. А с Караханом вы говорили об открытии фронта?

Бухарин. Карахан сказал, что немцы требовали военного союза с Германией.

Вышинский. Вы не хотите признать, что вы были инициатором открытия фронта, в случае нападения немцев?

Бухарин. Нет.

Вышинский. А Рыков подтверждает, что Бухарин был инициатором этой мысли. Подсудимый Рыков, правильно это?

Рыков. Об открытии фронта я впервые услышал со слов Бухарина.

Бухарин. И это верно. Но это не значит, что я был инициатором. Это было после разговора с Томским.

Вышинский. Вопрос об открытии фронта я считаю выясненным. У меня больше вопросов нет.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЯКОВЛЕВОЙ В. Н.

Вышинский. Вы припоминаете свое участие в 1918 году в группе «левых коммунистов»?

Яковлева. Очень точно.

Фракционным центром антисоветской группы «левых коммунистов» являлось московское областное бюро. Оно избиралось на областной партийной конференции в довольно широком составе с участием местных работников. Затем, для своей постоянной организационной руководящей работы оно выделило так называемый узкий состав. В конце 1917 года и начале 1918 этот узкий состав состоял сплошь из «левых коммунистов», и он-то и являлся фракционным центром группы «левых коммунистов».

Вышинский. Кто был руководителем этого центра?

Яковлева. Руководителем был Бухарин.

Вышинский. В чем выражалась подпольная антисоветская деятельность группы «левых коммунистов»?

Яковлева. Мне известно о нелегальной деятельности антисоветской группы так называемых «левых коммунистов» следующее. Я упоминала об узком составе бюро, который являлся фракционным центром этой группы. Я являлась секретарем областного бюро, а в момент моего отъезда в Ленинград, — это было в начале декабря 1917 года, — секретарем бюро был Манцев. В конце февраля 1918 года состоялось заседание московского областного бюро, на котором обсуждался вопрос о заключении мира с немцами. На этом заседании член бюро Стуков внес проект резолюции по этому вопросу и выступил в защиту этого проекта, причем высказался в таком духе, что в полити-

ческой борьбе против заключения мира с немцами не след останавливаться не только перед сменой руководства в пар и в правительстве, но даже не следует останавливаться и перед арестом руководящей, наиболее решительной части правительства в лице Ленина, Сталина и Свердлова; а в случае дальнейшего обострения борьбы не следует останавливаться даже перед их физическим уничтожением.

Вышинский. Перед физическим уничтожением — кого?

Яковлева. Вождей партии: Ленина, Сталина и Свердлова.

Стуков также сказал, что в политической борьбе не след останавливаться не только перед сменой правительства и да перед арестом его руководящей и политически непримиримой части, но и перед самой утратой Советской власти, которая в случае заключения мира с немцами, становится чисто формальной. Проект резолюции, внесенный Стуковым, и его речь на этом заседании в изложении были записаны в книге протоколов московского областного бюро.

В мае 1918 года, в связи с московской областной конференцией, я и Манцев подготавливали к сдаче материал областного бюро, и мне Манцев сказал, что Бухарин настаивает на изъятии из книги протоколов областного бюро этого проекта резолюции и изложения речи Стукова, мотивируя это необходимостью избежать политической компрометации позиции московского областного бюро и разоблачения его нелегальной деятельности. Руководствуясь этой аргументацией, я и Манцев изъяти (вырвали или вырезали) из книги протоколов и уничтожили листы, содержавшие в себе изложение речи Стукова и внесенный им проект резолюции.

Надо сказать, что речь шла о том заседании московского областного бюро, о котором писал Ленин в своей статье «Странное и чудовищное», причем в этой статье Ленин говорил о полном тексте к резолюции.

Пояснительным текстом к резолюции и был уничтоженный нами лист из книги протоколов областного бюро.

Должна рассказать также о происхождении этого документа. Я лично не присутствовала на указанном заседании областного бюро — была в это время в Ленинграде. Я вернулась в Москву вскоре после этого заседания, дня через два или три. Ознакомившись с протоколом областного бюро, я имела разговор со Стуковым и сказала ему, что считаю внесенный им проект политически необоснованным, причем дала довольно резкую характеристику его речи. Стуков сказал мне, что за политическую обоснованность этого проекта он ответственности не несет, что с этим я должна адресоваться к Бухарину, так как он от Бухарина получил перед заседанием областного бюро из Ленинграда этот проект резолюции вместе с письмом, в котором Бухарин давал ему, Стукову, указания о характере выступления в защиту этого проекта.

Вскоре после этого у меня состоялся по этому поводу разговор с Бухариным. Это было еще до VII съезда партии. Бухарин подтвердил, что проект резолюции послан был Стукову им и

то он, Бухарин, дал Стукову указания о том, как следует выступать в защиту этого проекта. Бухарин добавил к этому, что в среде «левых коммунистов» найдутся люди, которые сумеют с логической последовательностью, до конца, продумать все возможные перспективы борьбы. Таким человеком он считал Стукова.

Вместе с тем Бухарин сказал мне, что не он один так думает, что он, Бухарин, имел по этому поводу откровенный разговор

Троцким, и Троцкий также полагает, что политическая борьба по вопросу о войне и мире только началась, что «левые коммунисты» должны предвидеть возможности выхода этой борьбы за пределы партии, что нужно искать себе союзников, на которых можно было бы опереться в этой борьбе. Троцкий указывал Бухарину, что в качестве таких союзников могут оказаться «левые» эсеры, позиция которых по вопросу о войне была уже достаточно ясна.

Бухарин сказал также, что и Троцкий полагает также возможность развития борьбы до самых агрессивных форм, не только до смены правительства, но и свержения правительства и физического уничтожения руководящих людей правительства и партии. Он тогда назвал Ленина, Сталина и Свердлова.

Вместе с тем Бухарин сообщил мне, что Троцкий в этом разговоре откровенно ему сказал, что его, Троцкого, половинчатые позиции по вопросу о заключении мира — это не более, чем тактический прием, что он просто не решается открыто высказаться за позицию «левых коммунистов», то есть против заключения мира, что он является в партии человеком новым и если бы он открыто перешел на позицию «левых коммунистов», то стали бы говорить, что Троцкий вошел в партию для борьбы с Лениным.

В этой же беседе, сообщая о линии Троцкого и говоря о возможных союзниках «левых коммунистов», Бухарин касался также Зиновьева и Каменева. Он указал, что Зиновьев и Каменев по вопросу о войне и мире занимают чрезвычайно колеблющуюся позицию и за время борьбы по этому вопросу они неоднократно в частных разговорах высказывались перед Бухариным прямо за позицию «левых коммунистов». Бухарин сказал, что Зиновьев и Каменев скомпрометированы своей позицией в Октябрьские дни по вопросу об Октябрьском восстании, о социалистической революции и поэтому против Ленина открыто высказываться не решаются. Он сказал, что Зиновьев и Каменев также предполагают, подобно Бухарину и Троцкому, что политическая борьба по вопросу о войне и мире может выйти за пределы партии и что «левым коммунистам» в этом случае надо думать о союзниках, на которых они могли бы опереться. Но, как сказал Бухарин, Зиновьев и Каменев по вопросу о союзниках идут дальше Троцкого и считают, что в качестве таких союзников могли бы явиться также меньшевики и правые эсеры. Бухарин говорил о том, что Зиновьев и Каменев, даже и высказываясь за заключение мира, идут против Ленина, что они не верят в победу революции, не верят в то, что большевики удер-

жат власть, они считают неизбежной победу контрреволюции, что эта контрреволюция будет беспримесно кровавая.

Вскоре мне самой пришлось слышать от Зиновьева его мнение по этому вопросу. Это было несколько позже, уже во время VII съезда партии. Бухарин затащил меня как-то в «Асторию», к Зиновьеву. Когда мы пришли, Зиновьев начал медленно разговор о контрреволюции, о том, что она собиравшие свои силы, что нам не одобровать. Бухарин перевел разговор вопрос о заключении мира. Зиновьев подхватил эту тему и изложил примерно следующее: «Ну, что же, заключение мира может осуществить исторически неизбежную и неумолимо надвигающуюся контрреволюцию более мирными средствами, с меньшим кровопусканием. После заключения мира Советской властью самой придется под совместным давлением немцев и внутренней контрреволюции идти на уступки и, в частности, включать в состав правительства другие партии. Он говорил, что вообще заключение мира с немцами лишнее раз докажет правоту Зиновьева и Каменева, правильность их точки зрения о том, что социалистическая революция не созрела. После заключения мира немцы, опираясь на силы внутренней контрреволюции, перевернут революцию на буржуазно-демократические рельсы и похитят ликвидировать Октябрьский переворот».

Я тогда спросила Зиновьева с большим удивлением: стал ли он за заключение мира с немцами именно поэтому? Он смутился и заявил: «Конечно, нет, я только считаю, что, в случае, если силы революции будут недостаточны и контрреволюция неизбежна, то немцы и заключение мира с немцами могут сыграть положительную роль». Таким образом, позиция Зиновьева в вопросе о мире действительно оказалась не имеющей ничего общего с позицией Ленина, позиция Зиновьева была несквозь капитулянтской, и в сущности, у меня получилось такое впечатление, что он мечтал о мире, как об одном из способов ликвидации социалистической революции.

Вышинский. Какое отношение имел Бухарин к этому вопросу?

Яковлева. Когда мы вышли оттуда, Бухарин мне сказал: «Зиновьев стесняется, ты ему задаешь такие нескладные, не делимые вопросы; все-таки он сказал достаточно для характеристики своей позиции». Я ему сказала, что Зиновьев сказал больше чем достаточно. Но я никак не могу понять, почему Бухарин говорил о Зиновьеве и Каменеве как о союзниках «левых коммунистов», как о людях, которых он рассчитывает перетянуть свою сторону, что, с моей точки зрения, нам капитулянты нужны. Бухарин мне сказал на это, что я, Яковлева, не умею смотреть вдаль.

Вышинский. Что это означало?

Яковлева. Я тогда не придавала этому значения, но позже я поняла, что это означает: если вы выйдете за пределы партии, то пригодятся и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев, и что именно поэтому и велись разговоры на темы о союзниках, к

горых должны будут иметь в виду «левые коммунисты», в случае, если они потерпят поражение в партии.

Вышинский. Независимо от того, что эти союзники представляют собою?

Яковлева. Да.

Вышинский. Продолжайте.

Яковлева. То, что я могу еще рассказать о нелегальной деятельности группы «левых коммунистов», относится к несколько более позднему периоду, примерно, к концу апреля или к маю. В то время уже было совершенно ясно, что в партии «левые коммунисты» потерпели жестокое поражение. Это показал VII съезд партии, это показала позиция большинства местных организаций после VII съезда партии, это, наконец, показало и само отношение населения и партийных кругов к заключенному в то время миру. В конце апреля, а может быть в начале мая — я уж не могу точно сказать — было нелегальное заседание, частное нелегальное совещание группы «левых коммунистов».

Насколько мне помнится, там присутствовали: Пятаков, Преображенский, Бухарин, Стуков, Лобов, Максимовский, Манцев, Кизельштейн и я. На этом совещании Бухарин сделал доклад. Он указал, что «левые коммунисты» в партии потерпели поражение, но что это не снимает вопроса о «губительных» последствиях Брестского мира, что «левым коммунистам» не следует слагать оружия, что нужно искать союзников вне партии, такими союзниками являются «левые» эсеры, их позиция по вопросу о войне и мире в это время совершенно определилась. В связи с заключением мира они вышли из состава правительства. Состоялся их второй съезд, который одобрил выход «левых» эсеров из правительства и их позицию против заключения мира. Бухарин сообщил на этом совещании, что «левые» эсеры еще в феврале затевали переговоры с «левыми коммунистами» о совместном формировании правительства, и он считал бы поэтому целесообразным вступить опять с «левыми» эсерами в переговоры о совместном с ними формировании правительства.

Нужно сказать, что в ходе своего доклада Бухарин опять развивал те же мысли о перспективах борьбы по вопросу о мире, которые были изложены в свое время Стуковым и о которых он мне говорил во время той беседы, которую я уже изложила сегодня. Он говорил о возможности чрезвычайно агрессивных форм, о том, что теперь уже совершенно ясно стоял вопрос о самом правительстве и о формировании его из «левых коммунистов» и «левых» эсеров, что в ходе борьбы за это может встать вопрос и об аресте руководящей группы правительства в лице Ленина, Сталина и Свердлова, а в случае дальнейшего обострения борьбы возможно и физическое уничтожение наиболее решительной руководящей части Советского правительства. Совещание приняло предложение Бухарина о том, чтобы вести переговоры с «левыми» эсерами о совместном формировании правительства, выяснить их точку зрения. Высказались за то, чтобы такие переговоры провели Бухарин и Пятаков.

Через некоторое время, очень скоро, опять было созвано вещание, примерно, в том же самом составе.

На втором совещании Бухарин сообщил, что переговоры стоялись, что они вели эти переговоры с Камковым, Карелин и Прошьяном, что «левые» эсеры согласились на совместные «левыми коммунистами» формирование правительства, наметили на то, что у них имеется уже конкретно разработанный план захвата власти и ареста правительства и что они выставили определенные условия, чтобы «левые коммунисты» приняли участие в организационной подготовке захвата власти и смены правительства.

Бухарин предложил дать «левым» эсерам принципиальное согласие на такое участие в организационной подготовке и перейти на этой основе переговоры с ними дальше. Совещание пересоединилось к точке зрения Бухарина и высказалось за то, чтобы переговоры вести дальше на указанной основе. Через несколько дней после этого совещания состоялась московская областная конференция и на ней «левые коммунисты» снова были совершенно разбиты, областное бюро было распущено, и «левые коммунисты» потеряли организационную силу, организационную базу и вообще перестали представлять из себя какую-либо организационную силу.

Это все, что мне известно о нелегальной деятельности «левых коммунистов».

Вышинский. Следовательно, судя по вашим показаниям, утверждаете, что в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией в период заключения Брестского мира существовал антисоветский заговор в составе Бухарина и его групп так называемых «левых коммунистов», Троцкого и его групп и «левых» эсеров?

Яковлева. Заговор с «левыми» эсерами несомненно имел место, поскольку с ними велись совершенно конкретные переговоры.

Вышинский. А роль Бухарина в этом деле?

Яковлева. Я сообщила, что Бухарин сам предлагал вести переговоры и что он вместе с Пятаковым эти переговоры в

Вышинский. Значит, его роль была совершенно практически как руководителя этого заговора?

Яковлева. Да.

Вышинский. Вы это подтверждаете?

Яковлева. Подтверждаю.

Вышинский. Кроме того, вы подтверждаете, что Бухарин говорил вам о неизбежности в ходе борьбы не останавливаться перед арестом руководителей партии и правительства?

Яковлева. Он говорил, что в ходе борьбы может так случиться, что перед этим останавливаться не приходится.

Вышинский. Вы указывали, что имелись в виду именно Ленин, Сталин и Свердлов?

Яковлева. Да, эти фамилии называл Стуков.

Вышинский. А Бухарин называл?

Яковлева. Это же я слышала от Бухарина.

Вышинский. Вы подтверждаете перед судом, что Бухарин вам тоже говорил о политической целесообразности и необходимости убийства Ленина, как главы Советского государства, Сталина и Свердлова, как руководителей партии и правительства?

Яковлева. Бухарин говорил об этом. Конечно, он говорил об этом вскользь, оболлакивал это дело рядом путанных и ненужных теоретических рассуждений, как это вообще любит делать Бухарин; он, как в кокон, заворачивал эту мысль в сумму иностранных рассуждений, но он это говорил.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы были организатором и руководителем так называемой группы «левых коммунистов» в 1918 году?

Бухарин. Я был одним из организаторов.

Вышинский. Об аресте Ленина, Сталина и Свердлова вы открыто говорили?

Бухарин. Об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении. Это было в период не до Брестского мира, а после. В этот период у меня был один разговор с Пятаковым, когда явились Карелин и Камков и заявили, что они предлагают составить новое правительство...

Вышинский. Когда это было?

Бухарин. Это было до Брестского мира. Они предложили составить правительство путем ареста Ленина на 24 часа.

Вышинский. Значит, мы можем сказать, что до заключения Брестского мира у вас был разговор с «левыми» эсерами Карелиным и Камковым о том, чтобы сформировать новое правительство, то есть предварительно свергнуть правительство во главе с Лениным?

Бухарин. Разговор был.

Вышинский. Об аресте Ленина?

Бухарин. Это эсеры говорили.

Вышинский. По-вашему, эсеры говорили об аресте Ленина, а свидетельница Яковлева утверждает, что об аресте Ленина говорил и Бухарин.

Бухарин. Она путает с этим другой вопрос, она утверждает, что разговор был до заключения Брестского мира.

Вышинский. Я спрашиваю: до заключения Брестского мира был разговор с эсерами о том, чтобы арестовать Ленина?

Бухарин. Да.

Вышинский. А после заключения Брестского мира тоже был разговор?

Бухарин. Был.

Вышинский. О чем?

Бухарин. О политическом контакте.

Вышинский. А об аресте?

Бухарин. И об аресте этой тройки, о которой говорила Яковлева.

Вышинский. Кого именно?

Бухарин. Ленина, Сталина и Свердлова.

Вышинский. Также на 24 часа?

Бухарин. Тогда эта формула не употреблялась.

Вышинский. А как арестовать, для чего?

Бухарин. Для того, чтобы составить новое правительство.

Вышинский. А с арестованными что сделать?

Бухарин. Разговора о физическом уничтожении не было.

Вышинский. Когда свергают правительство и арестовывают его, применяют насильственные способы?

Бухарин. Да.

Вышинский. Вы имели в виду при аресте применить насильственные способы? Правильно это или нет?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Но насильственные способы в чем заключаются? Вы точно установили это?

Бухарин. Нет, не установили.

Вышинский. Значит, решили так, как позволят и прикажут обстоятельства?

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вышинский. А обстоятельства могут приказывать действовать очень решительно?

Бухарин. Да.

Вышинский. Устанавливаем пока то, что бесспорно: до Брестского мира — разговор об аресте Владимира Ильича Лени после Брестского мира — разговор об аресте Ленина, Сталина Свердлова и насильственное свержение правительства. Правильно это? Свидетельница Яковлева, что вы об этом скажете? Бухарин говорит правду?

Яковлева. Он говорил о том, что возможность физического уничтожения, то есть убийства, не исключена.

Вышинский. У меня вопросов к Бухарину и Яковлевой нет. До вечернего заседания я прошу дать мне возможность сделать несколько замечаний.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Во-первых о заявлении, связанном с обвинением которое предъявляется подсудимым Плетневу и Левину. Я прошу предъявить это заявление защите указанных подсудимых и затем разрешить мне огласить его.

(Заявление предъявляется защите).

Коммодов. Защита не возражает против приобщения заявления к делу.

Председательствующий. Суд приобщает заявление к делу.

Вышинский. Разрешите огласить текст заявления:

«Прокурору Союза ССР

тов. Вышинскому

Ознакомившись с опубликованным 3-го марта с. г. обвинительным заключением по делу право-троцкистского заговорщического блока, считаю своим долгом довести до Вашего сведения о нижеследующем:

В качестве врача Санупра Кремля я был командирован в время последнего заболевания Алексея Максимовича Горького к нему на дачу для производства внутривенных вливаний.

Я хорошо помню, что в первые же дни болезни А. М. Горького ему давалось очень много сердечных средств, которые давались как внутрь, так и путем внутривенных вливаний и инъекций.

Так, я лично, по указанию лечащих врачей, а главным образом Л. Г. Левина, производил следующие инъекции и внутривенные вливания: дигален, кардиазол, глюкоза и глюкоза с строфантом и строфантин (кажется, немецкий).

Обращаю Ваше внимание, что эти сердечные средства давались с первых же дней заболевания А. М. Горького в больших количествах.

При очередном вливании строфантина я высказал доктору Л. Г. Левину свое сомнение в правильности применения строфантина, который во мне вызывал опасение, применения которого я боялся. Характерно, что Левин сразу же после этого прекратил дальнейшее вливание строфантина. Это тем более знаменательно, что я не являюсь специалистом терапевтом, и с этой точки зрения мое мнение не могло представлять для доктора Л. Г. Левина, при нормальном положении вещей, особого значения.

Необходимо также отметить, что впрыскивание строфантина (внутривенное) производилось одновременно с дигаленом (на протяжении этого отрезка времени).

Приблизительно за 10 дней до смерти А. М. Горького, профессор Плетнев, приехавший на дачу Горького для консультации, увидев, что я приготавливал очередное вливание (не помню, какое именно), цинично заявил мне: «зачем Вы это делаете, надо дать больному в таком состоянии спокойно умереть».

Об этом заявлении Плетнева я тогда же сообщил доктору Левину, который заявил, что вливание надо продолжать.

Все изложенное, в случае необходимости, я смогу подтвердить Вам на суде и за правильность изложенного отвечаю.

Доктор М. Ю. Белостоцкий».

Вышинский. Я ходатайствую перед судом о вызове для дачи показаний в качестве свидетеля доктора Белостоцкого.

Одновременно прошу, для выяснения обстоятельств, связанных с умерщвлением Алексея Максимовича Горького, товарищей Менжинского, Куйбышева, сына Горького — Максима Алексеича Пешкова и покушением на жизнь товарища Николая Ивановича Ежова, о назначении медицинской экспертизы в следующем составе:

1. Заслуженный деятель науки, профессор Николай Адольфович Шерешевский.

2. Заслуженный деятель науки, профессор Дмитрий Александрович Бурмин.

3. Профессор Владимир Никитич Виноградов.

4. Профессор Дмитрий Михайлович Российский.

5. Доктор медицинских наук Владимир Дмитриевич Зипалов.

В случае удовлетворения моего ходатайства о назначении ме-

дицинской экспертизы и в данном составе, разрешите к вечеру заседанию представить вопросы к экспертизе.

Председательствующий. Защита не возражает против вызова свидетеля и назначения экспертизы?

Коммодов. Защита против вызова свидетеля и против вызова экспертизы не возражает.

Председательствующий. Суд удовлетворил ходатайство Прокурора Союза ССР товарища Вышинского о вызове в качестве свидетеля доктора Белостоцкого Максимилиана Юлиановича, также о вызове экспертизы в числе пяти человек, названных Прокурором товарищем Вышинским.

На этом утреннее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв до 18 часов.

Вечернее заседание 7 марта

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЯКОВЛЕВОЙ В. Н.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, вы имеете вопросы к свидетелю Яковлевой?

Бухарин. Да. Я спрашиваю свидетеля Яковлеву, известно ли ей, что я первый опубликовал разговор с Камковым и Карелиным во время борьбы против Троцкого?

Яковлева. Мне это известно, но мне известно также и то обстоятельство, что, когда Бухарин, в разгар борьбы партии с Троцким, сообщил об этом обстоятельстве, он не договорил до конца. У него нехватило мужества открыть всю завесу, и он приподнял только ее ничтожный краешек.

Вышинский. У меня вопрос к свидетельнице Яковлевой. Что, по вашему мнению, скрыл Бухарин, о чем он умолчал?

Яковлева. Он умолчал о том, что заговор «левых коммунистов» с «левыми» эсерами имел место, что он был организован при непосредственном активном руководящем участии самого Бухарина.

Вышинский (к Бухарину). Верно ли, что вы были одним из организаторов заговора против Советской власти, то есть заговора «левых коммунистов» и «левых» эсеров?

Бухарин. Да. Был такой момент, когда я был участником переговоров заговорщического порядка, производившихся через Пятакова.

Вышинский. Этот «один момент» сколько времени продолжался?

Бухарин. Он продолжался сравнительно недолго, думаю, что около нескольких месяцев.

Вышинский. С кем вы конкретно вели переговоры о заговоре?

Бухарин. Я признаю два криминальных разговора. Первый разговор — с Карелиным, Пятаковым, Камковым до Брестского мира.

Вышинский. Вы считаете этот разговор криминальным?

Бухарин. Да, считаю. Другой криминальный разговор был с Пятаковым, которому было поручено вести переговоры такого же порядка с группой «левых» эсеров с Камковым, Карелиным, еще с кем-то.

Вышинский. Разрешите мне огласить том 4, лист дела 92, где

Камков показывает: «Бухарин мне заявил: борьба у нас в пар против позиции Ленина по вопросу о Брестском мире приним острые формы. В наших рядах дебатировался вопрос о создани нового правительства из «левых» эсеров и «левых коммунист». При этом Бухарин назвал Пятакова, как возможного кандидате в руководители нового правительства, и заявил, что смена п вительства мыслится путем ареста его состава во главе с Лени ным».

Вот такой разговор был?

Бухарин. Не совсем такой, но вроде этого.

Вышинский. Похожий на это. Больше вопросов я не имею.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ОСИНСКОГО В. В.

Вышинский. Свидетель Осинский, что вы знаете относительно деятельности подсудимого Бухарина, связанной с его участием группе так называемых «левых коммунистов»?

Осинский. Бухарин был лидером так называемой «левой коммунистической» фракции, которая сформировалась во второй половине ноября 1917 года. Первоначально деятельность фракции шла по легальному руслу, хотя с самого начала было чрезвычайное заострение борьбы против ленинского партийного руководства. Постепенно обостряясь, борьба к февралю 1918 года получила свое выражение в той резолюции московского областного бюро, по поводу которой Ленин написал свою статью «Странно и чудовищное». Как известно, в этой резолюции московское областное бюро заявило, что в случае заключения Брестского мира Советская власть становится только формальной. Московское областное бюро заранее заявило, что не будет подчиняться директивам, исходящим от Центрального Комитета. Одновременно этим была начата и нелегальная преступная деятельность.

Относительно этой стороны деятельности «левой коммунистической» фракции, руководимой Бухариным, я получил первые сведения в начале марта 1918 года от В. Н. Яковлевой (одна из активных участниц группы «левых коммунистов»). Яковлева рассказала мне о том, что происходило в моем отсутствии, и сообщила, что было нелегальное совещание московского областного бюро и других членов группы «левых коммунистов», на котором участвовали Бухарин, Яковлева, Ломов, Манцев, Стуков и другие. На этом совещании был поставлен вопрос о том, что надо взять весьма резкую активную линию против ленинского партийного и советского руководства, установку на захват власти, свержение и арест правительства Ленина. Яковлева констатировала, что Бухарин склоняется к мысли о том, что является необходимостью при аресте в физическом устранении или, чтобы сказать яснее, — уничтожении Ленина, Сталина и Свердлова, как трех виднейших партийных и советских вождей, как людей, наиболее последовательно борющихся за заключение Брестского мира, и наиболее опасных противников «левых коммунистов».

Одновременно с этим было внесено предложение о заключе

нии блока с «левыми» эсерами и о том, чтобы повести в этом направлении переговоры с «левыми» эсерами. Эти переговоры должны были вести, с одной стороны, Стуков и Бухарин, а с другой, — «левые» эсеры Камков, Карелин и Прошьян. Тогда же было решено готовить московскую областную организацию к соответствующим выступлениям для захвата власти и ареста правительства. Момент выступления предполагалось приурочить к приезду правительства в Москву, ибо в Москве находилась главная цитадель «левых коммунистов» — московское областное бюро, которое было в наших руках.

Я пришел к выводу, что мне надо спросить об этом самого Бухарина. Разговор наш состоялся через пару дней. Я поставил Бухарину вопрос: точно ли мне Яковлева передала те решения, которые были приняты узким составом областного бюро, согласно его, Бухарина, установке. Бухарин подтвердил, что Яковлева изложила мне точно, и что он с этим решением согласен, что он предпринимает уже шаги к тому, чтобы подвести более широкий базис под намеченный план. Он дал мне обзор и характеристику тех политических группировок как внутри партии, так и вне партии, которые могут быть привлечены к этому блоку. Прежде всего, он в этой связи говорил относительно Зиновьева, Каменева и их окружения и ставил вопрос следующим образом: с первого взгляда может казаться, что Зиновьев и Каменев для привлечения в такой блок — неподходящие партнеры, потому что Зиновьев в настоящее время (так оно и было) выступает на собраниях с речами, докладами и так далее за Брестский мир, но это поведение Зиновьева и Каменева является только очень искусной двойной игрой, рассчитанной прежде всего на то, чтобы восстановить доверие к себе как у партийного руководства, так и у массы членов партии, доверие, которое было чрезвычайно подорвано предоктябрьским и октябрьским штрейкбрехерством этих людей. Но это отнюдь не значит, что они оставили свои намерения вести борьбу с партийным руководством.

Они — Зиновьев, Каменев — рассматривали положение таким образом, что социалистическая революция в России не может иметь успеха, что России суждено превратиться в буржуазно-демократическое государство, отсюда они считали, что Брестский мир — это поражение ленинской политики. Для того, чтобы вести борьбу против партии, они, ввиду своей беспринципности, заключают блок с кем угодно, в том числе и с «левыми коммунистами». Поэтому они хотели переговоров, и переговоры начаты.

Бухарин констатировал, что эти люди, несмотря на безусловный ущерб их политической репутации, обладают достаточным окружением и поэтому могут оказаться в блоке достаточно веским слагаемым.

После этого Бухарин перешел к оценке позиции Троцкого и констатировал, что с Троцким, примерно, получится такое же положение, как с Зиновьевым и Каменевым. Троцкий внешне не выступает ни сторонником «левых коммунистов», ни противником Брестского мира. Он по внешности занимает промежуточную позицию — «ни мира, ни войны». Эта позиция избрана им

для прикрытия, чтобы не демонстрировать открыто, что он брется с Лениным. Он согласен вступить в блок и там окажется достаточно веским слагаемым.

Бухарин говорил о третьей силе, которая должна быть привлечена в блок, сколачиваемый «левыми коммунистами», — это эсеры, которые, разумеется, поддержат всякое мероприятие, направленное как против партийного руководства, так и против Советской власти. Поэтому в борьбе против Ленина они несомненно, окажутся союзниками.

Когда Бухарин закончил обзор этих своих предположений, которые в то время уже начали приводиться в исполнение, я ему задал вопрос: почему все-таки столь важные перемены в политике «левой коммунистической» фракции принимаются самостоятельно, и я, в частности, только сейчас узнаю о дальнейшем расширении блока. На это мне Бухарин ответил, что тут мне обижаться не на что, потому что я был в отъезде, а с другой стороны, — подобного рода соглашения и переговоры требуют глубокой конспирации, на которой настаивают, между прочим, некоторые будущие партнеры этого соглашения, в частности, Зиновьев и Каменев, потому что всякое разоблачение подобной тайны, если оно произойдет до того, как намеченный план будет осуществлен, или если этот план потерпит неудачу, — всякое разглашение этой тайны приведет к совершенно непоправимой компрометации всех участников этого дела.

Через несколько дней я имел разговор с В. Н. Яковлевой. Она сообщила, что вместе с Бухариным она имела разговор Зиновьевым, который высказался за борьбу с правительством Ленина, и что Зиновьев идет на соглашение с нами — «левыми коммунистами».

Тут же я должен отметить, что, встречаясь с Яковлевой и Ломовым, которые были членами московского областного бюро, я имел от них информацию, что и московская областная организация также готовится к тому, чтобы предпринять в соответствующий момент нужные действия. Впоследствии, в более позднее время, я снова справлялся у Бухарина по вопросу том, сформировался ли блок теперь в полном составе и закончены ли переговоры. Это было уже в конце апреля — в начале мая. Бухарин мне ответил, что блок создан, что все намечавшиеся политические группировки изъявили согласие на вхождение в блок и на этой основе объединились. В дальнейшем, однако как известно, план этот рухнул и не был приведен в исполнение, потому что в мае на конференции московской областной партийной организации «левые коммунисты» потерпели поражение: были разбиты Лениным наголову. Это привело к значительному разброду в среде «левых коммунистов». Мятеж «левых эсеров» был проведен в осуществление плана, намеченного нами, «левыми коммунистами», но он был подавлен. Этот мятеж был как раз одним из результатов проведения в жизнь тех установок, которые были приняты «левыми коммунистами» еще в конце февраля 1918 года.

Вышинский. Значит, вы утверждаете, что мятеж «левых» эсе

ров в июле 1918 года был осуществлен «левыми» эсерами в соответствии с установками, которые были выработаны «левыми коммунистами»? Чьи это установки были?

Осинский. Установки блока.

Вышинский. Какого?

Осинский. Блока, состоящего из «левых» эсеров, «левых коммунистов», зиновьевцев, троцкистов. В план этого блока входил прежде всего захват власти. А для этого нужно было вооруженное выступление.

Вышинский. И вот это вооруженное выступление «левые» эсеры и осуществили в июле 1918 года?

Осинский. Совершенно несомненно.

Вышинский. Вот вы, как живой свидетель, можете разъяснить: подготовлял ли Бухарин мятеж «левых» эсеров?

Осинский. Несомненно, он идеологически его подготовлял и подготовлял его организационную сторону переговорами с «левыми» эсерами.

Вышинский. Вы, как член группы «левых коммунистов» и один из руководителей этой группы, были в курсе того, что «левые» эсеры готовят мятеж?

Осинский. Да, я был в курсе.

Вышинский. А Бухарин был в курсе этого?

Осинский. Несомненно.

Вышинский. Ибо он сам вел эти переговоры?

Осинский. Конечно.

Вышинский. А откуда вам известно, что он вел переговоры?

Осинский. Мне известно от Яковлевой и от самого Бухарина.

Вышинский. А был ли план не только ареста руководителей партии и правительства, но и убийства их?

Осинский. Несомненно, что такой план существовал в качестве руководящей основы и главной перспективы решения вопроса о том, что должно быть сделано с арестованными членами правительства.

Вышинский. Конкретно, с кем?

Осинский. С Лениным, Сталиным, Свердловым.

Вышинский. От кого вам известно намерение блока заговорщиков убить товарищей Ленина, Сталина и Свердлова в 1918 году?

Осинский. От Яковлевой, в первую очередь, затем от Бухарина.

Вышинский. Бухарин лично вам подтверждал это намерение?

Осинский. Да.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ МАНЦЕВА В. Н.

Вышинский. Свидетель Манцев, вы принимали участие в 1918 году в группе «левых коммунистов»?

Манцев. Да, принимал.

Вышинский. Роль ваша в этой группе была рядовая или руководящая?

Манцев. Руководящая.

Вышинский. Кто еще принимал наиболее активное участие этой группе?

Манцев. Центром практической работы «левых коммунист» было московское областное бюро, руководящее ядро которой состояло из «левых коммунистов» целиком. Бухарин был дером фракции «левых коммунистов».

Вышинский. Каковы были отношения между группой «ле коммунистов» и группой «левых» эсеров в то время?

Манцев. Уже в апреле после VII съезда партии и IV съездов мне стало известно, что руководством фракции «лев коммунистов» ведутся переговоры о блоке, о союзе с «левыми» эсерами в заговорщических целях по свержению Советского правительства, для совершения контрреволюционного переворота.

На одном из заседаний областного бюро, на котором присутствовали полностью почти все члены фракции «левых коммунистов» — Яковлева, я, Ломов, Максимовский, Стуков, Козельштейн и целый ряд тех, которые принимали близкое участие в руководстве деятельностью фракции, Бухарин выступил с докладом, в котором заявил, что после одобрения Брестского мира съездом партии и съездом советов остается один путь — путь восстания против Советского правительства, свержения Советского правительства.

В этом же докладе он сообщил о том, что он считает необходимым условием успешности переворота арест и, в случае необходимости, физическое уничтожение, просто говоря, — убийство руководителей партии и правительства — Ленина, Сталина и Свердлова.

Вышинский. Это вы лично слышали?

Манцев. Да, я лично слышал, также как все те, кто присутствовал на этом собрании. Затем он сообщил о том, что им ведутся, вернее, успешно заключены переговоры с «левыми» эсерами о союзе с ними. Мне, также как и тем, кто работал в руководстве фракцией, тогда уже было известно, что «левые» эсеры готовили тогда восстание против Советского правительства, также как и «левые коммунисты». Бухарин подтвердил существование союза между «левыми коммунистами» и «левыми» эсерами в целях свержения Советского правительства. Он сказал о том, что им лично велись переговоры. На этом собрании Бухарину было поручено продолжать в дальнейшем переговоры с «левыми» эсерами.

Вышинский. Скажите, это обстоятельство было отражено в протоколе?

Манцев. Это было отражено в протоколе.

Вышинский. А потом куда девался этот протокол?

Манцев. На московской областной конференции в 1918 году «левые коммунисты» потерпели поражение. Большинство конференции высказалось за линию ЦК партии. Из семи человек избранного бюро пять было сторонниками линии ЦК, линии Ленина, два были выбраны из «левых коммунистов» — это я и Ломов.

На заседании фракции «левых коммунистов», которое состоялось в конце конференции, было постановлено распустить фракцию, прекратить фракционную работу. Я должен сказать, что это было неискренне, потому что на том же заседании фракции постановили, чтобы я и Ломов отказались от участия в работах областного комитета партии, который состоял в большинстве из сторонников ЦК. После заседания фракции состоялось очень короткое летучее заседание бывших членов областного бюро «левых коммунистов», на котором присутствовали все те, о которых я говорил. На этом заседании, по предложению Бухарина, мне и Яковлевой в целях сокрытия от партии истинных позиций «левых коммунистов» по отношению к ЦК партии и правительству (а они заключались в том, что мы готовили свержение этого правительства) было поручено уничтожить ту запись в протоколе, о которой я говорил. Это и было произведено мной.

Вышинский. Уничтожили?

Манцев. Я и Яковлева в этот же вечер или ночью уничтожили этот протокол.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, что вы скажете по поводу показаний свидетеля Манцева?

Бухарин. Я должен сказать следующее: что я делал доклад на бюро московской организации, я этого не помню, но я этого и не отрицаю. Но я совершенно исключаю, чтобы я в этом своем докладе говорил в таком духе, о котором говорил Манцев. Что касается линии на насильственное ниспровержение Советского правительства, то я уже ответил, что был такой момент, когда она была, и я это признаю. Что касается того, будто бы я дал директиву относительно изъятия из протокола какого-то места, то я, во-первых, считаю, что...

Вышинский. Вы такую директиву дали?

Бухарин. Нет, я такой директивы не давал.

Вышинский. А протокол исчез.

Бухарин. Протокол исчез, это есть совершившийся факт, но я к этому не имел отношения.

Вышинский. Свидетельница Яковлева, что вы по этому поводу скажете?

Яковлева. Когда мы готовили материал областного бюро, я слышала, что Бухарин настаивает на изъятии не всего протокола, а определенного места из протокола, а именно, того места, где была изложена речь Стукова и внесенный им проект резолюции на фракционном заседании областного бюро. Мотивировалось это следующим, что сохранение этого места может разоблачить и нелегальную деятельность «левых коммунистов» и опорочить политическую позицию московского бюро. Мы с Манцевым такое изъятие, как я уже показывала, произвели.

Вышинский. Свидетель Манцев, что вы скажете?

Манцев. Я подтверждаю свое показание, которое я дал.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы подтверждаете, что у вас было намерение арестовать товарищей Ленина, Сталина и Свердлова?

Бухарин. Да, я подтверждаю, что был такой момент.

Вышинский. И кто был инициатором такого намерения, в

Бухарин. Инициатором этого намерения был Троцкий.

Вышинский. Вам это Троцкий поручил?

Бухарин. Нет, у нас не было таких отношений, чтобы он что-нибудь мне поручать.

Вышинский. Почему же вы инициативу Троцкого приняли стали осуществлять?

Бухарин. Потому что в руководящей группе «левых коммунистов» к этому плану было известное сочувствие.

Вышинский. Так что вы согласились с инициативой Троцкого, поддержали его инициативу в вопросе ареста Ленина и Свердлова потому, что сами имели подобный план?

Бухарин. Да.

Вышинский. И вы вступили по вопросу об осуществлении этого плана в переговоры с «левыми» эсерами, так?

Бухарин. Так, правильно.

Вышинский. В целях насильственного свержения...

Бухарин. В целях, как это формулировал в то время Троцкий, составления нового кабинета.

Вышинский. При этом не исключалось, разумеется, и применение насильственных мер в отношении Ленина, Сталина и Свердлова?

Бухарин. Да, если считать, что арест есть насильственная мера.

Вышинский. И кроме ареста?

Бухарин. Нет, кроме ареста, ничего. Если вы имеете в виду физическое уничтожение, то я повторяю, что по этому поводу не было никаких разговоров.

Вышинский. А что сообщил Стуков?

Бухарин. Что говорил Стуков, я не знаю.

Вышинский. Я спрашиваю, по поводу выступления Стукова с вами говорила Яковлева?

Бухарин. По-моему, не говорила.

Вышинский. Свидетельница Яковлева, вы говорили с Бухариным о выступлении Стукова?

Яковлева. Стуков мне сообщил, что он выступал по поручению Бухарина с обоснованием этого дела. В этом выступлении Стукова содержались как перспектива развития политической борьбы и арест правительства в лице Ленина, Сталина и Свердлова, и даже, в случае обострения борьбы, возможность физического уничтожения этих трех вождей партии. Я об этом общалась Бухарину, и он мне подтвердил.

Вышинский (обращаясь к Манцеву). Вы также подтверждаете, что были намерения физического уничтожения Ленина, Сталина и Свердлова?

Манцев. Да.

Вышинский. Свидетель Осинский, вы категорически подтвер-

ждаете, что вам от Бухарина было известно о предполагавшемся аресте товарищей Ленина, Сталина и Свердлова и об убийстве их?

Осинский. Я это подтверждаю. Я изложил, что узнал об этом от Яковлевой в той формулировке, которую сообщил Бухарину, и получил от него подтверждение этого.

Вышинский. Следовательно?

Осинский. Бухарин сейчас говорит неправду.

Вышинский. Вы, свидетель Яковлева, также считаете, что Бухарин говорит неправду?

Яковлева. Да, я сказала, что слышала от Бухарина о физическом уничтожении трех вождей партии.

Вышинский. Следовательно, сейчас, отрицая это, Бухарин говорит неправду?

Яковлева. Да, Бухарин не хочет сказать правду.

Вышинский. Свидетель Манцев, продолжайте.

Манцев. Разрешите мне еще остановиться относительно того, кто давал директиву о физическом уничтожении вождей партии.

Я знал о том, что кроме союза с «левыми» эсерами у «левых коммунистов» существует единомыслие с Троцким.

Вышинский. Вам пришлось быть у Троцкого и разговаривать на эту тему?

Манцев. Да, я у Троцкого был и разговаривал с ним об этом.

Вышинский. Говорил вам Троцкий о необходимости убийства Ленина, Сталина и Свердлова?

Манцев. Да, Троцкий об этом говорил.

Вышинский. Значит, можно сказать, что Троцкий вместе с Бухариным собирались убить Ленина, Сталина и Свердлова?

Манцев. Да, это правильно.

Вышинский. Откуда вы знали об этом плане?

Манцев. Я лично это знал от Яковлевой, от Троцкого и других.

Вышинский. Вам Бухарин говорил о том, что он сам подстрекал к убийству Ленина и Сталина?

Манцев. Это было решение.

Вышинский. Чье?

Манцев. Решение руководящего органа «левых коммунистов».

Вышинский. По инициативе?

Манцев. По инициативе Бухарина.

Вышинский. Теперь расскажите о 1919 годе.

Манцев. Осенью 1919 года я встречался с такими лицами как Кизельштейн, Максимо́вский, Бухарин. Тогда в связи с неудачами на фронте, разрухой, голодом, которые были в стране, мы склонны были в разговорах объяснять все это неправильной политикой Центрального Комитета партии, правительства и военного командования. Причем говорили о том, что в вопросах военных операций решающую роль играет Сталин, и поэтому

по адресу Сталина делался в этих разговорах ряд упреков, этот же период мне позвонили из секретариата Троцкого и его распоряжению попросили меня зайти к нему на квартиру в Кремль. Я у него был тогда же. Троцкий мне сказал, что Бухарин передал, что я сейчас являюсь противником той политики, которая ведется Центральным Комитетом партии и правительством. Он сказал, что ему известно, что сейчас ряд больших «левых коммунистов» не прочь возобновить те планы, которые они намечали в 1918 году. Троцкий сказал, характерное тогдашнее политическое положение, что положение Советской власти, вследствие неудач на фронте, разрухи, голода, катастрофического, что положение на фронте таково, что неизбежна смена Москвы, по его словам, что виновником этого всего является Сталин, который имеет решающее влияние на Ленина, что этому необходимо свержение этого правительства и образования правительства из лиц, которые согласны целиком и полностью стоять на позиции Троцкого и Бухарина. Он вначале говорил, что это с Бухариным у них согласовано.

Троцкий говорил, что залогом или необходимым условием успеха должно быть устранение Сталина. Тогда же он сказал, что хочет воспользоваться одним из конфликтов между ним и Сталиным по вопросам ведения военных операций и в одном из объездов фронта в том месте, где будет Сталин, а Сталина силами отряда или вернее личной охраны Троцкого. Помню его слова, он говорил, что в этом слышат Ленин и ЦК капитулируют.

После этого я имел также встречу с Бухариным и сказал об этом. Бухарин мне сказал, что он солидарен и в оценке положения и в том, что намечает Троцкий, целиком и полностью.

Вышинский. Следовательно, в 1919 году была сделана новая попытка организации антисоветского заговора Троцким и «вышними коммунистами»?

Манцев. Да. Вскоре после этого мне пришлось уехать из Москвы, и как развивалось это дело я не в курсе.

Вышинский. А как дело было дальше, в 1920 году что было?

Манцев. Я был тогда председателем Всеукраинской чрезвычайной комиссии и начальником Особого отдела фронта. При отъезде Сталина из Харькова я был информирован начальником ОТЧК харьковского узла о том, что обнаружены следы покушения на тот поезд и на тот вагон, в котором находился Сталин. Было заведено дело, которое было передано следователю Сакову, который являлся следователем президиума ВУЧК. Вскоре после этого приехал Троцкий. При докладе Троцкого его вагоне, я в числе прочих вещей рассказал ему об этом случае. Троцкий улыбнулся и сказал, что не стоит раздувать это дело, потому что от этого могут пострадать наши товарищи. Дело это было до конца не расследовано, отправлено в Харьковский ревтрибунал и там прекращено.

Вышинский. Следовательно, по прямому указанию кого?

Манцев. Этого я не знаю.

Вышинский. Но вы должны были расследовать дело?

Манцев. По моему указанию дело было отправлено в рев-трибунал. Дело было не доследовано.

Вышинский. Я про это и говорю. А это вы сделали после разговора с Троцким?

Манцев. Да.

Вышинский. Следовательно, по его указанию?

Манцев. Совершенно правильно.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ КАМКОВА Б. Д.

Вышинский. Скажите, свидетель Камков, вам приходилось в 1918 году вести переговоры с Бухариным по поводу взаимных и совместных действий группы «левых коммунистов» и группы «левых» эсеров?

Камков. Я припоминаю следующее. Как-то в Смольном институте меня при выходе из комнаты, по направлению, кажется, к залу заседания Президиума ЦИК, нагнал Бухарин. Он был еще с кем-то. С кем, припомнить не могу. Со мной тоже был товарищ, «левый» эсер, тоже не могу припомнить сейчас, кто это был. Здесь Бухарин меня остановил и сказал приблизительно следующее: положение в партии большевиков, в связи с отношением к Брестскому миру, осложняется и приняло довольно острые формы. У нас, — сказал он, — дебатировался вопрос о возможности создания антибрестского правительства из «левых коммунистов» и «левых» эсеров во главе...

Вышинский. Во главе с кем?

Камков. Здесь было произнесено имя Пятакова, как возможного председателя этого нового правительства. Здесь же на мой вопрос, как это практически мыслится осуществить, и была произнесена затем много раз повторявшаяся после выступления Бухарина в 1924 году в печати фраза об аресте Ленина.

Вышинский. Эту фразу вы произнесли или он произнес?

Камков. Что касается вопроса о том, кто это произнес, я могу сказать следующее.

Самый факт нашего разговора был впервые обнародован Бухариным. И я должен сказать, что уже в 1924 году я был крайне поражен, когда прочел в газетах всю эту историю. Меня удивило, что вопрос был поставлен вверх ногами, что слова, произнесенные Бухариным, были приписаны мне.

Не мною, а Бухариным были произнесены эти слова. Что касается того, на чьей стороне здесь правда, поскольку дата нашего разговора отделена от сегодняшнего дня 20 годами, я должен сказать, что не только фактически дело было так, как совершенно ясно помню, но иначе и быть не могло по следующим соображениям. Для того чтобы мне сделать члену Центрального Комитета партии большевиков предложение о составе правительства без Ленина, предложив арестовать Ленина, для этого я должен был иметь какие-то полномочия. С другой стороны, у меня должна была быть твердая уверенность, что это станет завтра же известно Центральному Комитету партии

большевиков в целом, и что отсюда вытекает целый ряд сам неблагоприятных для нас последствий. И вот, исходя из фактического положения вещей, как я твердо помню, исходя из того что меня никто на такой разговор и на такое предложение уполномочивал, я самостийно выступить перед членом Центрального Комитета большевистской партии не мог.

Резюмируя эту часть своих показаний, я должен сказать, что я твердо стою на своей позиции и не ошибаюсь, что предложение об аресте Ленина было сделано Бухариным.

Вышинский. У вас был тогда контакт с «левыми коммунистами» по борьбе с Советской властью?

Камков. Партия «левых» эсеров организовалась и отпочковалась от партии эсеров. Когда Ленин предложил заключить сепаратный мир с Германией, мир, который он сам назвал похвальным, — мир с контрибуциями, с аннексиями, — нам это казал совершенно неприемлемым.

Вышинский. Что вы предприняли для того, чтобы сорвать этот мир?

Камков. Мы прилагали все усилия, чтобы сделать этот невозможным. Но, будучи партией только слагавшейся, еще не окрепшей, мы на этом остановились бы, так далеко не пошли, если бы параллельно с этим не было налицо другого явления, которое нас крайне обнадеживало.

Вышинский. Что же вас обнадеживало?

Камков. Это наличие группы «левых коммунистов». И вот в связи с этим мы, конечно, искали все время тот или иной контакт с «левыми коммунистами». Искали контакт для возможности совместной борьбы против Брестского мира.

Вышинский. Было ли достигнуто соглашение с «левыми коммунистами» о борьбе против Советского правительства, возглавляемого Владимиром Ильичом Лениным?

Камков. Такое соглашение было достигнуто.

Вышинский. Не являлся ли «лево»-эсеровский мятеж в 1918 году развитием этого соглашения?

Камков. Если бы мы были изолированы вообще, мы бы, «левые» эсеры, так далеко не пошли.

Вышинский. Вы пошли на мятеж, рассчитывая...

Камков. На помощь «левых коммунистов».

Вышинский. «Левые коммунисты» были в курсе июльского мятежа?

Камков. Да.

Вышинский. Полностью?

Камков. Полностью, как я показал на предварительных следствии, согласно той информации, которую я получил от Карелина.

Вышинский. Был ли, в частности, Бухарин, как руководитель «левых коммунистов», в курсе того, что готовится мятеж эсеров, который и разразился в июле 1918 года?

Камков. Согласно информации Карелина, он был в курсе.

Вышинский. У меня вопросов нет.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ КАРЕЛИНА В. А.

Вышинский. Свидетель Карелин, вам приходилось в 1918 году, будучи членом ЦК партии «левых» эсеров, вести переговоры с Бухариным?

Карелин. Да, приходилось.

Вышинский. Можете сказать, где, когда, по какому поводу вы с Бухариным встречались? И, во-вторых, в чем заключалось содержание ваших разговоров во время этих встреч?

Карелин. В качестве члена ЦК партии «левых» эсеров я встретился первый раз с Бухариным во второй половине ноября 1917 года. Тогда Бухарин приехал из Москвы в Петроград для того, чтобы на заседании ВЦИК делать отчет об Октябрьском восстании в Москве. В эти дни мне и пришлось вести разговор с Бухариным относительно позиции группы «левых коммунистов», которая нас тогда очень интересовала. Мы выяснили тогда, я говорю мы, потому что несколько лиц из ЦК партии «левых» эсеров вели эти переговоры...

Вышинский. Кто это — «мы»?

Карелин. Камков, Прошьян и я. Нам были поручены ЦК такого рода переговоры. В этом разговоре Бухарин занял совершенно определенную позицию. Мне запомнилась фраза его относительно того, что группа «левых коммунистов», — тогда это отождествлялось организационно с московским областным бюро коммунистов, — возьмет под свой контроль действия ЦК Коммунистической партии. Это говорилось в том смысле, что будет обеспечена линия на срыв мирных переговоров. Этот вопрос как раз и интересовал нас — «левых» эсеров. В декабре эти переговоры уже были сильно заострены на чисто практическом вопросе. Ведь тогда как раз велись переговоры в Бресте. Мы знали, и в частности, по той информации, которая давалась Прошьяном, о том, что в ЦК Коммунистической партии чрезвычайно усилились разногласия. Мы знали, что Троцким выдвинута была тогда формула, что мира не заключаем и войны не ведем.

Вышинский. Как сложился блок «левых» эсеров с «левыми коммунистами»?

Карелин. Блок этот можно было считать заключенным уже в декабре 1917 года. В январе ЦК «левых» эсеров проявил определенную инициативу не только в переговорах, ведшихся с Бухариным, но и с рядом других лиц. Переговоры велись с Пятаковым, с Радеком, а с нашей стороны вели переговоры Натансон, Камков, я и Прошьян. Об этих переговорах все мы отчитались на ЦК «левых» эсеров. Известно было из этих переговоров, что позиция «левых коммунистов» в этот период определялась чрезвычайно резко и была позицией замены правительства. В переговорах, которые велись в период февраля «левыми коммунистами», подчеркивалась снова та же самая мысль относительно необходимости свержения Советского правительства и замены его новым. Мыслилось коалиционное правительство в составе «левых» эсеров и «левых коммунистов». В этих переговорах позиция Бухарина сводилась к тому, что их группа считает необ-

ходимым выждать результатов VII партийного съезда. См. этой выжидательной позиции заключался в том, что «ле. коммунисты», в лице Бухарина, рассчитывали, что им удаст. завоевать большинство на VII партийном съезде. Таким об. зом, выступление было отсрочено до выяснения результ. VII партийного съезда, хотя в этот период позиция Бухари. была совершенно четкой, и в той информации, которую дав Прошьян на заседании ЦК «левых» эсеров, говорилось, что Бухарин стоит на точке зрения свержения Советской власти, и останавливаясь даже перед физическим уничтожением вождя Советского правительства и партии.

Вышинский. То есть не останавливаясь перед убийством р ковоидителей партии и правительства?

Карелин. Ну да, перед физическим уничтожением или уби ством.

Вышинский. Кого именно?

Карелин. Говорилось о вождях и говорилось персонально с носительно Ленина, Сталина и Свердлова.

Вышинский. Об этом вас информировал кто?

Карелин. Прошьян.

Вышинский. А вы лично с Бухариным об этом говорил

Карелин. Да, у нас был разговор на эту тему. Речь идет разговоре, бывшем у меня с Бухариным после окончания за. дания Всероссийского Центрального Исполнительного Комит. в апреле 1918 года. На этом заседании Владимир Ильич Лени. делал известный доклад «Об очередных задачах Советской вл. сти». По поручению Центрального Комитета партии «левых» э. ров на этом заседании я выступил с очень резкой речью, в к. торой заострил вопрос на тех пунктах, которые тактически б. согласованы между «левыми» эсерами и «левыми коммунистами»

Вышинский. Значит, вы выступали против Ленина по предв. рительному соглашению «левых коммунистов» с «левыми» э. рами?

Карелин. Да, по предварительному соглашению «левых ко. мунистов» и «левых» эсеров, хотя не именно по данному выступ. лению...

Вышинский. Говорил ли вам Бухарин при этой встрече о том что необходимо прибегнуть к физическому уничтожению Ленина Сталина и Свердлова?

Карелин. Он говорил о том, что необходимо предпринять прямое действие, не останавливаясь перед физическим уничт. жением.

Вышинский. Скажите, «лево»-эсеровский мятеж был произв. ден вами в результате предварительных переговоров по это. поводу с «левыми коммунистами»?

Карелин. «Лево»-эсеровский мятеж, происшедший в начал. июля 1918 года, явился результатом прямой инициативы ЦК «л. вых» эсеров, причем считались установившимися отношени. блока между «левыми коммунистами» и «левыми» эсерами.

В конце июня 1918 года, когда все диспозиции были даны когда в конце концов был выработан четкий организационны

план, разработанный «лево»-эсеровским ЦК, я в последней декаде июня в 1-м доме советов вел переговоры с Бухариным.

Вышинский. О чем?

Карелин. Относительно предстоящего выступления.

Вышинский. Говорили о предстоящем мятеже «левых» эсеров?

Карелин. Конкретно в данном случае не говорилось, когда будет это выступление, не упоминалось числа. Но в этом разговоре Бухарин ссылался на те переговоры, которые у него в этот же период времени шли с Прошьяном, о которых Прошьян докладывал ЦК «левых» эсеров. В частности, в организационный план «лево»-эсеровского мятежа входило, как первое звено, — террористический акт против германского посла Мирбаха.

Прошьян говорил о том, что при разговоре с Бухариным последний сказал, что этот план срыва мира и этот акт убийства Мирбаха вообще эффектен и эффективен.

Вышинский. Бухарин говорил о том, что убийство посла...

Карелин. Террористический акт против германского посла Мирбаха является эффектным и эффективным шагом для срыва Брестского мира.

Вышинский. Имело ли какое-нибудь отношение к плану убийства Ленина, Сталина и Свердлова покушение на Владимира Ильича Ленина эсеровской террористкой Каплан 30 августа 1918 года?

Карелин. Да. В результате июльского мятежа «левых» эсеров было то, что «левые» эсеры чрезвычайно быстро пошли по пути установления организационного контакта с правыми эсерами.

И вот, в этот период Прошьян, который ведал делами боевой организации «левых» эсеров, ссылался в докладе ЦК партии «левых» эсеров на то, что со стороны Бухарина настойчивость, проявлявшаяся ранее по вопросу относительно террористического акта, чрезвычайно усилилась и, должен сказать, что ЦК «левых» эсеров, хотя это в течение почти 20 лет было под спудом и завуалировано, конечно, был определенно в курсе этих событий.

Вышинский. Значит, ЦК партии «левых» эсеров был в курсе подготавливавшегося убийства Ленина?

Карелин. Да.

Вышинский. А Бухарин при чем тут?

Карелин. Бухарин, по сообщению Прошьяна, ведшего с ним переговоры, носившие официальный характер, форсировал вопрос о совершении террористического акта. Группа «левых коммунистов», будучи разгромленной, стала на точку зрения прямой борьбы, не останавливаясь перед самыми решительными средствами, вплоть до террористических актов.

Вышинский. Так что вы подтверждаете, что подготавливавшееся правыми и «левыми» эсерами покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина было организовано совместно с Бухариным?

Карелин. С «левыми коммунистами». Бухарина мы рассматривали как лидера «левых коммунистов».

Вышинский. На предварительном следствии вы говорили, что

20 лет скрывался от советского народа тот факт, что вы совместно с правыми эсерами, по настоянию Бухарина, пытались убить Ленина. Вы это подтверждаете?

Карелин. Я подтверждаю, что настоящие со стороны Бухарина как лидера группы «левых коммунистов», было. Эти настоящие играли очень большую роль при осуществлении всего этого преступления.

Вышинский (к суду). Позвольте задать вопрос Осинскому. Свидетель Осинский, скажите, пожалуйста, какие у вас имеются данные о причастности Бухарина к покушению на жизнь Владимира Ильича Ленина в 1918 году?

Осинский. В конце 1918 года у нас со Стуковым зашел разговор о состоянии Ленина после его ранения террористкой Клан. Стуков по этому поводу сказал следующее: а знаете ли вы, что выстрел Каплан является не только результатом директив данной ЦК партии правых эсеров, но также прямым результатом тех мероприятий, которые были в свое время намечены бы ком для свержения правительства, и в частности установки умерщвления вождей правительства.

Вышинский. Следовательно, вам Стуков говорил о том, что выстрел правой эсерки Каплан в Ленина являлся результатом тех установок и тех организационных мероприятий, которые в свое время были разработаны, приняты и проведены — кем?

Осинский. Блоком.

Вышинский. Каким?

Осинский. Начиная от «левых коммунистов» и кончая «левыми» эсерами.

Вышинский. И Бухарин здесь выступал как руководитель группы «левых коммунистов»?

Осинский. Совершенно правильно.

Председательствующий приглашает вызванных по ходатайству Прокурора экспертов — профессора Н. А. Шерешевского, профессора Д. А. Бурмина, профессора В. Н. Виноградова, профессора Д. М. Российского, доктора медицинских наук В. Д. Зипалова — занять пригласительные места.

Прокурор тов. Вышинский формулирует вопросы к медицинской экспертизе. Эти вопросы имеют целью выяснить постановку и организацию злодейского умерщвления А. М. Горького, В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского и М. А. Пешкова (сына А. М. Горького), а также обстоятельства покушения, совершенного обвиняемыми Ягодой и Булановым на жизнь тов. Н. И. Ежова.

На этом вечернее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв до 11 часов 8 марта.

Утреннее заседание 8 марта

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ЛЕВИНА

Председательствующий. Подсудимый Левин, показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Левин. Подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Левин, расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Ягодой и каковы были результаты вашей близости к Ягоде?

Левин. С Ягодой знакомство началось у меня еще с начала 20-х годов. Я лечил покойного Дзержинского, Менжинского. Встречался от поры до времени с Ягодой и оказывал ему медицинскую помощь. Более частые встречи с ним стали устанавливаться у меня, примерно, с 1928 года, в связи с переездом в Москву Алексея Максимовича Горького.

Всем известно, что Алексей Максимович Горький с молодых лет болел туберкулезом в очень тяжелой форме. Он жил ряд лет, и до революции и после революции с 1921 года, в Италии. С 1928 года он приезжал в Москву на летние месяцы, когда климатические условия под Москвой для легочных и сердечных больных были относительно благоприятными.

Во время приездов в Москву я, как постоянный врач Алексея Максимовича Горького, бывал у него чрезвычайно часто. Он жил за городом, под Москвой. Я оставался у него на ночь даже в тех случаях, когда не было ничего экстренного. Одновременно в этом доме также часто бывал Ягода. Там мы часто встречались. Установились не отношения случайного врача и больного, а отношения знакомых людей.

В то же время участвовали и мои посещения Ягоды у него на дому или на даче. Таким образом устанавливалось все более близкое знакомство.

Нужно сказать, что Ягода относился ко мне очень хорошо, проявляя разные признаки внимания. Эти признаки внимания с его стороны мне льстили.

Вышинский. В чем выражалось это внимание?

Левин. Ну, например, у него были прекрасные цветы, оранжерея, и он посылал мне цветы, посылал очень хорошее французское вино. Один раз он сделал мне весьма ценный для меня подарок: предоставил мне в собственность дачу в подмосковной местности, где я и проживал в течение 5—6 лет в летние месяцы со своей семьей.

Вышинский. Оказывал Ягода вам содействие в ваших по-
ках за границу, устраняя различные таможенные формаль-
сти?

Левин. Да, он давал знать на таможную, что меня можно про-
пустить из-за границы без осмотра.

Вышинский. И долго так продолжалось?

Левин. С первой моей поездки к Алексею Максимовичу
1928 или 1929 году и до последнего времени.

Вышинский. Вы понимали, что вы пользовались грубым на-
рушением советских законов и шли на это беззаконие из-за
рыстных целей?

Левин. Да, я понимал.

В 1932 году Алексей Максимович решил совсем переехать
Москву со всей своей семьей. В составе семьи был его сын Ми-
ша Алексеевич Пешков. В начале 1933 года, зимой, во время
одного из моих посещений Ягоды, во время прогулки у него
на даче, он начал со мной разговор, к которому несколько раз
потом возвращался, разговор относительно сына Алексея Макси-
мовича — Максима Алексеевича Пешкова.

Во время одной такой беседы он и сказал мне: видите, Макс,
как он его называл, не только никчемный человек, но и
оказывает на отца вредное влияние. Отец его любит, а он, по-
лузая этим, создает нежелательное и вредное окружение в до-
ме у Алексея Максимовича. Его необходимо убрать. Нужно сдел-
ать так, чтобы он погиб.

Вышинский. То есть?

Левин. Добиться его смерти.

Вышинский. Значит, его убить?

Левин. Конечно.

Вышинский. И Ягода предложил вам осуществить это дел-

Левин. Он сказал: «вы должны нам в этом помочь. Учти-
те, что не повиноваться мне вы не можете, вы от меня не уйдете.
Вы обдумайте, как можете сделать, кого можете привлечь к э-
тому. Через несколько дней я вызову вас».

Он еще раз повторил, что невыполнение этого грозит ги-
белью и мне и моей семье. Я считал, что у меня нет другого вы-
хода, я должен ему покориться.

Вышинский. Пробовали вы протестовать, сказать кому-ни-
будь об этом, сообщить?

Левин. Нет, не пробовал. Я никому не сказал и принял ре-
шение. Приняв решение, приехал к нему. Ягода сказал мне: «Вы
одному, вероятно, это трудно будет сделать. Кого вы думаете
привлечь к этому делу?» Я ему ответил, что вообще ввести
нового врача в дом Алексея Максимовича очень трудно, — там
его не любили. Но есть один врач, который все-таки бывал
Максима Алексеевича во время одного из моих отпусков, это
доктор А. И. Виноградов из санчасти ОГПУ. Его хорошо зна-
л Крючков. Виноградов был направлен им, если не ошиба-
юсь (Крючков был постоянным секретарем Алексея Максимовича)
сказал, что его надо будет обязательно к этому делу привлечь.
Затем еще я говорил, что если бы нужен был еще кто-нибудь

консультантов, то единственный консультант, который в этом доме бывал, это профессор Дмитрий Дмитриевич Плетнев. Так шел 1933-й год. Он меня торопил.

Вышинский. Кто он?

Левин. Ягода. В это время возник у него новый замысел. При встречах Ягода часто спрашивал меня о состоянии здоровья Вячеслава Рудольфовича Менжинского, тогдашнего председателя ОГПУ, который тогда тяжело хворал. Ягода был заместителем председателя ОГПУ. Нужно сказать, что Менжинский с первых лет революции был моим постоянным пациентом. В 1926 году у него был тяжелейший припадок грудной жабы. С 1932 года Вячеслав Рудольфович стал постоянным пациентом Казакова.

Вышинский. Расскажите, что же конкретно вам говорил Ягода о Менжинском?

Левин. Несколько раз он просто расспрашивал о состоянии здоровья Менжинского, а в октябре или ноябре он меня опять спросил — «как здоровье Менжинского?» Я сказал, что, по моим сведениям, очень плохо. Ну, он говорит: «Зачем же тянуть? Он обреченный человек».

Вышинский. Не говорил ли вам Ягода о том, что необходимо убить Менжинского?

Левин. Говорил.

Вышинский. И вы тогда сказали, кого для этого нужно привлечь?

Левин. Доктора Казакова.

Вышинский. Вы вызвали Казакова для чего? Для лечения или для умерщвления?

Левин. Для второго.

Вышинский. Почему именно Казакова?

Левин. Он лечил лизатами, а лизаты приготавливал Казаков сам у себя в лаборатории.

Вышинский. Значит, он мог приготовить все, что угодно?

Левин. Приготовить такие лизаты, которые бы не помогали, а вредили.

Вышинский. Это равносильно яду.

Левин. Совершенно верно. Тут я сказал Ягоде: «Поскольку в курсе лечения бывают перерывы, паузы, а в период этих перерывов я бывал у Вячеслава Рудольфовича Менжинского, то я могу соединить лизаты с каким-либо сердечным лекарством, которое в комбинации с лизатами могло бы приносить вред».

Вышинский. Вы объяснили это Ягоде?

Левин. Да, Ягоде.

Вышинский. А Ягода, что сказал?

Левин. Он сказал, что с Казаковым он поговорит и директиву даст. Когда я увиделся с Казаковым в конце 1933 года, я узнал, что его вызывал Ягода для беседы, он знает, что делать и со мною поговорит, как будут приготавливаться лизаты. Меня он спросил, какие сердечные лекарства буду я предлагать во время моего посещения.

Вышинский. Обвиняемый Казаков, вы подтверждаете показания Левина сейчас?

Казаков. В основном подтверждаю.

Вышинский. Вы подтверждаете, что с вами говорил Левин?

Казаков. Да.

Вышинский. Что именно он вам говорил?

Казаков. Я виделся с Левиным три раза и он постепенно меня вовлекал, — была майская, июньская и, наконец, октябрьская встреча.

Вышинский. В каком году?

Казаков. В 1933 году.

Вышинский. Значит, в 1933 году было три встречи?

Казаков. Во время майской встречи он сказал, что зря е возитесь с Менжинским. Менжинский — живой труп. Я считал, что у Менжинского развивался хронический сепсис. Левин со мной не согласился, и в результате этого я был отстранен. В июне я встретился с ним. Он высказал мнение, что я был прав в своей диагностике относительно развившегося у Менжинского хронического сепсиса на почве гриппа. Там была группа врачей, и они не возражали, чтобы я начал лечить его.

Вышинский. Словом, допустил и вас?

Казаков. Да. Я приступил к лечению Менжинского.

В октябре Левин сказал мне: «Вы поймите, что Менжинский — фактически труп, а восстанавливая его здоровье, помогая ему к работе, вы тем самым восстанавливаете против себя Ягоду. Поймите, что Ягода заинтересован в устранении Менжинского, и если вы не подчинитесь ему, — Ягода с вами расправится».

Вышинский. Вам говорил Левин, что вас вызовет Ягода?

Казаков. Говорил.

Вышинский. Подсудимый Ягода, давали вы поручение Левиному вызове к себе Казакова для разговора?

Ягода. Я этого человека вижу в первый раз здесь.

Вышинский. Значит, такого поручения вы Левиному не давали?

Ягода. Я давал поручение Левиному переговорить...

Вышинский. С кем?

Ягода. С Казаковым, но сам лично его не принимал. Я давал Левиному поручение об умерщвлении Алексея Максимовича Горького и Куйбышева, и только.

Вышинский. А насчет Менжинского?

Ягода. Ни Менжинского, ни Макса Пешкова я не умерщвлял.

Вышинский. Казаков, вы были вызваны к Ягоде?

Казаков. Да, 6 ноября 1933 года в 3 часа дня.

Вышинский. Вы явились?

Казаков. Да, за мной прислали машину.

Вышинский. Ягода вас принимал?

Казаков. Принимал.

Вышинский. Вы с ним разговаривали?

Казаков. Да.

Вышинский. А о чем с вами говорил Ягода?

Казаков. Ягода меня встретил и спросил: «Как вы находите здоровье Менжинского?». Я сказал, что здоровье Менжинского сейчас, после перенесенных припадков бронхиальной астмы

находится в тяжелом состоянии. Дальше он меня спросил: «А говорили вы с Левиным?». Я ответил: «Да, говорил». «Так что же вы умничаете, — заявил Ягода, — почему вы не действуете?». Ягода пришел в буквальном смысле слова в ярость и сказал мне: «На Менжинского все махнули рукой, вы зря возитесь с ним. Жизнь его никому не нужна, всем мешает. Я вам предлагаю вместе с Левиным выработать такой метод лечения, при котором можно было бы скорее закончить жизнь Менжинского. Имейте в виду, что если вы попытаетесь не подчиниться мне, то я сумею вас быстро уничтожить».

Вышинский. Что же вы ему ответили?

Казаков. Я совершенно растерялся. Из страха я подчинился. Я сказал, что повидаюсь с Левиным.

В конце декабря я с ним виделся.

Левин. Я упустил одну подробность, которую необходимо сказать. Ягода мне сказал, что у него был разговор с Крючковым.

Вышинский. Подсудимый Крючков, какой разговор был у вас с Ягодой?

Крючков. Ягода мне сказал, что необходимо устранить Максима Пешкова.

Вышинский. Что значит устранить?

Крючков. Убить Максима. Дело, — говорит, — не в Максиме, а, главным образом, в Горьком. Надо уменьшить активность Горького, активность Горького мешает некоторым людям. Из дальнейшего разговора я понял, что он подразумевал Рыкова, Бухарина и других. В этом разговоре я узнал от Ягоды, что предполагается контрреволюционный переворот и что он является участником этого переворота. Он мне прямо сказал: в СССР будет скоро новая власть, новая власть больше соответствует, вашим настроениям.

Вышинский. Чьим?

Крючков. Моим.

Вышинский. А ваши настроения были какие?

Крючков. По разговору, который я вел в 1933 году, приблизительно, он мог так заключить, что я близок к организации правых. Я его спросил: что же мне делать? Он говорит: вы знаете, как Алексей Максимович любит Макса. Смерть Макса будет большим ударом по Горькому и превратит его в безобидного старика. Вы должны убить Макса. При этом прибавил несколько угрожающих фраз. Я принял предложение Ягоды.

Вышинский. Продолжайте, подсудимый Левин.

Левин. В результате наших совместных вредительских действий Менжинский умер 10 мая 1934 года, а на следующий день — Максим Алексеевич Пешков. Эти преступления были совершены. Через несколько дней после похорон Вячеслава Рудольфовича Менжинского и Максима Алексеевича Пешкова меня снова вызвал к себе Ягода и сказал: «Ну, вот, теперь вы совершили эти преступления, вы всецело в моих руках и вы должны идти на то, что я вам сейчас предложу, гораздо более серьезное и важное. Я вас предупреждаю, что то, что я вам сейчас поручу, для

вас так же обязательно, как в отношении прежних моих починений».

Затем он стал говорить мне о том, что в партии крепнет, растет большое недовольство партийным руководством, что смещение власти неизбежна, предreshена и неминуема, что во главе движения стоят Рыков, Бухарин и Енукидзе. И так как это неизбежно, так как это все равно произойдет, то чем скорее произойдет, тем лучше. А для того, чтобы это скорее произошло, для того, чтобы облегчить этот процесс, нам нужно уранить с политической арены некоторых членов Политбюро также Алексея Максимовича Горького. Это есть историческая необходимость. «Вы должны теми средствами, которые в ваших руках, помочь нам. Скажите, кого вы можете взять на себя кроме Алексея Максимовича Горького?».

Через несколько дней я снова был у Ягоды и сказал ему, я вынужден выполнить и эту его директиву. В этом разговоре Ягода добавил: «Алексей Максимович — человек очень близкий к высшему партийному руководству, человек очень преданный той политике, которая ведется сейчас в стране, очень преданный лично Иосифу Виссарионовичу Сталину, человек, который никогда не изменит, никогда не пойдет с нами по пути. А вы знаете другой стороны, каким авторитетом пользуется слово Горького у нас в стране и далеко за ее пределами, каким влиянием пользуется и как много вреда он может сделать своим словом нашему движению».

«Нужно вам решиться на это, — сказал он, — и вы пожнете плоды при приходе новой власти».

Когда Ягода меня спросил, кого я мог бы еще наметить, ему сказал, что это можно осуществить по отношению к такому человеку, который часто болеет, который нуждается в частой медицинской помощи, к члену Политбюро Валериану Владимировичу Куйбышеву. Я могу привлечь Дмитрия Дмитриевича Плетнева, который знал Валериана Владимировича. Оба мы еще знали лет 12. Дмитрий Дмитриевич Плетнев настроен антисоветски и он легче пойдет, чем кто-либо другой. Ягода сказал: «Хорошо, я поговорю сам. Вы предупредите Плетнева, что я вызову его сам и поговорю. Кроме того, во всем, что касается Алексея Максимовича, Крючков может помочь, а в отношении Валериана Владимировича в курсе будет его секретарь Махматов».

Вышинский. Значит, умерщвление Алексея Максимовича Горького вы организовали?

Левин. Да.

Вышинский. Кого вы привлекли к этому преступному делу?

Левин. Профессора Плетнева.

Вышинский. Кто были соучастниками в этом деле?

Левин. Петр Петрович Крючков.

Вышинский. По чьему поручению вы действовали?

Левин. Ягоды.

Вышинский. Подсудимый Ягода, в этой части вы подтверждаете показания обвиняемого Левина?

Ягода. Да, подтверждаю.

Вышинский. Вы такое поручение давали?

Ягода. Давал.

Вышинский (к Левину). По чьему поручению вы организовали умерщвление Валериана Владимировича Куйбышева?

Левин. По поручению Ягоды.

Вышинский. Привлекши к этому преступному делу?

Левин. Максимова и профессора Плетнева.

Вышинский. Подсудимый Крючков, вы подтверждаете то, что сказал Левин?

Крючков. Я подтверждаю, что Ягода мне давал поручение убить Алексея Максимовича Горького.

Вышинский. Подсудимый Максимов-Диковский, вы подтверждаете показания Левина?

Максимов-Диковский. Подтверждаю, но меня привлек не Левин, а Енукидзе и Ягода.

Вышинский. Подсудимый Плетнев, вы подтверждаете показания Левина, ссылавшегося на ваше участие в этом преступлении?

Плетнев. Подтверждаю.

Председательствующий. Подсудимый Левин, продолжайте.

Левин. Не желая применять остродействующих отравляющих веществ, мы действовали неправильным лечением.

Вышинский. Кто это — «мы»?

Левин. Я, Плетнев, Виноградов, Казаков. Все, которых я вам уже называл.

Вышинский. Этот план вы разработали самостоятельно или с кем-нибудь из названных лиц?

Левин. План в отношении Алексея Максимовича Горького и Валериана Владимировича Куйбышева я разрабатывал с профессором Плетневым. План в отношении Вячеслава Рудольфовича Менжинского — с Казаковым.

Вышинский. Подсудимый Плетнев, вы разрабатывали подобного рода план с Левиным?

Плетнев. Да.

Левин. Скажу о всех четырех случаях. Когда встал вопрос о носителе умерщвления Максима Пешкова, то здесь мы подготовили ослабление организма чрезмерным употреблением спиртных напитков.

Затем в ослабленном состоянии, в один очень жаркий день в апреле, — а весна в том году в Москве была чрезвычайно жаркой, — Макс, разгоряченный, потный, по предложению Крюčkова, который принимал участие в ослаблении организма Пешкова, был уложен на скамью недалеко от реки. Его обдувало ветром, он был потный, лежал без сорочки в течение двух часов. Ясно, что он простудился, заболел и через день обнаружилось крупозное воспаление легких. Я пригласил Плетнева на консультацию, мы были с ним два раза и видели, что течение болезни тяжелое. Об этом же знал и Виноградов, который был приглашен в качестве дежурного врача. Ухудшило течение этой болезни то, что были устранены те средства, которые могли принести большую пользу для сердца, и, наоборот, давались те, которые

ослабляли сердце. И в конце концов, как я уже говорил, 11 мая после воспаления легких, он погиб. Вот как произошло на первое вредительство.

Перехожу ко второму случаю — умерщвлению Вячеслава Рудольфовича Менжинского. Мы довольно редко встречались с Казаковым у Менжинского. Он обычно приглашал то меня, то Казакова.

Есть две системы лизатов, одна — так называемая симпатотропная, которая состоянию сердечной деятельности Менжинского, безусловно, вредила, и другая система — ваготропные лизаты, которые успокаивали сердце и были для него полезны.

Казаков стал давать ту систему лизатов и ту группу, ту симпатотропную, которая вредит сердцу Менжинского. Учитывалось также, что комбинация лизатов с сердечными средствами могла привести к ускорению процесса, то есть к ухудшению основного в состоянии здоровья — миокардита и грудной жабы, — что, в свою очередь, должно было привести к новым припадкам грудной жабы.

Смерть Вячеслава Рудольфовича Менжинского и произошла от нового припадка грудной жабы. Теперь — в отношении Куйбышева. Слабым местом в его организме было сердце, на которое был направлен наш удар. Мы знали о плохом состоянии его сердца в продолжении значительного периода времени. Он страдал поражением сосудов сердца, миокардитом, у него бывали не большие припадки грудной жабы.

Мы применяли в отношении Куйбышева возбуждающие сердце средства без перерывов в течение продолжительного периода времени вплоть до его командировки в Среднюю Азию. Начиная с августа по сентябрь — октябрь 1934 года, он непрерывно получал впрыскивание специальных препаратов эндокринных желез и другие средства, возбуждающие деятельность сердца. Это усилило и участило припадки грудной жабы. В таком болезненном состоянии он и уехал в Среднюю Азию. Там у него случилось непредвиденно острое заболевание — он заболел тяжело формой ангины с нарывом в горле, и ему пришлось делать операцию.

Куйбышев вернулся из командировки, не избавившись от ангины. Выслушивание его сердца показало, что оно находится в очень плохом состоянии. При таком состоянии больного нужно было уложить в постель, запретить ему всякую работу, чего он не сделал. Он работал. Затем он пошел в Совнарком, и вот в Совнаркоме, в его кабинете, произошел припадок грудной жабы.

Его секретарь Максимов сделал то, что ускорило несомненно гибель Куйбышева. Во время припадков Куйбышев должен был лежать без всяких движений, совершенно спокойно. Что же было сделано? Не знаю, Максимов или кто другой был около него в состоянии припадков грудной жабы ему дали возможность пойти из здания Совнаркома до дома одному. Он вышел и подъезда, прошел под арку, прошел мимо амбулатории, где сидели врачи, но никаких врачей к нему не позвали. Он поднялся на третий этаж на ногах. Дома была, правда, случайно, домашняя работница. Когда она увидела, что ему стало очень плохо, он

позвонила Максимову. Уже затем был вызван дежурный врач. Потом позвонили мне. Когда я пришел, я застал Куйбышева уже мертвым.

И, наконец, последнее — умерщвление Алексея Максимовича Горького. К этому времени он был уже очень больным человеком. Плохо у него обстояло дело с легкими. Кроме того, изменения в легких страшно затрудняли деятельность сердца, — так что у него одновременно и со стороны легких и со стороны сердца было чрезвычайно неблагоприятно.

В 1935 году зимою он был в Крыму. Мы там говорили с Крючковым, который постоянно ездил в Крым, договорились о мероприятиях, вредных Алексею Максимовичу. Я ему говорил, что Алексей Максимович очень любит прогулки. Я сказал, что нужно прогулки практиковать. Горький очень любил труд, любил в парке, в саду рубить сучья деревьев или скалывать кусочки скал. Все это ему было разрешено во вред его здоровью. Вторая страсть у него была к огню. Горький любил огонь, пламя, и это было нами использовано. Для него разжигался костер, как раз после утомления Горького работой, собирали в кучу срубленные сучья, разжигали пламя. Горький стоял около этого костра, было жарко, и все это вредно действовало на его здоровье.

Для приезда Горького в Москву опять-таки было условлено выбрать такой момент, чтобы он мог заболеть гриппом. Он был очень склонен к заболеванию гриппом, и грипп часто осложнялся бронхитом или воспалением легких. Узнав, что в доме Максима Горького гриппозное заболевание (дети болели тогда гриппом), Ягода сообщил об этом в Крым, и Крючков организовал возвращение Максима Горького в Москву как раз в это время. И действительно, приехав в эту гриппозную квартиру, на второй или третий день Горький заболел гриппом, который очень быстро осложнился гриппозным воспалением легких, принявшим сразу тяжелое течение. Но тем не менее, мы с профессором Плетневым считали, что тот план, который мы выработали, надо провести и использовать для этого те из лекарств, которые могли быть для него вредны. Мы не применяли каких-нибудь особенных лекарств, которые вызвали бы недоумение, почему они были применены тут. Мы применяли только те лекарства, которые в этих случаях обычно применяются. Но применяли их в очень большом количестве. В данном случае они переходили в свою противоположность. Опять-таки сердечный мотор, бесконечно нажимаемый, сдавал свои силы, терял свою работоспособность, и в конце концов он не выдержал.

Вышинский. Уточните мне дозировку тех средств, которые применялись в отношении Алексея Максимовича Горького.

Левин. В отношении Алексея Максимовича установка была такая: применять ряд средств, которые были в общем показаны, против которых не могло возникнуть никакого сомнения и подозрения, которые можно применять для усиления сердечной деятельности. К числу таких средств относились: камфора, кофеин, кардиозол, дигален. Эти средства для группы сердечных болезней мы имеем право применять. Но в отношении его эти

средства применялись в огромных дозировках. Так, например, получал до 40 шприцев камфоры.

Вышинский. В течение какого времени?

Левин. В сутки — от 30 до 40 шприцев. Для него эта была велика.

Вышинский. 30—40 шприцев камфоры, это во-первых, плюс

Левин. Плюс 2 инъекции дигалена.

Вышинский. Это 42, плюс?...

Левин. Плюс 4 инъекции кофеина.

Вышинский. Это 46, плюс?..

Левин. Плюс 2 инъекции стрихнина.

Вышинский. Это — 48.

Левин. 48. Для другого человека это не страшно, а для него это было...

Вышинский. Страшно?

Левин. Конечно. Для Горького, после того, как он столько перенес, при таком состоянии сердца и легких применение так дозы было вредным.

Вышинский. Чем был болен Максим Алексеевич Пешков?

Левин. Он был болен крупозным воспалением легких.

Вышинский. В этом случае применяется антипневмококковая сыворотка?

Левин. Применяется.

Вышинский. Вы ее применяли?

Левин. Нет.

Вышинский. Почему?

Левин. Из вредительских соображений.

Вышинский. Значит, вы сознательно не применяли те средства, которые обычно должны быть применяемы?

Левин. Это верно.

Вышинский. Следующий вопрос. Я хотел бы, чтобы вы утомили — какие сердечные средства применялись в отношении Вячеслава Рудольфовича Менжинского в последний период его болезни.

Левин. Там был дигиталис, адонис-вероналис, строфант. Все это — средства, усиливающие, возбуждающие деятельность сердца. Одновременно с этим, в этом же направлении, действовал Казаков со своими лизатами. Одно потенцирует другое. В комбинации это все усиливается до чрезмерной для сердца Вячеслава Рудольфовича степени.

Вышинский. Следовательно, средства легальные, но их комбинация, их количество и их назначение данному больному не соответствует состоянию его здоровья, его организма?

Левин. Да. У Вячеслава Рудольфовича был крупнейший инфаркт, который вместо мышц сердца оставил рубцы.

Вышинский. И в этих условиях...

Левин. Нельзя было давать таких сильных средств.

Вышинский. А вы давали?

Левин. Да.

Вышинский. Опять-таки в преступных целях?

Левин. Конечно.

Защитник Брауде (к Левину). Сообщите, пожалуйста, некоторые краткие биографические сведения.

Левин. Я скажу очень кратко. Родился я в 1870 году, в бедной мещанской семье. С 14-ти лет должен был зарабатывать уроками, будучи гимназистом, деньги, чтобы продолжать свое воспитание и помогать семье. Окончил естественный факультет в Одессе, после этого — медицинский факультет в Москве. С 1896 года работаю врачом. Таким образом, я работаю врачом 42 года.

Брауде. Обработывая вас на убийство Максима Пешкова, Ягода не делал вам каких-нибудь намеков, что это убийство — не только его директива?

Левин. Он мне сказал, что дело идет о группе крупных политических деятелей, среди которых он мне назвал имена Рыкова, Бухарина и Енукидзе, которого я знал лично.

Брауде. Не связал ли он вас с одним из участников этой организации? К Енукидзе он вас не направлял?

Левин. Совершенно верно.

Брауде. Расскажите, что говорил Ягода о Енукидзе и о чем вы говорили с Енукидзе.

Левин. Это было в той беседе, относящейся к 1934 году, когда он говорил мне о Валериане Владимировиче Куйбышеве и Алексее Максимовиче Горьком. Он просил зайти к Енукидзе, который знает, что я посвящен в это дело, и хочет со мной об этом поговорить. Енукидзе также был моим постоянным пациентом. Я пришел к нему на другой день в Кремль. Он также меня спросил о том, кого я могу взять, и был очень разочарован, услышав, что я говорю только о Куйбышеве. Он сказал: «Ну, что-ж, начинайте с этого». Он просил меня подумать о соучастнике, я сказал, что подумаю и расскажу об этом Ягоде.

Брауде. Может быть, вы конкретно суммируете те внутренние причины, по которым вы, старый врач, с 40-летним стажем, согласились на злодейские, ужасные предложения Ягоды?

Левин. Психологически я объясняю это какой-то трусостью, причем не за свою жизнь. Меня больше страшило то, что Ягода пригрозил разгромить мою семью.

Брауде. Скажите, пожалуйста, была разница в смысле методов обработки вас Ягодой между моментом, когда он вас уговаривал насчет убийства Максима Пешкова, и позднейшим временем, когда он говорил о дальнейших преступлениях?

Левин. Конечно, разница была очень большая. Он говорил сначала о том, что я совершаю нужное дело. Он говорил об этом преступлении, как об акте, необходимом для спасения Алексея Максимовича от каких-то врагов. А потом, когда я к нему пришел, он сразу заявил мне — вы в моих руках.

Брауде. Он говорил вам о том, что есть какая-то группа, которая стремится к свержению Советской власти?

Левин. Он говорил, что это очень большая и влиятельная группа.

Брауде. И с этого момента вы почувствовали, что вы связаны с этой группой, зная, что это контрреволюционная группа и что ваша судьба зависит от судьбы этой группы?

Левин. Такое сознание было, что вместе с Ягодой я гибну и я.

Защитник Коммодов. Скажите, к какому времени относи ваш разговор с Казаковым по вопросу об умерщвлении Менжинского?

Левин. Это было в конце 1933 года.

Коммодов. Это было до свидания Казакова с Ягодой?

Левин. Конечно.

Коммодов. А вредительские методы в лечении Менжинского, вы начали проводить после свидания с Казаковым или до?

Левин. После того, как Казаков имел разговор с Ягодой. После этого мы с Казаковым выработали план нашей вредительской деятельности, о котором я уже говорил, — о лечении сердца лизатами.

Вышинский. Подсудимый Левин, замысленные Ягодой убийства политических деятелей нашего государства носили совершенно явный, открыто выраженный контрреволюционный политический характер?

Левин. Да. Тут уже было ясно.

Вышинский. И вы не просто отнеслись к этому делу как technician, но и как политик?

Левин. Я не знаю, как вы это хотите понять, я политиком никогда в жизни не был.

Вышинский. Вы говорите, что никогда политиком не занимались?

Левин. Никогда.

Вышинский. Но действовали вы, как политический враг.

Левин. Действовал, как орудие политического врага.

Вышинский. И следовательно?

Левин. Как политический враг.

Вышинский. Вы понимали, что идет речь о борьбе с Советской властью?

Левин. Я примкнул к этому делу в результате рокового стечения обстоятельств, не потому что я сочувствовал приходу к власти...

Вышинский. Получивши предложение быть соучастником даже больше, организатором убийства выдающихся советских людей и гения русской культуры, Горького, что вы должны были сделать, если вы действительно любили бы и Горького и родину?

Левин. Отказаться от всего этого и выдать Ягоду.

Вышинский. Почему вы не сделали этого?

Левин. Из трусости.

Вышинский. Сколько лет продолжалось ваше участие в преступной деятельности?

Левин. Три года.

Вышинский. Три года! Вы имели тысячи возможностей это время поступить честно.

Левин. Да, и не использовал этого.

На этом утреннее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв до 18 часов.

Вечернее заседание 8 марта

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БУЛАНОВА

Председательствующий. Подсудимый Буланов, вы подтверждаете ваши показания, данные на предварительном следствии?

Буланов. Да, подтверждаю. За годы работы у Ягоды в качестве личного секретаря и секретаря Наркомата я привык смотреть на все глазами Ягоды. И в конце концов Ягода сделал из меня полностью преданного ему человека, в отношении которого он знал, что этот человек его не выдаст. И поэтому ни в разговорах со мною, ни в разговорах при мне с другими он не делал никаких секретов, не было никаких элементов конспирации. Отсюда — моя осведомленность о преступлениях, которые мне известны от него.

О заговоре впервые я услышал от Ягоды в 1934 году. Постепенно, отдельными беседами Ягода вводил меня в курс контрреволюционной работы. Оторванный от партийной жизни, я во всем ему слепо доверял. Ягода как-то в разговоре сказал мне, что они, это значит — он и стоящие за ним правые, объединились с троцкистами и зиновьевцами, что нормальным путем, путем легальной борьбы в партии, рассчитывать на какой-нибудь успех совершенно нечего, что для достижения власти в их распоряжении остается единственное средство — это насильственный способ прихода к власти путем непосредственного вооруженного переворота.

Одну из главных ролей в перевороте, по его словам, должен был выполнить Енукидзе и вторая, пожалуй не менее важная роль, по его словам, ложилась на его, Ягоды, плечи. У них была сфера влияния: Кремль — у Енукидзе, аппарат НКВД — у Ягоды. Сам Ягода в это время неоднократно мечтал, что в случае удачи переворота в будущем Совнаркоме он должен был быть председателем.

Вышинский. Председателем Совнаркома?

Буланов. Так. Партийная работа ложилась, по его определению, на Томского, Бухарина и Рыкова, причем Томский, по их предположениям и расчетам, как и был, должен был остаться на роли руководителя профсоюзов. Секретарями ЦК должны были быть Рыков и Бухарин, причем Ягода подчеркивал, что, когда он будет Председателем Совнаркома, роль секретарей ЦК при нем будет совершенно иной. Какой именно, — я едва ли смогу объяснить. Мне вспоминается в связи с этим параллель, которую

Ягода проводил между будущим секретарем будущего ЦК Буриным и Геббельсом. Должен сказать, что Ягода вообще си^и увлекался Гитлером.

Вышинский. Вообще фашизмом увлекался? А конкретно?

Буланов. Он увлекался Гитлером, говорил, что его книга «*Моя борьба*» действительно стоящая книга. Он подчеркивал неоднократно, что Гитлер из унтер-офицеров выбрался в такие ли

Вышинский. А Ягода сам не был раньше унтер-офицером?

Буланов. Я не знаю, но поведение его от унтер-офицерски мало отличалось. В будущем правительстве, если память мне изменяет, Председателем ЦИК назывался Енукидзе.

Вышинский. А Геббельс при чем тут?

Буланов. Он говорил о том, что Бухарин будет у него не х Геббельса. Мысль такова, что Бухарин будет у него в руке марионеткой, и будет делать все, что ему, Ягоде, угодно.

Вооруженный переворот по определению Ягоды они приучивали обязательно к войне. Я как-то задал Ягоде недоуменный вопрос: я, собственно, не понимаю — война, непосредственная опасность, напряженное положение и в это время правительственное потрясение — так на фронте дела могут весьма и весьма пошатнуться. Ягода мне на это прямо сказал, что я наивный человек, если думаю, что они, большие политики, пойдут на переворот, не сговорившись с вероятными и неизбежными противниками СССР в войне. Противниками назывались немцы и японцы. Он прямо говорил, что у них существует прямая договоренность, что в случае удачи переворота новое правительство, которое будет сконструировано, будет признано, и военные действия будут прекращены.

Вышинский. На каких условиях?

Буланов. Я боюсь сказать точно, но у меня в памяти осталось насчет концессий и уступок. Тогда же впервые я услышал о том, что Крестинский и Карахан — это целиком их люди, причем не только ответственные, но и умеющие работать, конечно, работать в контрреволюционном смысле. Уже гораздо позже услышал фамилию Тухачевского, который должен был в будущем правительстве быть народным комиссаром обороны.

Вышинский. Известно ли вам о том, что Ягода был, как чл центра правых, связан с троцкистами?

Буланов. Известно.

Вышинский. Откуда это было вам известно? С кем он был связан и как был связан?

Буланов. Совершенно очевидно, что Ягода был в самой тесной связи с лидерами правых. Он был связан и с троцкист. Об этом я сужу по тому, что я был не раз свидетелем его непосредственных заданий по линии оперативной, которые он со ответствующим лицам, ведающим определенной частью работы, давал в той или иной мере, — прямые или косвенные указания неразвертывании дел троцкистов, наоборот, о свертывании ряд дел и троцкистов, и правых, и зиновьевцев.

Чтобы не быть голословным, я приведу несколько фак

Например, Ягода дал указание, чтобы Угланов держался, не выходя из таких-то рамок в своих показаниях.

Вышинский. Не припоминаете ли вы зловещую фигуру одного из предыдущих процессов, фигуру Дрейцера? Какие с ним у Ягоды были отношения?

Буланов. Я помню, что, несмотря на то, что соответствующий начальник отдела располагал совершенно конкретными, точными данными о продолжительной троцкистской деятельности Дрейцера, Дрейцер не был арестован.

Вышинский. Ягода знал о заговорщической деятельности рейцера и прикрывал его?

Буланов. Совершенно точно.

Вышинский. А не помните ли вы другую фигуру одного из предыдущих процессов, не менее зловещую фигуру,— Ивана Никитича Смирнова? Не известно ли вам, был ли и с ним связан Ягода и не покрывал ли он его?

Буланов. Из фактов относительно Смирнова я знаю точно, что, когда Смирнов был в тюрьме, Ягода посылал Молчанова и через него дал указание Смирнову, в каких рамках держаться в случае необходимости, когда от него потребуют те или иные показания. Это совершенно точно.

Вышинский. А не известно ли вам, что сделал Ягода, когда Смирнова из этой тюрьмы доставили в Москву?

Буланов. Я знаю, что Ягода нарушил свое обычное поведение. Он обычно в тюрьму не ходил, а по прибытии Смирнова ходил к нему.

Вышинский. В камеру?

Буланов. Да.

Вышинский. Чем он там занимался?

Буланов. Я слышал его разговор с Молчановым о том, что за поведение Смирнова на суде он, Ягода, спокоен.

Вышинский. Значит, он его обработал. Каково было отношение Ягоды к Каменеву после убийства Сергея Мироновича Кирова?

Буланов. Когда было вынесено решение об аресте Каменева и Зиновьева, Ягода послал меня арестовать Каменева.

Вышинский. С кем он вас посылал?

Буланов. Я был с Паукером.

Вышинский. Кто такой Паукер?

Буланов. Начальник оперативного отдела.

Вышинский. И вместе с тем, кто он?

Буланов. Человек, целиком посвященный в заговорщические дела и один из исключительно доверенных людей, который был связующим звеном с Енукидзе.

Вышинский. Не был ли Паукер германским разведчиком?

Буланов. Я узнал потом, что он был шпионом.

Вышинский. Обвиняемый Ягода, вам известно было, что Паукер — германский разведчик?

Ягода. Да. Известно.

Вышинский. Садитесь. Значит, Паукер и вы, Буланов, были посланы Ягодой арестовать Каменева. А Зиновьева кто должен был арестовать?

Буланов. По-моему, — Молчанов и Волович.

Вышинский. Кто такой был Молчанов?

Буланов. Начальник секретно-политического отдела НКВД член организации.

Вышинский. Какой организации? Подпольной организации правых?

Буланов. Да.

Вышинский. А Волович?

Буланов. Волович — заместитель начальника оперативного отдела, известно, что он причастен к шпионажу.

Вышинский. Подтверждаете ли вы, Ягода, что Волович был также германским шпионом?

Ягода. Да, подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Буланов, как же вас инструктировал Ягода, направляя для ареста Каменева и Зиновьева?

Буланов. Инструктаж был простой: привези, обыска не делай. Это я и выполнил.

Вышинский. Вам не известно, где хранился секретный архив Рыкова?

Буланов. У Ягоды.

Вышинский. Заговорщический архив?

Буланов. Если бы он не был заговорщическим, едва ли Рыков такое надежное место искал.

Перехожу к покушению на жизнь Николая Ивановича Ежова. Со слов Ягоды, решение об убийстве Николая Ивановича Ежова ими, то есть центром, было принято исключительно с политическими целями. Это был один из этапов и одна из мер к обеспечению их от провала, как участников заговора, а, значит, и сохранения возможности осуществления и самого заговора. Причиной, которая послужила, чтобы вынести такое решение, было то, что вскоре тут же, или вернее, после убийства Кирова, Ежов по поручению ЦК ВКП(б) наблюдал за следствием. И я лично от Ягоды знаю, что тут же вскоре во время нарастающем темпе обострялось чрезвычайное беспокойство Ягоды этой работой Николая Ивановича Ежова. Ягода подумывал, что Ежов чрезвычайно быстро, как он говорил, осваивается и усваивает все особенности работы Управления государственной безопасности и что нет абсолютно никакой уверенности в том, что он, в конце концов, не придет прямо к раскрытию истинного положения вещей, к раскрытию заговора. Ягода знает это опять-таки из разговоров его с рядом начальников оперативных отделов и в то же время членов заговорщической организации, — Ягода использовал все, чтобы дезинформировать Николая Ивановича Ежова. Материалы — соответствующие информации, протоколы — посылались Ежову только те, которые определялись Ягодой и его помощниками. Прятались, утаивались соответствующие сообщения, документы. В общем, делалось все, чтобы затруднить работу Ежова. И все-таки к началу первой трети 1936 года Ягода сказал прямо, что у него абсолютно нет не только никакой уверенности, никакой гарантии, что Ежов

докопается до истинного положения вещей, но что, наоборот, он уже теперь убежден, что тот стоит настолько на верном пути, что нужны какие-то решительные меры, чтобы локализовать реально назревшую опасность.

В первой половине 1936 года я узнал впервые, что в свое время Ягоде было известно о том, как было организовано убийство Кирова. Как-то я зашел, как всегда, без доклада, без предупреждения, в кабинет Ягоды и застал его в сильно возбужденном состоянии, когда он беседовал с Молчановым. Когда Молчанов ушел, Ягода в состоянии большого раздражения бросил фразу: «Кажется Ежов докопается и до ленинградского дела». Потом спохватившись, хотя он обычно от меня ничего не скрывал, он, предупредив меня об исключительной конспиративности этого сообщения, которое будет сделано, и лишний раз — в двадцатый или в сороковой — пообещав, в случае чего «оторвать голову», сказал, что ему было известно, что готовится покушение на Сергея Мироновича Кирова, что в Ленинграде у него был верный человек, посвященный во все, — заместитель начальника Управления НКВД по Ленинградской области Запорожец — и что тот организовал дело так, что убийство Николаевым Кирова было облегчено, проще говоря, было сделано при прямом попустительстве, а значит и содействии Запорожца. Я помню, что Ягода мельком рассказал, ругая между прочим Запорожца за его не слишком большую распорядительность: был случай чуть ли не провала, когда по ошибке охрана за несколько дней до убийства Кирова задержала Николаева и у того в портфеле была найдена записная книжка и револьвер, но Запорожец вовремя освободил его. Ягода далее рассказал мне, что сотрудник Ленинградского управления НКВД Борисов был причастен к убийству Кирова. Когда члены правительства приехали в Ленинград и вызвали в Смольный этого Борисова, чтобы допросить его как свидетеля убийства Кирова, Запорожец, будучи встревожен этим и опасаясь, что Борисов выдаст тех, кто стоял за спиной Николаева, решил Борисова убить. По указанию Ягоды Запорожец устроил так, что машина, которая везла Борисова в Смольный, потерпела аварию. Борисов был при этой аварии убит и таким образом они избавились от опасного свидетеля.

Опасность провала была настолько очевидной для них и реальной, что Ягода решил стать на путь более решительных действий, просто говоря, он решил убить Николая Ивановича Ежова. Со слов Ягоды я знаю, что летом 1936 года он поручил другим лицам, не проходящим по этому делу, отравление квартиры, в которой жил Ежов. Как, когда, чем, при каких обстоятельствах это было сделано, я этого не знаю, но что это было сделано, в этом я уверен, потому что я знаю, что у Ягоды слово с делом чрезвычайно редко расходилось.

Когда Ягода был снят с должности наркома внутренних дел, он предпринял уже прямое отравление кабинета и той части комнат, которые примыкают к кабинету в здании НКВД, там, где должен был работать Николай Иванович Ежов. Он дал мне лично прямое распоряжение подготовить яд, а именно взять ртуть и

растворить ее кислотой. Я ни в химии, ни в медицине не понимаю, может быть путаюсь в названиях, но помню, он предупреждал против серной кислоты, против ожогов, зап и что-то в этом духе. Это было 28 сентября 1936 года. поручение Ягоды я выполнил, раствор сделал. Опрыскивание бинета, в котором должен был сидеть Ежов, и прилега к нему комнат, дорожки, ковра и портьер было произве Саволайненем в присутствии меня и Ягоды. Это было 29 тбря. Ягода сказал мне, что это опрыскивание нужно д 5—6—7 раз, что и было сделано. Я два или три раза пригот большие флаконы этого раствора и передавал их Саволай Распрыскивал тот из пульверизатора. Помню, что это был б шой металлический баллон с большой грушей.

Должен еще добавить, что 28 сентября, когда был этот , говор, Ягода вынул из своего шкафчика, где у него находи много каких-то вещей, в частности пузырьков, и передал , две ампулы, по внешнему виду нерусского производства, с мне при этом: это яды, которые нужно разбрызгивать одне менно с ртутным раствором. Что это было, как это называл я не знаю. Я это передал Саволайнену, и тот разбрызгал в с ртутным раствором.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, Ягода вообще инте вался ядами?

Буланов. Исключительно.

Вышинский. В чем же выражался этот его особый инт. к ядам?

Буланов. Такая заинтересованность появилась у него, п мерно, с 1934 года.

Вышинский. Этот интерес к ядам был связан с его загои щическими действиями и планами?

Буланов. Совершенно определенно. В одном из разговс когда речь шла о том государственном перевороте, который организуют, Ягода говорил, что для осуществления переворота нужны будут все средства — и вооруженное вы ление, и провокация, и даже яды, потому что иногда, как определил, бывают моменты, когда нужно действовать медл и чрезвычайно осторожно, и бывают моменты, как он го когда нужно действовать и быстро и внезапно. Смысл такой что все средства хороши и церемониться в применении ср не следует.

Вышинский. И что при перевороте яд может сыграть ва роль?

Буланов. Он даже сказал, как мне помнится, — «решающ

Вышинский. Кроме злодейской подготовки отравления правленного против Николая Ивановича Ежова, вам изв еще какие-нибудь преступления такого же рода, соверше Ягодой и вами или только Ягодой?

Буланов. Да, мне совершенно точно известно об умерщв Менжинского, Алексея Максимовича Горького и Максима сеевича Пешкова.

Вышинский. Расскажите об этих случаях коротко.

Буланов. Умерщвление Алексея Максимовича Горького было предпринято Ягодой как одна из реальных мер к созданию условий успеха в случае удачи переворота. Ягода говорил, что когда правые убедились, что Алексей Максимович не только целиком и полностью разделял политику партии и правительства, но что сам со свойственным ему энтузиазмом включился в строительство социалистического государства, то они пришли единодушно к выводу, что в случае удачи переворота Алексей Максимович поднимет открыто голос против них, а при том авторитете, который Горький имел во всех слоях населения в Советском Союзе и при том его исключительном значении перед культурно-мыслящими людьми за границей, этот бунт — как Ягода говорил — Горького против новой власти был бы исключителен по своим последствиям. Поэтому они решили своевременно убрать Горького.

Со слов Ягоды я знаю, что в этом преступлении принимали участие доктор Левин, профессор Плетнев и секретарь Горького Крючков. Я лично несколько раз слышал, как Ягода инструктировал Крючкова о том, что он должен постараться простудить Алексея Максимовича.

Вышинский. А умерщвление Менжинского было произведено по прямым указаниям кого?

Буланов. По указаниям Ягоды. Причем должен сказать, если в умерщвлении Горького были, как он говорил, исключительно политические мотивы, то здесь я от него знаю о мотивах уже личного порядка.

Вышинский. То есть?

Буланов. О личных мотивах человека, который хочет всеми средствами, всеми путями сделать себе карьеру, то есть ускорить освобождение поста, сделать пост председателя ОГПУ вакантным, считая, очевидно, что при этом положении он, Ягода, — единственная кандидатура на пост председателя.

Вышинский. Это ваш анализ?

Буланов. Конечно, здесь играли роль и политические мотивы. Центру правых, вообще заговорщикам, больше чем интересно было иметь во главе карательного органа своего человека, одного из своих лидеров, то есть создать гарантию, почти полную возможность любые концы спрятать в воду.

Но Ягода мне лично говорил и о мотивах личного характера. Он не раз подчеркивал, что Менжинский фактически не работает длительное время, а работу приходится нести ему, Ягоде. Точку над «и» он поставил, по-моему, в 1933 году, когда он мне сказал прямо, что он решил устранить, то есть, по-просту говоря, уничтожить Менжинского, что он к этому делу приспособил доктора Левина, но что у Левина чего-то не вышло. А потом я от него знаю точно, что он в качестве прямого исполнителя доктор Казакова.

Вышинский. Кстати, вам не известно — Казаков Наркомвнуделе, в его кабинете, по этому во-

Буланов. Если Ягода давеча заявлял, что о Казакова, так я жду теперь, что он скажет,

вый раз в жизни видит. Казакова, конечно, он видел и видел неоднократно. Я, например, лично припоминаю случай, когда Рыков был в кабинете у Ягоды. Это у меня сохранилось в памяти потому, что это было в выходной день. За число я не ручаюсь.

Вышинский. Позвольте Казакова спросить. Обвиняемый Рыков, когда это было?

Казаков. 6 ноября.

Вышинский. Год?

Казаков. 1933 год.

Буланов. У меня осталось в памяти, что это был выходной день.

Вышинский. Казаков часто бывал в кабинете у Менжинского?

Буланов. Да, очень часто.

Вышинский. И Ягода не мог его не видеть?

Буланов. Да, Ягода видел Казакова не раз в кабинете Менжинского.

Вышинский. Значит, Ягода неправду здесь говорит?

Буланов. Неправду.

Вышинский. Подсудимый Ягода, вы слышали показания Буланова по поводу отравления Менжинского?

Ягода. Да, слышал.

Вышинский. После этих показаний, которыми устанавливается ваше участие в отравлении, вы будете продолжать отрицать участие?

Ягода. Нет, я подтверждаю свое участие.

Вышинский. Подсудимый Буланов, а умерщвление Маки Пешкова — это тоже дело рук Ягоды?

Буланов. Конечно.

Вышинский. Подсудимый Ягода, что вы скажете на этот счет?

Ягода. Признавая свое участие в болезни Пешкова, я хитрую тайну перед судом весь этот вопрос перенести на закрытое заседание.

Вышинский. Я не возражаю.

Подсудимый Буланов, вот вы нам нарисовали здесь чудовищную картину ряда преступлений, совершенных вами под руководством Ягоды. Кто еще из руководителей «правотроцкого блока» участвовал в этих преступлениях, по вашему мнению?

Буланов. Мне Ягода говорил прямо, что решение об отравлении Ежова и умерщвлении Горького было принято Рыковым и Бухариным...

Вышинский. И Енукидзе?

Буланов. И Енукидзе, само-собой.

Вышинский. Словом, головкой «правотроцкистского блока»?

Буланов. Само-собой понятно.

Вышинский. Подсудимый Рыков, известно ли вам о том, что «правотроцкистским блоком» решение — физическое — Алексея Максимовича Горького?

то вам известно было об этом?

известно то чрезвычайно враждебное о

шение к Алексею Максимовичу Горькому, которое проявлялось о стороны троцкистов и в некоторых кругах правых на протяжении ряда лет.

Вышинский. У вас был разговор с Енукидзе в конце 1935 года по эту тему?

Рыков. С Енукидзе? Да, был.

Вышинский. Какой разговор?

Рыков. Мне Енукидзе сообщил, что троцкисты и зиновьевцы чрезвычайно озабочены тем влиянием, которое приобретает Горький, что он является решительным сторонником Сталина и генеральной линии партии. Поэтому, как он выразился, они считают необходимым в виду такого значения Горького, а значение его и за границей и у нас не нуждается в подтверждении, — они настаивают, как он выразился, на ликвидации его политической активности.

Вышинский. Значит, Енукидзе говорил о необходимости ликвидировать политическую активность Горького?

Рыков. Да.

Вышинский. Каким образом и в каком смысле?

Рыков. Он говорил в настолько повышенных тонах или резко враждебных выражениях, что мне было ясно (так как речь шла, главным образом, со стороны троцкистско-зиновьевской части), что за этим тоном кроется возможность применения и насильственных мер.

Вышинский. А что такое довести до насильственных мер? Можно понимать и до убийства?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Значит, вы знали о готовящемся убийстве Горького?

Рыков. Не совсем так.

Вышинский. Из этого разговора с Енукидзе было ясно, что может идти речь о террористическом акте против Горького?

Рыков. Да, так вопрос мог ставиться.

Вышинский. У меня есть вопрос к Буланову. Известен ли вам случай, чтобы Ягода пересылал деньги Троцкому?

Буланов. Совершенно точно известно.

Вышинский. В каком году?

Буланов. О том, что Ягода снабжает Троцкого деньгами, я знал от Ягоды не сразу. В 1934 году Ягода вызвал меня и сказал, что ко мне придет один человек, которому я должен выдать 20 тысяч долларов.

Вышинский. 20 тысяч долларов? Для чего и для кого?

Буланов. Я никогда не спрашивал Ягodu, зачем и для чего. этому человеку деньги выдал. Когда на другой день я доложил о том, что это распоряжение выполнено, тогда Ягода мне сказал, что этому человеку мне придется и впредь давать те суммы денег, которые он будет указывать. И он между прочим сказал, что этот человек является его прямой связью с Троцким, что Троцкий за последнее время испытывает очень большую нужду в деньгах и что те суммы, которые я выдал и буду выдавать, идут непосредственно Троцкому. Действительно, этот че-

ловец являлся на протяжении 1934—1936 годов четыре — пять раз, и я ему выдавал деньги каждый раз, получая, конечно Ягоды распоряжение о выдаче.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ЯГОДЫ

Председательствующий. Подсудимый Ягода, показания, которые вы давали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Ягода. Я подтверждаю.

Председательствующий. Что вы желаете сказать суду о ваших преступлениях?

Ягода. Начало моей антисоветской деятельности надо отнести к 1928 году, когда я вступил в антисоветскую организацию правых. Этому предшествовали мои переговоры с Рыковым, с которым у меня были довольно дружеские личные отношения.

Особенность моего положения в организации заключалась главным образом, в том, что я, как заместитель председателя Объединенного Государственного Политического Управления, то время не мог участвовать в открытой контрреволюционной борьбе правых и находился в законспирированном положении. О такой моей роли в организации правых знали несколько человек: Рыков, Бухарин, Угланов, Смирнов А. П. (Фома), Тонский.

На первом этапе борьбы правых против Советской власти моя роль заключалась в том, что я снабжал организацию правых — Рыкова и Бухарина — тенденциозно подобранными секретными материалами ОГПУ, которые они, Бухарин и Рыков, и пользовались в своей борьбе против партии.

В дальнейшем, когда правые перешли на нелегальное положение в борьбе с партией и Советской властью, центром правых была на меня возложена задача ограждения организации правых от провала. И по этой договоренности я на протяжении нескольких лет принимал все меры к тому, чтобы оградить организацию правых, в особенности ее центр, от провала. Я должен здесь всей ответственностью заявить, что виной тому, что Советская власть и органы НКВД только в 1937—1938 годах смогли вскрыть и ликвидировать контрреволюционную деятельность организации правых и «право-троцкистского блока», являлась моя предательская работа в системе Народного Комиссариата Внутренних Дел. Если бы советская разведка была свободна от контрреволюционной группы правых и шпионов, которые с 1928 года сидели в аппарате НКВД, заговор против Советской власти несомненно был бы вскрыт в своем зародыше.

Эту свою вину я целиком признаю перед советским судом. Наряду с этим ответственность за все это должны разделить многие сидящие здесь на скамье подсудимых, в первую очередь Рыков и Бухарин.

В 1931 году, в период активизации нелегальной деятельности правых, когда задача ограждения организации от провала стала наиболее актуальной, руководители центра правых потре-

или от меня внедрения на руководящую работу ОГПУ активных участников организации правых. Для того чтобы не быть голословным, я приведу конкретный факт назначения начальником секретно-политического отдела, который должен был вести борьбу с право-троцкистскими организациями, участника организации и правых — Молчанова. В 1931 году Томский пригласил меня к себе на дачу, где кроме него был еще Фома (Смирнов), и предложил мне это сделать в самой категорической форме, что я и сделал. Молчанов был назначен начальником секретно-политического отдела ОГПУ. Тогда же Томский проинформировал меня о плане правых в отношении захвата власти и намечающемся блоке троцкистов и зиновьевцев с правыми.

К этому же периоду времени, 1931—1932 годы, относится создание мною в аппарате ОГПУ группы правых из работников ОГПУ. Сюда входили: Прокофьев, Молчанов, Миронов, Буланов, Шанин и ряд других работников.

В 1932 году, в связи с общим планом правых на свержение Советской власти и захват власти в свои руки, по предложению Томского я устанавливаю связь с Енукидзе. Предложение это было не случайно. Тогда ведущей идеей правых и отправным пунктом деятельности организации была ставка на контрреволюционный переворот путем захвата Кремля. В конце 1932 года, когда победа колхозного строя лишила нас ставки на массовые кулацкие восстания, ставка на так называемый «дворцовый переворот» стала главенствующей. Отсюда совершенно ясно, что моя роль в организации, роль человека, занимающего должность заместителя председателя ОГПУ, в руках которого находились технические средства переворота, то есть охрана Кремля, воинские части и так далее, была поставлена в центре внимания, и именно поэтому, по предложению центра правых, и установлена была мною связь с Енукидзе (тогда он занимал пост секретаря Центрального Исполнительного Комитета СССР) — одним из руководителей заговорщической организации правых.

Одно обстоятельство, происшедшее в начале 1933 года, внесло серьезные коррективы в наш план. Я говорю о приходе к власти в Германии фашистов. Если до этого времени основная установка правых зиждилась на идее «дворцового переворота» собственными силами, то начиная с 1933 года была взята ориентация на фашистскую организацию.

Прежде чем ответить на вопрос, к чему конкретно сводилась ориентация на фашистскую Германию, я хочу заявить следующее: когда речь шла о так называемом «дворцовом перевороте», то имелось в виду арестовать, свергнуть руководство Советской власти, партии и, свергнув Советскую власть, восстановить капиталистические отношения в стране, — то, чего Бухарин в течение его допроса не имел смелости заявить ясно и точно.

Ставили ли мы задачу свержения Советской власти? Я на этот вопрос отвечаю положительно. Какой общественный политический строй мы восстановили бы в стране после свержения Советской власти? Я и на этот вопрос отвечаю прямо — капиталистический строй.

Перехожу к конкретному изложению фактов моих преступлений. С Енукидзе я связался в конце 1931 года или в начале 1932 года. К концу 1932 года я встречался с ним систематически вместе с ним неоднократно обсуждал вопрос о так называемом «дворцовом перевороте». Со слов Енукидзе я узнал, что в Кле была создана военная заговорщическая организация, которая в любой момент готова совершить переворот. С его слов я узнал и относительно ориентировки на германский фашизм, пришедший к власти в 1933 году.

В 1933 году был организован и оформился центр, блок троцкистов, правых и зиновьевцев. Я узнал также, что блок Чернышова связан с меньшевиками и через Бухарина — с эсерами. О решениях этого центра меня осведомлял Енукидзе. От него я узнал, что в январе 1934 года готовился государственный переворот с арестом состава XVII съезда партии, который происходил в то время.

Перехожу к изменнической работе «право-троцкистского блока», к его связям с иностранными государствами.

Во-первых, я должен заявить суду, что под моим покровительством в самом аппарате ОГПУ, а затем НКВД существовала группа моих сторонников — шпионов различных иностранных разведок. О шпионской деятельности Запорожца, Гая, Воловика, Паукера, Винецкого и других я знал, но в интересах заговора благоприятствовал их работе, считая их ценной силой при реализации заговорщических планов, в особенности по линии связи с иностранными разведками. Несомненно, что через этих шпионов иностранные разведки были осведомлены о моей принадлежности к организации правых и о моей роли в организации. О существовании и деятельности всего «право-троцкистского блока» они также были хорошо осведомлены. Факты, подтверждающие это положение, я могу сообщить суду на закрытом заседании. Именно через одного из этих шпионов, в частности через Винецкого, который занимал должность инспектора по Рыкове в Народном Комиссариате Связи, и была налажена связь блока, персонально Рыкова, с заграничным центром меньшевиков, с Николаевским.

Кроме этой группы шпионов в НКВД мне известны и другие связи «право-троцкистского блока» с иностранными государствами. Я имею в виду участника заговора Карахана, связь с которым я установил в 1935 году. Карахан меня посвятил во внешнеполитическую ориентацию «право-троцкистского блока», по поручению которого он, Карахан, вел переговоры с германскими фашистскими кругами. Немцы, как говорил мне Карахан, помогут блоку в деле свержения Советской власти. Карахан рассказывал мне, что Троцкий давно уже ведет переговоры с немцами и специально «ангажировался» (я беру это в кавычках), обещав им за помощь в борьбе с большевиками много лишнего. Троцкий обещал отдать немцам Украину, Японию — Приморье. Блок, по словам Карахана, поручил ему поторговаться с немцами. «Конечно, что-то уступить придется» — говорил Карахан. Карахан потребовал у меня информацию об организации «право-троцкистского б

по Союзу для предстоящей беседы с фашистскими немецкими и кругами. Я дал ему эту информацию об организации. Знаю, что у него состоялась встреча с руководящими фашистами, что достигнуто тогда соглашение о поддержке немцами антисоветского блока, но детали переговоров в том смысле, какой ерой достигнуто это соглашение, мне неизвестны. С кем он видел персонально, я скажу на закрытом заседании.

Перехожу к террористической деятельности «право-троцкистского блока» и моей, в частности. Я не хочу и не могу опорочивать ни одного из предъявленных мне обвинений по части совершенных террористических актов. Но я хочу только подчеркнуть, что ни один из этих актов не совершен мною без директивы «право-троцкистского блока».

Во-первых, — убийство Кирова. Как обстояло дело? В 1934 году, летом, Енукидзе сообщил мне об уже состоявшемся решении центра «право-троцкистского блока» об организации убийства Кирова. В этом решении принимал непосредственное участие Рыков. Из этого сообщения мне стало известно, что троцкистско-зиновьевские террористические группы ведут конкретную подготовку этого убийства. Енукидзе настаивал на том, чтобы я не чинил никаких препятствий этому делу, а террористический акт, говорил он, будет совершен троцкистско-зиновьевской группой. В силу этого я вынужден был предложить Запорожцу, который занимал должность заместителя начальника Управления НКВД, не препятствовать совершению террористического акта над Кировым. Спустя некоторое время, Запорожец сообщил мне, что органами НКВД был задержан Николаев, у которого были найдены револьвер и маршрут Кирова. Николаев был освобожден. Вскоре после этого Киров был убит этим самым Николаевым.

Таким образом, я категорически заявляю, что убийство Кирова было проведено по решению центра «право-троцкистского блока». По решению этого же центра были произведены террористические акты и умерщвлены Куйбышев, Менжинский и Горький.

Как тут обстояло дело? Еще до убийства Кирова умер сын Горького — Максим. Я уже заявлял суду, что я признаю свое участие в заболевании Максима и ходатайствую вторично у суда перенесении моих объяснений по этому делу на закрытое заседание суда.

Председательствующий (к Прокурору). У вас нет возражений, чтобы вопрос о смерти Пешкова перенести на закрытое заседание суда?

Вышинский. Я не возражаю, имея в виду, что результаты этого выяснения могут быть оглашены на открытом заседании.

Председательствующий. Суд определил ходатайство подсудимого Ягоды удовлетворить, и вопрос о смерти Пешкова переносится на закрытое заседание.

Подсудимый Ягода, продолжайте дальше.

Ягода. К этому времени было произведено умерщвление Менжинского. Я отрицаю, что в деле умерщвления Менжинского мною руководили личные соображения. На пост руководителя

ОГПУ я претендовал не по личным соображениям, не из карстских соображений, а в интересах нашей заговорщической организации. Решение центра по этому вопросу мне было лично Енукидзе. В обоих этих случаях были использованы в то что создавало полную гарантию в смысле невозможности рлечения.

Когда Енукидзе передавал решение контактного центра, убийстве Кирова, я выразил опасения, что прямой террорческий акт может провалиться не только меня, но и всю организацию. Я указывал Енукидзе на менее опасный способ и наполю ему, Енукидзе, о том, как при помощи врачей был умерщ Меньжинский. Енукидзе ответил, что убийство Кирова должно вершиться так, как намечено, и что убийство это взяли на с троцкисты и зиновьевцы, а наше дело — не мешать.

Что касается безопасного способа умерщвления при пом врачей, то Енукидзе сказал, что в ближайшее время центр одит, кого именно из руководителей партии и правите ства нуно будет убить этим способом в первую очередь.

Действительно, через несколько времени, при следую встрече моей с Енукидзе, он сообщил мне, что центр принял ршение приступить к ряду террористических актов над член Политбюро и, кроме того, персонально — над Максимом Гоким. Енукидзе мне объяснил, что «право-троцкистский бл имеев в виду, как ближайшую перспективу, свержение Советс власти, видит в лице Горького опасную фигуру. Горький — не колебимый сторонник сталинского руководства и, несомненнс случае реализации заговора поднимет голос протеста против н заговорщиков. Учитывая огромный авторитет Горького вн, и вне страны, центр, по словам Енукидзе, принял категоричес решение о физическом устранении Горького.

Я заявляю, что сидящие здесь, на скамье подсудимых, Рык Бухарин и другие несут полную ответственность за эти рористические акты. Я заявляю, что по их решению эти акты ли осуществлены.

Еще на одном факте я хочу остановить внимание суда. факт попытки группы заговорщиков отравления Ежова.

После назначения Ежова народным комиссаром внутрен дел было совершенно ясно, что вся деятельность нашей групп а также «право-троцкистского блока», будет вскрыта. Ежов начал разгром кадров заговорщиков и, конечно, мог добра до центра блока и до меня в частности.

И вот, во имя спасения нашей организации, во имя спас Рыкова, Бухарина и других, мы решили убить Ежова. Отраи не производил Буланов.

Я не отрицаю также факта посылки по требованию Ену денег Троцкому через Мирова-Абрамова.

Вышинский. Значит, если подытожить ваши объяснения можно будет сказать следующее.

Первое. — Что вы признаете себя виновным в давнишнем стии в подпольной работе правых.

Ягода. Да.

Вышинский. Второе. — Что вы признаете себя виновным в том, что были одним из руководителей «право-троцкистского оппозиционного блока».

Ягода. Да, признаю.

Вышинский. Третье. — Что вы преследовали вместе с этим блоком цель свержения Советской власти и восстановления в СССР капитализма.

Ягода. Да, признаю. Была задача захватить Кремль.

Вышинский. Вы стояли на точке зрения целесообразности в случае войны подготовить и обеспечить поражение СССР?

Ягода. На этой точке зрения стоял блок, значит и я.

Вышинский. Вы также признаете себя виновным и в шпионской деятельности?

Ягода. Нет, в этой деятельности я себя виновным не признаю.

Вышинский. Вы признаете, что под вашим крылышком сидел целый ряд разведчиков, немецких и польских шпионов?

Ягода. Да.

Вышинский. Вы знали об их шпионской деятельности и вы эту шпионскую деятельность покрывали?

Ягода. Да.

Вышинский. Обнаруженных вами шпионов вы обязаны были арестовывать?

Ягода. Разумеется.

Вышинский. Вы этого не сделали, то есть, иначе говоря, помогли шпионам действовать, как шпионам?

Ягода. Я покрывал их.

Вышинский. Вы были осведомлены о том, что они передавали иностранным разведкам материал?

Ягода. Безусловно.

Вышинский. Раз были осведомлены, значит, с вашего ведома?

Ягода. При моем покровительстве.

Вышинский. Хорошо, при вашем покровительстве тому, что вы делали и о чем вы знали. Это установлено?

Ягода. Да.

Вышинский. Вы также признаете себя виновным в том, что государственные средства по поручению блока передавали в распоряжение Троцкого?

Ягода. Признаю.

Вышинский. Признаете себя виновным в организации и осуществлении террористических актов: первое — убийство товарища Кирова по поручению блока и по предложению блока?

Ягода. Признаю себя виновным в соучастии в убийстве.

Вышинский. В соучастии в убийстве или в умерщвлении Менжинского признаете себя виновным?

Ягода. Признаю.

Вышинский. В организации убийства Куйбышева признаете себя виновным?

Ягода. Признаю.

Вышинский. В организации убийства Алексея Максимо Горького признаете себя виновным?

Ягода. Признаю.

Вышинский. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. У защиты вопросы есть?

Защитник Коммодов. Подтверждает ли подсудимый Я свои показания, данные на предварительном следствии в ч касающейся свиданий с Плетневым?

Ягода. Я это сказал.

Коммодов. То же самое — в отношении свидания с К ковым?

Ягода. Я это подтвердил.

Коммодов. У меня вопросов нет.

Защитник Брауде. Кому принадлежит сама идея смерти болезни?

Ягода. Я сказал — Енукидзе.

Брауде. У меня вопросов больше нет.

Вышинский. Скажите, подсудимый Ягода, вы в своей п ступной деятельности покрывали меньшевиков?

Ягода. Я не смогу вам ответить на этот вопрос.

Вышинский. Позвольте мне предъявить Ягоде его показани в томе 2, лист дела 135: «В о п р о с: Вам предъявляется мент из материалов НКВД, в котором сообщается о мен вистском центре за границей и об активной его работе в СССР. Вы припоминаете этот факт?

Ягода. Да, я знаю, я только не смогу на это ответить зд

Вышинский. ...На этом документе в ноябре 1935 года на жена следующая резолюция: «Это давно не партия и возит с ними не стоит». О т в е т: Да, эту резолюцию писал я... дальше ваше объяснение: ...«это только одно из проявлений го, как я оберегал от провала и отводил удар от меньшеви потому что они находились в контакте с правыми». Подтве даете это?

Ягода. Да.

Вышинский. Значит, из этого можно сделать заключение правые были в контакте с меньшевиками в подпольной заго щической работе и что вы покрывали эту их подпольную за ворщическую работу, отводили от них удар за ударом? Т

Ягода. Показание мое правильно.

Вышинский. Следовательно, в вашей практике вы оберег от провала меньшевиков? Правильно?

Ягода. Правильно.

Вышинский. Теперь скажите, пожалуйста, какова была ро по вашим данным, подсудимых Рыкова и Бухарина в умерще нии Алексея Максимовича Горького?

Ягода. Со слов Енукидзе я знал, что они принимали уча в обсуждении этого вопроса.

Вышинский. По поводу Рыкова мы этот вопрос выясн Рыков признал, что в разговоре с Енукидзе у них стоял вс о возможности террористического акта.

(Обращается к Бухарину). Я хочу вас спро

подсудимый Бухарин, вам известно, какое было отношение Алексея Максимовича к Троцкому?

Бухарин. Резко отрицательное.

Вышинский. А вам известно, какое отношение было Троцкого к Алексею Максимовичу Горькому?

Бухарин. То же самое — резко отрицательное.

Вышинский. Подсудимый Бессонов, вы подтверждаете, что отношение Троцкого к Алексею Максимовичу Горькому было резко отрицательное?

Бессонов. Да, я подтверждаю.

Вышинский. На основании каких фактов?

Бессонов. На основании того, что высказал Троцкий в личном разговоре со мной.

Вышинский. Вы подтверждаете то, что вы показали на суде, что Троцкий передал через вас директиву о физическом уничтожении Горького?

Бессонов. Да, я передал это задание Троцкого Пятакову.

Вышинский. Вам известно, подсудимый Бухарин, что это враждебное отношение к Горькому имело место не только со стороны Троцкого, но и троцкистов?

Бухарин. Да, конечно, потому что Троцкий и троцкисты — это единая суть. Заговорщики подчинялись ему на военный манер. В 1935 году Томский мне сказал, что Троцкий готовит какую-то враждебную акцию или враждебный акт против Горького.

Вышинский. Он вам не сказал, почему троцкисты готовили эту враждебную акцию или акт против Горького?

Бухарин. Он этого не сказал. Он сказал, что это акция против «сталинца Горького», как защитника социалистического строительства вообще, сталинской партийной политики, в частности. Думаю, что здесь речь шла о том большом резонансе, который каждое слово Алексея Максимовича имело на международной арене вообще, у интеллигенции, в частности.

Вышинский. Скажите, совершение враждебного акта над Горьким связывал ли Томский с вопросом о свержении Советского правительства?

Бухарин. По существу связывал.

Вышинский. Следовательно, вы знали, что идет речь о каком-то враждебном акте против Горького?

Бухарин. Да.

Вышинский. Когда говорят о враждебном акте, то можно разуметь и очень серьезные враждебные акты, вплоть до террористических?

Бухарин. Да, от выступления в печати или неприятного разговора до террористического акта — амплитуда колебания очень большая.

Вышинский. Не исключено, что именно тогда и шла речь о физическом устранении, об убийстве Горького?

Бухарин. Теперь я считаю, что это не исключено.

Председательствующий (к подсудимым). Вопросы к Ягоде у кого-либо имеются?

Рыков. Ягода упомянул здесь фамилию Винецкого, как чело-

века, который являлся моим соучастником и связывал м с кем-то. Я просил бы сказать, откуда это известно и кто . Винецкий; знает ли Ягода об этом от самого Винецкого ил другого источника. Никаких инспекторов у меня лично не б

Ягода. Винецкий — инспектор связи Наркомата Связи и с временно инспектор связи в НКВД. Однажды он мне позв и сказал, что Рыков просит его свезти пакет к Николаевск за границу, — может ли он его взять. Я сказал: переговор с Рыковым; если он дает — возьмите. Отсюда я вижу, что Вн кий является связью между Николаевским и Рыковым.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО КРЮЧКОВА

Председательствующий. Подсудимый Крючков, поскольку подтвердили уже свои показания, данные на предварительн следствии, расскажите вкратце о ваших преступлениях.

Крючков. Я показания свои подтвердил полностью. Я пр тельски убил Максима Горького и его сына — Максима Пешк Оба убийства я совершил по указанию Ягоды и под влияни его угроз.

Давая мне поручение убить Максима Пешкова, Ягода осв мил меня о предполагаемом государственном перевороте и о е Ягоды, участии. Принимая это поручение, я стал участник контрреволюционной организации правых.

Я не могу скрыть перед судом, как это я показывал и предварительном следствии, что мои личные интересы совпад переплетались с политической подкладкой этого преступле В смерти Максима Пешкова я был лично заинтересован. Я п гал, что со смертью Максима Пешкова я останусь единстве близким человеком к Горькому, человеком, к которому мс впоследствии перейти большое литературное наследство Гс, кого, которое даст мне в дальнейшем средства и независи положение.

С Ягодой я познакомился в 1928 году Наиболее близкая с установилась в 1931 году. В 1932 году мы стали встреч чаще. Ягода часто разговаривал со мною, говорили мы об А сее Максимовиче. Ягода выяснял и мои политические настро Я не верил в силы индустриализации страны, я не верил в к лективизацию страны.

В 1932 году в разговоре со мной Ягода часто намекал что ему известно, что я живу довольно широко и трачу сра тельно большие средства на себя.

Вышинский. Откуда у вас эти средства были?

Крючков. Я растрачивал большие деньги Горького, польз его полным доверием. И вот это поставило меня в како зависимость перед Ягодой. Я боялся того, что он знает, ч трачу деньги и совершаю уголовное преступление. Ягода с пользоваться мной, чтобы войти в дом к Горькому, стать бл к Горькому. Я ему помогал во всем.

В начале 1933 года Ягода в один из разговоров со мной с зал, что Алексей Максимович может скоро умереть, что он

реет, что после смерти Алексея Максимовича распорядителем литературного наследства Горького останется сын Макс. Вы же привыкли, — говорит Ягода, — жить хорошо, а останетесь в доме в роли приживальщика. Это замечание Ягоды смутило меня, мое смущение заметил Ягода. На этом разговор и кончился.

В 1933 году, кажется весной, как я уже сегодня показывал, Ягода снова возобновил этот разговор со мной и тогда прямо ставил вопрос об устранении, точнее сказать, об убийстве Максима Пешкова.

Он тогда говорил мне так: дело тут не в Максиме Пешкове, — необходимо уменьшить активность Горького, которая мешает «большим людям» — Рыкову, Бухарину, Каменеву, Зиновьеву. Разговор происходил в кабинете Ягоды. Он мне говорил также о контрреволюционном перевороте. Насколько я помню его слова, он говорил о том, что в СССР скоро будет новая власть, которая вполне будет отвечать моим политическим настроениям. Активность Горького стоит на пути государственного переворота, эту активность нужно уменьшить. «Вы знаете, как Алексей Максимович любит своего сына Максима. Из этой любви он черпает большие силы», — сказал он.

Я ему сказал, что мешать ему, Ягоде, не собираюсь, и спросил, что мне нужно делать. На это он мне ответил: «Устранить Максима». И прибавил, что смерть Максима повлияет на Горького и сделает его безобидным стариком. В дальнейшем разговоре он мне сказал: ваша задача очень проста — начните спаивать Максима. Он мне сказал, что для этого дела привлечены доктор Биноградов и доктор Левин.

Я принял поручение и приступил к подготовке убийства Максима Пешкова. Я начал спаивать его, причем вино получал непосредственно от Ягоды в довольно большом количестве. Но все же крепкий организм Максима Пешкова не поддавался. И вот в 1934 году Ягода торопит меня, советует мне простудить Максима. «Вы, — говорит Ягода, — оставьте его как-нибудь полежать на снегу». В марте или апреле, незадолго до основной болезни Максима Пешкова, я так и сделал. Но Максим Пешков тогда отдался небольшим насморком. 2 мая я предварительно напоил Максима и, как здесь сегодня показывал доктор Левин, оставил его в саду на скамейке спать на несколько часов. День был холодный, и с этого момента Максим заболел. 3 мая вечером Максим мне сказал, что ему нездоровится. Он смерил температуру, казалось 39,5°. Несмотря на это я врача не вызвал. Утром вызвал Левина. Левин приехал и поставил диагноз, что у Максима легкой форме грипп. При этом он отозвал меня в сторону и сказал, что вот вы добились того, к чему стремились.

Через несколько дней случайно к Алексею Максимовичу Горькому приехал доктор Бадмаев. Бадмаев осмотрел Максима Пешкова и сразу же определил крупозное воспаление легких и удивленно спросил — что же Левин не осматривал его, что-ли? Когда Максим Пешков узнал, что он болен крупозным воспалением легких, он попросил — нельзя ли вызвать Алексея Дмитриевича Перанского, который часто бывал в доме Горького. Алексей

Дмитриевич Сперанский не был лечащим врачом, но Алексей Максимович его очень любил и ценил, как крупного научного работника. Я сообщил об этом Левину. Левин на это сказал, ни в коем случае не вызывать Сперанского. Левин добавил, что он в скором времени придет вместе с доктором Виноградовым. И действительно, к вечеру они с доктором Виноградовым приехали. Доктор Виноградов, еще не видя больного, привез с собой какие-то лекарства.

7 или 8 мая Максиму Алексеевичу стало лучше. Я сообщил об этом Ягоде. Ягода возмущенно сказал: «Норт знает что, зрелых залечивают, а тут больного не могут залечить». Я знаю, что после этого Ягода говорил с доктором Виноградовым, доктор Виноградов предложил дать Максиму Пешкову шампанского. Левин тогда сказал, что шампанское очень полезно, да потому что у больного депрессивное состояние. Шампанское было дано Максиму Алексеевичу и вызвало у него расстройство желудка при большой температуре.

После того как расстройство желудка появилось, Виноградов лично — это я знаю наверняка — дал больному слабительное. Выйдя из комнаты больного, сказал: «Для непосвященного ясно, что при такой температуре нельзя давать слабительное».

Консилиум, который был созван по настоянию Алексея Максимовича Горького, поставил вопрос о применении блокады методом Сперанского, но доктор Виноградов, Левин и Плетнер категорически возражали и говорили, что надо подождать еще немного. В ночь на 11 число, когда Максим уже фактически умирал и у него появилась синюха, решили применить блокаду методом Сперанского, но сам Сперанский сказал, что уже поздно и не имеет смысла этого делать.

Итак, 11 мая Максим умер. Я уже показывал, что я лично был заинтересован в убийстве Максима Пешкова. Ягода дал мне нож в руки. Я убил Максима по указаниям Ягоды.

Я забыл еще прибавить. Когда был разговор Ягоды со мной об убийстве Максима Пешкова, он мне сказал: «Петр Петрович в два счета могу отстранить вас от Горького, вы в моих руках. Малейший нелояльный шаг по отношению ко мне повлечет для вас более чем неприятные последствия».

Совершив это преступление, я вынужден был пойти на более ужасное преступление — на убийство Горького. Ягода поставил прямо вопрос, что необходимо приступить к разрушению здоровья Горького. Я заколебался, стал уклоняться от исполнения этого поручения. Ягода сказал, что он не остановится перед тем, чтобы разоблачить меня, как убийцу Максима Пешкова. При этом Ягода дал мне недвусмысленно понять, что если бы я вздумал сослаться на него — из этого ничего не выйдет. «Следствие будет вести мои люди», — заметил Ягода. И я пошел на это преступление. Левин сегодня показал, как я простужал Горького. Здесь наши действия были согласованы, то есть я спрашивал совета Левина. Зимой 1935—1936 годов Максим Горький провёл в Крыму в Тессели. Я жил в Москве, но каждые три недели месяц я приезжал туда. Я устраивал длительные прогулки А

ея Максимовича, я организовал постоянные сжигания костров. Дым костров, естественно, действовал на разрушенные легкие Горького. И в это время, в период 1935—1936 годов Горький в Крыму не отдохнул, а, наоборот, усталый возвращался в Москву. Возвращение его в Москву было организовано или, вернее, скорено Ягодой, который как с убийством Максима Пешкова, так и с убийством Горького торопил меня. Когда я был в Крыму, я по телефону говорил с Ягодой. Ягода меня торопит, говорит: необходимо привезти в Москву Горького, — несмотря на то, что в Крыму была в это время очень теплая погода, а в Москве холодная. Я говорю Горькому о поездке в Москву, Горький соглашается, собирается ехать, и, приблизительно, 26 мая 1936 года Надежда Алексеевна Пешкова, вдова Максима Алексеевича Пешкова, позвонила по телефону, сообщила, что ехать ни в коем случае нельзя, погода в Москве холодная, к тому же внушки Алексея Максимовича, то есть ее дочери, находящиеся в Москве, больны гриппом при довольно высокой температуре.

Через день или два я опять разговариваю с Ягодой. Ягода говорит мне, что внушки совершенно здоровы, поправились и необходимо уговорить Алексея Максимовича ехать. Я Алексею Максимовичу передал это, и 26—27 мая мы выехали в Москву. 31 мая, немедленно по приезде, Алексей Максимович отправился к внушкам, которые действительно болели гриппом, температура была повышенной, и он 31 мая заболел. 31 мая вечером был вызван доктор Левин. Левин определил небольшой грипп, но 2 июня сам Алексей Максимович, разговаривая со мною утром, спросил: «Что говорят врачи?» Я ответил: «грипп», а он говорит: «По-моему, у меня начинается воспаление легких, я вижу по мокроте». Я тогда позвонил Левину. Левин приехал и с диагнозом, поставленным самим больным, согласился немедленно. После этого началось лечение в кавычках. Лечили Горького профессор Плетнев и доктор Левин. Я наблюдал это лечение и должен сказать, что критическое значение сыграло то, что Горькому давали дигален, о чем у суда данные имеются. Если до 8 июня 1936 года пульс Горького все же был ровный и доходил, кажется, до 130 ударов в минуту, то после принятия дигалена пульс сразу стал давать резкие скачки.

Вот мое второе ужасное преступление.

На этом вечернее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв до 11 часов 9 марта.

Утреннее заседание 9 марта

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ПЛЕТНЕВА

Председательствующий. Подсудимый Плетнев, расскажи суду о ваших преступлениях перед Советской властью.

Плетнев. Летом 1934 года ко мне обратился доктор Лев и сказал, что меня хочет повидать Ягода, причем сказал, что будет ко мне обращаться не как пациент. Через несколько дней за мною прислали машину, и я был привезен в кабинет Ягоды. Он начал со мною беседу на политическую тему. Он сказал, что назревает переворот, в котором он участвует; из других лиц назвал только одного Енукидзе. Через некоторое время Лев, кроме Енукидзе назвал мне участником антисоветского заговора, еще Рыкова.

Ягода сказал, что они с Енукидзе решили привлечь, помимо Левина, и меня и что требуется наша помощь в деле устранения двух лиц. Эти два лица были: Максим Горький и Куйбышев. Куйбышев возражал, говоря, что, во-первых, Максим Горький — писатель, что, во-вторых, это — два больных человека, которым, по существу, не так долго осталось жить. Ягода сказал: «Они больны, они чрезвычайно активны, и вопрос не в том, чтобы устранить только здоровых, а в том, чтобы уменьшить продолжительность и интенсивность активности этих лиц», и добавил, что Максим Горький особенно значителен как внутри страны, так и за границей. Он сказал, что выбрал меня не только как медицинского лица, но и потому, что знает мое антисоветское настроение. Предложение его было подкреплено сильными угрозами по отношению ко мне и по отношению к моей семье. Я редко бывал у Куйбышева. У Горького я бывал всегда с доктором Левиным, когда Горький тяжело болел. Я был консультантом, домашним врачом Горького был Левин.

План лечения был выработан мною совместно с Левиным, за него несу ответственность так же, как и Левин.

Изложенное Левиным я подтверждаю. Горький был очень слаб здоровьем, что было известно тогда всем врачам. На вскрытии было подтверждено, что Горький жил с одной третью легких. Следовательно, физическое переутомление, какая-нибудь инфекция — это могло оказаться роковым. Никаких посторонних ядов не вводилось, а был проведен режим, который был вреден для Горького.

Количественно и качественно лекарства были все допущены

а индивидуально для Горького они были вредны. Конечно, это не меняет сути дела. Токсическое влияние, вредное влияние проявлялось потому, что предел выносливости у Горького был меньше, чем у другого человека.

Что же касается до умерщвления Куйбышева, то изложенное Легиным совершенно правильно. Вследствие очень напряженной, охваченной нервной жизни у Куйбышева не хватало сил. Нужны были возбуждающие средства, которые впрыскивались ему в виде разнообразных гормонов. Их нельзя впрыскивать непрерывно в течение 365 дней в году, нужно делать перерывы, а эти перерывы не делались. Соответствующее влияние оказывали также и сердечные лекарства, которые Левин назначал.

Вышинский. Как вы характеризуете свои настроения в то время, когда были приглашены Ягодой для сговора об убийстве Куйбышева и Горького? Были у вас тогда антисоветские настроения?

Плетнев. Были.

Вышинский. А вы маскировали эти настроения?

Плетнев. Да.

Вышинский. Каким образом?

Плетнев. Неоднократно говорил о полной поддержке всех тех мероприятий, которые проводились Советской властью.

Вышинский. А в действительности?

Плетнев. Я был несоветским человеком.

Вышинский. Антисоветским?

Плетнев. Да.

Вышинский. Маскировались?

Плетнев. Да.

Вышинский. Двuruшничали?

Плетнев. Да.

Вышинский. Из чего складывался план, который вырабатывался вами вместе с Легиным в отношении умерщвления Алексея Максимовича Горького? Формулируйте кратко.

Плетнев. Утомить организм и тем понизить сопротивляемость.

Вышинский. До возможного и доступного человеческого силам предела?

Плетнев. Да.

Вышинский. Воспользоваться этим состоянием ослабленного организма для чего?

Плетнев. Для возможной простуды и связанной с простудой инфекции.

Вышинский. То есть умышленно создать обстановку неизбежного заболевания какой-либо болезнью?

Плетнев. Да.

Вышинский. И воспользоваться болезнью, чтобы что сделать?

Плетнев. Чтобы применить неправильный метод лечения.

Вышинский. Для чего?

Плетнев. Для умерщвления Горького.

Вышинский. Вот это и был ваш план?

Плетнев. Да.

Вышинский. И вы его выполнили?

Плетнев. Да.

Вышинский. Как вы подготовили организм Горького к тому, чтобы он не в состоянии был сопротивляться болезни?

Плетнев. Эту технику здесь изложил Левин.

Вышинский. Вы этот план поддерживали?

Плетнев. Да.

Вышинский. Вы добились вместе с Левиным намеченных вами чудовищного результата?

Плетнев. Да.

Вышинский. В отношении Валериана Владимировича Кушева вы тоже вместе с Левиным разрабатывали план его умеления?

Плетнев. Также вместе с Левиным.

Вышинский. И вы вместе с Левиным заботились о том, чтобы этот план был выполнен?

Плетнев. Постольку, поскольку его Левин выполнял, это общий план.

Вышинский. Почему вы не отказались от этого преступного плана?

Плетнев. Были угрозы со стороны Ягоды по моему адресу.

Вышинский. Почему вы придавали серьезное значение угрозам Ягоды?

Плетнев. Все-таки это был нарком внутренних дел.

Вышинский. Ну а когда он перестал быть наркомом, что тогда удерживало от того, чтобы явиться в надлежащие органы и выполнить свой долг гражданина?

Плетнев. Я считал вопрос законченным и умершим.

Вышинский. Умершими были ваши жертвы, а вопрос до поры жив.

Плетнев. Теперь я вижу, что он жив.

Вышинский. Вы боялись Ягоды, когда он был руководителем НКВД. Но ведь был такой момент, который длился не день и не месяц, когда Ягода никакой опасности для вас не представлял, когда его сняли с работы в НКВД.

Плетнев. Я думал, что с кошмаром покончено..

Вышинский. Что концы в воду, что никто ничего не знает.

Плетнев. Да.

Вышинский. И что вы попрежнему можете фигурировать, медицинское светило, будучи в действительности «светилом бандитского мира. Это так?

Плетнев. Да.

Председательствующий. У защиты есть вопросы?

Защитник Коммодов. В ваших показаниях, подсудимый Плетнев, есть место, где вы говорите, что при разговоре с Ягодой когда вы стали возражать, он вам заявил: предложение не для дискуссии, а для проведения в жизнь. Было такое место?

Плетнев. Да.

Коммодов. Был ли случай при свидании с Ягодой, что Ягода сказал, что против вас имеется компрометирующий материал?

Плетнев. Он мне его не показал, но он говорил об этом

Вышинский (к Плетневу). А вы не спрашивали, какой же то материал?

Плетнев. Нет, не спрашивал.

Вышинский. А может быть и материала не было?

Плетнев. С моей точки зрения? Я до сих пор не знаю.

Вышинский. Если бы вы были серьезным человеком, вы должны были бы спросить, какой материал.

Плетнев. Я этого не спросил. Но мое кадетское прошлое...

Вышинский. Кадетское прошлое не у вас одного. Что же тогда вас испугало?

Плетнев. Общая ситуация.

Коммодов. Вы могли думать, что органы государственной безопасности знают о ваших антисоветских настроениях?

Плетнев. Раз они у меня были, следовательно, было и основание для такого предположения.

Коммодов. Ваши антисоветские настроения сами по себе могли бы толкнуть вас на совершение преступления в вашей работе, если бы не было указаний Ягоды?

Плетнев. Ни в коем случае.

Коммодов. Сколько лет вы занимаетесь врачебной деятельностью?

Плетнев. 40 лет.

Коммодов. Эти 40 лет вы провели в качестве практикующего врача или занимались научной деятельностью?

Плетнев. Я был практикующим врачом, был педагогом, вел научно-исследовательскую работу и был редактором одного из руководящих медицинских журналов в СССР.

Коммодов. У вас имеются научные работы?

Плетнев. У меня имеется целый ряд работ.

Коммодов. Больше вопросов нет.

Вышинский (к Плетневу). Сколько вы сказали у вас лет вашего врачебного стажа?

Плетнев. 40.

Вышинский. Вы считаете безупречным этот стаж?

Плетнев. Да, я считаю.

Вышинский. Вы считаете, что тот приговор, который имеется по хорошо вам известному делу о насилии, учиненном вами над пациенткой, есть момент, позорный для вашей деятельности?

Плетнев. Приговор, да...

Вышинский. Приговор порочит вашу деятельность или нет?

Плетнев. Порочит.

Вышинский. Значит, за 40 лет были порочащие моменты?

Плетнев. Да.

Вышинский. Больше вопросов нет.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО КАЗАКОВА

Председательствующий. Подсудимый Казаков, вы подтверждаете ваши показания на предварительном следствии?

Казаков. Подтверждаю.

Председательствующий. Расскажите суду о вашей преступной деятельности.

Казаков. Мои преступления связаны, в частности, с убийством Вячеслава Рудольфовича Менжинского. Мое отношение к жинскому разделяется на два периода. Первый период ноября 1933 года, когда я правильно лечил его и добился деленных результатов. Второй период — когда я применял правильный метод лечения. Это было после встречи с Левиным и после встречи с Ягодой. Менжинский до моей встречи с ним был в тяжелом состоянии и около 6 или 7 месяцев не вставал с постели. Я был приглашен к тяжело больному. У него было наличие грудной жабы и одновременно бронхиальная астма. Электрокардиограмма показывала наличие тромбозов с вовлечением ветвей венечных артерий.

После моего лечения в апреле 1932 года Вячеслав Рудольфович встал и приступил к работе.

5 марта 1933 года я был снова приглашен к Менжинскому. Он застал его в тяжелом состоянии: после перенесенного гриппа у него был хронический сепсис. Припадки астмы сменялись припадками жабы. Мы тогда разошлись с доктором Левиным по поводу оценки его состояния. И я был отстранен от лечения Менжинского. С Левиным мы встретились в мае. Он высказал мне некоторое сочувствие по поводу отрицательного отношения к группе врачей, с которыми я вел научную борьбу, и сказал, что зря я вожусь с Менжинским, что толку из этого ничего не будет и на нем карьеры себе сделать невозможно. Потом он сказал: «Ну, как-нибудь в другой раз попробуем».

В июне я снова с ним встретился. Я узнал, что за это время был консилиум у Менжинского, этот консилиум решил, что Менжинского хронический сепсис и принял противосептическое лечение лизатами. Встреча с Левиным и разговор были неожиданными, ибо раньше он считал ненужным продолжение такого лечения Менжинского. Я начал лечить Менжинского с 19 июля. В конце июля Менжинский снова мог приступить к работе. В августе, сентябрь мы провели вместе в Кисловодске, Менжинский там был в хорошем состоянии. В октябре он уже приступил опять к работе.

В конце октября я встретился с доктором Левиным, и здесь уже произошел откровенный разговор, тот, который вчера я твердил доктору Левину. Он сказал мне: «Удивляюсь я вам, что вы так рьяно взялись за восстановление здоровья Менжинского. Напрасно вы его допустили к работе. Напрасно вы возитесь с этим живым трупом. Ведь этим вы только раздражаете Ягоду и это вас к добру не приведет». Тут я совершенно оторвался. Левин продолжал: «Поймите, что Менжинский мешает Ягоде. Ягода заинтересован в скорейшем устранении его. Предупреждаю вас, что если вы скажете Менжинскому об этом, то Ягода вас, конечно, уничтожит, и нигде вы не спрячетесь от Ягоды. Ягода такой человек, который ни перед чем не останавливается, ничего не забывает. Предупреждаю вас, что Ягода вас вызовет к себе».

Этот разговор по своей откровенности уже переходил

ские границы. Конечно, это обязывало меня тут же кому-либо сообщить, я этого не сделал, думая, что здесь какая-нибудь провокация со стороны доктора Левина, и решил ждать, что мне скажет Ягода.

6 ноября — я твердо это помню — за мною приехала машина с начальником Санчасти ОГПУ, с которым я всегда ездил, и неожиданно для меня доставили меня не в Шестые Горки, куда я обычно ездил, а на одну из Мещанских улиц в только что отремонтированный особняк. Войдя в этот одноэтажный особняк, мы в буквальном смысле слова задохнулись. Тяжелейший, удушливый запах. Явно чувствовался запах скипидара, но был еще запах какого-то особого вещества. Члены семьи Менжинского мне объяснили так: 5 ноября, то есть вчера, семью Менжинского и его самого перевезли сюда, здесь была сделана покраска, и поскольку осенью краска медленно сохнет, то к краске было добавлено какое-то вещество, сикатив, способствующий высыханию. Надо сказать, что этот сикатив обладает очень едким запахом. Мы, здоровые люди, в буквальном смысле слова задыхались. Что же было с Менжинским, страдающим бронхиальной астмой! Когда я вошел к Менжинскому, я застал его в вынужденно-сидячем положении, он с трудом мог говорить, совершенно отек за ночь. Я послушал легкие — всюду звонкие типично-астматические сухие хрипы, удлинённый выдох, дышит он крайне затрудненно. Я и шофер взяли его на стул и вдвоем вынесли на балкон, сейчас же открыли все окна. Прежде чем его вынести, я сделал инъекцию, чтобы как-нибудь ослабить тяжелейший припадок бронхиальной астмы. Часа три я продержал Менжинского на веранде. После этого мы его внесли обратно. Я уехал домой. Дома вскоре раздался звонок. Мне было сказано, что говорят от Ягоды, просят меня туда приехать, за мною сейчас прибудет машина. Действительно, в скором времени за мною прибыла другая машина, и меня доставили к первому подъезду. Я поднялся и встретил Ягodu, что он вчера на вечернем заседании суда подтвердил.

Здесь произошел следующий разговор. Вначале спокойно, вежливо он спросил:

— Скажите, пожалуйста, вы видели Вячеслава Рудольфовича?

— Да, видел сегодня.

— В каком состоянии вы его нашли?

— В очень тяжелом состоянии.

После небольшой паузы Ягода говорит:

— Собственно говоря, на Менжинского все махнули уже рукой.

Меня это несколько удивило. Дальше Ягода задает вопрос:

— Скажите, пожалуйста, вы с Левиным разговаривали?

— Да, разговаривал.

— Так почему же вы... (Тут он вышел из границ обычной элементарной вежливости и передо мной предстал самый настоящий необузданный сатрап). Почему вы умничаете, а не действуете? Кто вас просил вмешиваться в чужие дела?

Тут я понял, что он участник какого-то дела, что он знает

о том, что было 3—4 часа тому назад. Я спросил у Яго: «Что вы хотите от меня?» Ягода ответил: «Вы должны с доктором Левиным выработать такой метод лечения Менжинского чтобы он скорее закончил свою бесполезную и многим мешающую жизнь. Предупреждаю вас, что если вы вздумаете сопротивляться, я сумею с вами справиться. Вы от меня никуда уйдете»...

Если бы у меня сейчас Прокурор спросил — знаете ли Ягоду, я бы ответил — знаю. Если бы Прокурор спросил узнаете ли вы Ягоду, я бы сказал — не узнаю, то есть тот Яг и настоящий Ягода — большая разница. Сейчас он очень скрывной, тихий, а там он был другим.

Я понял, что попал в жуткие тиски.

В конце ноября я видел Левина. И вместе с ним был выработан метод, который заключался в следующем: прежде были использованы два основных свойства белка и белковых продуктов. Первое: продукты белкового распада — гидролизаты обладают свойством усиливать действие лекарственного вещества. Второе: лизаты поднимают чувствительность организма. Вот эти два свойства и были использованы.

В-третьих, были использованы особенности организма Менжинского — комбинация бронхиальной астмы с грудной жабой.

Если вы меня спросите, нужно ли было Менжинскому давать вещества симпатикотропные, то я должен сказать — да, если бы была только бронхиальная астма, но давать было нельзя, так у него имелась грудная жаба.

И только невежественный человек мог допустить дачу препаратов мозгового слоя надпочечников при комбинации этих болезней.

Вышинский. Невежественный или же?

Казаков. Или же с заранее обдуманной целью.

Вышинский. С преступными целями?

Казаков. Да.

Вышинский. А может быть здесь налицо было и невежество и преступление?

Казаков. Нет, здесь было чистое преступление. Постепенно включались одни препараты и выключались другие. Поэтому не знаю, могли ли сами эти препараты дать тот эффект, который они должны были дать. Надо было еще включить ряд других лекарственных веществ — дигиталис, адонис, строфантин, которые заставляли сердце энергично работать. Введение этих лекарств проводилось в таком порядке: давались лизаты, потом был перерыв в лечении лизатами, затем давались сердечные препараты. В результате такого «лечения» наступила огромная слабость, и Менжинский скончался с 9 на 10 мая.

Я знаю, вы меня спросите — почему я не сообщил об этом преступлении советским органам. Ягода держал меня под постоянным наблюдением. Это я знал, это я чувствовал.

Вы меня спросите, вероятно, какие же мотивы объясняют мое молчание? Я должен сказать — мотивы низменного страха. Я тогда занимал высокий пост. И второй момент: в Санчасти на

дилось большинство врачей моих научных противников. Я думал, что, может быть, наступит момент, когда я сумею свободно работать, может быть, Ягода сумеет остановить их.

Вышинский. В награду за ваше преступление?

Казаков. Да.

Вышинский. Вы говорите, что у вас были соображения чисто карьеристского порядка. Против вас была настроена медицинская наука и вы рассчитывали устранить ваших противников?

Казаков. То есть нейтрализовать и дать мне свободно работать или же сдерживать их.

Вышинский. И вы тогда будете вести научную работу?

Казаков. То есть я буду свободно работать.

Вышинский. А до сих пор работали не свободно в нашей стране?

Казаков. В тот период я с большим ущемлением работал.

Вышинский. Это ваше личное переживание, потому что оспаривалось значение вашей научной работы.

Но я спрашиваю, государство обеспечило все возможности вашей научной работы?

Казаков. Государство мне обеспечило полностью, но среда...

Вышинский. Погодите. Советским государством был дан вам институт?

Казаков. Да.

Вышинский. Большой или маленький?

Казаков. Лучший институт в Союзе.

Вышинский. Средства были даны?

Казаков. Да.

Вышинский. Какие средства?

Казаков. Большие.

Вышинский. Большие, гигантские. Как же вы осмеливаетесь говорить то, что вы сейчас сказали? Вы и здесь думаете клеветать. Продолжайте ваши объяснения.

Казаков. Суд для меня является сейчас тем моментом, когда я могу честно рассказать о всем случившемся и, прежде всего, внутренне освободиться от сознания совершенного преступления.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, вашу формулу № 2, при помощи которой вы погубили Менжинского. Вот этот лизат печени.

Казаков. Лизат печени необходим при бронхиальной астме, при грудной жабе...

Вышинский. Лизат щитовидной железы?

Казаков. Необходим при бронхиальной астме и противопоказан при грудной жабе.

Вышинский. А лизат придатка мозга?

Казаков. Противопоказан при грудной жабе.

Вышинский. А лизат мозгового слоя надпочечника?

Казаков. Противопоказан.

Вышинский. Вы вводили эти лизаты в каких целях?

Казаков. В преступных целях.

Вышинский. В целях убийства?

Казаков. Да, да.

Вышинский. Кто контролировал ваши рецепты?

Казаков. Никто не контролировал.

Вышинский. Я прошу экспертизу ответить на вопрос, был какой-нибудь контроль за лизатами Казакова или он мог делать все, что хотел? Я прошу экспертизу ответить и на вопрос, сыграли ли роль эти три лизата в преступном отравлении Менжинского?

Председательствующий. У защиты есть вопросы?

Защитник Коммонов. При вашем свидании с Ягодой в ноябре 1933 года он потребовал определенного метода лечения и определенных результатов?

Казаков. Он требовал такого метода лечения, который ускорила бы смерть Менжинского.

Коммонов. Как вы поняли, что нужно было Ягоде?

Казаков. Ягоде нужно было скорее освободиться от Менжинского.

Коммонов. Скорейшая смерть Менжинского? И вы дали согласие действовать именно в этом направлении?

Казаков. Да.

Коммонов. Как скоро наступила смерть Менжинского после разговора с Ягодой?

Казаков. Через 6 месяцев. Этот разговор был 6 ноября 1933 года, а смерть наступила 10 мая 1934 года.

Вышинский (к Казакову). На вопрос защитника Коммонова вы сказали, что Ягоде было безразлично, как вы «читаете» Менжинского, ему нужен был только результат, то есть смерть.

Казаков. Ягода за мной следил через Левина.

Вышинский. Левин контролировал ваши лизаты?

Казаков. Нет, он не контролировал, а устанавливал состояние здоровья Менжинского и отсюда он контролировал реализацию нашего преступного плана.

Вышинский (к суду). Позвольте спросить подсудимого Левина по этому вопросу.

Левин. Я не мог контролировать лизаты, потому что я никогда не верил в метод лечения Казакова.

Вышинский. Почему вы не верили в этот метод, вы считали что это шарлатанство?

Левин. Я считал это авантюризмом. Никто не знал, как Казаков приготовлял лизаты.

Вышинский. Контролировать их можно было?

Левин. Очень трудно. Он приезжал всегда со своим чемоданчиком, и там были какие-то ампулы.

Вышинский. А если бы он хотел изготовить их плохо?

Левин. Он имел к тому все возможности.

Вышинский. Подсудимый Казаков, я спрашиваю вас, могли вы Ягоду провести в этом деле, то есть представить дело так, делаю все, чтобы умертвить, но не выходит, организм жизни способный, борется? Такая постановка вопроса возможна или нет?

(Казаков молчит).

Или вы хотели того же результата, которого хотел и Ягода, потому что рассчитывали, что может быть вам Ягода тоже помог бы пригодиться в борьбе за вашу так называемую научную карьеру?

Вы понимаете мой вопрос?

(К а з а к о в молчит).

Если вы поставили вопрос личного вашего благополучия выше жизни руководителей нашей партии и правительства, выше интересов Советского государства, если вы так низко пали, то не могли ли вы найти последнее убежище в том, чтобы провести Ягodu — сказать: я делаю, стараюсь, чтобы был смертельный результат, но не выходит это? Могли или не могли?

К а з а к о в. Я вам отвечу, что если вы введете эти три лизата...

В ы ш и н с к и й. Я не об этом вас спрашиваю. Вы поняли мой вопрос? Могли ли бы вы не выполнить своего обязательства перед Ягодой, обмануть его? В медицине Ягода понимал что-нибудь? Врачи не разбирались в вашей волшебной кухне, так что же говорить о Ягоде.

(К а з а к о в молчит).

Могли вы или не могли сделать вид, что вы выполняете его указания, а в действительности, про себя, не выполнять их?

К а з а к о в. Мог бы. Я должен сейчас сказать, что эти три лизата являются противопоказанными при грудной жабе, но если мы сейчас выберем любого больного с грудной жабой и введем эти три лизата, то они не вызовут смерти. Даже адреналин дастся...

В ы ш и н с к и й. Значит, что выходит?

К а з а к о в. Значит, выходит, что я рассчитывал, но я не убил.

В ы ш и н с к и й. Вы вводили эти лизаты для чего? Для того, чтобы убить Менжинского?

(К а з а к о в молчит).

Вы вводили лизаты с этой целью? Вы тогда были уверены, что они помогут вашим преступлениям?

К а з а к о в. Видите ли, лизаты имеют двоякое действие...

В ы ш и н с к и й. Это мы знаем, какое действие ваши лизаты могут иметь. Вы осмеливаетесь утверждать, что эти три лизата бы и безвредны для Менжинского?

К а з а к о в. Да, эти три лизата были безвредны.

В ы ш и н с к и й. А могли ли вы провести Ягodu?

(К а з а к о в молчит).

В виду невозможности получить прямой ответ на этот ясный вопрос, я прошу суд прервать заседание и дать возможность экспертизе ответить на вопрос, поставленный мною Казакову.

П р е с е д а т е л ь с т в у ю щ и й (к э к с п е р т а м). Можете вы сейчас ответить?

Э к с п е р т ы. Нет, мы просим после перерыва.

П р е с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Объявляется перерыв на полчаса.

Председательствующий (после перерыва). Эксперты могут дать заключение по дополнительным вопросам Прокурора?

Эксперт профессор Бурмин. Да, мы готовы (з а ч и т ы в а е т).

**ОТВЕТЫ МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ВОПРОСЫ,
ПОСТАВЛЕННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ**

Вопрос: Был ли какой-либо контроль и мог ли быть этот контроль при приготовлении лизатов И. Н. Казаковым?

Ответ: Никакого контроля не было и быть не могло, и в то время (в 1933 и первой половине 1934 года — время лечения Казаковым покойного товарища Менжинского) при приготовлении лизатов был Казаковым абсолютно засекречен.

Вопрос: Сыграло ли решающую роль применение Казаковым лизатов щитовидной железы, придатка мозга и мозгового слоя надпочечников в ухудшении состояния здоровья товарища В. Р. Менжинского?

Ответ: Применение указанных выше лизатов (щитовидной железы, придатка мозга и мозгового слоя надпочечников) при тяжелом сердечном заболевании, которым страдал покойный В. Р. Менжинский, было недопустимо, и этого не мог не знать И. Н. Казаков.

Вредные действия этих лизатов в данном конкретном случае усугублялись тем обстоятельством, что В. Р. Менжинский в течение длительного времени одновременно применялись препараты наперстянки, действие которых под влиянием лизатов было условно усиливалось.

Такое сочетание методов лечения не могло не привести к истощению сердечной мышцы больного В. Р. Менжинского и тем самым к ускорению наступления его смерти.

Эксперты:

Заслуженный деятель науки профессор Д. А. Бурмин.

Заслуженный деятель науки профессор Н. А. Шерешевский.

Профессор В. Н. Виноградов.

Профессор Д. М. Российский.

Доктор медицинских наук В. Д. Зипалов.

9 марта 1938 года. Москва.

Вышинский. Я прошу разрешения огласить показания поддогодного Казакова, имеющиеся в т. 19 на листах 68 и 69, где изложил содержание формулы № 2 и показал следующее: «Поскольку в эту формулу входили уже три симпатикотропных веществ, лизат щитовидной железы, мозгового слоя надпочечников и придатка мозга, причем при повышенной дозе приема внутри процесс ослабления и истощения запасных сил больного сердца Менжинского, вследствие усиленной работы, вызванной комбинацией лизатов и сердечных лекарств, начал резко нарастать».

в ночь с 9 на 10 мая Менжинский скончался при явлениях упадка сердечной деятельности».

Подсудимый Казаков, вы и сейчас согласны с тем показанием, которое вами было дано раньше?

Казаков. Согласен и подтверждаю полностью.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО

Председательствующий. Расскажите о вашей антисоветской деятельности.

Максимов-Диковский. Мое сближение с правыми относится к 1928 году в бытность мою слушателем Института красной профессуры. В институте я близко познакомился с аграрником Гайстером, который тогда был уже правым.

С начала 1929 года я также уже стоял на позициях правых, вступил на антипартийный контрреволюционный путь.

Следуя тактике центра правых, я не только никогда не выступал против политики партии, но даже старался не сближаться с теми правыми, которые уже успели скомпрометировать себя. Как и все правые, я маскировался и двурушничал.

В последующие годы, в 1930, 1931 годах, мои связи с правыми усилились. Я знал через Гайстера о том, что тройка — Рыков, Бухарин и Томский — усиливает свою борьбу с партией, что в ряде областей РСФСР и национальных республик они создали свои подпольные нелегальные организации. В конце 1931 года в одну из встреч с Гайстером он упрекнул меня в пассивности. Когда Гайстер узнал, что я кончаю институт, он спросил меня, как бы я отнесся к тому, если бы он рекомендовал меня на довольно ответственную работу в секретариат Куйбышева. Я не отказался. В начале 1932 года я был вызван к Куйбышеву и через некоторое время приступил к работе.

На протяжении 1932 года связь с правыми усиливалась. Я познакомился через Гайстера с другими правыми — с Розенталем и Кравалем. Я познакомился со Смирновым — работником Госплана, с Дейчем и так далее. Затем Гайстер связал меня с Енукидзе.

От Енукидзе я узнал, что правые стоят за свержение существующего руководства для того, чтобы изменить политику, направить развитие страны по пути реставрации капитализма.

В середине 1934 года, примерно, в конце августа, Енукидзе позвонил мне однажды и вызвал к себе для разговора, который имел для меня в дальнейшем наиболее серьезные последствия. Во время этого разговора Енукидзе сказал мне: «Если раньше правые рассчитывали на то, что удастся свергнуть Советскую власть при помощи организации отдельных наиболее антисоветски настроенных слоев и, в частности, кулачества, то сейчас положение изменилось. Ставка на это бита и необходимо перейти к более активным методам захвата власти». Эти наиболее активные методы он мне тут же расшифровал: центр правых,

в согласии с троцкистами, принял решение о необходим-
учинить ряд террористических актов против членов Политбюро.
Это должно быть достигнуто методом подрыва здоровья вс^{ех}
дей.

«Вы,— говорит он,— должны принять участие в террористи-
ском акте против Куйбышева, подготовка к этому уже нача-
Врачи Левин и Плетнев сумеют сделать свое дело. От вас тре-
буется, во-первых, дать им возможность не мешать тому, что
они часто посещали больного, чтобы не срывались их так на-
ваемые визиты к больному; и второе—в случае острого заболе-
ния, припадков каких-нибудь, не торопиться с вызовом врача,
если нужно, то вызывать только тех врачей, которые его лечат».

Тут же он сказал, что нашим участником является Ягода
что он имеет возможность к любому нашему стороннику, стан-
вящемуся предателем, принять те или иные меры, которых у не-
в распоряжении вполне достаточно.

Я ему не ответил ни да, ни нет. Разговор был отложен, но
вскоре возобновлен. Вскоре он вызвал снова меня к себе. Тут
же присутствовал и Ягода. Опять зашла речь исключительно
о подготовке террористического акта против Куйбышева. Я на
это пошел. События дальше разворачивались быстрыми темп-
ми. В результате так называемого лечения здоровье Куйбыше-
все ухудшалось. Наступил период, когда Куйбышев стал соб-
ратся в командировку в Среднюю Азию. Енукидзе опять мен-
вызвал и потребовал: «Во время поездки в Среднюю Азию ва-
обязательно надо вызывать врача из Москвы. Поедет Левин».

По приезде в Среднюю Азию Куйбышев заболел ангиной
затем появился нарыв в горле. Куйбышев отказался от вызова
врача из Москвы, и операцию делал местный врач в Ташкенте.
Операция прошла благополучно. Но по возвращении в Москву
здоровье Куйбышева ухудшилось, получились осложнения посл-
перенесенной болезни в Средней Азии. Несмотря на такое со-
стояние здоровья, врачи, которые были у него раза три, нах-
дили состояние здоровья его удовлетворительным. А я его ут-
шал, ссылаясь на заявления врачей.

Наконец разразилась катастрофа, в тот самый день, когд-
Куйбышев находился на работе. Он почувствовал себя плох-
был очень бледен, налицо были несомненно те признаки, ч-
приближается припадок. Это было в 2 часа дня. Он ушел домо-
Я позвонил Енукидзе и сказал, что Куйбышев ушел домой, ч-
ему очень плохо. Я не сомневался, что это результат лечения
которое проводилось. Енукидзе потребовал от меня не нер-
ничать и выполнять то, что требуется, не торопиться с вызов-
врача. Прошло минут 15—20. Куйбышев ушел в 2 часа, а смер-
его наступила в полчаса третьего. Мне позвонили из дому, ч-
с Куйбышевым плохо. Я врача вызвал, но, когда врач приеха-
Куйбышев уже был мертв, было слишком поздно.

Вышинский. Вы кем были вовлечены в заговор?

Максимов-Диковский. Енукидзе вместе с Ягодой.

Вышинский. Были ли причастны к убийству Куйбышева Е-
харин и Рыков?

Максимов-Диковский. Енукидзе говорил, что в этом деле принимает участие центр правых заговорщиков: Бухарин, Рыков и Томский.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ДОКТОРА М. Ю. БЕЛОСТОЦКОГО

Вышинский. Что вам известно относительно неправильности лечения Алексея Максимовича Горького и почему это известно вам?

Белостоцкий. Я Лечсанупром Кремля был прикомандирован к Алексею Максимовичу Горькому для проведения внутривенных вливаний. Мне приходилось почти с первых дней заболевания Алексея Максимовича производить довольно большое количество внутривенных вливаний и инъекций сердечных средств, как, например, дигален, кардиозол, глюкоза с строфантом, глюкоза, потом строфантин.

Вышинский. Что же, вы считали это нормальным или нет?

Белостоцкий. Был один такой случай — насчет глюкозы с строфантом и строфантином. Я опасался этого препарата. Я знал из литературы, что этот препарат очень опасный, что он должен применяться при исключительных показаниях. Я позволил себе обратить внимание профессора Левина — стоит ли применять такой препарат. Левин сейчас же отменил применение этой инъекции.

Вышинский. Вы считали неправильным применение этого средства?

Белостоцкий. Я считал тогда, что это не совсем правильно.

Вышинский. Что еще желаете доложить суду?

Белостоцкий. Я вспоминаю, что было сделано очень много сердечных инъекций. Я хочу обратить внимание на то обстоятельство, что во время приготовления очередного внутривенного вливания ко мне подошел профессор Плетнев и сказал на ухо: зачем вы это делаете? При таком состоянии больного надо дать ему спокойно умереть.

Вышинский. Не спасать?

Белостоцкий. Не спасать.

Вышинский. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. Для оглашения заключения медицинской экспертизы слово предоставляется заслуженному деятелю науки профессору Бурмину.

Профессор Бурмин (читает):

ОТВЕТЫ МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ

1. По умерщвлению А. М. Горького

Вопрос: — Допустимо ли, чтобы больному с резко выраженным пневмо-склерозом, с наличием бронхоэктазов и каверн, эмфиземы легких и перерождения сердечно-сосудистой системы, страдающему тяжелыми периодическими кровохарканиями, назначался режим длительных прогулок после обеда, особенно в сочетании с утомительным трудом.

Мог ли подобный режим, проводимый в течение продолжительного времени, вызвать у больного ухудшение состояния здоровья и, в частности, сердечно-сосудистой системы?

Ответ: — Такой режим безусловно недопустим и мог обусловить ухудшение здоровья больного и, в частности, ухудшение состояния сердечно-сосудистой системы.

Вопрос: — Допустимо ли помещение подобного больного в квартиру, где заведомо имелись больные гриппом?

Ответ: — Абсолютно недопустимо, ибо этим обеспечивается заражение данного больного гриппом.

Вопрос: — Правильно ли было ведение больного, правильно ли велась история болезни и лечение А. М. Горького время его последнего заболевания с 31 мая по 18 июня 1936 года?

Ответ: — Констатация тяжелого состояния больного на достаточное отражение в истории болезни, проводимое же лечение зарегистрировано преступно небрежно.

Вопрос: — Допустимо ли вообще длительное, одновременное применение больших доз сердечных средств внутривенно, подкожно и внутрь именно дигиталиса, дигоалена (препараты напестянки), строфантина и строфанта, а, в частности, у тяжело больного А. М. Горького, 68-ми лет, страдавшего вышеуказанным поражением внутренних органов?

Ответ: — Абсолютно недопустимо.

Вопрос: — Каковы могли быть последствия такого лечения у А. М. Горького при его последнем заболевании?

Ответ: — Такой метод лечения вообще должен был привести к истощению сердечной мышцы, а в данном случае — мог обострить смертельный исход.

Вопрос: — Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применить такой неправильный метод лечения без злого умысла?

Ответ: — Этого допустить нельзя.

Вопрос: — Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения А. М. Горького был заведомо вредительским, направленным к ускорению смерти, с использованием для достижения этой преступной цели специальных познаний, которыми располагали обвиняемые Вин и Плетнев?

Ответ: — Да, безусловно можно считать установленным.

2. По умерщвлению В. В. Куйбышева

Вопрос: — Допустимо ли было назначение больному В. В. Куйбышеву, страдавшему приступами грудной жабы и распространенным артериосклерозом, длительных приемов больших доз дигиталиса (наперстянки)?

Ответ: — Нет, недопустимо.

Вопрос: — Могло ли применение больших доз препаратов наперстянки в продолжение длительного срока (несколько месяцев) способствовать учащению припадков грудной жабы?

Ответ: — Да, могло способствовать учащению припадков грудной жабы.

Вопрос: — Допустимо ли в состоянии припадков грудной жабы разрешать больному двигаться и подниматься по лестнице и можно ли оставить больного с припадком грудной жабы без оказания немедленной врачебной помощи?

Ответ: — Абсолютно недопустимо и преступно, так как это может привести, а в данном случае и привело, к смерти.

Вопрос: — Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения В. В. Куйбышева был заведомо вредительским, направленным к ускорению его смерти, с использованием для этого как специальных познаний, которыми располагали обвиняемые, так и метода умышленного оставления В. В. Куйбышева без медицинской помощи при очередном припадке грудной жабы?

Ответ: — Да, безусловно можно считать установленным.

3. По умерщвлению В. Р. Менжинского

Вопрос: — Допустимо ли было у больного В. Р. Менжинского, страдавшего артериосклерозом с тяжелыми припадками грудной жабы и имевшего инфаркт миокарда, длительное применение препаратов наперстянки, особенно в сочетании с лизатами, могущими усиливать действие препаратов наперстянки?

Ответ: — Нет, безусловно недопустимо и преступно.

Вопрос: — Могло ли применение такого метода лечения способствовать истощению сердечной мышцы и тем самым способствовать наступлению смертельного исхода?

Ответ: — Да, безусловно могло.

Вопрос: — Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что обвиняемые Левин Л. Г. и Казаков И. Н. применяли заведомо вредительские методы лечения тов. Менжинского, поставив своей преступной целью скорейшее наступление его смерти, которая и явилась результатом их преступных действий?

Ответ: — Да, безусловно можно считать установленным.

4. По умерщвлению М. А. Пешкова

Вопрос: — Правильно ли велось лечение М. А. Пешкова, болевшего крупозным воспалением легких, как оно изложено в показаниях обвиняемого Левина?

Ответ: — Лечение М. А. Пешкова, как оно изложено в показаниях обвиняемого Левина, велось неправильно и преступно:

1) не применялась лечебная антипневмококковая сыворотка, которая, по собственному признанию обвиняемого Левина, могла бы быть полезной в лечении больного; 2) назначались в недопустимо высоких дозах наркотики — морфий и пантопон; 3) не применялись сердечные средства.

Вопрос: — Мог ли подобный неправильный метод лечения, проводимый обвиняемым Левиным, способствовать смертельному исходу болезни?

Ответ: — Подобное лечение не только не способствовало организму в его борьбе с болезнью, но наоборот ухудшало положение больного.

Вопрос: — Можно ли считать установленным, что обвиняемый Левин, поставив своей преступной целью ускорение смерти М. А. Пешкова, применял заведомо вредительское лечение для осуществления своей преступной цели?

Ответ: — Да, безусловно, можно считать установленным.

Заслуженный деятель науки профессор Д. А. Бурмин
Заслуженный деятель науки профессор Н. А. Шерешев

ский
Профессор В. Н. Виноградов

Профессор Д. М. Российский.

Доктор медицинских наук В. Д. Зипалов.

9 марта 1938 года. Москва.

По отравлению товарища Н. И. Ежова

Вопрос: — Можно ли на основании представленных экспертизы материалов об организации отравления тов. Н. И. Ежова прийти к заключению, что обвиняемые Ягода Г. Г. и Буланов П. П. применили для достижения своей преступной цели крайне опасные и весьма действенные способы постепенного отравления тов. Н. И. Ежова?

Ответ: — На основании предъявленных материалов химических анализов ковра, гардин, обивки мебели и воздуха рабочей кабинета тов. Н. И. Ежова, а равно и анализов его мочи и характера возникших у него болезненных проявлений, следует считать абсолютно доказанным, что было организовано и выполнено отравление тов. Н. И. Ежова ртутью через дыхательные пути, что явилось наиболее действенным и опасным методом хронического ртутного отравления.

Вопрос: — Можно ли считать установленным, что в результате примененных обвиняемыми Ягодой Г. Г. и Булановым П. П. способов постепенного отравления тов. Н. И. Ежова его здоровью был причинен значительный ущерб и, если бы это преступление не было своевременно вскрыто, то жизни тов. Н. И. Ежова угрожала бы непосредственная опасность?

Ответ: — Да, следует считать установленным, что в результате примененного обвиняемыми Ягодой Г. Г. и Булановым П. П. способа постепенного отравления тов. Н. И. Ежова его здоровью был причинен значительный ущерб и, если бы данное преступление не было своевременно вскрыто, то жизни тов. Н. И. Ежова угрожала непосредственная опасность.

Заслуженный деятель науки профессор Д. А. Бурмин.
Заслуженный деятель науки профессор Н. А. Шерешев

ский.
Профессор В. Н. Виноградов

Профессор Д. М. Российский

Доктор медицинских наук В. Д. Зипалов

9 марта 1938 года. Москва.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, у вас есть вопросы к экспертизе?

Вышинский. Только один — являются ли ответы на эти вопросы единодушным мнением всей экспертизы или кто-нибудь из экспертов имеет особую точку зрения?

Профессор Бурмии. Единодушным.

Председательствующий. Есть какие-нибудь дополнения, вопросы?

Вышинский. К экспертизе у меня нет вопросов. Есть вопросы к отдельным подсудимым.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Обвиняемый Розенгольц. Как видно из акта, находящегося в томе 6 на листе дела 17, при аресте Розенгольца у него был обнаружен в заднем кармане брюк зашитый в материю маленький кусочек сухого хлеба, завернутый в отрывок газеты, и в этом кусочке хлеба листок с рукописной записью, который оказался при осмотре записью молитвы. Я хочу просить суд разрешить мне огласить некоторые места этого текста так называемой молитвы и просить подсудимого Розенгольца дать по этому поводу свои объяснения.

Вот этот текст: «Да воскреснет бог и расточатся врази его и да бежат от лица его все ненавидящие его, яко исчезает дым да исчезнет, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут бесы от лица любящих бога...

Живый в помощи вышнего в крови бога небесного, водворимся речам господев: заступник мой еси и прибежище мое, бог мой и уповаю на него яко тои любовию тя от сети ловчи и словеса мятежна плещма своими осенит тя и подкрыле его надеешся. Оружием обыдет тя истина его. Не убоишася от страха ночного от стрелы летящая во дни, отведи во тьме преходящая яко подстрекающего беса полуденного...»

Как это попало вам в карман?

Розенгольц. Однажды этот небольшой пакетик, перед уходом моим на работу, жена положила мне в карман. Она сказала, что это на счастье.

Вышинский. А когда было это дело?

Розенгольц. За несколько месяцев до ареста.

Вышинский. И вы несколько месяцев носили это «счастье» в заднем кармане?

Розенгольц. Я даже не обращал внимания...

Вышинский. Все-таки вы видели, что ваша супруга делает?

Розенгольц. Я торопился.

Вышинский. Но вам было сказано, что это семейный талисман на счастье?

Розенгольц. Примерно в таком роде.

Вышинский. И вы согласились стать хранителем талисмана? У меня больше вопросов нет.

Председательствующий. После часового перерыва заседание суда будет происходить при закрытых дверях.

ЗАКРЫТОЕ СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

На закрытом заседании подсудимые Раковский, Гришко, Розенгольц и Крестинский дали показания о своих изменнических и шпионских связях с некоторыми официальными представителями некоторых иностранных государств.

На суде были точно установлены как эти представители, с которыми были связаны указанные выше заговорщики из антисоветского «право-троцкистского блока», так и представляемые им государства.

На этом же закрытом заседании подсудимый Ягода Г. И дал показания, в которых он полностью признал организацию умерщвления товарища М. А. Пешкова, сообщив при этом, что, наряду с заговорческими целями, он преследовал эти убийством и личные цели.

Утреннее заседание 11 марта

Открыв заседание, Председательствующий представляет слово Прокурору Союза ССР тов. Вышинскому.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ — ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР ТОВ. А. Я. ВЫШИНСКОГО

ОСОБЕННОСТИ НАСТОЯЩЕГО ПРОЦЕССА

Товарищи судьи, члены Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР!

Приступая к своей обвинительной речи по настоящему делу, представляющему собой исключительное явление, имеющему чрезвычайное общественно-политическое значение, я хотел бы раньше всего остановить ваше внимание на некоторых отличительных чертах этого дела, на некоторых выдающихся его особенностях.

Не в первый раз Верховный Суд нашей страны рассматривает дело о тяжчайших преступлениях, направленных против блага нашей родины, против нашего социалистического отечества — отечества трудящихся всего мира. Но едва ли я ошибусь, сказав, что впервые нашему суду приходится рассматривать такое дело как это, рассматривать дело о таких преступлениях и таких злодействах, как те, что прошли перед вашими глазами, что прошли перед глазами всего мира на этом суде, о таких преступниках, как эти преступники, сидящие сейчас перед вами на скамье подсудимых.

С каждым днем и с каждым часом развертывавшееся судебное следствие по настоящему делу показывало все больше и больше, все страшнее и страшнее цепь позорных, небывалых, чудовищных преступлений, совершенных подсудимыми, всю отвратительную цепь злодеяний, перед которыми меркнут и тускнеют злодеяния самых закоренелых, самых гнусных, самых разнузданных и подлых преступников.

В самом деле, какой судебный процесс из всех тех, которых, в силу условий классовой борьбы и ожесточенного сопротивления делу социализма со стороны наших врагов, прошло у нас за последнее время немало, может сравниться с нынешним процессом по чудовищности, наглости и цинизму преступлений, совершенных этими господами!

В каком другом процессе удалось вскрыть и обнаружить такой силой и глубиной подлинную природу этих преступлений с такой силой сорвать с лица негодяев их коварные маски показать всему нашему народу и всем честным людям все мира звериное лицо международных разбойников, искусно направляющих руку злодеев против нашего мирного социалистического труда, воздвигнувшего новое, счастливое, радостно-цветущее социалистическое общество рабочих и крестьян!

Уже это одно обстоятельство говорит достаточно ясно о громадном общественно-политическом значении этого процесса, том, что данный процесс представляет собой выдающееся явление, что данный процесс имеет значение историческое.

В чем заключается историческое значение данного процесса? В чем заключаются некоторые его особенности?

Историческое значение этого процесса заключается раньше всего в том, что на этом процессе с исключительной тщательностью и точностью показано, доказано, установлено, что правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и так далее, и тому подобное являющиеся не чем иным, как беспринципной, безыдейной, бандой убийц, шпионов, диверсантов и вредителей.

Ровно год назад товарищ Сталин, анализируя недостатки нашей работы и указывая меры ликвидации троцкистских и иных двурушников, говорил:

«Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. Теперь я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что эти господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родины. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений».

Прошел год. На примере настоящего процесса мы видим, как глубоко прав был товарищ Сталин в своей оценке троцкистов и бухаринцев.

Троцкисты и бухаринцы, то есть «право-троцкистский блок» верхушка которого сидит сейчас на скамье подсудимых, это — не политическая партия, не политическое течение, это банда уголовных преступников и не просто уголовных преступников, а преступников, продавшихся вражеским разведкам, преступников, которых даже уголовники третируют, как самых падших, самых последних, презренных, самых растленных из растленных.

Так называемый «право-троцкистский блок» — это организация шпионажа, диверсий, вредительства, политических убийств и распродажи своей родины врагам.

у блока нет ничего идейного, ничего, так сказать, «духовного», ничего идеологического. Что когда-то в какой-то мере у некоторых из участников этого блока было, то давным давно растеряно, утрачено, давным давно исчезло, истлело в смрадном, отвратительном шпионском подполье.

Правда, некоторые из подсудимых, особенно подсудимый Бухарин, делали на этом процессе не раз попытки сохранить, как говорят французы, хорошую мину при плохой игре, принять вид «идейных» людей, прикрыть свою бандитско-уголовную деятельность всякого рода «философскими», «идеологическими» и тому подобными разговорами.

Бухарин пытался здесь весь кошмар своих гнусных преступлений свести к каким-то «идейным установкам», о которых он пробовал говорить длинные и напыщенные речи. Бухарин говорил здесь о разделении труда в этой шпионско-вредительской организации, о каких-то «программных пунктах», о какой-то «идейной ориентации», хотя — добавлял он — идейной ориентации на кулачество.

Свою собственную роль в этой банде Бухарин пробовал изобразить, как роль «теоретика». На четвертый день процесса, когда уже были полностью разоблачены уголовно-шпионские преступления этого, так называемого, блока, он не постеснялся заявить буквально следующее:

«Я главным образом занимался проблематикой общего руководства и идеологической стороной, что, конечно, не исключало ни моей осведомленности относительно практической стороны дела, ни принятия целого ряда с моей стороны практических шагов».

Извольте оценить роль этого господинчика, занимающегося якобы не руководством всевозможных и притом самых чудовищных преступлений, а «проблематикой» этих преступлений, не организацией этих преступлений, а «идеологической стороной» этого черного дела. Оцените роль этого господинчика, который ведет самую оголтелую вредительско-подрывную работу, используя, по собственному признанию, все трудности Советской власти, который готовит и кует черную измену родине, готовит поражение своей страны в войне с фашистскими врагами и думает прикрыть свою измену развязной и циничной болтовней об использовании войны, которая «прогностически стояла в перспективе». Оцените роль этого господинчика, болтающего о том, что обер-бандит и англо-германский шпион Троцкий уже в 1932 году сбросил свой, как сказал здесь Бухарин, «левацкий мундир» и что он, Бухарин, вместе с Рыковым и Томским вооружили эту банду преступников своей «идеологией».

Схваченный за руку, пойманный с поличным, Бухарин призывает в свидетели самого Гегеля, бросается в дебри лингвистики, филологии и риторики, бормочет какие-то ученые слова, лишь бы как-нибудь замести следы. Но он не выдерживает и свой учено-бредовой лепет заканчивает признанием:

«Мы все превратились в ожесточенных контрреволюнеров, в изменников социалистической родины, мы превратились в шпионов, террористов, реставраторов капитала. Мы пошли на предательство, преступление, измену. Мы превратились в повстанческий отряд, организовывали террористические группы, занимались вредительством, хотели ополкнуться Советскую власть пролетариата».

Бухарину к этому надо было добавить: «Мы превратили полицейское отделение японо-германской разведки, мы превратились в бесстыдных торговцев родиной».

Блок — это агентура иностранных разведок. Члены блока его руководители вроде Троцкого, который не сидит здесь на скамье подсудимых, Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Ренгольца и рядовые его члены вроде Зубарева, Максимо Диковского и других — это рабы этих разведок, это невольники своих хозяев.

Какая же здесь может быть идеология, какая «проблематика» или «прогностика», теория или философия?

Философия, за дымовой завесой которой пытался скрыться Бухарин, — это лишь маска для прикрытия шпиона, измены.

Литературно-философические упражнения Бухарина — это ширма, за которой Бухарин пытается скрыться от своего окончательного разоблачения.

Философия и шпионаж, философия и вредительство, философия и диверсии, философия и убийства — как гений и злодейство — две вещи не совместные!

Я не знаю других примеров, — это первый в истории пример того, как шпион и убийца орудует философией, как толчет стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как раздробить ей голову разбойничьим кистенем!

„ПРАВО-ТРОЦКИСТСКИЙ БЛОК“ — АГЕНТУРА ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК

Историческое значение этого процесса заключается, в первую очередь, в том, что он до конца разоблачил бандитскую природу «право-троцкистского блока», его идейную выхолащиванность, разоблачил, что блок — все эти правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и так далее, и так подобное — все это наемная агентура фашистских разведок.

«Право-троцкистский блок» — это не политическая группировка, это банда разведчиков, агентов иностранных разведок.

Это доказано полностью и неопровержимо. В этом громком общественно-политическом и историческом значении данного процесса.

«Право-троцкистский блок», сидящий сейчас на скамье подсудимых, — как это со всей очевидностью показало судебное следствие, — это лишь передовой отряд международного фашизма, это свора палачей и подпольных убийц, при помощи которых

рх орудует фашизм в разных странах, в первую очередь — в Испании и Китае.

Вот почему разоблачение «право-троцкистского блока», как шпионской банды, имеет огромное значение не только для нашей социалистической революции, оно имеет громадное значение для всего международного пролетариата. Оно имеет громадное значение для дела мира во всем мире. Оно имеет громадное значение для всей человеческой культуры, для борьбы за подлинную демократию и свободу народов, для борьбы со всеми и всякими поджигателями войны, со всеми международными провокациями и провокаторами.

Вот почему за ходом этого процесса с трепетным вниманием следят трудящиеся массы всех стран мира, особенно же тех стран, где народ ведет героическую борьбу за свою свободу против фашистского ига.

Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы, Икрамовы, Ходжаевы и Шаранговичи под руководством Троцкого, под руководством германской, японской, польской и других разведок делают свое черное дело по приказу своих хозяев не только в нашей стране, но и в Испании, и в Китае, всюду, где идет классовая борьба трудящихся, где идет борьба честных людей за подлинную свободу, за подлинную демократию, за подлинную человеческую культуру.

Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы, Икрамовы, Шаранговичи, Ходжаевы и другие — это та же «пятая колонна», это тот же ПОУМ, это тот же Ку-Клукс-Клан. Это один из отрядов фашистских провокаторов и поджигателей войны, действующих на международной арене.

Разгром этого отряда — великая услуга делу мира, делу демократии, делу подлинной человеческой культуры.

Исключительное значение настоящего процесса, однако, не ограничивается сказанным.

Здесь, на скамье подсудимых, сидит не одна какая-либо антисоветская группа, агентура не одной какой-либо иностранной разведки. Здесь, на скамье подсудимых, сидит целый ряд антисоветских групп, представляющих собой агентуру разведок целого ряда враждебных СССР иностранных государств.

В этом «деле» завязли остатки всех антисоветских сил, групп и организаций, завязли, по крайней мере, как это с точностью установлено судебным следствием, четыре иностранных разведки: японская, германская, польская и английская и, разумеется, все другие иностранные разведки, которые поддерживают с указанными разведками дружественный, так называемый, оперативный контакт.

В самом деле, если говорить о Троцком, то его связь с Гестапо была исчерпывающе доказана уже на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 года и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 года. Теперь же доказано, что его связи с немецкой политической полицией и разведками других стран относятся к значительно более раннему периоду времени, что Троцкий был связан с германской

разведкой уже с 1921 года. Об этом совершенно точно пока Крестинский на настоящем судебном процессе. Теперь доказано, что Троцкий был связан с английской разведкой «Интеллидженс Сервис» с 1926 года. Об этом точно показал — и это доказано — обвиняемый Раковский. Весь блок во главе с Троцким целиком состоял из одних иностранных шпионов и царских разведчиков.

Бухарин и Рыков через своих сообщников были связаны рядом иностранных разведок, которые они систематически служивали.

Ягода, как мухам, был облеплен германскими, японскими, польскими шпионами, которых он не только прикрывал, как он сам здесь признал, но через которых он вел шпионскую работу, передавая разведкам секретные государственные материалы, продавая и предавая нашу страну этим иностранным разведкам.

Крестинский, по собственному признанию, — германский шпион с 1921 года.

Розенталь — один из руководителей троцкистского польского, как установлено, начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба, как он сам признал, в 1923 году, а для английской разведки, как он сам тоже признался в этих преступлениях, — в 1926 году.

Раковский — один из ближайших и особо доверенных людей Троцкого, по его собственным показаниям, являлся агентом английской разведки «Интеллидженс Сервис» с 1924 года и агентом японской разведки с 1934 года.

Чернов начал свою шпионскую работу в пользу Германии, по его собственному показанию, в 1928 году, связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии небезызвестного эмигранта-меньшевика Дана.

Шарангович был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году.

Гринько, по его собственным словам, стал шпионом германской и польской разведок в 1932 году, а до этого поддерживал шпионскую связь с этими разведками, особенно с польской разведкой.

Икрамов и Ходжаев через своих курбаши «работают» под руководством Бухарина над организацией связей с резидентом английской разведки, над укреплением которой немало поработал на средне-азиатских границах СССР небезызвестный разведчик и авантюрист Лоуренс.

Потом идут провокаторы и агенты царской охранки — Зельский, Зубарев, Иванов. Иванов к тому же еще и английский шпион.

Прибавьте к этой компании группу отравителей-убийц Леви Плетнева, Казакова, Крючкова, Максимова-Диковского и других, связанных с ними, и тогда морально-политический облик этого блока и каждого из его участников станет ясным до предела.

Вот почему мы можем сказать — вот зловонная куча человеческих отбросов, не останавливавшихся ни перед чем, не бы-

гавших ничем, готовых на все — на взрывы заводов и железнодорожных поездов, на истребление скота, на порчу хлеба, на убийство, шпионаж и измену.

Именно все эти качества, уголовно-политические и моральные, и сделали правых и троцкистов таким ценным материалом для провокации, для разжигания войны, для подлейших преступлений фашизма. Никто не умеет так маскироваться, как они. Никто не овладел в такой мере мастерством цинического двурушничества, как они.

Перед всем миром разоблачается теперь презренная, предательская, бандитская деятельность Бухариных, Ягод, Крестинских, Рыковых и прочих право-троцкистов. Они продавали родину, торговали военными тайнами ее обороны, они были шпионами, диверсантами, вредителями, убийцами, ворами, — и все для того, чтобы помочь фашистским правительствам свергнуть Советское правительство, свергнуть власть рабочих и крестьян, восстановить власть капиталистов и помещиков, расчленив страну советского народа, отторгнуть национальные республики и превратить их в колонии империалистов.

Таков был приказ их хозяев, и они выполняли этот приказ как могли, стараясь изо всех сил.

Они старались изо всех сил поджечь наш родной дом с четырех концов, торопились открыть ворота врагу, чтобы добраться до власти, хотя бы ценой иудинной измены, чтобы уничтожить плоды героического труда нашего народа, построившего новое, социалистическое общество, чтобы вернуть власть помещиков и капиталистов, на которых эти предатели работали, не покладая рук.

Таковы эти люди, таковы их планы и расчеты, таковы их позорные и чудовищные преступления.

Подсудимый Бухарин хвастливо говорил здесь, что это они, правые, капиталистические подпевалы, вооружили троцкизм «духовным» оружием теории реставрации капитализма.

О какой «теории» говорит Бухарин — этот прожженный политический плут и один из крупнейших организаторов иностранного шпионажа против СССР?

Как чорт от ладана, Бухарин бежит от признания своей вины. Бухарин отрицает здесь свою вину.

Но что стоит его отрицание этого преступления в свете признания им своей вины в других тягчайших преступлениях, органически связанных с этим преступлением?

Что стоит это отрицание в свете имеющихся у нас против Бухарина доказательств?

Напомню лишь, что в утреннем заседании 7 марта Бухарин и Рыков были полностью уличены в шпионских связях и в шпионской работе в пользу германской и польской разведок. Я напомню кратко диалог с Рыковым на утреннем заседании 7 марта.

На следствии Рыков сказал, что:

«Червяков развернул в Белоруссии чрезвычайно активную деятельность. В своих взаимоотношениях с поляками, связанные с ним по нелегальной деятельности сделали практические выводы из этой нашей директивы».

Рыков это подтвердил и на суде. Его спрашивал на государственном обвинитель:

«Следовательно, Червяков и люди, связанные с ним, имели систематическую связь с поляками?»

Рыков. Да.

Вопрос. Какая это связь?

Рыков. Там была и шпионская связь.

Вопрос. Шпионская связь в части вашей организации имела с поляками по вашей директиве?

Рыков. Конечно.

Вопрос. В том числе и Бухарина?

Рыков. Конечно.

Вопрос. Вы и Бухарин были связаны?

Рыков. Безусловно.

Вопрос. Значит, вы были шпионами?

(Рыков молчит).

Вопрос. И организаторами шпионажа?

Рыков. Я ничем не лучше шпиона.

Вопрос. Вы были организаторами шпионажа, были шпионами?

Рыков. Можно сказать — да».

А Бухарин, при этих условиях, говорит о какой-то «теории» попытке «теоретически» объяснить ход вещей, приведших к власти в стан заклятых врагов Советской власти и советского народа.

Эти объяснения незачем искать в бухаринской «теории». Надо искать в бухаринских преступлениях, хотя и прикрывшихся чем-то вроде «теории».

Именно они, эти преступления, объясняют действительный ход вещей, действительную логику событий и борьбы, поставивших лицом к лицу два мира, два блока — блок изменников, наймитов иностранного капитала, разоблаченный и разгромленный сейчас гневом и мощью великой Советской страны, блок предателей, покрытых вечным презрением, позором и проклятием миллионов масс трудящегося народа всего мира, — и блок советских патриотов, великих и неподкупных в любви к своей родине, выдержавших не одну историческую битву с врагами, готовых под руководством Коммунистической партии и великого Сталина дать сокрушительный отпор любому врагу в любых условиях, в любое время, откуда бы он ни появился, несмотря ни на какую измену, ни на какое предательство.

Значение настоящего судебного процесса определяется, разумеется, и теми уроками, которые неизбежно необходимо извлечь всем нам, патриотам Советской земли, из этого процесса.

Наша родина наслаждается счастьем социалистической победой

дь, счастьем и радостью освобожденного от капиталистического ига труда.

Двадцать лет стоит, как несокрушимый утес, Советское государство — Социалистическое государство рабочих и крестьян.

Двадцать лет в великой стране победившего социализма идет героическая работа по организации нового общественного и государственного строя, свободного от эксплуатации, от нищеты и страданий миллионных народных масс, поработанных игом капитализма почти во всех остальных странах мира.

Двадцать лет упорно и настойчиво идет дружная работа многочисленных народов, объединившихся в братский Союз Советских Социалистических Республик, построенный гением вождя социалистической революции Ленина и Сталина.

За эти двадцать лет когда-то бедная и слабая страна превратилась в страну богатую и могучую, в страну мощную и непобедимую.

За эти двадцать лет Российское государство превратилось в государство социалистическое.

На Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов, принявшем великую Сталинскую Конституцию, товарищ Сталин говорил:

«Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм. Основным принципом этой фазы коммунизма является, как известно, формула: «от каждого по его способностям, каждому по его труду».

За эти двадцать лет под руководством партии Ленина — Сталина в нашей стране окончательно уничтожена эксплуатация человека человеком, окончательно утверждена общественная, социалистическая собственность, как незыблемая основа нашего советского общества.

За эти двадцать лет в корне изменился весь облик нашей страны, превратившейся в богатейшую и могущественнейшую пролетарскую державу.

«В результате всех этих изменений в области народного хозяйства СССР, — говорит товарищ Сталин, — мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни».

Социализм вошел в быт нашего народа, социализм победил нашей стране. И нет силы в мире, которая могла бы ослабить значение или величие этой социалистической победы. И это, несмотря на все трудности, стоявшие и еще стоящие на нашем пути. И это, — несмотря на все усилия враждебных нам иностранных государств и отживших и умирающих остатков эксплуата-

торских классов в нашей стране задержать прогрессивное развитие нашего общества, помешать нашим социалистическим успехам, сорвать нашу мирную творческую работу по построению в СССР социализма.

Можно без всякого преувеличения сказать, что за истекшие 20 лет советской истории наше государство и наш народ не знали ни одного года, ни одного месяца и дня, когда бы не падали на нас враги — злобные, коварные, жестокие, мстящие свои поражения, понесенные ими от руки наших рабочих и крестьян, мстящие за «утерянный рай» своего экономического и политического господства.

От первых дней великого Октября до блистательных дней величайшей из исторических эпох — эпохи Сталинской Конституции — молодая Республика Советов не выходит из огня классового нападения эксплуататоров и их бесчисленной агентуры — троцкистов, меньшевиков, эсеров, бухаринцев, зиновьевцев, мушкетистов, дашнаков, грузинских, узбекских и других националистов, черносотенцев, белогвардейцев, кадетов, попов, кулаков и так далее, и тому подобное.

Этот процесс еще раз нам напомнил, и притом напомнил небывалой силой и остротой, что два мира стоят, как непримиримые и смертельные враги, друг перед другом — мир капитализма и мир социализма.

Логика классовых противоречий и классовой борьбы толкает остатки эксплуататорских классов внутри СССР и эксплуататорские классы за пределами СССР на все более и более ожесточенные нападения на государство трудящихся, прокладывая все широкую дорогу для лучшей, для новой жизни трудящимся и угнетенным народам всего мира.

На опасность для дела социализма в СССР капиталистического окружения не раз обращали наше внимание наши учителя Ленин и Сталин.

На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года Ленин говорил:

«Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистскими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен» (т. XXIV, стр. 122). «Надо помнить, — учил Ленин, — что от всякого нашествия мы всег на волоске» (т. XXVII, стр. 117).

Товарищ Сталин на днях еще раз напомнил нам о капиталистическом окружении.

«В самом деле, — писал товарищ Сталин в своем историческом ответе тов. Иванову, — было бы смешно и глупо закрывать глаза на факт капиталистического окружения и думать, что наши внешние враги, например, фашисты, не попытаются при случае произвести на СССР военное нападение».

Так могут думать только слепые бахвалы или скрытые враги, желающие усыпить народ. Не менее смешно было бы отрицать, что в случае малейшего успеха военной интервенции интервенты попытаются разрушить в занятых ими районах советский строй и восстановить буржуазный строй. Разве Деникин или Колчак не восстанавливали в занятых ими районах буржуазный строй? Чем фашисты лучше Деникина или Колчака? Отрицать опасность военной интервенции и попыток реставрации при существовании капиталистического окружения могут только головотяпы или скрытые враги, желающие прикрыть бахвальством свою враждебность и старающиеся демобилизовать народ».

На успех интервенции в течение ряда лет надеялись наши враги, организуя и воодушевляя на борьбу с Советской властью различные антисоветские группы внутри СССР, рассчитывая при помощи этих групп осуществить свой разбойничий замысел.

Вся история буржуазной контрреволюции в СССР связана с активными попытками наиболее реакционных кругов международной буржуазии свергнуть власть Советов. Ни один сколь-нибудь серьезный заговор против Советской власти в СССР не обошелся без прямого и самого активного участия в нем иностранных капиталистов и военщины.

В 1921 году Ленин нас предупреждал: «Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и буржуазию» (т. XXVI, стр. 348).

Товарищ Сталин неустанно напоминает нам об опасности капиталистического окружения, доказывает, что «...сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения» («Вопросы ленинизма», 10-е изд., стр. 386).

Разве не об этом говорит известное шахтинское дело, где главная дирижерская роль принадлежала польско-французско-немецким капиталистам, объединившимся с вредителями в борьбе против СССР?

Разве польский фабрикант Дворжанчик, французские акционеры Сансе, Ремо и Буроз, германская АЕГ и поддерживающая и первых, и вторых, и третьих военщина ряда капиталистических стран, — разве все они не были вдохновителями шахтинского заговора, собиравшегося вкупе с иностранными генштабами залить кровью нашу землю в 1928 году?

Разве не об этом же говорит известное дело «Промпартии», где, наряду с Рамзиным и Чарновским, первую скрипку играли белоэмигранты Рябушинский и генерал Лукомский, английский разведчик — полковник Лоуренс и французский генерал Жуанвиль, известный участник северной интервенции в 1919 году и военный атташе при Колчаке?

Известно, что и шахтинцы и промпартийцы не только занимались вредительством и готовили на случай войны диверсион-

ные акты, но систематически вели шпионскую работу, причем, к это выяснилось по делу «Промпартии», для ведения этой шпионской работы Рамзин организовал даже особую комиссию по председательством вредителя профессора Осадчего, бывшего в то время заместителем председателя Госплана. В программ «Промпартии» заострялось внимание на диверсиях в Москве, Ленинграде, Донбассе, на Урале путем взрывов мостов, порчи железнодорожных путей, взрывов электростанций, остановки заводов и фабрик.

Разве не о дьявольской работе иностранных разведок в нашей стране говорит и дело английских инженеров Торнтон, Макдональда и других, разоблаченных в 1933 году агентами «Интеллидженс Сервис», организаторов вредительства и диверсий на некоторых наших электростанциях, людей, подготовлявших опорные пункты для предстоящей интервенции?

Разве не о том же, наконец, говорят последние судебные процессы 1936—1937 годов, разоблачившие чудовищные преступления шпионско-террористических банд троцкистов, зиновьевцев и других антисоветских элементов, ставших на службу иностранным полицейским охранкам, превратившихся в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру этих охранок? Да, да об этом с полной убедительностью говорят, кричат кошмарные преступления этих бандитских шайк, уничтоженных по приговорам нашего советского суда.

Процесс Зиновьева — Каменева, процесс Пятакова — Радека, процесс группы военных изменников — Тухачевского, Якира и других доказали, что враги не думают потихоньку «вползти в социализм», как это, для прикрытия своей гнусной, предательской работы, проповедывали обвиняемые Бухарин, Рыков и их с ними, что враги хватаются за самые крайние, за самые жестокие средства борьбы.

Это же полностью показал и настоящий судебный процесс главными «героями» которого являются организаторы и вдохновители «право-троцкистского блока», изобличенные как закоренелые враги социализма, нашей родины, нашего народа.

Вот почему значение настоящего процесса далеко выходит за обычные, так сказать, криминальные рамки и приобретает поистине огромное историческое значение.

Этот процесс подводит итог борьбы против партии Ленина — Сталина и Советского государства людей, которые, как это с исключительной яркостью и убедительностью доказало судебное следствие, всю свою жизнь ходили под маской, которые начали эту борьбу задолго до нынешнего времени, которые, под прикрытием громких провокаторских фраз, служили не революции и пролетариату, а контрреволюции и буржуазии, которые обманывали партию, Советскую власть, чтобы удобнее делать свое черное дело измены, чтобы дольше оставаться неразоблаченными.

Презренные преступники путем обмана, лицемерия и двурушничества сумели отсрочить до последнего времени час свое-

разоблачения. Но час этот настал, и преступники разоблачены, разоблачены полностью и до конца.

В свете фактов, установленных на этом процессе, становится ясной и понятной вся преступная деятельность троцкистов и бухаринцев, скрывавших под искусной личиной свое настоящее лицо заклятых врагов советского народа...

Маска сорвана. Их настоящее лицо, их действительный облик ясен теперь каждому. Каждому ясны и их позорные дела, как ясен их жалкий, позорный удел.

Судебные процессы по делу Зиновьева — Каменева и Пятакова — Радека завершили разоблачение троцкистско-зиновьевского отребья, как оголтелой и беспринципной банды вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств.

Судебный процесс 1937 года, где на скамье подсудимых сидели троцкистские атаманы Пятаков, Радек, Сокольников и другие, разоблачил политическую платформу троцкистов, несмотря на то, что они упорно прятали эту платформу от народа.

Да и как было им не прятать этой своей платформы, сотканной из предательства, измены и коварства, подчиненной одной задаче — обеспечить свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР.

Настоящий процесс показал, что эта, с позволения сказать, «программа» была списана троцкистами у правых, о чем не без бахвальства заявил на суде обвиняемый Бухарин.

Нынешний процесс полностью и до конца разоблачил теперь, как фашистскую агентуру, не только троцкистов, но и бухаринцев, в течение длительного времени искусно маскировавшихся, искусно избегавших своего разоблачения, как убийц, шпионов и провокаторов.

Теперь ясно всем и каждому, что собой представляют правые, которые давно уже, как и троцкисты, перестали быть политическим течением и превратились в такую же, как и троцкизм, оголтелую и беспардонную банду уголовных преступников.

Теперь окончательно выяснился весь процесс этого их превращения в контрреволюционную шайку, превращения, наметившегося уже давно и неоднократно разоблаченного нашей партией и лично товарищем Сталиным.

Мы еще специально остановимся на преступлениях обвиняемого Бухарина в 1918 году; сейчас напомним о них лишь для того, чтобы в свете этих преступлений лучше и отчетливее представить себе путь этого превращения.

В самом деле, начавши в 1918 году с заговора против Ленина, как главы Советского государства, подняв в 1918 году свою преступную руку на Ленина, разве мог кончить Бухарин иначе, чем кончил сейчас, — этой позорной скамьей подсудимых, ждущий сурового, но справедливого суда советского народа, с проклятием произносящего сейчас это ненавистное имя!

Начавши со знахарской «теории» о мирном вращении кулаков в социализм, ведя все эти последние десять лет подпольную борьбу с партией и советским народом, мог ли иначе кончить

свою политическую карьеру Бухарин, чем он ее кончает, крляясь и фиглярничая даже сейчас, на пороге своего, быть может, последнего, смертного часа!

К шпионскому блоку с троцкистами Бухарин, Рыков, Ягс и другие правые пришли не случайно. В том, что такой блок сложился и, наконец, в 1932 году окончательно оформился, ничего неожиданного — к этому шло все развитие отношений между правыми и троцкистами, представляющими, по сути дела разновидности одного и того же явления.

На XVI съезде партии в 1930 году товарищ Сталин, разбирая двойственность троцкизма, указывал, что этой двойственностью «...объясняется тот факт, что свои «бешеные», будто бы атаки против правых уклонистов троцкизм (это капитулянтство под маской. — А. В.) обычно увенчивает блоком с ними, к с капитулянтами без маски» («Вопросы ленинизма», 10-е изд. стр. 419).

Троцкисты и правые — это капитулянты. Одни — капитулянты под маской истеричных провокационных, «революционных» фраз, другие — капитулянты без маски.

На XVII партконференции в докладе о второй пятилетке тов. Молотов показал полное родство душ правых и троцкистов. Троцкисты выступают против первой пятилетки с клеветническими контртезисами. Им поддакивают правые, противопоставляя сталинской пятилетке рыковскую двухлетку.

Троцкисты клеветают о росте кулацких элементов и о зависимости от них государственного хозяйства в СССР. Правые издавая в день пицат, что «основным источником хлеба будут еще долгое время индивидуальные хозяйства крестьян (то есть кулацкие хозяйства. — А. В.), а потому потише с наступлением кулака».

Троцкисты клеветнически шипят о «термидоре», то есть крахе нашей революции. Правые пицат, вторя им, что на заводы и фабрики в скором времени могут достаться белогвардейцам. Правые иногда, правда, дрались с троцкистами, но, как это показал уже товарищ Сталин, это были «петушиные бои», которые «правые уклонисты обычно увенчивают закулисами переговорами с троцкистами насчет блока с ними» («Вопросы ленинизма», стр. 421).

И так из года в год, на всем протяжении нашей революции за все время существования Советского государства.

Чем объясняется эта родственность позиций троцкистов правых, их постоянное тяготение друг к другу, постоянное образование блоков, наконец, наличие этих блоков на различных этапах борьбы против партии, Советского государства и социалистического строительства?

Это, разумеется, объясняется прежде всего общностью социальной базы троцкистов и правых. Это объясняется тем, что троцкисты, и правые отражают давление капиталистических элементов, сопротивляющихся успехам социализма, не собирающихся мирно и тихо уходить с исторической сцены.

Это объясняется. как мы знаем теперь, тем, что и те и

гие действовали по приказу одних и тех же хозяев, сидящих в генштабах и разведках враждебных к СССР иностранных государств.

Троцкисты и бухаринцы уже много лет назад очутились в лагере контрреволюции. Троцкизм и правые превратились уже много лет тому назад в оруженосцев буржуазной контрреволюции. Троцкисты и правые снабжают уже в течение многих лет контрреволюционную буржуазию оружием для борьбы с Советским государством. Троцкисты и правые делают одно и то же черное дело измены.

Вот факты, приобретающие сейчас новый смысл в свете тех обстоятельств, которые теперь полностью и с абсолютной достоверностью установлены на судебном следствии по настоящему делу.

Факты устанавливают с полной бесспорностью как неизбежность и естественность блока, заключенного правыми и троцкистами, так и превращение этого блока в агентуру иностранных фашистских разведок.

КАК БОРОЛИСЬ ПРАВО-ТРОЦКИСТЫ ПРОТИВ В. И. ЛЕНИНА, ПРОТИВ ДЕЛА СОЦИАЛИЗМА

Как боролись троцкисты и зиновьевцы против Ленина, против социализма, против героических усилий пролетарской революции построить в СССР новое, социалистическое общество, — показали с исчерпывающей полнотой два предыдущих судебных процесса на примере Пятакова, Зиновьева, Каменева, Радека, Смирнова и других.

Я хотел бы сейчас напомнить некоторые факты, характеризующие с этой точки зрения позицию и поведение некоторых героев настоящего процесса и в первую очередь — подсудимых Бухарина и Рыкова.

Бухарин любит, как я уже сказал, изображать из себя «теоретика», да еще марксиста, да еще самого что ни на есть ортодоксального. А как дело обстоит в действительности, это видно из краткой исторической справки об антипартийных выступлениях Бухарина, начиная с 1909 года по 1936 год включительно.

Несколько кратких справок:

1909 год — Бухарин примыкает к отзовизму.

1914—1917 годы (период империалистической войны) — Бухарин «левый коммунист», отрицает программу-минимум, ведет борьбу против Ленина.

1914 год — он носитися с планом издания собственной газеты, противопоставляя ее большевистской печати, ленинской печати.

Весна 1915 года — Бухарин троцкист. На Бернской конференции он выступает против лозунга гражданской войны, за единство с троцкистско-меньшевистским «Нашим словом». Ленин пишет статью «О национальной гордости великороссов». Бухарин трактует это как проявление социал-патриотизма.

Осень 1915 года — Бухарин выступает с тезисами, отвергающими право наций на самоопределение.

Февраль 1916 года — Бухарин солидаризируется с полуанархической программой голландских левых социал-демократов.

В 1916 году Бухарин выступает в журнале «Интернационал молодежи» с анархистскими, антиленинскими взглядами по вопросу о государстве, против диктатуры пролетариата.

В статье «Мировое хозяйство и империализм» (1915 г.) Бухарин открыто защищает троцкистский тезис о том, что разрозненные выступления пролетариата отдельных стран победить не могут. Иначе говоря, Бухарин откладывал социализм, как говорил Ленин, «до греческих календ, то есть до «никогда» (Ленин, т. XIX, стр. 221). Владимир Ильич писал о нем в 1916 г., что с Бухариным, — «(1) доверчив к сплетням и (2) в политике дьявола не устоячив» (Ленин, т. XXIX, стр. 229).

«Война, — писал Ленин, — толкнула его к идеям полуанархическим. На совещании, вынесшем бернские резолюции (весна 1915 г.), он дал тезисы... — верх нелепости; срам; полуанархизм».

В 1916 году, как я уже сказал, в журнале «Интернационал молодежи» Бухарин развивал анархо-синдикалистские мысли принципиальной враждебности пролетариата к государству и взрыве всякого государства.

Впоследствии, через год после смерти В. И. Ленина, Бухарин выступил с наглым утверждением, что в этом вопросе ошибался не он, Бухарин, а Ленин.

1916—1917 годы — Бухарин вместе с Троцким редактирует троцкистскую газету «Новый мир» (Нью-Йорк), в которой отрицает возможность победы социализма в одной стране.

1917 год — на VI съезде партии Бухарин выступает с троцкистской схемой. В дни Октября вновь и вновь отстаивает невозможность победы социализма в России.

1918 год — Бухарин лидер «левого коммунизма». Этот эпизод со всей тщательностью рассмотрен на судебном заседании.

8 октября 1918 года на пленуме Моссовета Бухарин заявляет об ошибочности своего «левого коммунизма». «Я был против Брестского мира в свое время, но никогда не защищал срыва мира, как «левые» эсеры. Теперь я должен честно и открыто признаться, что мы, противники Брестского мира, были неправы — так был Ленин». Мы знаем, что на суде Бухарин должен был признаться, что на деле он активно боролся за срыв Брестского мира.

1919 год — VIII съезд партии — Бухарин снова выступает против признания права наций на самоопределение.

Дальше идут IX, X съезды партии, где Бухарин неизменно ведет «свою» линию, направленную против партии, против Ленина, против Сталина.

В 1921 году Бухарин в интересах Троцкого занимает позицию буфера, предательски разжигая дискуссию, подливая в нее по выражению Ленина, «буферный керосин».

В антиленинской фракции Бухарин выступает вместе с Себуряковым, Радеком, Крестинским, Пятаковым и другими троцкистами.

Конец 1920 года — начало 1921 года — идет дискуссия

профсоюзах. Страна готовится к переходу к новой экономической политике. Бухарин выступает в роли «буфера», затем полностью переходит на позиции Троцкого. А на X съезде заявляет, что «республика висит на волоске».

В 1923 году Бухарин в «Правде» в статье «Долой фракционность» говорит об ошибках Троцкого и, глухо, «ряда других товарищей», умалчивая о себе.

В 1922 году Ленин громит Бухарина за его попытку сорвать монополию внешней торговли. Ленин прямо разоблачает Бухарина как заступника спекулянта, мелкого буржуа, как защитника интересов кулацкой верхушки крестьянства, выступающего против промышленного пролетариата (Ленин, т. XXVII, стр. 381).

В 1923—24 годы — Бухарин блокируется с Каменевым и Зиновьевым против товарища Сталина. Накануне дискуссии Бухарин выступает со статьей, проповедующей в завуалированном виде теорию вставания кулака в социализм.

1925 год — кулацкий лозунг Бухарина «обогащайтесь». Правда, в книжке «Цезаризм под маской революции» и на XIV съезде партии Бухарин признал ошибочность этого лозунга, но здесь на суде Бухарин признал, что это «раскаianie» было не более, чем тактическим маневром, обманом.

1928 год — Бухарин заявляет на пленуме ЦК партии об отсутствии разногласий с партией и одновременно ведет переговоры и вступает в тайный сговор с Каменевым. Пишет «Заметки экономиста».

1929 год — Бухарин в «Правде» заявляет об ошибочности своих взглядов. «Признавая эти свои ошибки, мы со своей стороны приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов». Теперь на суде он показал, что и это был тактический маневр, что и тогда, в 1929 году, он также лгал. Ибо как раз в это время оформлялась подпольная организация, которая с оружием в руках стала выступать против Советской власти.

Чтобы не быть голословным, я напому вам показания Бухарина, Рыкова, наконец, Иванова о том, как Бухарин разжигал борьбу на Северном Кавказе, как через своего ученика и подручного в этом деле Слепкова он организовывал кулацкие восстания против Советской власти, как посылал Яковенко в Сибирь, как им всем удалось спровоцировать кулацкое восстание в Бийском округе и других местах. Напому, что в это же самое время Бухарин, выступая в печати, говорил: «приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов». Бухарин лгал и здесь.

15 декабря 1929 года Бухарин помещает в «Правде» статью, в конце которой перечисляет и осуждает свои ошибки. И в то же самое время он ведет подпольные разговоры с Каменевым.

В то же время, как это он сам теперь признал, вместе с Рыковым посылает Слепкова на Северный Кавказ, Яковенко — в Сибирь, чтобы поднять кулацкие восстания против Советской власти. На суде Бухарин признал, что именно ими были спровоцированы в то время такие-то и такие-то кулацкие восстания.

А как вел себя тогда Бухарин?

С лицемерным видом святоши, прикрываясь маской искренности, еще в самом начале борьбы Бухарин стал осуществлять подлые, интриганские, фракционные, тайные махинации против партии и ее руководства. Он заключил блок с злейшими, разоблаченными врагами большевизма, только что в ноябре 1927 года выступавшими против Советской власти с антисоветской демонстрацией на улицах Москвы и Ленинграда.

В 1930 году Бухарин вновь подает заявление в ЦК и признает свои ошибки. Бухарин заявляет о «безоговорочном осуждении мною всех и всяких покушений на единство партии, всякой фракционной работы, всяких попыток скрытой борьбы с партийным руководством, скрытой защиты другой политической линии, отличной от линии партии». А на деле, вы слышали из показаний Бухарина, на деле он именно в это время вел переговоры с Семеновым об организации террористического акта против руководителей нашей партии и правительства.

В январе 1933 года Бухарин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) («Правда» № 14) выступает с речью, в которой требует «суровой расправы с группировкой А. П. Смирнова», говорит о своей «право-оппортунистической, совершенно неправильной общеполитической установке», о своей «вине перед партией, ее руководством, перед Центральным Комитетом партии, перед рабочим классом и страной», говорит о Томском, Рыкове, как о своих «бывших соратниках по руководству правой оппозицией». Вообще «критикует» свои «прежние» взгляды.

А на деле это был первый год оформления «право-троцкистского блока», который приступил к выполнению таких задач, как террор, шпионаж, диверсии, вредительство, измена родине, отторжение от СССР национальных республик.

Начало 1934 года — XVII съезд партии — выступление Бухарина, в котором он одобряет «беспощадный разгром всех оппозиций и правой оппозиции, как главной опасности, то есть той самой группировки, к которой я когда-то принадлежал».

А в это же время мобилизует все силы для того, чтобы усилить преступные действия своей группы, уже превратившейся в группу подлинных шпионов, убийц, разведчиков.

Начало 1936 года — Бухарин в статье в «Известиях» обозвал русский народ «нацией Обломовых». В номере «Известий» от 14 февраля 1936 года Бухарин заявляет об ошибочности этого своего утверждения («Неверное утверждение», об этом «выражаю свое глубокое сожаление»).

Таков Бухарин — эта лицемерная, лживая, хитрая натура. Этот благочестиво-хищный и почтенно-злой человек, эта, как говорил Максим Горький про одного из героев из галлерей «Бывших людей», — «проклятая помесь лисицы и свиньи».

Не лучше и другие — тоже «герои».

Подсудимый Рыков. До вступления в партию большевиков Рыков входил в Саратове в объединенную партию эсеров и социал-демократов.

1909—1911 годы. Рыков полутроцкист, полуликвидатор. В пе

риод апрельской конференции Рыков и Каменев — за объединение «живых сил» революционной демократии, то есть за союз с эсерами и меньшевиками.

В октябре 1917 года вместе с Каменевым, Зиновьевым, Рыков дезертирует.

В декабре 1917 года Рыков каркает о непрочности Советской власти, говоря, что «не может удержаться чисто большевистская власть в отсталой стране в то время, как в Европе не произошла социалистическая революция».

В 1920 году Рыков с сапроновцами выступает против Ленина, за коллегиальность.

Рыков против ленинского плана ГОЭЛРО, он погряз с головой в обывательском «реализме», погряз по-уши в рутине (как писал о нем тогда В. И. Ленину товарищ Сталин).

А потом? Потом 1928, 1929, 1932 годы — блоки, центры, заговоры, измена.

Другие обвиняемые не лучше.

Вот старый троцкист и германский шпион Крестинский, начавший свою предательскую карьеру еще при жизни Владимира Ильича Ленина. Крестинский передает шпионские сведения немецкой разведке и получает ежегодно по 250 000 марок золотом от германского рейхсвера в пользу подпольной троцкистской работы.

Вот такой же матерой троцкист Розентольц, который был германским шпионом с 1923 года и английским шпионом с 1926 года.

Вот кто, вместе с Троцким, с Пятаковым, Ягодой, Бухариным и Рыковым, являлись главными воротилами этого блока, этого «центра центров» всех антисоветских фашистских сил в нашей стране.

ЗАГОВОР ПРОТИВ В. И. ЛЕНИНА В 1918 ГОДУ

Я считаю необходимым кратко остановиться на имевшем здесь место исследовании обстоятельств заговора против Владимира Ильича Ленина в 1918 году.

И на предварительном следствии и на суде Бухарин пытался всячески отвертеться от 1918 года, уйти от ответственности перед историей, перед рабочим классом, перед всем честным человечеством за чудовищное преступление, организованное Бухариным вместе с «левыми» и правыми эсерами, вместе с Троцким и его группой, и отчасти осуществленное.

Бухарин позорно лгал в октябре 1918 года, отрекшись от «левых коммунистов». Бухарин позорно лгал и в 1924 году, когда он под давлением обстоятельств приподнял краешек занавеса, скрывавшей от нас настоящую правду в этом тяжком, кошмарном преступлении.

Бухарин лгал, например в 1924 году, отрицая наличие блока между ним и «левыми» эсерами в 1918 году.

Бухарин говорит неправду и здесь, на суде, пытаясь отрицать факты, удостоверенные здесь рядом свидетелей.

Между тем, эти факты чрезвычайно важны как с точки зрения окончательного разоблачения предательского лица Бухарина, так и с точки зрения наиболее полного и правильного понимания всей последующей преступной деятельности Бухарина и его сообщников — бухаринцев.

Нужно вспомнить факты, обстановку и условия 1918 года, чтобы по достоинству оценить всю глубину адского преступления Троцкого и Бухарина против революции, всю глубину и предательство!..

Эти факты, товарищи судьи, разумеется, сейчас принадлежат уже в значительной мере истории, но они проливают новый свет на вопрос, интересующий нас, интересующий многих и особенно тех, кто не искушен еще в знании прошлого Бухарина и антисоветских группировок, — как могло случиться, что Бухарин и Рыков, которые в течение стольких лет выдавал себя за сторонников социализма, за сторонников социалистической борьбы, оказались в стане самых отвязанных врагов Советской власти, в стане изменников и предателей революции советского народа, родины!

Эти факты, уже покрытые архивной пылью, в свете настоящего процесса оживают и начинают говорить вновь полным голосом, голосом обвинителя, требующего виновных к ответу, если не перед уголовным судом, связанным рамками уголовной давности, то, во всяком случае, перед судом истории, не знающей никакой давности, не знающей и никакой пощады!

1918 год. Молодая Советская Республика напрягает все свои силы, чтобы преодолеть гигантские трудности, вставшие на ее пути к утверждению и закреплению победы социалистической революции.

Страна была тогда, в буквальном смысле этого слова, повергнута в прах. Ее нужно было поднять на высоту новых величайших исторических задач, каких не знала до того ни одна революция трудящихся.

«От периода триумфального шествия, — говорил по этому поводу В. И. Ленин, — предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отдалаться словами, блестящими лозунгами — как это ни приятно было бы — конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности» (Стенограф. отчет VII съезда партии стр. 19).

В этих условиях борьба за мир являлась борьбой за все будущее пролетарской революции, судьба которой была в буквальном смысле этого слова поставлена на карту.

В этих условиях вопрос о войне и мире сводился, по существу, к одному вопросу — быть или не быть Сою-

ской власти, Советскому государству, Советской стране.

Гениальная ленинская стратегия решила этот вопрос положительно. История подтвердила правильность этого решения. Она сказала: «Быть».

Ленинизм учит не только искусству наступления, но и искусству отступления.

«...Нельзя,— писал Ленин,— победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению» (т. XXV, стр. 177).

Товарищ Сталин по этому поводу говорил:

«Цель такой стратегии — выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление.

Образцом такой стратегии можно считать заключение Брестского мира, давшего партии возможность выиграть время, использовать столкновения в лагере империализма, разложить силы противника, сохранить за собой крестьянство и накопить силы для того, чтобы подготовить наступление на Колчака и Деникина» («Вопросы ленинизма», 10-е изд., стр. 56).

Эта стратегия, гениальная стратегия Ленина — Сталина, полностью себя оправдала. Она спасла новую Россию и Советскую власть от неминуемой гибели.

В 1924 году товарищ Сталин напомнил по этому поводу:

«Теперь даже последний дурак» видит, — говорил Ленин спустя три года после Брестского мира, — «что «Брестский мир» был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы международного империализма» («Вопросы ленинизма», стр. 57).

Известно, что Троцкий и Бухарин со своими приверженцами всячески старались сорвать Брестский мир.

Троцкий и «левые» эсеры, при переговорах с генералом Гофманом, вели себя как провокаторы. «Левые коммунисты» во главе с Бухариным рвали и метали против мирной политики Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым, требуя разрыва переговоров и объявления «революционной войны».

Своими хлесткими, а по сути дела провокаторскими, речами и лозунгами бухаринцы и троцкисты пытались сбить нашу партию с ленинского пути.

«Не мир и не война», «Священная война против всесветной буржуазии» — все эти и подобные им провокаторские лозунги Троцких, Бухариных и др. имели одну единственную цель, — как об этом сказал товарищ Ворошилов в своей речи по поводу 20-летия РККА и Военно-Морского Флота, — впутать нашу страну в вооруженное столкновение с империалистами в момент, когда Советская власть еще не имела своей крепкой армии, и этим самым ликвидировать

Советскую власть и расчистить путь для победы буржуазии и полной реставрации капитализма в нашей стране».

До настоящего времени бухаринцам удавалось скрыть от истории истину и в этом вопросе.

Даже на предварительном следствии в показаниях от 2 июня 1937 года Бухарин пытался скрыть действительный характер своей борьбы в период Брестского мира против Ленина, как главы Советского государства.

Бухарин пытался обойти этот вопрос, отделившись, по своей привычке, общими отвлеченными рассуждениями о том, что он якобы «не понимал», что «конкретнейший из конкретнейших вопросов о «мужике» и был именно вопрос о том, чтобы дать массе «передышку», и подменял живые потребности момента общелитературными рассуждениями о том, что пролетарское отечество должно быть защищено».

Бухарину этот фокус не удался. Следствие на его удочку не попало. Следствие, наоборот, изобличило Бухарина, и изобличило в гораздо более серьезном, чем какие-то «общелитературные рассуждения».

Следствие установило, и я считаю необходимым это вам здесь напомнить, товарищи судьи, в полном объеме, что в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой, совместно с «левыми» эсерами, организовали заговор против Ленина, как главы Советского правительства.

Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить Ленина, Сталина и Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и из «левых» эсеров.

На следствии Бухарину были предъявлены факты, ему было дано пять очных ставок. Тогда подсудимый Бухарин вспомнил кое-что, более серьезное, чем «общелитературные рассуждения». Бухарин вспомнил такой, например, факт, как блок с «левыми» эсерами в 1918 году, в целях борьбы против Советского правительства, такой факт, как прямой заговор против Советской власти, как подготовку ареста Ленина, ареста Сталина, ареста Свердлова.

Все это Бухарин, как вы помните, признал. Но он признал это «со скрипом».

Мы помним свидетелей, которые прошли перед судом, хорошо помним их показания, мы их видели, мы их слышали. Мы помним, как тяжелым свинцом падали их слова на голову Бухарина — вдохновителя провокаторской борьбы против ленинского Совета Народных Комиссаров, Бухарина — организатора, как это с полной очевидностью установлено и судебным следствием, заговора и восстания против Советского государства,

подстрекателя к убийству руководителей Советского правительства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова.

Я имею полное основание говорить, опираясь на эти данные, что все это точно выяснено, все это достаточно точно установлено, достаточно доказано.

Позвольте остановиться мне кратко на тех доказательствах, которые подтверждают правильность этого заключения. Вы помните здесь показания Камкова. Камков — один из виднейших руководителей ЦК партии «левых» эсеров. Камков показывал, что он с Бухариным вел разговор в 1918 году по вопросу о Брестском мире, что борьба, по словам Бухарина, принимает по этому вопросу чрезвычайно острые формы. Бухарин говорил Камкову об острых формах, о том, что дебатировался в рядах «левых коммунистов» вопрос о создании нового правительства. При этом, сказал Камков, Бухарин назвал Пятакова, как возможного кандидата в руководители нового правительства, и заявил, что сама смена правительства мыслится путем ареста всего состава Советского правительства во главе с Лениным.

Бухарин это не отрицал. Правда, он говорил здесь что-то такое об аресте «на 24 часа». Но это несерьезно. Уже в 1924 году в газете «Правда» Бухарин сам разъяснил, насколько этот план ареста Владимира Ильича Ленина был реален и серьезен. Но Бухарин отрещивается от плана убийства наших вождей.

Какие он представил в свое оправдание доказательства по этому вопросу? Никаких, кроме голого отрицания. Его изобличала здесь Яковлева, его изобличал здесь Осинский, его изобличал здесь Манцев, его изобличал здесь Карелин, в соответствующей, наиболее существенной части вопроса изобличал его и Камков, ибо, как вы помните, Бухарин старался даже вопрос об аресте поставить таким образом, что, будто бы, инициатива исходила не от него, а от Камкова, от «левых» эсеров. Камков здесь удостоверял, что инициатива исходила от Бухарина. Я, впрочем, согласен их обоих помирить, ибо, очевидно, инициатива исходила и от тех и от других. Этим объясняется та ожесточенная борьба, которая велась со стороны этих людей против Советского правительства, против Ленина и против его сподвижников — товарищей Сталина и Свердлова.

Бухарин отрицает. Но нельзя же в самом деле считать за аргумент ничем не мотивированное отрицание, тем более, что это отрицание противоречит самой логике вещей.

Если бы этого факта — плана убийства Ленина, Сталина и Свердлова — не было, то зачем бы понадобилось говорить об этом и Карелину, и Яковлевой, и Осинскому, и Манцеву, — людям, не в интересах которых сознавать сейчас такой позорный и такой страшный факт, такое чудовищное преступление против родины. А между тем, по показаниям Карелина, Бухарин прямо говорил относительно физического уничтожения Ленина и Сталина. Яковлева также говорит:

«Бухарин мне развил ту мысль, что политическая борьба приобретает все более острые формы и дело не может огра-

ничиться одной лишь политической формулировкой о недоверии к ЦК партии. Бухарин заявил, что дело неизбежно должно дойти до смены руководства, в связи с чем стоит вопрос об аресте Ленина, Сталина и Свердлова и даже физическом их уничтожении» (т. 44, л. д. 77).

Это же подтвердил Осинский, это же подтвердил и Манцев. Бухарин был не один. С ним эту же позицию разделял, как мы теперь установили, и Троцкий, о роли которого в заговоре против В. И. Ленина в 1918 году мы имеем на этом процессе ряд показаний, в том числе и показания самого Бухарина.

«К этому времени, — показал подсудимый Бухарин, — вновь возникла идея переворота и ареста Ленина, Сталина, Свердлова, как определяющих фигур партийного и советского руководства, на этот раз по инициативе Троцкого, которому предложение «левых» эсеров стало известно, очевидно — так я предполагаю — от Пятакова» (т. 5, л. д. 12).

Бухарин не договаривает до конца, оставаясь верным своей тактике полупризнаний.

Но есть два свидетеля — Яковлева и Манцев, которые и в этом вопросе говорят с такой точностью, какая не оставляет никаких сомнений в справедливости и правильности их показаний.

Не достаточно ли этих фактов, чтобы сказать, что заговор бухаринцев, троцкистов, «левых» эсеров в 1918 году против Ленина, Сталина и Свердлова доказан полностью!

Сам Бухарин признал наличие этого заговора, сам Бухарин признал наличие плана ареста Ленина, Сталина и Свердлова. Бухарин отрицает лишь план убийства Ленина, Сталина и Свердлова.

Однако первым признанием подсудимого Бухарина о плане переворота, о плане ареста, в сущности говоря, подтверждается и последующее. В самом деле, Бухарин признал, что он вместе со своей группой «левых коммунистов», с Троцким и его группой и с «левыми» эсерами затевали насильственное свержение Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым и даже арест Ленина, Сталина и Свердлова.

Но знает ли Бухарин, что означает насильственное свержение? Знает ли Бухарин, что означают аресты, связанные с задачей насильственного свержения? Знает ли Бухарин, что люди, идущие на насильственное свержение и на насильственный арест, тем самым идут на насилие, тем самым идут и на убийство!

Насильственное свержение предполагает, а не исключает той формы насилия, как физическое уничтожение. Бухарин насильственное свержение признает, физическое устранение отрицает. Это явная фальшь, это явная нелепица, это явная нелогичность. Но Бухарин в таком положении, что логики с него требовать нельзя.

Факты, установленные на суде, говорят более авторитетно и более убедительно, чем это кажется и хочется Бухарину. Бухарин, правда, сейчас сказал несколько больше, чем, напри-

в 1924 году, но всего он все же не сказал. Бухарин так действует не впервые. В 1924 году Бухарин кое-что рассказал об этом позорном преступлении, но только кое-что.

В 1938 году Бухарин, припертый к стене, вынужден рассказать уже об этом факте больше. Если бы мы хотели оценить степень фальши, изуитства и лицемерия Бухарина, достаточно сравнить текст опубликованного им письма в газете «Правда» в 1924 году с тем, что он говорил на предварительном следствии. Он скрыл целый ряд фактов в этом письме, он не говорил, что речь шла о заговоре, он не говорил, что речь шла о прямом сговоре его группы с Троцким, он не говорил не только об убийстве Ленина, но и Сталина и Свердлова. Это вскрыто теперь. Это теперь разоблачено, это открыто, это установлено, об этом возведено всему миру, вопреки воле Бухарина, при всем его сопротивлении установлению этого факта. Бухарин признал, да и то, как вы видели на судебном следствии, только полупризнал, потому что ему податься некуда, что в 1918 году Бухарин объявлял Советскую власть формальной и предлагал ее ликвидировать.

Ленин разоблачает чудовищность этого бухаринского «тезиса», указывая, между прочим, на исторические примеры Франции в 1793 году и Пруссии начала XIX века, когда лучшие люди этих стран в тяжелую минуту, переживаемую их отчизной, не отчаивались, а ...«подписывали неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские мирные договоры, чем Брестский, умели выжидать потом, стойко сносили иго завоевателя, опять воевали, опять падали под гнетом завоевателя, опять подписывали похабные и похабнейшие мирные договоры, опять поднимались и освободились в конце концов (не без использования розни между более сильными конкурентами-завоевателями)» (Ленин, т. XXII, стр. 302).

Но это были лучшие люди своей страны, а не изменники и провокаторы, которыми оказались на деле так называемые «левые коммунисты» и их подпольные друзья.

Но для этого нужно было, как учил Ленин, любить свою родину и свой народ, а не глумиться над ним, как глумится Бухарин и его оруженосцы, восставшие против Ленина, призывавшего любить и уважать свой народ.

Следствие установило, что в 1918 году Бухарин и Троцкий заключили с эсерами блок для совместной борьбы против Советского правительства, возглавлявшегося тогда Лениным, Сталиным и Свердловым, что они затевали вооруженное восстание, что они шли на арест и убийство Ленина, Сталина и Свердлова.

Доказано это или нет?

Доказано полностью. Доказано показаниями самого Бухарина и показаниями Яковлевой и Карелина, Камкова, Манцева и Осинского.

Бухарин отрицает подготовку убийства, но как он отрицает? Я просил бы вас, товарищи судьи, в совещательной комнате просмотреть протокол соответствующего заседания нашего су-

дебного следствия для того, чтобы со всей отчетливостью вспомнить метод отрицания Бухариным этого факта.

Вот этот разговор. Бухарин признает, что был одним из организаторов этого заговора.

Его спрашивают: об аресте Ленина, Сталина и Свердлова в открыто говорили?

«Бухарин. Об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении. Это было в период не до Брестского мира, а после. В этот период у меня был один разговор с Пятаковым, когда явились Карелин и Камков и заявили, что они предлагают составить новое правительство.

Вопрос. Когда это было?

Бухарин. Это было до Брестского мира. Они предлагали составить правительство путем ареста Ленина на 24 часа.

Вопрос. Значит, мы можем сказать, что до заключения Брестского мира у вас были переговоры с «левыми» эсерами Карелиным и Камковым о том, чтобы сформировать новое правительство, то есть предварительно свергнуть правительство во главе с Лениным?

Бухарин. Разговор был.

Вопрос. Об аресте Ленина?

Бухарин. Это эсеры говорили.

Вопрос. По-вашему, эсеры говорили об аресте Ленина, а свидетельница Яковлева утверждает, что об аресте Ленина говорил и Бухарин.

Бухарин. Она путает с этим другой вопрос, она утверждает, что разговор был до заключения Брестского мира.

Вопрос. Я спрашиваю: до заключения Брестского мира были переговоры с эсерами о том, чтобы арестовать Ленина?

Бухарин. Да».

Итак, вначале это эсеры говорили, потом Бухарин показывает, что этот разговор был, и он вел его сам.

«Вопрос. А после заключения Брестского мира тоже были переговоры?

Бухарин. Были.

Вопрос. О чем?

Бухарин. О политическом контакте.

Вопрос. А об аресте?

Бухарин. И об аресте.

Вопрос. Кого именно?

Бухарин. Ленина, Сталина и Свердлова.

Вопрос. Тоже на 24 часа?

Бухарин. Тогда эта формула не употреблялась».

Как видите, раньше на 24 часа, а теперь уже не на 24 часа. Тогда речь шла только о Ленине, а теперь уже выходит, что речь шла о Ленине, Сталине и Свердлове.

«Вопрос. А как арестовать, для чего?»

Бухарин. Для того, чтобы составить новое правительство.

Вопрос. А с арестованными что сделать?»

Бухарин торопится: «разговора о физическом уничтожении не было». Но я его об этом еще не спрашивал.

«Вопрос. Когда свергают правительство и арестовывают его, применяют насильственные способы?»

Бухарин. Да.

Вопрос. Вы имели в виду при аресте применить насильственные способы? Правильно это или нет?

Бухарин. Правильно.

Вопрос. Но насильственные способы в чем заключаются? Вы точно установили это?

Бухарин. Нет, не установили.

Вопрос. Значит, решили так, как позволят и приказуют обстоятельства?

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вопрос. А обстоятельства могут приказывать действовать очень решительно?

Бухарин. Да».

Вывод из этого простой — предполагалось свергнуть правительство, для этого арестовать правительство — Ленина, Сталина, Свердлова, применить все те меры, которые могут продиктовать обстоятельства и обстановка борьбы, которая ведется во имя свержения правительства. Борьба была в самой острой форме, и поскольку не было — если встать на точку зрения Бухарина, как он говорил — разговора об убийстве, то ведь сам факт, сама задача свержения правительства, сама необходимость ареста руководителей того правительства, которое поставили своей целью заговорщики свергнуть, — совершенно естественно говорит, что от убийства руководителей, предполагавшегося убийства, они отрекались и зарекаться никак не могли.

Вся логика событий, весь смысл этой борьбы, вся ожесточенность той атмосферы, в которой эта борьба шла, вся острота самого вопроса — быть ли Брестскому миру, то есть быть ли Советской стране, стране, строящей социалистическое общество, или не быть Брестскому миру, не быть Советской земле, которую как «формальную» они предполагали отдать на разгромление врагу, — все это со всей серьезностью говорило о том, что дело идет о настоящей борьбе, которая всегда в таких случаях связана с неизбежностью применения и такой меры, результатом которой является смерть, убийство. Вот почему я говорю: для меня не с точки зрения криминологии, ибо сейчас, через 20 лет после того, как совершилось это преступление, мы не предъявляем Бухарину самостоятельного обвинения, — это имеет значение для того, чтобы оценить ту связь, которая существует между заговорщической деятельностью убийцы и контрреволюционера Бухарина и его сообщников с тем, что они делали впо-

следствии. Все это имеет значение для того, чтобы пока что Бухарин и сейчас по вопросу, имеющему исторический терес и значение, не в состоянии, не хочет признать все преступления, которые он совершил в действительности против Советской страны, против Советской власти и против советского народа.

Бухарин в 1924 году по этому поводу писал:

«Я счел своей партийной обязанностью рассказать — в мент ожесточенной фракционной борьбы о предложении «вых» эсеров для того, чтобы парализовать то идиллическое прилизывание событий Брестского периода, какое практиковалось со стороны товарищей из оппозиции»...

Речь идет об аресте Ленина, о свержении Советской власти Бухариным, таким образом, в 1924 году признавал, что это было в момент ожесточенной борьбы.

И дальше:

«Они изображали брестские времена в партии как «времена демократии». Я же отлично знаю, что это был период, когда партия стояла на волоске от раскола, а вся страна — на волоске от гибели».

В этих условиях, в условиях ожесточенной борьбы, ведущие на арест Ленина, на арест Сталина и Свердлова, руководители нашей партии и правительства, могут ли остановить перед возможностью уничтожить своих противников, перед тем чтобы убить наших вождей? Это ни с чем несуразно, это с чем не вяжется. Это есть политика не говорить правду конца, попытка, мне кажется, здесь полностью разоблачена показаниями свидетелей и самой логикой развивавшихся в это время исторических событий.

Теперь полностью раскрыто и то чудовищное преступление которое имело место 30 августа 1918 года. Я имею в виду покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина 30 августа 1918 года со стороны эсеровской террористки Каплан. По показаниям Карелина и Осинского мы можем судить, как в действительности это покушение было организовано. Карелин тогда заявлял, что в течение 20 лет делались все усилия к тому, чтобы сохранить это страшное преступление в тайне, чтобы не раскрыть его настоящего и действительного содержания и смысла. Карелин утверждал здесь, что вопрос о террористическом акте против Ленина был поднят в 1918 году никем иным, как им самим. Бухариным. Карелин утверждал, что Прошьян докладывал этом членом ЦК партии «левых» эсеров. Карелин утверждал, что «такого рода требование «левых коммунистов», заявленное Бухариным, их главарем, сыграло свою роль в смысле ускорения террористического акта против Ленина, совершенного ЦК пар правых эсеров». Это чудовищное преступление — факт.

Осинский показал со слов Стукова, что он, Стуков, был того же мнения, имел такое же представление о преступлении 30 августа 1918 года.

«В конце 1918 года Стуков, — показывал здесь Осинский, — который вместе с Бухариным был связан с эсерами, сказал мне, что выстрел, произведенный правой эсеркой Фаней Каплан в Ленина, был совершен не только по указанию руководства правых эсеров, но и явился прямым завершением мероприятий, намеченных в свое время блоком к физическому уничтожению Ленина, Сталина и Свердлова» (т. 44, л. д. 89).

Эти показания достаточно убедительно говорят о той подлой, предательской, дьявольской работе, которую вел Бухарин, этот патентованный лицемер и иезуит.

Чтобы закончить с характеристикой поведения Бухарина и самого Бухарина, надо сказать, что лицемерием и коварством этот человек превзошел самые коварные, чудовищные преступления, какие только знала человеческая история.

Здесь на суде он показал себя весь.

Мы проследили шаг за шагом, год за годом политическую жизнь Бухарина.

Сколько раз Бухарин клялся именем Ленина лишь для того, чтобы сейчас же лучше обмануть и предать и партию, и страну, и дело социализма!

Сколько раз Бухарин прикасался к великому учителю с лобзанием Иуды-предателя!

Бухарин напоминает Василия Шуйского и Иуду Искарриота, который предавал с лобзанием.

И повадки у Николая Ивановича Бухарина точь в точь, как у Василия Ивановича Шуйского, как изображает его нам знаменитый писатель Островский:

«Василий свет-Иваныч,
Что ни начни, все свято у него!
Заведомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовит,
А сам, гляди, вздыхает с постной рожей
И говорит: «Святое дело, братцы!..»

Так и Бухарин, — вредительство, диверсии, шпионаж, убийства организует, а вид у него смиренный, тихий, почти святой, и будто слышится смиренные слова Василия Ивановича Шуйского: «Святое дело, братцы!» из уст Николая Ивановича.

Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, иезуитства и нечеловеческой подлости.

ШПИОНЫ, ИЗМЕННИКИ, РЕСТАВРАТОРЫ КАПИТАЛИЗМА

Судебное следствие вскрыло и доказало с полной отчетливостью, что «право-троцкистский блок» представлял собой подлинную агентуру разведок некоторых иностранных государств, осуществляющих через этот блок, через эту заговорщическую группу шпионаж, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, что этот «право-троцкистский блок» пытался

провоцировать военное нападение этих государств на СССР целях свержения существующего в СССР социалистического строя, восстановления в СССР капитализма и власти буржуазного правительства СССР и отторжения от него в пользу указанных выше государств Украины, Белоруссии, средне-азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Установлено на этом следствии, что блок имел своих настоящих хозяев в лице Троцкого и иностранных разведок, что его преступная деятельность шла под непосредственным руководством и по планам, выработанным в генеральных штабах Японии, Германии и Польши.

Вот показания Чернова. Чернов связывается с полицией и через полицейского чиновника в Берлине с Обергаузом. Обергауз, — говорит Чернов, — сказал мне, что немецкая разведка принимает надлежащие меры для свержения Советской власти. И дальше, обращаясь к Чернову, Обергауз говорит: «Вот вы считаете себя оппозицией в Советском Союзе, вам надо объединиться в организующую силу. Если вы хотите взять власть, не стесняйтесь в методах борьбы». Говоря о методах борьбы Обергауз предлагает закрепить связь правых с немецкой разведкой. Он говорил о том, что вся организация правых может быть поставлена на службу целям немецкой разведки.

Здесь, на суде, на вопрос, кто был хозяевами, Чернов ответил: «Кроме Рыкова и немецкой разведки, — никого». Не ясно, что организация этого так называемого «право-троцкистского блока» была не чем иным, как экспозитурой некоторых разведок некоторых иностранных государств.

Подсудимый Шарангович здесь полностью подтвердил связь с генеральным штабом Польши. Он подтвердил, что, как глава местной белорусской буржуазно-националистической польской организации, он ставил своей задачей обслуживание интересов польской разведки и польского генерального штаба. Он говорил о том, что ему было предложено от имени некоего консула установить тесную связь с рядом людей, входящих в руководство национал-фашистской организации Белоруссии, том числе с Бенеком. Он говорил, что ему было предложено передавать различного рода сведения, необходимые польской разведке, ему было поручено так тесно связаться с польским генеральным штабом, чтобы польский генеральный штаб мог опираться в своей работе против Советского государства на эту презренную кучку изменников из белорусской национал-фашистской организации.

Основные цели этой организации? Сам Шарангович определял их кратко: свержение Советской власти и восстановление капитализма, отторжение Белоруссии от Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами. Для достижения этой цели, как он говорил, подчеркивалась необходимость установления тесной связи с польским генеральным штабом. Это была одна из основных задач, которую, по указаниям центра «право-троцкистского блока», преследовала буржуазно-националистическая организация в Белоруссии. Кому это было нужно

это было нужно польской разведке, это было нужно польскому генеральному штабу, который рассчитывал, имея в своих руках ту, хотя и маленькую, но все же опасную «пятую колонну» на территории СССР, обеспечить себе успех в необходимых случаях.

Вот почему Рыков совершенно справедливо здесь сказал, что белорусская организация правых была, по существу, экспозитурой польского генерального штаба. Рыков нам говорил здесь, что ему известно было о переговорах Карахана с немецкими фашистами еще в 1933 году, что немецкие фашисты отнормировались, как выразился здесь подсудимый Рыков, с полной благожелательностью к возможности прихода к власти правых и что они обещали всячески приветствовать и поддерживать этот приход.

Благожелательность германской разведки, конечно, продиктована исключительно интересами этой разведки: ведь правые и их организация — это фашистская экспозитура. Имея в своих руках группу изменников, опираясь на них, германский фашизм мог бы более безболезненно для себя осуществить свой разбойничий план военной интервенции СССР. А задачи? Задачи — не только те, о которых говорил Шарангович. Рыков здесь нам дал ясное указание на еще одну в высшей степени характерную черту, которая с головой выдает «право-троцкистский блок» как агентуру некоторых иностранных разведок. В ответ на вопрос по поводу расчленения СССР, отторжения от СССР ряда республик, на вопрос «была ли также задача подготовки фашистам плацдарма для нападения на СССР и для обеспечения их победы?» — Рыков ответил: «Да, это несомненно».

Совершенно очевидно, что задача подготовки плацдарма для нападения на СССР и обеспечения победы над СССР, в случае этого нападения, эта задача была поставлена немецкой, польской и другими разведками перед «право-троцкистским блоком», как перед прямой агентурой фашистских разведок. Это говорит о том, что прав Чернов, свидетельствующий о том, что настоящим-то хозяином «право-троцкистского блока», кроме Троцкого, были действительно разведки некоторых иностранных государств.

Мы помним, наконец, показания Крестинского. Как мышь, пойманная в мышеловку, он пробовал уже здесь на процессе метаться из стороны в сторону, нащупывая возможные пути своего спасения, но это оказалось безнадежным. Крестинский признал, что уже в 1920—1921 годах, по указанию Троцкого, он, Крестинский, вел переговоры вместе с другими троцкистами с генералом Сектом и с германским рейхсвером, он продавал за 250 тысяч золотых марок в год шпионские сведения генеральному штабу Германии и обеспечивал беспрепятственный допуск в пределы СССР германских военных разведчиков.

О чем шла тогда речь, как не о превращении СССР в колонию германского фашизма? В чем сущность этого соглашения с рейхсвером, нити которого тянутся к измене и предательству так называемого «право-троцкистского блока», — об этом сказал сам Крестинский. Позвольте кратко напомнить,

«Мы получаем, — говорит он, — небольшую сумму денег, они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, — поучает дальше Крестинский, раскрывая свои карты, — в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а только шпионская информация. И он (то есть Гитлер) готов вместе с колониями, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территорией Советского Союза».

Вот циничная, обнаженная до пределов человеческой пошлости постановка вопроса, которая совершенно отчетливо говорит о том, как подходили некоторые разведки, в том числе и германская разведка, и некоторые наиболее реакционные, преимущественно военные, круги некоторых иностранных государств, к деятельности этого так называемого «право-троцкистского блока». Они подходили к ним, как к своим рабам и пленникам. Они подходили к ним, как хозяева подходят к своим слугам. Они искали помощи этих предателей, для того и только, что эти предатели держали в своих руках ключи, по крайней мере в их собственном сознании и отчасти используя свое служебное положение, от ворот наших границ. Они были подходящими для того, чтобы открыть ворота врагу. Пытаясь вилы и заматывать свои следы, в этом цинично признался в конце концов подсудимый Бухарин. В разговоре с Рыковым и Томским Бухарин говорил о необходимости открыть фронт немцам. Вопрос стоит, что называется, ясно до предела. Карты, хотя и крапленые карты, раскрыты полностью. Они говорили: «мы вам даем не только шпионские сведения, но в нужную минуту мы вам откроем фронт. За это платите нам денежки, на которые мы будем вести свою преступную, подпольную троцкистскую работу. Зачем вам драться с Англией, Америкой и Францией из-за колоний? Вы можете превратить СССР в свою колонию. По крайней мере ее цветущие окраинные республики, например Украину. Зачем вам драться с Америкой, Англией и Францией из-за колоний, когда мы, ваши покорные слуги, готовы вам отдать Советскую землю за те золотые марки, которыми вы можете нам вести свою подпольную работу».

Вот смысл этого соглашения.

Говорит ли наличие такого соглашения о том, что «право-троцкистский блок» был какой-то политической группой? Не «Право-троцкистский блок» — это не только безыдейная, беспринципная банда вредителей, диверсантов, убийц, шпионов — это чистейшая банда агентов иностранных разведок в подлинном смысле этого самого слова. Она открывает ворота врагу, она стреляет из потаенных окон по улицам, помогая вторгнувшему в города и села неприятелю, содействует поражению своей родины.

Крестинский говорил: «Мы шли на восстановление капиталистических отношений в СССР и территориальные уступки другим государствам, с которыми об этом уже договорились».

В этом, в сущности говоря, и есть весь смысл преступной деятельности блока.

От Крестинского в цинизме своих показаний не отстают и Гринько. Гринько, ведь, прямо показывал, что задача, поставленная их иностранно-разведывательными хозяевами, заключается, главным образом, в том, чтобы помочь иностранным агрессорам. Это была, говорил Гринько здесь, общая позиция и троцкистов, и правых, и буржуазно-националистических организаций, и, в частности, украинской национал-фашистской организации.

Это означало подрыв оборонной мощи Советского Союза, подрывную работу в армии и оборонной промышленности, открытие фронта в случае войны и провокацию этой войны.

Нечего сказать, почетные задачи!

Самый перечень этих преступных целей с головой выдает этот блок, как чистейшую банду шпионско-разведывательских организаций некоторых иностранных государств.

Икрамов здесь нам рассказал о том, как главари «право-троцкистского блока», и в первую очередь Бухарин, уговаривали его принять все меры к тому, чтобы превратиться в подлинную агентуру иностранных разведок.

Московские главари «право-троцкистского блока» информировали Икрамова о японо-германской, как они говорили, «ориентации», о связи с немцами и японцами. Во имя чего? Во имя той же задачи, которая так выпукло была изображена и Гринько и Крестинским.

Вторая встреча была посвящена обсуждению вопроса о вредительстве. Третья встреча была посвящена вопросу о связи с Англией. Об этом здесь очень подробно и полно говорил обвиняемый Ходжаев.

Что же говорил ему Бухарин? Он говорил, что надо ориентироваться на Англию, что если сейчас войны не будет, если скоро интервенции не будет, — нашему делу «капут». Бухарин говорил Икрамову: «Могут всех нас переловить, а вопрос ускорения войны не можем разрешить из-за Англии, которая в некотором отношении является международным арбитром».

Интересно представление заговорщиков, возлагающих все надежды на военное нападение на СССР, об Англии, как о каком-то международном арбитра. Известно, говорит Бухарин, что англичане давно смотрят на Туркестан, как на лакомый кусочек. Если будут такие предложения, тогда англичане, может быть, скорее перейдут на сторону агрессора против Советского Союза.

Бухарин, в сущности говоря, здесь не отрицал этого разговора. Он говорил о некоторых деталях, спорил о некоторых словах, говорил, что это было иначе сформулировано, но в основном Бухарин подтвердил, что такие разговоры были, что была «ориентация на британского арбитра», который готов был заполучить «лакомый кусочек» в виде Туркестана. Это же подтвердил и другой обвиняемый Ходжаев, который признал, что Бухарин вел с ним разговоры, организовывая в Средней Азии ту деятельность, которая целиком и полностью может быть охарактеризована, как государственная измена, как подготовка поражения, расчленение СССР. Отторжение от СССР целых областей

и даже союзных республик они рассматривали как плату за помощь, которую военный агрессор готов оказать блоку в преступной борьбе за захват власти, за свержение закон Советского правительства в нашей великой стране.

Я уже сказал, что по всем тем обстоятельствам, котор- такой исчерпывающей полнотой вскрыты на судебном след- по настоящему делу, видно, что «право-троцкистский б представлял собой просто агентуру иностранных развед- Этим обстоятельством определялся и весь характер и вся ро- рода тех взаимоотношений, которые сложились и существо- между этим так называемым «блоком», с одной стороны, и которыми иностранными разведками, являющимися действит- ными хозяевами этих преступников, — с другой.

О том, каковы были эти взаимоотношения между иностр- ными разведками и блоком, можно судить по ряду фактов: непреложностью установленных на настоящем судебном сл- ствии.

Я напому вам допрос подсудимого Рыкова. На вопро- том, что представляла собой буржуазно-фашистская органи- ция, действовавшая в Белоруссии под руководством Голоде Червякова и Шаранговича, Рыков должен был признать, даже назначение, сколько-нибудь крупное, отдельных работников на руководящие посты в Белоруссии предварительно согласовы- валось с польской разведкой.

Этот факт, сам по себе, уже достаточно ярко характер- действительную природу тех отношений, которые существова- между «право-троцкистским блоком» и польской разведкой. Если польская разведка решает, кого назначить на те или др- гие наиболее ответственные должности, ясно, что подлинны- настоящими хозяевами, распоряжавшимися судьбой «прав- троцкистского блока», всей его преступной деятельностью явля- лась польская разведка. Хозяевами этого «блока» являлись та- же и разведки других государств, с которыми состояли в пр- ступной связи и отношениях, по поручению, с ведома и сог- л- сия руководителей этого «блока» отдельные участники этой о- говорической преступной организации.

Я напому вам показания подсудимого Иванова, котор- здесь уже говорил о том, что иногда участники блока не р- личали, где действуют правые, а где действует иностранная р- ведка, до такой степени все у них переплелось. Я напому ва- также и то, что, по словам Иванова, Бухарин рекомендовал е- связаться с английской разведкой. Бухарин говорил, что Англ- имеет очень большие интересы в Северном крае. Он говори- что с этой страной у центра правых есть соглашение о помоц- правым в свержении Советской власти и что в этом соглашен- предусматривается обеспечение интересов английских лесопр- мышленников в лесном хозяйстве Северного края.

Здесь также ярко выражен конкретный хозяйский интер- той разведки, с которой Бухарин рекомендовал связаться по- судимому Иванову и с которой подсудимый Иванов связал- выполняя это указание Бухарина. Иванов показал, что Бухари-

рекомендовал ему поставить дело таким образом, чтобы показать английской буржуазии, что правые охотно идут на удовлетворение всякого рода экономических и финансовых интересов этой буржуазии, рекомендовал выдавать авансы английской буржуазии с тем, чтобы, с одной стороны, не потерять поддержку для себя, а с другой, — не потерять доверия.

Ясное дело, что это «доверие» строилось только на одном — на способности этих заговорщиков уплатить чистоганом советской землей и советской кровью за изменническую свою деятельность, за помощь, которую иностранные агрессоры готовы оказать заговорщикам в их преступных целях.

Об этом же говорил, по существу, и Раковский, когда он показывал, какое часто создавалось противоречивое положение для «добросовестных» агентов иностранных разведок, каким выглядит этот умильный старичок, сидящий здесь перед вами на скамье подсудимых. Положение создалось весьма и весьма затруднительное для тех разведчиков, которые сразу служили нескольшим разведкам. А такие подсудимые налицо. Сам Раковский представляет такого специалиста, который служил одновременно и японской и английской разведкам и попадал вместе с Юреневым в «тяжелое» для них положение.

«Мы, — говорил здесь Раковский, передавая слова Юренева, — очутились в таком переплете, что иногда не знаешь, как себя вести. Боишься — как бы, удовлетворив одного из наших контрагентов, не обидеть другого. Вот теперь, например, возникает антагонизм между Англией и Японией в китайском вопросе, а нам приходится иметь связь и с английской и с японской разведками...»

Тяжелое положение для разведчика! Тяжелое положение для английского и японского шпиона!

«...Нам, троцкистам, — говорил Раковский, — приходится играть в данный момент тремя картами: немецкой, японской и английской».

Мы видим, что эта игра ничем хорошим для игроков окончиться не может.

«...Немецкая карта, по крайней мере, в тот момент для меня была недостаточно ясна...»

Хотя и достаточно краплена.

«...Я лично считал, что... Япония... является актуальным агрессором против СССР».

И дальше он продолжает:

«Японская карта была для нас, троцкистов, чрезвычайно важна. Но с другой стороны, не нужно переоценивать значения Японии, как нашего союзника против Советского правительства. Если даже японская агрессия и сможет продвинуться на территорию СССР, она утонет в пространстве и тайге. А что касается Великобритании, здесь дело посерьезнее. Ве-

ликобритания в данный момент находится в антагонизме с Японией. Не нужно забывать, что Англия возглавила коалицию против французской революции и 25 лет боролась»

Выходит, что самая сильная карта — карта английской разведки. Но не моя задача разбирать качество всех этих «карт» и их отличие. Я хотел бы только показать, каким затруднительным оказалось положение таких господ, которые умудрялись поклоняться сразу трем богам, служить сразу трем разведкам. Нельзя им по-человечески не посочувствовать, но помочь им мы можем только одним — уничтожить возможность играть в карты, как бы то ни было карты, как бы эти карты им самим ни казались серьезными.

О связях с английскими агрессорами подсудимый Раковск показал, что блок подготовлял поражение СССР и систематически занимался шпионажем.

В этой связи надо сказать о Бухарине, который хотел здесь показать, что, в сущности говоря, он не за поражение СССР, не за шпионаж, и не за вредительство, и не за диверсию, так как и вообще он к этому практическому делу имеет отношение не должен, ибо он «теоретик», который занимался проблематикой всеобщих вопросов. Но и Бухарин должен был поставить все точки над «и». Он сказал:

«Одним словом, я был обязан, как один из руководителей правого центра, доложить одному из руководителей периферийного центра нашу установку».

В чем заключалась эта установка?

«Коротко эта установка заключалась в том, что в борьбе с Советской властью возможно использование военной конъюнктуры и тех или иных уступок капиталистическим государствам для их нейтрализации, а иногда и для помощи с их стороны».

Если расшифровать это витиеватое показание Бухарина, то это значит — прямая измена, переход на сторону врагов в зависимости от военных обстоятельств и от военной обстановки для того, чтобы воспользоваться помощью этих врагов в достижении своих преступных целей.

Когда Бухарину задают об этом вопрос: «Иначе говоря, ориентация на помощь некоторых иностранных государств?» Он отвечал: «Да, это можно и так сказать». Он не хочет прямо сказать, а говорит, что «это можно и так сказать».

Можно и нужно так сказать, ибо это соответствует действительности. На вопрос: «Иначе говоря, ориентация на поражение СССР?» — Бухарин говорит, оставаясь верным своей туманной словесной эквилибристике: «В общем, суммарно, повторяю — да».

Итак, «суммарно» Бухарин признает ориентацию на поражение СССР, а в тех конкретных условиях, в которых он находился, как руководитель «право-троцкистского блока», это «суммарно» означало: «мы подготовляли поражение СССР, мы готовы были открыть врагам ворота».

«Открыть врагам фронт», — как это подтвердил Рыков, как того не мог не подтвердить Бухарин.

Я хочу в этой связи обратить ваше внимание, товарищи судьи, на то, как и тут Бухарин пытался вылезти сухим из воды, как он, признавши связь с военной заговорщической организацией Тухачевского и Якира, пытался играть понятием слова «должны» открыть фронт, пытался уйти от настоящего ответа, а этот в высшей степени неприятный для него вопрос.

Но как бы Бухарин ни изощрялся в отдельных словах и фразах, как бы он ни пытался уверять, что понятие «должны», хотя и выражается одним словом, но имеет разное значение, — мы отчетливо представляем действительное отношение Бухарина к этому вопросу.

Бухарин вместе с Рыковым и Томским организовали не шуточное дело, а дело серьезное, дело свержения Советского правительства и Советской власти, не стесняясь решительно никакими средствами. Потерявши всякую опору внутри СССР, устремивши все свои надежды на враждебное СССР иностранное государство, они договорились с ним об открытии фронта, о совместном намерении разгромить советский народ, Советское государство, для того, чтобы путем измены пробраться к власти, которую в этот же момент они должны будут целиком, безраздельно и полностью отдать в руки фашистов, в руки своих настоящих хозяев.

Довольно играть словами! Довольно эквилибристики, «философии»! Речь шла о государственной измене, о переходе на сторону врага, об открытии фронта, о поражении СССР, о разгроме нашего отечества.

Вся шпионская работа отдельных соучастников этого заговора на всех участках в целом направлялась Бухариным и Рыковым. Все шпионские сведения шли в соответствующие органы по каналам при помощи средств и связей, которые были в руках Рыкова, Бухарина, Ягоды и их соучастников.

Здесь на суде раскрылась в полной мере связь Рыкова, Бухарина и Ягоды с разведками ряда иностранных государств. Вместе с меньшевиками, с Даном, со II Интернационалом, с эсерами, с Масловым, с заграничными иностранными разведками, вместе с агрессорами, они пытались свергнуть Советскую власть и восстановить власть настоящего, матерого, стопроцентного капитализма, настоящего господства помещиков и фабрикантов.

Все эти вредительства, измены, предательства смешивались с систематическим обслуживанием иностранных разведок секретными сведениями и разного рода материалами. Крестинский. Розенгольц, Иванов, Шарангович, Чернов, Раковский, Ягода и другие систематически передавали иностранным разведкам тайны Советского государства.

О систематическом обслуживании заговорщиками из «правотроцкистского блока» иностранных разведок мы имеем достоверные сведения. Я приведу здесь выдержку из токийской газеты «Мианко» от 20 февраля 1937 года, которая содержит в себе информацию о секретном заседании так называемой пла-

ново-бюджетной комиссии. Депутат Иосида обратился с сом к военному министру генералу Сугияма: «известна ли и армии провозоспособность Сибирской железной дороги». Министр ответил на этот вопрос положительно и сказал, что провозоспособность Сибирской железной дороги им известна, что имеют систематически сведения о пропускной способности Сибирской железной дороги от имеющихся в России элементов находящихся в оппозиции к нынешнему Советскому правительству. Через них в Японии получают сведения о Сибирской железной дороге.

Вот они — эти элементы, вот они — эти лазутчики, разведчики, слуги империализма, торгующие интересами нашей страны. Вот они — агенты военного министра, собирающего силы на рубежах нашей страны для нападения на наши священные границы.

Я не могу не привести и еще одного обстоятельства. О японского министерства иностранных дел «Джапан Таймс» в январе 1937 года в передовой статье писал:

«То, что обе страны — Германия и Япония — естественно стремятся получить всякую информацию о СССР, могут иметь военную ценность, должно быть принято, как факт. Если бы они не делали этого, то были бы дураками и не выполняли бы своего долга перед государством и страной. Возможность вооруженного столкновения с Советским Союзом когда-то в будущем не может быть с уверенностью исключена, хотя надо надеяться, что этого не произойдет. Поэтому, государства, перед которыми стоит такая перспектива, обязаны готовиться всеми возможными путями при обеспечении победы при столкновении».

Вы хотите, господа обвиняемые, иметь, кроме ваших показаний, доказательства вашей преступной провокаторской, шпионской разведывательной работы? Ищите эти доказательства на страницах органа министерства иностранных дел Японии, на страницах токийской газеты.

Японские агрессоры не только не скрывают своих шпионских вожделений, но, как в данном случае, когда это касается СССР они восхваляют шпионаж как высшую патриотическую добродетель. Ясно, что мы к этим «добродетельным» людям, которые занимают сейчас скамью подсудимых, должны отнестись так как это соответствует качеству и глубине их шпионской «добродетели».

Бухарин, Томский, Рыков, Ягода собирались открыть фронт. Но и тут, как и везде, как и во всей своей предательской работе, они действовали как провокаторы. И это тоже не случай, ибо это характеризует метод работы этих господ. Они готовятся открыть фронт, но они хотят так изобразить дело перед рабочими и крестьянами всей нашей страны, перед всем нашим народом, что фронт открыли не они, а кто-то другой, что наоборот, против открытия фронта, против измены; они договаривались о том, как этих, кто откроет фронт, по их со-

ственному приказанию, отдать под суд, чтобы сыграть, как цинично выразился Бухарин, на патриотических лозунгах. Я не сомневаюсь, что Бухарин использует либо свою защитительную речь, либо свое последнее слово для того, чтобы еще раз при помощи самой чудовищной цирковой эквилибристики придать этому свой особый смысл, чем тот, который придаю этому я, государственный обвинитель, на этом процессе, но иной смысл, мне кажется, придать этому нельзя.

Я процитировал на одном из заседаний судебного следствия то показание Бухарина, где он говорит о высоко поднявшейся волне советского патриотизма, который не позволит никому и никогда играть своей страной, который за каждый шаг измены потребует расплаты головою, жизнью изменников.

Бухарин и его дружки прекрасно понимали и оценивали значение этого величайшего, подлинно народного патриотизма, на высоком уровне которого стоит вся наша страна, от малого до великого готовая в необходимую минуту своей грудью заслонить свою отчизну от нашествия иностранных интервентов. Они учитывали это, они знали и понимали, что с любовью народа к своей матери-родине нельзя шутить. И, учитывая это, они построили всю эту систему провокаций и измены. Они готовы открыть широко ворота иностранной интервенции, но они хотят изобразить это дело так, как будто это дело каких-то чужих рук, против которых они, эти иезуиты и фарисеи, эти иуды искиариоты и Василии Шуйские якобы поднимают теперь свой голос «патриотизма». Бухарин говорил — отдать под суд виновных в открытии фронта, играя патриотическими лозунгами.

Игра разоблачена. Предательские маски с их лиц сорваны и сорваны раз и навсегда. Ни один из подсудимых не посмел отрицать своей преступной работы в направлении подготовки поражения СССР и расчленения СССР. Одни говорили об этом просто, грубо, цинично, другие же, опять-таки вернусь к Бухарину и Рыкову, иезуитски вуалировали свои признания, но и они в конце концов не посмели и не могли отрицать этого преступления перед нашим гласным советским судом. Уж слишком сильные улики и слишком убедительны доказательства!

Троцкий, как это было установлено на предыдущих процессах и как это вновь подтверждено на настоящем процессе, договорился с германской и японской разведками о совместной борьбе против СССР и Советской власти. Мы и на этом процессе имеем по этому поводу очень подробные показания одного из обвиняемых, именно обвиняемого Бессонова. Он сказал, что соглашение это было заключено на основе тех пяти пунктов, которые он привел в своих показаниях. Это, во-первых, — обоюдный саботаж всех официальных отношений, саботаж нормализации отношений между СССР и Германией. Это что значит?

Это значит система провокаций в международных отношениях. И это конечно не слова, потому что мы знаем, что троцкисты сумели под своей маской двурушничества пролезть на целый ряд достаточно ответственных постов, на которых прак-

тически осуществляется наша иностранная политика. Раковс Крестинские, Юреневы и другие, Бессоновы и им подобные это же все люди, которые выполняли порученное им дело дипломатического представительства СССР во внешних сношениях. Этим, между прочим, еще больше усугубляется их вина и тяжесть их ответственности перед Советским государством и советским народом.

Посланные для того, чтобы представлять интересы нашего государства, они в действительности всеми мерами боролись против этих интересов. Эти господа использовали свое должностное положение, — и так делал и Раковский, и Гринько, Крестинский, — для того, чтобы сорвать дело мира, для того чтобы принять все меры провокации возможных столкновений в угоду империалистам.

Второй пункт соглашения — всестороннее сотрудничество троцкистских организаций в СССР с германскими подпольными и шпионскими организациями и их агентами. Для чего? Для подрыва военной и хозяйственной мощи СССР, для ускорения поражения СССР в войне.

Третий пункт — содействие германского фашизма государственному перевороту в СССР в целях перехода власти в руки «право-троцкистского блока».

Четвертый — ускорение интервенции и немедленное заключение мира с новым правительством после его прихода к власти — естественный шаг в плане той изменнической работы, которую вели эти господа.

Пятый — отторжение Украины от СССР в пользу Германии как отторжение Приморья в пользу Японии, как и отторжение Белоруссии в пользу Польши, как расчленение всего нашего Советского Союза путем отторжения отдельных областей и республик и отдачи их в распоряжение иностранных империалистов.

Бухарин должен был здесь признать, что условия, на которых был заключен этот так называемый союз (а это вовсе не «союз», а это есть, в сущности говоря, хозяйско-приказничий договор), — этими условиями были: расчленение СССР, отторжение от СССР Украины, Приморья, Белоруссии. Я спросил Бухарина: «в пользу кого?» И он ответил: «В пользу Германии в пользу Японии, отчасти Англии». Это собственное признание Бухарина, от которого ему некуда уйти и от которого он не уйдет.

Троцкисты и правые действовали именно в соответствии с этим соглашением. Гринько показал, как действовали украинские национал-фашисты во исполнение этого соглашения. Крестинский подтвердил, как они действовали во исполнение этого соглашения. Они, как указывал еще Троцкий, предусматривали диверсионную, шпионскую и вредительскую деятельность, деятельность гитлеровцев и троцкистов в СССР.

В антисоветском «право-троцкистском блоке» видное место занимали буржуазно-националистические группы, образовавшиеся в некоторых национальных республиках под прямым влиянием агентуры тех же иностранных разведок и под непосредственным

руководством так называемого центра «право-троцкистского блока».

Изменники Гринько, Ходжаев, Шарангович, Икрамов — это прожженные, матерые контрреволюционеры разных мастей, с большим контрреволюционным стажем от боротьбистов, от «Милли Истиклял» и «Милли Иттихад» до «право-троцкистского блока».

Рыков уверял Ходжаева, что под руководством правых узбекская националистическая организация может добиться «независимости» Узбекской Республики.

Ходжаев должен был признать, — а вы видели Ходжаева, это достаточно культурный человек, прекрасно разбирающийся во всех тонкостях и перипетиях той борьбы, в которой он принимал участие, — Ходжаев должен был признать, что он хорошо понимал лживость и фальшь этого лозунга о так называемой независимости Узбекской Республики, он понимал прекрасно, что под этим лозунгом скрывается в действительности зависимость узбекского народа от эксплуататоров той капиталистической страны, которая поможет этой республике добиться своей этой призрачной независимости.

Вместе с Рыковым в этом же направлении действовал и Бухарин, восхвалявший, по словам Ходжаева, германский фашизм, говоривший, что фашистская Германия сейчас всеми силами работает над тем, чтобы сделать Германию гегемоном Европы, и что возможно соглашение между Японией и Германией для борьбы с СССР.

Бухарин уговаривал Ходжаева найти пути и дороги к английской разведке через тех курбаши, о которых здесь показывал нам Ходжаев. Бухарин предлагал связаться с английскими кругами, кое-что пообещать Англии. Он говорил: «Не может Узбекистан с 5 миллионами населения сделаться независимым государством между двумя колоссами: с одной стороны — Советским Союзом, с другой стороны — Англией. Нужно пристать к какому-нибудь берегу». И Бухарин толкает Ходжаева, достаточно впрочем подготовленного и самого по себе, на то, чтобы пристать к берегу буржуазной контрреволюции.

Бухарин говорит о стабилизации капитализма, о том, что в этом деле сыграл огромную роль фашизм, особенно немецкий фашизм. Он всячески, как верный пес этого фашизма, радостно лает, возвещая свой восторг перед этим немецким фашизмом.

Бухарин в этом направлении обрабатывал и Икрамова, хотя Икрамов таков, что ему тоже палец в рот не клади. Бухарин лгал на Ленина, он говорил, что колониальные страны не могут притти к социализму при поддержке пролетариата СССР, минуя стадию капитализма, и так далее. Бухарин проповедывал, в интересах окончательного усвоения Икрамовым, теорию и практику реставрации капитализма не только в Узбекистане, но и во всем СССР. Он сказал: «Ваши средства мелочны. Вы хотите ждать, когда придет трудный момент для Советской власти, и тогда вы будете действовать. Нет, лучше надо действовать. Мы одобряем ваши действия в вопросе отторжения Узбекистана. В

этом вопросе у правых есть договоренность с украинскими националистами, с белорусскими националистами и националистами других республик».

Право-троцкистские и буржуазно-националистические элементы, в угоду своим капиталистическим хозяевам, хотели вынуть под капиталистическое ярмо освобожденные Великой социалистической революцией, ранее угнетавшиеся царизмом, помещиками и капиталистами, народы наших братских союзных республик. Не смея открыто сказать о своих предательских планах порабощения народов, поднятых на громаднейшую высоту в результате ленинско-сталинской национальной политики, эти предатели практиковали свои предательские, лживые, обманные лозунги и речи о независимости этих республик.

Будто есть другая страна в мире, кроме СССР, где была действительно обеспечена подлинная национальная независимость, подлинная и полная национальная культура, подлинное процветание миллионных масс народов! Такой страны, кроме СССР, нет во всем мире! В то время, как в колониях капиталистических стран — в Индии, Алжире, Тунисе, Марокко, как и в восточных странах, народы изнывают под тяжелым игом капиталистического гнета, где все больше прогрессируют бедность, нищета, вымирание масс от голода, где процветают сифилис, туберкулез, где все больше и больше процветают разорение и паuperизация, — в СССР, в ее славных одиннадцати союзных республиках все больше и больше растет материальное благосостояние масс, все выше и выше поднимается национальная по форме социалистическая по содержанию культура, все радостней и ярче сверкает великими благословенными лучами засиявшее над богатыми необозримыми просторами этих республик новое, социалистическое солнце, солнце неувыдаемой славы братского и нерушимого союза народов — Союза Советских Социалистических Республик.

Провокаторы, разведчики, фашисты, конечно, добивались отделения союзных республик от нашего Союза. Почему они добиваются этого? Потому что, как об этом говорил товарищ Сталин уже 18 лет тому назад, отделение окраин подрывало революционную мощь центральной России, стимулирующую освободительное движение Запада и Востока. «...Сами отделившиеся окраины, — говорил товарищ Сталин, — неминуемо пали бы в кабалу международного империализма». Подлинная независимость национальных республик обеспечивается лишь в условиях Советского государства, в условиях победившего социализма, на основе великой Сталинской Конституции.

ВРЕДИТЕЛИ, ДИВЕРСАНТЫ

Эта шайка изменников действовала уже известными, не вскрываемыми судом, преступными методами: методом вредительства, диверсии, шпионажа, террора. Вредители, диверсанты, шпионы проникли в ряд отраслей и заняли там руководящее по-

жение. Так было с Черновым, занимавшим высокий пост народного комиссара земледелия Союза, так было с Гринько, занимавшим высокий пост народного комиссара финансов СССР, так было с Розенгольцем, занимавшим высокий пост народного комиссара внешней торговли СССР, так было с Зеленским, бывшим председателем Центросоюза, так было еще в ряде других случаев. В руках этих преступников были, конечно, такие возможности самого широкого и в то же время самого замаскированного и самого опасного вредительства, какие редко бывают в руках преступников.

Основная задача подрывной вредительской деятельности этого «право-троцкистского блока» была — всячески подорвать экономическую мощь СССР. Ликвидировать советскую социалистическую систему, ослабить обороноспособность СССР, оборонную промышленность, разрушить сельское хозяйство, ликвидировав колхозы и совхозы, разрушить транспорт, роль которого во всем народном хозяйстве исключительно велика, — таковы чудовищные задачи, которые ставили перед собой преступники.

Они ставили задачу приурочить наступление всех этих пагубных последствий к моменту военного нападения иностранных агрессоров на СССР и не только приурочить их к моменту нападения, но добиться и того, чтобы эти преступные действия сыграли и самостоятельную роль, как определенные пути к ослаблению мощи Советского государства.

Преследуя свою основную цель — свержение Советской власти, «право-троцкистский блок», — как это показало наше судебное следствие, — не остановился перед самыми грязными и самыми циничными методами, чтобы подорвать доверие масс к органам Советской власти, чтобы посеять среди населения недовольство советами и восстановить, по возможности, народ против Советской власти.

Эта провокационная деятельность, проводимая каждым из обвиняемых там, где он работал, представляет собой громадную, общеполитическую опасность. Об этом особенно свидетельствуют такие дела, как, например, упоминавшееся здесь на суде Лепельское дело: бесчинства и беззакония, осуществлявшиеся по указке этого блока заговорщиками и преступниками, были направлены к тому, чтобы практикой незаконных действий дискредитировать в глазах широчайших масс населения Советскую власть.

Суд и следствие показали, как бессовестно-циничны и чудовищно-преступны были те способы и средства, которые блок применял для осуществления своих целей. Эта вредительская подрывная работа представлялась особенно опасной, ввиду того исключительного и особого положения, которое занимал ряд подсудимых в системе советского государственного аппарата.

Возьмите финансы. Основной установкой вредителей в области финансов — как это сформулировал Рыков, с согласия Бухарина — было «ударить по Советскому правительству советским рублем». Это перефразировка старого троцкистского лозунга, который известен по другим процессам через Пятакова — «бить

наиболее чувствительными средствами по наиболее чувствительным местам».

«Ударить по Советскому правительству советским рублем» вот директива, которая определяла всю деятельность Гринько бывшего народным комиссаром финансов и в то же самое время действовавшего в качестве агента германской и польской разведок и сподручного Бухарина и Рыкова. Именно эту директиву это решение «блока» он старался провести в жизнь не за страх а за совесть (хотя и растленную совесть).

Больше того. Известно, что финансовая работа не имеет никакого значения, что она определяет собою направление и развитие всех других отраслей промышленности. И это учитывает преступным блоком вредителей. Вредительство в финансовом деле перебрасывается на различные хозяйственные области. сельском хозяйстве, которое для СССР имеет огромное значение, вредительская работа насколько возможно должна была сорвать задачу 7—8-миллиардного урожая, поставленную перенами партией и правительством.

Гринько напомнил, как он вредил в области налогового дела, в области сберегательного дела, где стремились всячески озлобить население. Каждый из нас хорошо знает, как безобразно было поставлено сберегательное дело при Гринько, когда нужно было тратить массу времени, наталкиваться на всякого рода бесконечные неприятности и дерзости, грубость и невнимание к вкладчикам, когда старались всячески озлобить и отпугнуть население от сберегательной кассы.

Теперь Гринько прямо сказал, в чем тут секрет, а секрет заключался в стремлении вызвать озлобление вкладчика, подорвать сберегательное дело. Во главе этого дела был поставлен по собственному выражению Гринько, такой головорез, как Озерянский, который в то же время подготовлял террористические акты против руководителей нашей партии и правительства.

Я не касаюсь других фактов, свидетельствующих о том, что в лице Гринько мы видим старого закоренелого врага Советской власти, целиком и полностью продавшегося немецкой разведке. активно боровшегося путем вредительства, диверсии, измены и террора против Советской власти, за реставрацию капитализма.

Возьмите другого разведчика — Чернова, несомненно, «талантливого» человека, потому что он успел побывать за один только вечер у Дана с Кибриком, подраться с полицейскими, попасть в полицейский-президиум и сделаться немецким разведчиком.

Ничего тут невероятного, однако, нет. Так в жизни как раз и бывает с такими людьми, как Чернов. Это теперь у него вполне более или менее свежий и здоровый. Заключение ему в значительной степени помогло. На воле у него было иное лицо, испытанное лицо алкоголика, который больше пил, чем работал, это был человек, больной социальным недугом — алкоголизмом. И вот, по поручению правительства, он поехал за границу. Но одновременно берет на себя поручение «блока», который пользуется его случайной командировкой для того, чтобы направить его для организации связи с Даном. Попадает он к Дану и Ки-

рику. Дан и Кибрик — это ясно — немецкие разведчики. Это видно хотя бы из того, что тот разговор, который он вел с Даном и Кибриком, стал тут же известен разведке полиции-президиума.

Говорят, что «стены имеют уши», но есть и такие стены, которые имеют и глаза, стены, через которые все не только видно, но и доступно фотографическому аппарату. И вот, в то время, когда Чернов выпивал и закусывал с Даном и Кибриком, щелкает фотоаппарат и увековечивает на фотопластинке это «свидание друзей» — Чернова и Дана. В руках полиции-президиума — документ, который может испортить Чернову всю его карьеру. Поехал он по поручению правительства, а оказался связанным с такими матерыми меньшевиками, как Дан и Кибрик, с ними он ведет шашни. Это может стоить Чернову не только политической карьеры. И на этом играет немецкая разведка. Она не считает Чернова достаточно высокопоставленным человеком для того, чтобы доставить его на такси, — обойдется и троллейбусом. Но в троллейбус садятся люди, которые начинают драку, начинают скандал, который заканчивается в полицейском участке. Хорошая картина — народный комиссар, который заводит скандал и бьет по щеке полицейского. Прибавьте к этому компрометирующие фотоснимки, и Чернов уже «испекся». Чернов должен либо честно рвать и повернуть круто на 180°, либо плыть по тому течению, по которому он поплыл. К этому надо добавить, что Чернов — бывший меньшевик, который сохранил свой меньшевизм до последнего часа. Следовательно, он мог бы, так же как Розенгольц, повторять те же слова молитвы — «да расчуются врази». По поводу Чернова даже Рыков сострил, что Чернов в один вечер успел побывать в полиции-президиуме и попасть в разведчики.

А разве иначе происходит вербовка агентов разведок? Из множества материалов, печатающихся за последнее время, известно, как ловят и в дансинге, и в частных беседах, и в любовных делах, когда специально подсовывают представительниц прелестного пола, играющих роль далеко не прелестных представительниц, далеко не прелестных учреждений. Известно, что и в картишках ловят, и на бутылке коньяку ловят. Ловят так, как ловят бабочек, летящих на огонек.

На прошлом процессе мы видели, как немецкая разведка, надо ей отдать справедливость, искусно завербовала Строилова. Раковский тут рассказывал, как его, человека с большим опытом житейских отношений, завербовали английская и японская разведки и о том, как какой-то Армстронг или Леккерт сделал его английским разведчиком.

Вот Чернов, он действует по заданию немецкой разведки и прямо говорит: «Особым условием немецкая разведка ставила организацию вредительства в области коневодства». С тем, чтобы, как говорил Райвид, не дать лошадей для Красной Армии. Ясная постановка вопроса. Чернову не трудно выполнить это задание, и он приступает к выполнению этого задания. Этот человек специально выделяет 3 фабрики: Кашинцевскую, Орлов-

скую, Ставропольскую. Для чего? Для того, чтобы там вырабатывать, как он выражается здесь, «биопрепараты с неослабными бактериями». Он это делает для того, чтобы сорватьководство, сорвать поголовье, подорвать вообще животноводство.

Конечно, кто же может это сделать, как не лицо, занимавшее такой высокий пост, как не Чернов? Кто еще мог организовать специальные фабрики для выработки заразных препаратов. Только он. И он это осуществлял. Он здесь сам сказал, что 25.000 лошадей погублено по его заданию. В таких краях, как Сибирь, было уничтожено большое количество лошадей. Он специально прививали рожу и чуму свиньям. Делали это и в Воронежской области, и в Азово-Черноморском крае, и в Ленинградской области.

Задача поставлена просто — ослабить обороноспособность Красной Армии. Это — не просто вредительство, это — шпионское вредительство, это лазутчики военного неприятеля, который решил последовать примеру эпохи Илиады и Одиссея — ввести Троянского коня во внутрь города, чтобы в случае чего этот конь сыграл роль опорной базы против защитников родины.

Розенгольц тоже действует так, как это интересует немцев и японцев. Он заключает специально в интересах этих иностранных государств нефтяной договор. Он специально вредительски организует экспорт золотоотходов в интересах тех же государств, в прямое нарушение интересов своего отечества. Он организует вредительский и преступный экспорт в Японию чугуна, чтобы этот чугун пошел как раз на те снаряды, которыми собирается японская военщина если не бомбардировать, то, во всяком случае, пугать наше отечество. Он всячески задерживает оборонный импорт. Он действует так, как ему приказала разведка, используя свое высокое положение, обманывая, предательски-вероломно изменяя своему государственному долгу.

Икрамов вместе с Ходжаевым не отстают во вредительстве от своих центральных «коллег». Он сам показывал здесь о вредительстве в Намангане, о вредительстве на шелкомотальных фабриках, на хлопкоочистительных заводах, о вредительстве в организации хлопкового хозяйства. По их показаниям, в организации этой вредительской подрывной работы роль Рыкова и Бухарина была совершенно отчетливой — роль, которую можно назвать руководящей.

Зеленский. Здесь я только укажу на эту позорнейшую практику подбрасывания в предметы продовольствия стекла и гвоздей, в частности в масло, что было по самым острым жизненным интересам, интересам здоровья и жизни нашего населения. Стекло и гвозди в масле! Это же такое чудовищное преступление, перед которым, мне кажется, бледнеют все другие подобного рода преступления.

В нашей стране, богатой всевозможными ресурсами, не может и не может быть такого положения, когда какой бы то ни был продукт оказывался в недостатке. Именно поэтому задачей всей этой вредительской организации было — добиться такого положения, чтобы то, что у нас имеется в избытке, сделать дефиц

ным, держать рынок и потребности населения в напряженном состоянии. Напомню тут только эпизод из деятельности Зеленского — историю с 50-тью вагонами яиц, которые Зеленский уничтожил сознательно для того, чтобы Москву оставить без этого необходимейшего продукта питания.

Теперь ясно, почему здесь и там у нас перебои, почему вдруг у нас при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет другого, нет десятого. Именно потому, что виноваты в этом вот эти изменники. Тем более это давало им почву для создания настроений против системы нашего хозяйственного управления, против всей системы Советской власти. Бить по насущнейшим потребностям населения — это, в сущности говоря, выполнять старую директиву Рябушинского, который собирался костлявой рукой голода задушить пролетарскую революцию. Не удалось!

Организуя вредительство, все эти Рыковы и Бухарины, Ягоды и Гринько, Розенгольцы и Черновы и так далее, и тому подобное преследовали в этой области определенную цель: попробовать задушить социалистическую революцию костлявой рукой голода. Не удалось и никогда не удастся!

Шарангович разводит анемию лошадей — падает 30 тысяч лошадей. Шарангович подрывает торфяную промышленность. Шарангович сознательно сеет национальную рознь, развивая националистические чувства среди белорусского населения.

Иванов разрушает заводы, разрушает целлюлозно-бумажную промышленность, хотя и с осторожностью, с оглядкой, как бы слишком не попортить интересам английских хозяев, которым «право-троцкий блок» хотел передать лесное хозяйство и на которых работал в меру сил своих и возможностей.

Вот вопиющая, чудовищная картина глубоко продуманной, строго организованной, — нельзя преступникам не отдать справедливости, — строго спланированной системы вредительских и диверсионных мероприятий, которые были направлены не только на то, чтобы подорвать обороноспособность и хозяйственную мощь нашей страны, но и на то еще, чтобы спровоцировать недовольство, раздражение в широчайших массах населения при помощи таких средств, которые трудно разоблачить.

И к этому добавляется организация прямых и открытых вооруженных выступлений против Советской власти, которая имеет тоже свою историю. Бухарин посылает вместе с Рыковым Слепкова на Северный Кавказ, Яковенко в Сибирь, которые и вызывают там повстанческое движение, связываются с казачьими белогвардейскими кругами за границей, готовят казачий десант на Северном Кавказе. Рыков с Зубаревым организуют на Урале повстанческие отряды. Икрамов и Ходжаев организуют повстанческие отряды, под руководством тех же Бухарина, Рыкова и других, в Средней Азии из мулл, баев, всякого рода деклассированных элементов. Даже Иванов в Северном крае и тот работает над организацией повстанческих отрядов, по прямому поручению Бухарина, из высланных кулаков, — очевидно таким путем Бухарин и хотел обеспечить кулакам возможность вставания в социализм.

Я перехожу теперь к следующему разделу, а именно — к террористической деятельности обвиняемых и задуманным и осуществленным ими убийствам деятелей Советского государства убийствам Сергея Мироновича Кирова, Вячеслава Рудольфовича Менжинского, Валериана Владимировича Куйбышева, Алексея Максимовича Горького и к убийству Максима Алексеевича Пешкова.

Это один из наиболее мрачных и наиболее тяжелых моментов процесса.

Как Рыков мотивировал переход своей подпольной группы к террору? Очень откровенно. Он говорил: «При нелегальном, заговорщическом характере контрреволюционной организации правых, при отсутствии какой-либо массовой базы для ее контрреволюционной работы, при отсутствии надежды каким-либо другим путем прийти к власти принятие террора давало, по мнению центра, какую-то перспективу».

Рыков рассказал на суде полно и последовательно, как в подполье формировалась организация правых, как происходил переход ко все более и более резким формам и методам борьбы. Нарастание террористических настроений Рыков относит еще до 1930 года. Приблизительно в 1932 году оформилось, по показаниям Рыкова, то, что он назвал положительным отношением к применению террора, как метода борьбы за власть. Причем Рыков здесь сделал некоторое философское отступление, подчеркнув, что он не мыслит себе террора в теории без практики. И действительно, ставши на позицию террора, Рыков сейчас же перешел к организации террористических актов и начал готовить эти террористические акты, подготавливать убийства наших руководителей с такой же педантичностью и с таким же спокойствием, как он давал свои пояснения здесь на суде и как, очевидно, он в свое время подписывал приказы по почтовому ведомству.

Смертельным холодом и смрадом веет от этих показаний Рыкова и других право-троцкистских фашистских заговорщиков.

Террор на полном ходу. Этим террором занимается систематически и педантично весь блок.

Бухарин тоже стоял за террор, хотя, как он заявлял, ориентировался скорее не на террор, а на массовые восстания. Но как он там ориентировался, это его дело объяснять, но мы знаем, что он очень давно, — сейчас это надо считать полностью доказанным, — принимал участие еще в 1918 году в организации террористических актов и Каплан, и «левых» эсеров, и троцкистов, и правых эсеров. Он сам говорит полным голосом о том, что затем, в 1932 году, он ведет переговоры с бывшим эсером Семеновым, организатором террористических актов и руководителем боевых эсеровских дружин, ведет переговоры об организации террористической борьбы против товарища Сталина и товарища Кагановича. В 1932 году Бухарин через Пятакова и Седс

ва ведет переговоры о том условии, директиве или, как он называет, установке Троцкого, которая заключалась в необходимости перейти к террору. И характерно, Бухарин тотчас же переходит к практическому осуществлению этой установки. Сейчас ясно, что бухаринская позиция в этом вопросе далеко не теоретическая, он действует как настоящий практик, ибо он-то и вел с Семеновым переговоры, он поручал Семенову организацию террористического акта. Именно он, хотя и несколько позже, поручал организацию вооруженного кровавого кулацкого восстания своему ученицу Слепкову и другим. Заговорщический блок широко разворачивает организацию террористических групп, которые практически готовят совершение террористических актов, убийство Кирова. Это убийство было полностью раскрыто и разоблачено на предыдущем процессе, но только теперь установлено, что деятельность троцкистско-зиновьевского центра, убившего Сергея Мироновича Кирова, не носила самостоятельного характера. Теперь установлено, что Киров был убит по постановлению вот этого именно «право-троцкистского» центра, вот этого блока, который можно назвать центром всех центров.

Обвиняемый Ягода подтвердил на суде, что убийство Кирова совершено по прямому решению «право-троцкистского блока», что это решение осуществлено было Ягодой, на которого и была возложена эта позорная обязанность. И Ягода эту обязанность выполнил. Он дал распоряжение заместителю начальника областного управления НКВД в Ленинграде Запорожцу принять все меры к тому, чтобы это убийство совершилось. За пару месяцев до убийства Леонид Николаев был задержан и приведен в областное управление, у него обнаружили револьвер с патронами и запись маршрута Кирова, которые полностью изобличали подготовку этим негодяем чудовищного злодейства. Но Запорожец, следуя прямым распоряжениям Ягоды, освободил этого негодяя, а через пару месяцев Николаев убивает Кирова, осуществляя этот злодейский акт при непосредственном участии презренного изменника Ягоды, на которого была возложена тогда охрана членом правительства.

Ягода подтвердил на суде, что Рыков и Бухарин участвовали в принятии этого решения; что Рыков и Енукидзе участвовали на заседании центра, где обсуждался вопрос об убийстве Сергея Мироновича Кирова; что Рыков и Енукидзе принимали, таким образом, непосредственное участие в обсуждении самого вопроса об убийстве Сергея Мироновича Кирова. На мой прямой вопрос, правду ли здесь говорят Бухарин и Рыков, заявляя, что они не знали об этом убийстве, Ягода заявил, что этого быть не может, потому что, когда Енукидзе передавал о том, что «право-троцкистский блок» на совместном заседании решил вопрос о совершении террористического акта над Кировым, — он, Ягода, отказывался от этого по некоторым «тактическим» конспиративным соображениям, но все же был осведомлен, что это — решение их центра, а не выступление какой-то партизанской кучки заговорщиков, что это решение исходило от «право-троцкистского блока», в котором активное участие принимали и Бухарин и Рыков.

Сейчас в точности установлено, что убийство товарища Кирва было совершено при ближайшем участии Ягоды. Я считаю доказанным и то, что убийство было совершено при ближайшем участии Рыкова и Бухарина.

Какие у меня доказательства?

Если представить, что Рыков и Бухарин в этом убийстве не участвовали, то надо признать, что два основных руководителя «право-троцкистского блока», принявшего решение об убийстве Кирова, почему-то стояли в стороне от этого злодейского акта. Почему? Люди, которые организовывали шпионаж, организовывали повстанческое движение, террористические акты и, по их собственным признаниям, получили установку от Троцкого на террор, в 1934 году вдруг стояли в стороне от убийства одного из крупнейших сподвижников Сталина, одного из крупнейших руководителей партии и правительства.

Бухарин и Рыков знали об этом! Об этом крупнейшем террористическом акте не могли не знать такие крупные главы этого «право-троцкистского блока», какими являлись Рыков и Бухарин. Если бы они не знали об этом, это было бы противоестественно, это лишено всякой логики.

Бухарин и Рыков признали, что у них в плане были намечены убийства руководителей партии и правительства, членов Политбюро. Об этом же шли переговоры у Семенова с Бухариным или у Бухарина с Семеновым. Почему мы должны допустить, что, вступив на путь переговоров с Семеновым об организации убийства членов Политбюро, Бухарин исключает из этого списка подлежащих умерщвлению одного из влиятельнейших членов Политбюро, зарекомендовавшего себя непримиримой борьбой с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами? Где логика такого поведения? Этой логики нет.

Наконец, Рыков признал, что в 1934 году он дал Артеменко задание следить за правительственными машинами. С какими целями? С террористическими. Рыков организует убийство членов нашего правительства, членов Политбюро. Почему Рыков делает исключение для Сергея Мироновича Кирова, который все же был убит по решению этого проклятого блока? Он этого исключения не сделал.

Енукидзе и Ягода были членами центра и ближайшими людьми к Бухарину и Рыкову. Как же можно допустить, что Енукидзе и Ягода — участники убийства Сергея Мироновича Кирова, ближайшие люди к Рыкову и Бухарину, люди, которые были в центре всей системы осуществления террористических актов против руководителей партии и правительства, — как можно допустить, что именно Рыков и Бухарин не знали о том, что знал Енукидзе — ближайший друг, соучастник и сообщник Бухарина и Рыкова, что знал Ягода — ближайший друг, соучастник и сообщник Бухарина и Рыкова, а Рыков и Бухарин об этом не знали?

Вот обстоятельства, которые уличают полностью участие Рыкова и Бухарина в организации убийства Сергея Мироновича Кирова.

Но убийством Кирова не ограничивается, как это установлено судебным следствием, террористическая деятельность право-троцкистских изменников.

Как установлено следствием, Алексей Максимович Горький, Вячеслав Рудольфович Менжинский и Валериан Владимирович Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных по заданию этого же «право-троцкистского блока». Пал жертвой убийства и сын Алексея Максимовича Горького — Максим Пешков. Ягода по этому вопросу дал такие показания:

«Я категорически заявляю, что убийство Кирова было проведено по решению центра «право-троцкистского блока». По решению этого же центра были произведены террористические акты и умерщвлены Куйбышев, Менжинский и Горький».

Это же подтвердили и те лица, которые непосредственно принимали участие в этом убийстве. Подлый замысел шефа убийц — Ягоды был осуществлен самым вероломным, подлым и иезуитским способом. Ягода сначала пытался отрицать свое участие в организации убийства Максима Алексеевича Пешкова. Потом он это признал на закрытом судебном заседании. Он полностью подтвердил, как это записано в протоколах судебного следствия, свои показания на предварительном следствии, подтвердил, что он организовал убийство Максима Пешкова, объяснив свое нежелание говорить об этом тем, что мотивы убийства носят сугубо личный характер.

Но относительно убийства Менжинского Ягода говорил и на открытом заседании, отрицая, однако, здесь личные карьеристские соображения. Он прямо сказал:

«Я отрицаю, что в деле умерщвления Менжинского мною руководили личные соображения. На пост руководителя ОГПУ я претендовал не по личным соображениям, не из карьеристских соображений, а в интересах нашей заговорщической деятельности».

Это вполне вероятно, но одно не исключает другого. То, что Ягода способен на убийство из личных мотивов, доказывает его личное признание в убийстве Максима Пешкова. Он прямо сказал, что мотивы личные. Следовательно, не исключается возможность, что и здесь Ягодой руководили и личные мотивы.

Он говорит, что по этому вопросу было специальное решение центра, переданное ему Енукидзе. Здесь было предусмотрено использование врачей, что создавало полную гарантию в смысле невозможности разоблачения.

Как мы видим, Ягода — не простой убийца. Это — убийца с гарантией на неразоблачение. Его предположения, однако, и здесь не оправдались. Гарантия оказалась гнилой, она провалилась. Ягода и его подлая преступная деятельность разоблачены, разоблачены не той предательской разведкой, которую организовал и которую направлял против интересов Советского государства и нашей революции изменник Ягода, а разоблачены той настоящей, подлинно большевистской разведкой, которой руководит

один из замечательнейших сталинских сподвижников — Нико. Иванович Ежов.

Енукидзе и Ягода беседуют на тему, как лучше с точки зрения тех гарантий, которых искал Ягода, отправить на тот Менжинского и избранные им другие жертвы. Ягода выдвиг свою хитроумную мысль — добиться смерти, как он говорит, болезни, или как он здесь на суде сказал: «Я признаю себя виновным в заболевании Максима Пешкова». Это, между прочим не так парадоксально, как это может казаться на первый взгляд. Подготовить такую обстановку, при которой бы слабый и рыхлый организм заболел, а потом выработать такие методы лечения или, как сказал Плетнев, подsunуть ослабленному организму какую-либо инфекцию, не бороться с болезнью, помогать больному, а инфекции, и, таким образом, свести больного к могиле — это не так парадоксально.

Ягода стоял на высоте техники умерщвления людей самыми коварными способами. Он представлял собою последнее слово бандитской «науки», перекрыв целый ряд других преступников, которые не понимали этих далеко и глубоко идущих преступных замыслов Ягоды.

Енукидзе отклонил предложение Ягоды о том, чтобы Сергей Мироновича Кирова умертвить путем болезни. Он говорил, убийство Кирова должно совершиться так, как намечено центром. Но тут же он обещал, — как говорил Ягода, — что в следующую очередь они используют рецепт и средства, предлагаемые Ягодой.

Эта очередь наступила, когда встал вопрос о последующих убийствах.

«Когда Енукидзе передавал решение контактного центра об убийстве Кирова, я выразил опасения, — говорил Ягода, — что прямой террористический акт может провалиться не только меня, но и всю организацию. Я указывал Енукидзе на менее опасный способ и напомнил ему, Енукидзе, о том, как при помощи врачей был умерщвлен Менжинский. Енукидзе ответил, что убийство Кирова должно совершиться так, как намечено, и что убийство это взяли на себя троцкисты и зинovieвцы, а наше дело — не мешать.

Что касается безопасного способа умерщвления при помощи врачей, то Енукидзе сказал, что в ближайшее время центр обсудит, кого именно из руководителей партии и правительства нужно будет убить этим способом в первую очередь».

Можно ли идти дальше в этом беспредельном цинизме и коварстве, когда с омерзительным спокойствием и хладнокровием люди обсуждали, кого лучше убить из руководителей партии и правительства и каким способом, чтобы избежать своего разочлечения.

Ягода дальше говорил:

«Через несколько времени, при следующей встрече моей с Енукидзе, он сообщил мне, что центр принял решение приступить к ряду террористических актов над членами Политбюро и, кроме того, персонально над Максимом Горьким. Енукидзе мне объяснил, что «право-троцкистский блок», имея в виду, как ближайшую перспективу, свержение Советской власти, видит в лице Горького опасную фигуру. Горький — непоколебимый сторонник сталинского руководства, и, несомненно, в случае реализации заговора, поднимет голос протеста против нас, заговорщиков».

Вот почему был поставлен вопрос, решенный окончательно этим блоком, об умерщвлении Алексея Максимовича Горького.

Еще одно решение об устранении пало на Валериана Владимировича Куйбышева как на одного из активных членов ленинско-сталинского Политбюро.

Таким образом, за этот короткий срок — три жертвы, три преждевременно погибших замечательных человека сошли в могилу по решению «право-троцкистского блока». Трое лучших людей нашей страны, преданные сыны своей родины, пали жертвой бесстыдного заговора предателей. И среди них — гордость русской и мировой литературы — великий русский писатель, гениальный художник Алексей Максимович Горький.

Каждая строка его песен и сказок, повестей и романов дышит благородством, жаром революционных действий. Недаром он свою жизнь связал с великим Лениным и великим Сталиным, как их лучший и ближайший друг. Недаром Ленин не раз писал, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

Недаром Ленин писал, что Горький — безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим классом России и всего мира. Горький чуял грядущую бурю, он предвещал победу нашего движения, победу светлого пролетарского разума над мраком и подлостью капитализма.

От предательских ударов в больное сердце великого человека погиб лучший из друзей трудящегося человечества, погас один из самых ярких и сильных светильников человеческого разума и человеческой красоты. Этот светильник загасили вот эти изменники, вот эти человекообразные звери, хладнокровно и предательски навеки остановившие горячее и благородное сердце великого человека.

Теперь все раскрыто. Теперь известны не только способы убийства, но их мотивы, и самые убийцы. Бессонов говорит, что, когда он в июле 1934 года виделся в Париже с Троцким, который всегда злобно ненавидел Горького, как и Горький ненавидел обер-бандита международного шпионажа и предательства Троцкого, тогда Троцкий сказал, что Горького надо устранить во что бы то ни стало, что Горький широко популярен как ближайший друг Сталина, как проводник генеральной линии пар-

тии. Троцкий дал Бессонову прямое поручение, которое приказал передать Пятакову. Как говорит Бессонов, поручение это было дано в самой категорической форме: Горького уничтожить физически во что бы то ни стало. И это приказание врага народа и обер-бандита Троцкого было Бессоновым привезено сюда, в СССР, и передано Пятакову, передано блоку, который, как это показал Ягода и как это я докажу дальше, принял это поручение, приняв решение об убийстве Алексея Максимовича Горького. Это так чудовищно, что на этом я считаю необходимым остановиться особо и специально.

Первый вопрос, который я хотел бы здесь поставить, это вопрос о том, участвовали ли в этом деле Рыков и Бухарин знали ли они о том, что готовится это чудовищное злодеяние. На этот вопрос я отвечаю без колебаний и твердо: да, знали; да, участвовали. Я не хочу оперировать никакими другими показаниями и, в частности, показаниями Ягоды — я буду оперировать: 1) показаниями самих Рыкова и Бухарина и 2) тем, что я называю логикой вещей. Как обстоит здесь дело? Вы посмотрите, что говорит по этому поводу Рыков. Рыков показал, что у него, у Рыкова, имел место разговор с Енукидзе, то есть с одним из активнейших участников и организаторов заговорщического блока. Насколько он был активным в организации убийств, у нас имеются показания Максимова-Диковского. Енукидзе не раз вызывал его к себе и давал указания, как лучше обеспечить смерть Валериана Владимировича Куйбышева. Енукидзе занимался этим «делом» вместе с Ягодой. Вот с этим Енукидзе Рыков ведет разговор. О чем? Возьмем только то, что сказал сам Рыков: «мне Енукидзе сообщил, что троцкисты и зиновьевцы чрезвычайно озабочены тем влиянием, которое приобретает Горький, что он является решительным сторонником Сталина и генеральной линии партии». Это то же самое, что слышал Бессонов от Троцкого в 1934 году и что привез сюда осенью 1934 года и передал воротилам, руководителям, главарям этого блока.

Итак из показаний Рыкова вытекает первое неопровержимо установленное обстоятельство: Рыков и Енукидзе ведут разговор в 1935 году о Горьком, они говорят о громадном влиянии, которое имеет на общественность Алексей Максимович Горький, как верный друг и сторонник генеральной линии партии, как верный друг и сторонник сталинского руководства. Вот это и беспокоит троцкистов и зиновьевцев, это беспокоит их так же, как беспокоило их тогда, когда они обсуждали убийство Сергея Мироновича Кирова. Ибо Сергея Мироновича Кирова они избрали жертвой своего злодейства по тем же мотивам. И здесь есть полное тождество, полная историческая логика этого заговора.

Что же дальше следует? «Они (троцкисты и зиновьевцы) считают необходимым,—говорит Рыков,—ввиду такого значения Горького, а значение его у нас и за границей не нуждается в подтверждении, они настаивают, как он выразился, на ликвидации его политической активности». Если бы Рыков сказал только то, что он сказал, то этого было бы достаточно. Даже

для детей совершенно ясно было бы в чем тут дело. Как можно ликвидировать политическую активность взрослого человека в нашей стране? Как можно было заставить Горького перестать быть политически активным в том направлении, в каком он проявил себя, как борец за большевистскую, ленинско-сталинскую правду? Как можно заставить?

В Америке разные Аль Капоне организуют бандитские налеты, захватывают людей или их детей в плен и потом вымогают деньги. Но у нас этого сделать нельзя, ибо мы рубим руки всяким Аль Капоне. Как же можно было в нашей стране, в условиях Советского государства, как они могли лишить Горького возможности проявлять политическую активность иначе, как оставив его жизнь? И Рыков на мой вопрос прямо сказал: «Он, то есть Енукидзе, говорил настолько в повышенных тонах или резко враждебных выражениях, что мне было ясно, что за этим тоном кроется возможность применения насильственных мер». Следовательно, я считаю совершенно точно установленным, что в 1935 году Енукидзе с Рыковым говорили о Горьком в угрожающих для жизни Горького тонах. Причем для Рыкова было совершенно несомненно, что речь идет о применении насильственных мер по отношению к Горькому. И тут я опять задаю тот же вопрос: «Что же это за насильственные меры? Что же вы рассчитывали Алексея Максимовича Горького изолировать, рассчитывали подвергнуть его какому-нибудь заточению? Как это можно было сделать в нашей стране, в стране пролетарской диктатуры?» Это можно было сделать только одним способом — умертвив Горького. Рыков понимает, что только так этот вопрос и мог стоять и только так мы имеем право трактовать этот преступный разговор, который был не чем иным, как информацией Рыкова со стороны Енукидзе о подготовлявшемся убийстве Алексея Максимовича Горького.

Наконец, на последний мой вопрос на судебном следствии: «Что означает «довести до насильственных мер»? Можно ли это понимать — довести до убийства?» — Рыков прямо сказал: «Конечно».

Я спрашивал Рыкова: «вы знали о готовящемся убийстве Горького?» Как же должен был ответить на этот вопрос Рыков, если он не знал об этом преступлении? Он должен был бы сказать: «я не знал». А что сказал Рыков? Вот стенограмма, он сказал: «Не совсем так». Получается не совсем так, но так!

Я считаю совершенно доказанными и установленными следующие факты, из которых вытекает только один вывод — вывод об участии Рыкова в подготовке умерщвления Алексея Максимовича Горького. Во-первых, в 1935 году Енукидзе и Рыков говорили об особом озлоблении, которое питает блок к Алексею Максимовичу Горькому. Правда, они сворачивают дело на троцкистско-зиновьевскую часть блока, однако это не меняет ни в какой мере дела. Во-вторых, они это злобное настроение выражали в таких тонах, которые говорили о подготовке насильственных мер, направленных к «ликвидации политической актив-

ности Горького». И, в-третьих, ликвидация политической активности Горького мыслилась вплоть до применения к Горькому насильственных мер.

В-четвертых, эти насильственные меры включали в себя убийство Алексея Максимовича Горького. Об этих насильственных мерах Рыков и Бухарин знали. Они знали, что готовит убийство Горького, организовывали это убийство, покрывали это убийство. Рыков и Бухарин были, таким образом, участниками этого подлейшего убийства А. М. Горького.

А Бухарин, эта проклятая пометь лисы и свиньи, — как ведет себя по этому вопросу? Как подобает лисе и свинье. Вертит, юлит. Но в конце концов, по существу, Бухарин говорит самое, что говорит Рыков. Возьмем показания Бухарина этой части. Позвольте мне указать на следующую часть этой показания: «В 1935 году Томский мне сказал, что Троцкий готовит какую-то враждебную акцию или враждебный акт против Горького».

Откуда знал Томский об этом? Он знал, конечно, от Бесснова, привезшего эту директиву из-за границы. А какая была директива Троцкого? Уничтожить Горького, физически уничтожить. Бухарин показывает: «Томский сказал, что Троцкий готовит враждебную акцию или враждебный акт против Горького».

Я спрашиваю: через кого готовит Троцкий эту враждебную акцию? Конечно, через блок, который был в руках у Троцкого: через блок, в котором перепутались правые и троцкисты, меньшевики и эсеры, буржуазные националисты и просто проходимцы всех мастей, степеней и категорий.

Этот факт установлен. Сам Бухарин признает, что в 1935 году, за год до смерти Горького, Томский сообщил Бухарину, что Троцкий готовит враждебный акт против Горького. Это совершенно то самое, что говорил Рыков, передавая свой разговор с Енукидзе. А это, в свою очередь, то же самое, что говорил Бессонов, приводя свой разговор в Париже в июле 1934 года с Троцким. Здесь никаких расхождений нет.

Разберем второй вопрос: в чем же заключается этот враждебный акт, что представляет собой этот враждебный акт? С Бухарина получить ответ на прямо поставленный вопрос не так-то легко.

Я спрашивал Бухарина: «В чем заключался этот враждебный акт?» Он прямо ничего не отвечает. Он говорит: «акция против «сталинца Горького», как защитника социалистического строительства вообще, сталинской партийной политики, в частности». Вот о чем шла речь. «Речь шла о том большом резонансе, который каждое слово Алексея Максимовича имело на международной арене вообще, у интеллигенции, в частности».

Опять полное совпадение фактов, о которых говорил Рыков, о которых говорил Бессонов, о которых говорил и знал Ягода, о которых говорил и знал Буланов. Здесь все связано органически.

Я спрашиваю: «Совершение враждебного акта над Горьким связывал ли Томский с вопросом о свержении Советского пра-

вительства?» Бухарин отвечает, что «по существу связывал». Следовательно, речь шла не просто о том, чтобы причинить личную неприятность Горькому, как замысловато говорил Рыков — «ликвидировать его политическую активность». Речь шла о том, чтобы совершить против Горького такой акт враждебности, который непосредственно представлял бы собой один из элементов свержения Советской власти.

Ясно, что при такой постановке вопроса речь идет не о том, чтобы лишить Горького возможности писать статьи или делать доклады, хотя и это тоже не в вашей власти, господа убийцы. Следовательно, мы здесь должны признать, что подтвердил и Бухарин, что враждебный акт против Горького был связан с задачей свержения Советской власти, был одним из актов борьбы против Советской власти.

Мы знаем, как ставился вопрос заговорщиками о борьбе против Советской власти. Их методы — террор, измена и так далее.

Бухарин говорит, что, когда говорят о враждебном акте, можно разуметь все, вплоть до террористических актов, амплитуда колебаний здесь очень большая. Бухарин признает, что убийство Горького тогда не было исключено. Это — завуалированное признание, которое выдает Бухарина с головой.

Я уже говорил о способах, при помощи которых были осуществлены три террористических акта — против Менжинского, против Куйбышева и против Алексея Максимовича Горького.

Обращает на себя внимание способ, при помощи которого эти убийства совершены. Это — способ постепенного умерщвления, «убийства с гарантии», о котором говорил Ягода, — это способ убийства при помощи использования специальных знаний соучастников. Не плохо задумано! Левин, Плетнев, Казаков, Максимов-Диковский, Крючков, Буланов — банда убийц, специально подготовленная банда, участвовала в этом «деле». Я хочу обратить ваше внимание на особенный способ и особенную роль в осуществлении этого убийства, которую сыграли обвиняемые врачи Левин, Казаков и Плетнев.

Но предварительно я хочу остановиться на нескольких замечаниях. История и хроника уголовных убийств нам говорит, что за последние десятилетия отравления при помощи профессиональных убийц почти сошли со сцены. Место этих отравителей заняли врачи. Если вы раскроете учебник судебной медицины доктора Карла Эммерта, профессора Бернского университета, вы найдете здесь чрезвычайно поучительные указания. Эммерт пишет:

«Убийства посредством отравления стали теперь реже сравнительно с прежним, отчасти потому, что для не врача стало труднее добыть яд. Поэтому профессиональных отравителей больше не встречается, как прежде. Если же и бывают подобные случаи, то они часто относятся к лицам врачебного сословия».

Поэтому совершенно не случайно, что Ягода избирает для своего чудовищного замысла и его реализации именно врачей. Он учитывает, так сказать, историческую конъюнктуру.

Мы имеем целый ряд исторических примеров того, как все стремления убийц, пользующихся всякими средствами отравления, направлены именно на то, чтобы не быть раскрытыми. Очень характерно это обстоятельство, — в целом ряде случаев отравление совершается таким образом, чтобы можно было самый факт отравления объяснить, — как это думал сделать Ягода, — естественной смертью от болезни.

Нужно раньше всего разъяснить, что отравление по современным научным воззрениям это есть один из видов, и притом самый опасный, вид так называемого в науке изменнического убийства, опасность которого заключается в том, что для его осуществления никаких специфических, губительных для человеческой жизни средств не требуется, что могут быть использованы в этих преступных целях любые средства. Как об этом говорит и учит нас история, для такого отравления необходимо лишь тайное введение в организм какого бы то ни было вещества, способного привести к сокращению времени жизни или к смерти. А таким веществом является вовсе не всегда то, что специально называется ядом. Ведь целый ряд лекарственных средств по самой своей природе и характеру годятся для этого и этим часто пользуются преступники.

Известны из истории, например, из Тацита, такие случаи как убийство Сеяна таким ядом, что, казалось, будто Сеян умер от обыкновенной болезни. В этом и заключается искусство преступления. Известно, что Филипп II весьма широко пользовался для отравлений ядом, который нельзя было обнаружить даже при тщательном исследовании, ядом, который был им назван „*Requiescat in pace*“ (пусть почит в мире). Известно, что Иоанн Кастильский был отравлен при помощи отравленной обуви. Известно, наконец, что папа Климент II был убит при помощи дыма от отравленной свечи. Следовательно, известны способы убийства людей с использованием убийцами своего привилегированного положения и со знанием химии, медицины и фармакологии — способы самые разнообразные.

Мы помним знаменитое дело Бутурлина. Убийцей Бутурлина был не кто иной, как широко известный в дореволюционной России доктор Панченко, который практиковал в дореволюционной России распространение и использование средства, известного под названием «Спермин Пеля». Доктор Панченко под видом «Спермина Пеля» вводил больному дифтерийную культуру, и убил его дифтеритом.

Это было разоблачено совершенно случайно. Если бы не признание доктора Панченко, то убийство Бутурлина, вероятно, не было бы раскрыто. Если бы не признание Левина, то может быть не был бы раскрыт разработанный с о в с е м и тонкостями преступный план убийства товарищей Менжинского, Куйбышева, Горького.

Наконец, я мог бы напомнить о знаменитом деле Прочар, когда этот Прочар у своей жертвы вызвал хронический катарр желудка и таким путем довел ее до гибели. Наконец, дело док-

тора Пальмера, который отравил свою жертву мышьяком и стрихнином, употреблявшимся в дозах, разрешающихся медициной. Вот, наконец, пример, который говорит о том, что когда мы говорим об отравлении, то не надо иметь в виду, что для отравления надо применять только цианистый калий, мышьяк и так далее. Нет, очень часто убийцы используют врачей и медицинскую систему, якобы, для лечения, а на самом деле для того, чтобы добиться своей преступной цели.

Дела Пальмера, Прочара, Панченко и множество других исторических примеров можно привести для того, чтобы доказать, что тот путь, который избрал Ягода, был путем, подсказанным тонким изучением истории преступлений, истории убийств в разных странах, организованных разными изуверами рода человеческого.

Я, наконец, должен сказать, что именно в этом плане был задуман преступниками-убийцами террористический акт против Николая Ивановича Ежова. Ведь это убийство тоже было задумано довольно тонко — при помощи отравления воздуха, которым должен был дышать в своем служебном кабинете Николай Иванович Ежов, отравление воздуха ртутью, растворенной в кислоте. Причем Ягода предупреждал — ни в коем случае не в серной кислоте, потому что серная кислота оставляет след и может сжечь те самые шторы и гардины, которые надо было по указанию Ягоды пропитать для того, чтобы, вдыхая этот воздух, мог погибнуть Николай Иванович Ежов.

Я хочу, товарищи судьи, напомнить несколько данных экспертизы по этому вопросу, которые не оставляют никакого сомнения в том, что этот план, очень тонкий, вероломный и подлый, задуман Ягодой с ведома и одобрения право-троцкистского центра, в особенности в отношении Куйбышева, Горького и Николая Ивановича Ежова, которого они хотели устранить для того, чтобы остаться не разоблаченными.

Прежде всего я обращаю ваше внимание на то, что экспертиза была составлена из выдающихся деятелей советской и мировой медицинской науки. Я обращаю ваше внимание, что эта экспертиза пришла к единодушному заключению: экспертиза подтвердила, что меры, принятые убийцами в отношении умерщвления Алексея Максимовича Горького, Валериана Владимировича Куйбышева, Вячеслава Рудольфовича Менжинского, действительно были строго продуманными и имели своим результатом смерть этих выдающихся людей, к которой эти господа стремились. По умерщвлению Горького были заданы экспертизе вопросы:

«Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применить такой неправильный метод лечения без умысла?»

Последовал ответ: «Этого допустить нельзя».

Экспертизе был задан следующий вопрос:

«Допустимо ли вообще длительное, одновременное применение больших доз сердечных средств внутривенно, подкожно и

внутри, именно—дигиталиса, дигалена (препараты наперстянки строфантина и строфанта, а в частности у тяжело-больного А. М. Горького, 68-ми лет, страдавшего вышеуказанным поражением внутренних органов?»

Ответ экспертизы: «Абсолютно недопустимо».

Еще вопрос: «Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения А. М. Горького был заведомо вредительским...»

Ответ экспертизы: «Да. Безусловно можно считать установленным».

И то же самое мы имеем по другим случаям.

Поэтому я позволю себе заявить, что обвинения, предъявленные в обвинительном заключении и поддерживаемые мною, как государственным обвинителем, и в этой части в полном объеме можно считать доказанными. Обвинение здесь подтверждается целиком и полностью авторитетнейшей медицинской экспертизой, тщательно разобравшей все те материалы, которые были в ее распоряжении. Признания обвиняемых, разумеется, мы также не можем никак сбрасывать со счета.

Говоря об этой части обвинения, я хочу остановиться специально на двух подсудимых — на Ягоде и Левине.

О Ягоде разговор короткий. Ягода — главный организатор и вдохновитель этих чудовищных преступлений, его ответственность тем более сильна и серьезна, что ведь Ягода — не просто Ягода, это бывший в то время заместитель председателя ОГПУ фактически председатель ОГПУ. Это человек, на обязанности которого лежала охрана государственной безопасности. Если бы те преступления, которые совершил Ягода, в которых он признался, если бы он совершил их в миллионной дозе, то и тогда я вправе был бы требовать от суда расстрела Ягоды.

Левин сыграл в этих убийствах тоже виднейшую роль. Левин был главным организатором задуманных Ягодой убийств, им привлечены к этому делу были и Казаков и Плетнев, он, я бы сказал, в этом деле был правой рукой Ягоды, как Буланов был правой рукой Ягоды во всех преступлениях последнего в целом.

Когда погиб от руки Левина Алексей Максимович Горький, Левин, доктор медицинских наук, опубликовал в газетах некролог — «Последние дни Алексея Максимовича Горького». В этом некрологе он писал, вздыхал, стонал о гибели великого человека. «Великие люди, — писал он фарисейски, лицемерно, двурушнически, — живут и умирают, как великие люди». «Живут и умирают, как великие люди!» — Левин не добавил, — «от руки автора этого некролога, одного из подлых убийц!»

Если эту статью сейчас рассматривать в связи с медицинской экспертизой, то она будет представлять некоторый, значительный, по моему мнению, интерес для оценки роли в этом убийстве Левина.

Во-первых, здесь вскрывается та самая механика умерщвления Алексея Максимовича, которая теперь вскрыта полностью. Это — механика, которая была раньше всего направлена на терапевтическую подготовку убийства Алексея Максимовича.

Левин в этом некрологе писал:

«За десять лет моего врачебного наблюдения за Алексеем Максимовичем это было шестое заболевание гриппом. Каждый раз грипп неизменно осложнялся бронхитом и катаральным воспалением легких».

Значит, Левин уже знал хорошо, в каком направлении можно искать осложнений в этой борьбе Алексея Максимовича Горького с болезнью.

«Каждый раз неутомимый боец переносил болезнь тяжело каждый раз с первых же дней заболевания начиналась тревога. Когда меня в хорошие, спокойные периоды жизни Алексея Максимовича спрашивали о состоянии его здоровья я всегда отвечал:

— Относительно благополучно, но до первого гриппа»

И дальше:

«Я по опыту знал, как тяжело протекает у Алексея Максимовича грипп, как быстро он поражает место наименьшего сопротивления его организма — легкие — и как это страшно при его измененных старым туберкулезным процессом легких и его больном сердце. И вот пять раз его могучий организм давал нам возможность одерживать победу, а организм Алексея Максимовича был действительно могучий. Горький был из тех людей, которые доживают до 100 лет, и он несомненно дожил бы до 100 лет, если бы не злой туберкулез».

Убийца выбалтывает тайну убийства. Именно здесь лежит самое место наименьшего сопротивления — врачи говорят *locus minoris resistentiae*, — по которому организаторами убийства и был направлен основной удар по больному Алексею Максимовичу Горькому.

Позорное двурушничество, вероломство, лицемерие здесь с перничают с бесстыдством отравителя, плачущего у изголовья жертвы его так называемого «лечения».

Таков этот самый Левин! Недалеко ушел от Ягоды!

Я хотел бы напомнить вам в заключение показание Ягоды в котором он показывает свое настоящее морально-человеческое, если это выражение здесь допустимо, лицо.

Вот выдержки из показаний Ягоды на листе дела 58:

«Всю свою жизнь я ходил в маске, выдавал себя за неприимого большевика. На самом деле большевиком, в его действительном понимании, я никогда не был».

И дальше:

«Мелкобуржуазное мое происхождение, отсутствие теоретической подготовки, — все это, с самого начала организации Советской власти, создало у меня неверие в окончательную победу дела партии...»

Я не разделял взглядов и программы троцкистов, но я же очень внимательно приглядывался к ходу борьбы, заранее определив для себя, что пристану к той стороне, которая победит в этой борьбе. Отсюда и та особая линия, которую я проводил в то время в борьбе с троцкизмом.

Когда начались репрессии против троцкистов, вопрос о том, кто победит (троцкисты или ЦК ВКП(б)), окончательно еще не был решен. Во всяком случае, так думал я. Поэтому я, как зампред ОГПУ, в карательной политике исходил из того, чтобы не озлоблять против себя троцкистов. Направляя троцкистов в ссылку, я создавал им там такие условия, при которых они могли продолжать свою деятельность.

Дело складывалось таким образом: с одной стороны, беседы Рыкова со мною определили мои личные симпатии к программе правых. С другой стороны, из того, что Рыков говорил мне о правых, о том, что кроме него, Бухарина, Томского, Угланова, на стороне правых вся московская организация, ленинградская организация, профсоюзы, из всего этого у меня сложилось впечатление, что правые могут победить в борьбе с ЦК. А так как тогда уже ставился вопрос о смене руководства партии и Советской власти, то ясно было, что правые идут к власти.

Именно потому, что правые рисовались мне как реальная сила, я заявил Рыкову, что я с ними.

...Поэтому я и договорился с Рыковым об особом своем положении среди правых».

Оказывается, Рыков влиял достаточно определенно даже на Ягоду. Ведь, в сущности говоря, то, что говорит Ягода — это старая предательская двурушническая школа политического карьериста и бесчестного негодяя, ведь это система Жозефа Фуше. Я не могу не привести всего лишь несколько строк из известной книги Стефана Цвейга «Жозеф Фуше».

«В числе семисот пятидесяти, торжественно вступающих в зал развенчанного короля, входит молча, с трехцветной повязкой поперек груди, народный представитель Жозеф Фуше, депутат от города Наита. Тонзура уже заросла, духовное облачение давно сброшено: как и все здесь, он надел гражданское платье без всяких украшений.

Какое место займет Жозеф Фуше? Среди радикалов, на горе, или с умеренными, в долине? Жозеф Фуше не долго медлит; он признает только одну партию, которой остается верным до конца: ту, которая сильнее, партию большинства. И на этот раз он взвешивает и подсчитывает про себя голоса; он видит — в данный момент сила еще на стороне жирондистов, на стороне умеренных. И вот он садится на их скамьи, рядом с Кондорсе, Роланом, Серваном, с теми, кто держит в своих руках министерские посты, влияет на все

назначения и распределяет прибыли. В их среде он чувствует себя уверенным, там занимает он место».

Вот источник, из которого черпал свои духовные силы Ягода, если он когда-нибудь был знаком с жизнью и деятельностью Жозефа Фуше, — я в этом сомневаюсь, ибо из показаний и материалов дела видно только одно знакомство его с литературой, это — с книгой Александра Дюма «Три мушкетера», которые были идеалом для Ягоды, говорившего, как это видно из показаний Буланова, что для того, чтобы обеспечить успех захвата власти, нужно подобрать себе несколько десятков таких молодцов, как три мушкетера, с ними можно сделать все, что угодно.

Таков Ягода, которому на скамье подсудимых отведено серьезное место, рядом с Бухариным и Рыковым. Это — один из крупнейших заговорщиков, один из виднейших врагов Советской власти, один из самых наглых изменников, человек, который пытался в самом НКВД организовать группу и отчасти организовал ее из изменников Паукера, Воловича, Гая, Винецкого и других, оказавшихся польскими и немецкими шпионами и разведчиками. Таким являлся и сам Ягода, который, вместо того, чтобы нашу славную разведку направить на благо советского народа, на благо социалистического строительства, пытался повернуть ее против нашего народа, против нашей революции, против социализма.

Не удалось, сорвалось! Ягода был разоблачен, выброшен из нашего государственного аппарата, посажен на скамью подсудимых, обезоружен и должен быть теперь выброшен, вычеркнут совсем из жизни.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Я кончаю. В заключение я хочу поставить несколько вопросов, которые я назвал бы юридическими вопросами.

Раньше всего — вопрос о соучастии. Как показало судебное следствие, не все обвиняемые в равной степени участвовали в преступлениях, которые прошли на этом судебном процессе.

Отсюда вопрос — в какой мере и в какой степени каждый из обвиняемых может и должен отвечать за предъявленные им обвинения по обвинительному заключению.

Второй вопрос — в какой мере и степени доказаны предъявленные подсудимым обвинения.

И третий вопрос — какого наказания заслуживают обвиняемые.

Я отвечу, раньше всего, на второй вопрос. Доказаны ли, и в какой степени совершенные обвиняемыми преступления? Я думаю, что вы, товарищи судьи, в своем приговоре ответите на этот вопрос положительно: да, доказаны. Доказаны признанием самих подсудимых, доказаны свидетелями, прошедшими перед судом, доказаны заключением медицинской экспертизы, доказаны вещественными доказательствами.

Вся совокупность доказательств, мыслимых в уголовно процессе, имеется здесь, сейчас в распоряжении суда. На основании этих доказательств суд сумеет определить свое окончательное решение о степени виновности того или иного преступника, совершившего эти преступления.

Но есть еще одно важнейшее доказательство, это — сама логика обстоятельств дела.

Основное обвинение в настоящем деле предъявлено обвиняемым по ст. ст. 58^{1а} и 58¹¹ — об организации изменнического заговора. Это обвинение доказано признаниями всех подсудимых даже тех, кто не признал себя полностью или отчасти виновными в каком-либо другом преступлении. Это надо сказать относительно всех подсудимых.

Во-вторых, в какой мере каждый из подсудимых должен по нашему закону отвечать за всю совокупность совершенных этим заговорщической бандой преступлений. Я на этот вопрос отвечаю: в полном объеме. Почему?

Каждый подсудимый должен отвечать за всю совокупность преступлений как член заговорщической организации, преступные задачи и цели, преступные методы осуществления которых были каждому из них известны, каждым одобрены и приняты. Здесь мы наблюдаем лишь своеобразное «разделение труда» в преступной деятельности, в зависимости от специальных качеств и средств, находящихся в распоряжении каждого участника банды. Это совершенно естественно и закономерно с точки зрения интересов всего заговора в целом.

Есть мнение среди криминалистов, что для наличия соучастия требуется общее согласие и умысел каждого из преступников, из сообщников на каждое из преступлений. Но эта точка зрения — неправильная. Она не может быть нами принята и никогда не применялась и не принималась. Она узка и схоластична. Жизнь шире этой точки зрения. Жизнь знает примеры, когда результат общей преступной деятельности достигается самостоятельным участием в этой деятельности сообщников, объединенных лишь единой, общей для всех преступной задачей.

Для соучастия нужно общее, объединяющее соучастников данного преступления начало, общий преступный замысел. Для соучастия нужно объединение воли в общем и едином для всех участников преступления направлении. Если, скажем, шайка грабителей будет действовать так, что одни из ее участников будут жечь дома, насиловать женщин, убивать и так далее в одном месте, а другая часть шайки — в другом, то хотя бы те и другие не знали о преступлениях, совершенных раздельно какой-либо частью общей шайки, — они будут отвечать за всю совокупность преступлений в полном объеме, если только будет доказано, что они согласились насчет участия в этой банде для совершения тех или других преступлений.

В этом деле, товарищи судьи, — налицо заговорщическая группа, агентура иностранных разведок, объединенная общей для всех ее членов волей, единой для них всех преступной целью. Конкретные преступления, совершенные теми или дру

гими преступниками, — это лишь частные случаи этого единого для всех подсудимых плана преступной деятельности.

Эта общность преступной деятельности юридически выражена в предъявленном всем подсудимым обвинении по ст. 58¹¹ УК РСФСР.

Это, однако, не означает, что все должны отвечать одинаково. Это не исключает обязанности суда индивидуализировать наказание в зависимости от конкретной роли каждого подсудимого в данном деле.

С этой точки зрения я считаю, что из общего числа обвиняемых надлежит выделить двух — это Раковского и Бессонова. Я считаю, что Раковский, хотя и совершивший тяжчайшие преступления против Советского государства, против Советской власти, всем своим положением в этом заговоре, своей, если можно так выразиться, известного рода оторванностью от всех важнейших преступлений, совершенных «право-троцкистским блоком», заслуживает того, чтобы к нему была применена менее строгая мера наказания, чем к остальным обвиняемым.

То же самое можно сказать в известной мере и о Бессонове, который, конечно, отличается от Чернова, Розенгольца, Крестинского или Рыкова хотя бы тем, что его роль ограничивалась ролью связиста, которая хотя так же преступна, но по всему своему существу должна оцениваться иначе, чем преступления основных обвиняемых по этому делу.

В отношении этих лиц я считал бы возможным применение закона от 2 октября 1937 года, позволяющего суду в особых случаях избирать меру наказания среднюю между 10 годами лишения свободы и высшей мерой социальной защиты. Я считаю, что в отношении Раковского и Бессонова можно ограничиться 25 годами тюремного заключения.

По обвинительному заключению все обвиняемые изобличены в том, что в 1932—1933 годах они по заданию разведок иностранных государств составили заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью совершение преступлений, которые были здесь полностью доказаны.

Доказано, что этот блок состоял из агентов разведок некоторых иностранных государств, доказано, что «право-троцкистский блок» поддерживал систематические незаконные отношения с некоторыми иностранными государствами в целях получения от них помощи для осуществления своих преступных замыслов, для свержения Советской власти и для установления в СССР власти помещиков и капиталистов.

Доказано, что «право-троцкистский блок» систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая их разведки важнейшими государственными секретными материалами.

Доказано, что «право-троцкистский блок» систематически осуществлял в этих же целях вредительские и диверсионные акты в различных отраслях нашего народного хозяйства — в области промышленности, сельского хозяйства, финансов, коммунального хозяйства, на железных дорогах и так далее.

Доказано, что «право-троцкистский блок» организовал террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, что этот «право-троцкистский блок» осуществил террористические акты против Сергея Мироновича Кирова, Вячеслава Рудольфовича Менжинского, Валериана Владмировича Куйбышева, Алексея Максимовича Горького, а также осуществил умерщвление Максима Алексеевича Пешкова.

Доказано, что блок организовал, но не успел, к нашему счастью, осуществить ряд террористических актов против руководителей нашей партии и правительства.

Таковы обстоятельства настоящего дела. Такова роль в этом деле каждого из подсудимых, ожидающих сейчас, товарищи судьи, вашего приговора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нет слов, чтобы обрисовать чудовищность совершенных подсудимыми преступлений. Да и нужны ли, спрашиваю я, еще какие-нибудь для этого слова? Нет, товарищи судьи, эти слова не нужны. Все слова уже сказаны, все разобрано до мельчайших подробностей. Весь народ теперь видит, что представляют собой эти чудовища.

Народ наш и все честные люди всего мира ждут вашего справедливого приговора. Пусть же ваш приговор прогремит по всей нашей великой стране, как набат, зовущий к новым подвигам и к новым победам! Пусть прогремит ваш приговор, как освежающая и всеочищающая гроза справедливого советского наказания!

Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину расстрелять, как поганых псов!

Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину!

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

А над нами, над нашей счастливой страной, попрежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем попрежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед, к коммунизму!

После речи Прокурора Председательствующий объявляет перерыв до 18 часов.

Вечернее заседание 11 марта

Открыв заседание, Председательствующий предлагает слово защитнику подсудимого Левина тов. Брауде

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА ТОВ. И. Д. БРАУДЕ

Товарищи судьи! Характерной чертой современных заговорщических контрреволюционных организаций является то, что з ними нет никакой массы.

На пленуме ЦК партии в марте 1937 года товарищ Сталин говорил: «Современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что, если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их, как людей чуждых, и прогонит их от себя».

Мы видим, товарищи судьи, что для технического осуществления своих вредительских замыслов этим заговорщиком приходится рассчитывать только на свои собственные ничтожные силы и иностранную разведку. Только путем обмана, двурушничества, шантажа им удавалось втягивать в свои злодейские преступления отдельных лиц, которые по своему мировоззрению ничего общего не имеют с ними.

В самом деле, далекий от контрреволюционного мировоззрения и от контрреволюционных целей доктор Левин, старый врач был втянут в право-троцкистскую организацию для совершения чудовищных преступлений через врага Ягоду, который сам х тел оставаться в стороне.

И сегодня, товарищи судьи, мне приходится защищать пер вами этого старика — доктора Левина, который к концу своей жизни оказался техническим исполнителем конкретных замыслов «право-троцкистского блока», о самом существовании которого он вряд ли имел какое-либо представление, и не только техническим исполнителем, но, как правильно сказал сегодня Прокурор, и принявшим на себя некоторую организующую роль. К это могло произойти, что врач с 40-летним стажем, близкий Максиму Горькому, врач Куйбышева и Менжинского, сделал убийцей своих пациентов?

Изучая материалы предварительного следствия, допрос Бунова, Ягоды, Левина и других обвиняемых, я видел, что сле

ствие само интересовалось, как мог Левин принять на себя такие ужасные поручения, что понудило его на отсутствие наджащего сопротивления Ягоде. Здесь Прокурор спрашивает Левина: «Почему вы не попытались противодействовать Ягоде? И формулируя ответ Левина, Прокурор сказал: «В душе опор не было, а вовне ее не искали».

До 1934 года доктор Левин очень добросовестно, с большим знанием дела, работал в различных больницах, медицинских организациях, научных обществах. Он лечил Ленина и был близок к Горькому. Пользовался доверием Куйбышева. Он искренне считал, что эта близость дает ему право называться честным советским специалистом. Но он не понял, что это — близость механическая, политически же он был далек от них. Левин был аполитичен, он даже не разбирается в том, что такое меньшевики. На вопрос о партийности он ответил здесь на суде, что принадлежит к партии врачей. Его ответ подчеркивает всю его цеховую оторванность от рабочего класса. На вопрос Прокурор он ответил, что он — трус, и данные дела, к сожалению, не позволяют в этом сомневаться.

Вербуя врачей по рецептам фашистских разведок, Ягода приложил к каждому из них индивидуальный подход. Посмотрим, что рассказывает об этом сам Ягода на предварительном следствии. К Плетневу у него отношение неприкрыто грубое: он подбирает компрометирующий материал о нем. По его словам — «Плетнев был участником какой-то антисоветской группировки и вообще оказался человеком антисоветским». Ягода использовал это.

На Казакова он действует страхом и одновременно зарождает в нем надежду, что он окажет ему какую-то помощь в его борьбе с группой врачей.

Ягода использует корыстные черты Крючкова, возбуждая в нем надежду, что после смерти Максима он станет литературным наследником Горького, а с другой стороны, действует также страхом, указывая, что ему, Ягоде, известно о растрате Крючковым денежных средств Горького.

И Крючков готов.

О Левине Прокурор сказал, что он был правой рукой Ягоды, — он вместе с Ягодой был организатором. Формально это верно. Но если Левин был правой рукой Ягоды, то нельзя ни на минуту забывать, что мозгом, который руководил этой правой рукой, являлся Ягода.

У Левина в прошлом не было никаких темных мест, не было антисоветских настроений, у него был 40-летний беспорочный трудовой стаж за спиной. До разговора Ягоды он был предан Советской власти и, может быть, был привязан к Горькому. Ягода должен был преодолеть внутреннее сопротивление Левина. И Ягода долго, очень долго и тонко обрабатывал его методами, которые превосходят иезуитские методы Игнатия Лойолы. С изобретательностью иностранного разведчика он играет на малодушии, мягкотелости, тщеславии, легковерии и паничности Левина.

Ягода сам показывал, что Левин был лечащим врачом Пешкова, и, бывая у Горького, он, естественно, сталкивался не раз с Левиным. Вот почему именно на Левина Ягода обратил внимание, сделал его правой рукой. Он знал его, часто сталкивался именно с ним, а не с Плетневым и Казаковым.

Левин понадобился для осуществления его преступных замыслов, поэтому Ягода стал ближе присматриваться и проявлять внимание к нему. В чем выразилось это внимание? Об этом говорили и сам Левин и Буланов: французское вино, цветы, облегчение таможенных формальностей, доллары на поездку за границу.

Левин, конечно, не понимал и не мог понимать, в чем тут дело. Наивно он думал, что Ягода делает это из уважения к его личным достоинствам и качествам врача. Это приятно щекотало чувство тщеславия, — а то, что Левин был тщеславен, он не скрывает.

Но это прекрасно учитывал Ягода. Наряду с признательностью за щедрость и внимательное отношение Ягоды, у Левина появилось чувство некоторой своеобразной зависимости, чего и добивался Ягода.

Приближался час осуществления злодейских замыслов Ягоды в отношении Макса Пешкова. Я должен сказать вам, товарищи судьи, что, слушая объяснения Ягоды о причинах убийства Макса Пешкова, я пришел к такому убеждению, что здесь причины были двоякого рода: причина глубоко низменного порядка Ягоды и задание «право-троцкистского блока» нанести Горькому убийством любимого сына такую психическую травму, которая бы ослабила еще больше физическую сопротивляемость великого писателя в борьбе против болезни. Личные низменные мотивы Ягоды бесспорно совпали с установкой «право-троцкистского блока».

Я обращаю внимание суда на то, что идея «смерти от болезни» пришла и возникла не у врачей. Эта идея возникла у Ягоды, у «право-троцкистского блока». И ее он навязывает врачам. Для воплощения этой идеи в жизнь врач необходим. Чужими руками, руками врача, удобно вершить это черное дело, а самому остаться в стороне.

Ягода применяет и теоретическую обработку Левина. Ягода развивает перед Левиным своеобразную «теорию», носящую следы влияния на него немецких фашистских стерилизаторов. Ягода сам показывает, как он обрабатывал Левина извне приобретенными теоретическими суждениями о праве врача прекращать жизнь больного.

Но этого оказалось мало. Видимо, Левин не шел на эти «теоретические прививки». Тогда Ягода старается представить план уничтожения Максима Пешкова как акт, необходимый в государственных интересах, и, прежде всего, в интересах самого Горького. Он доказывает пагубное влияние его на отца.

Почему Левин не разоблачил эту фашистскую банду? Я уже говорил о его аполитичности, мягкотелости, бесхарактерности. Но здесь, конечно, основную роль сыграла та комбинация мето-

дов, которая была применена против него Ягодой. Левин был уверен, что Ягода не остановится ни перед чем.

В одном из своих показаний Левин с содроганием говорил: «Я вспоминаю каждый раз страшное лицо и угрозы Ягоды. Но меня производила страшное впечатление речь Ягоды». Левин — тряпичный интеллигент, старый беспартийный, легковверный, безвольный врач трепетал не столько за себя, сколько за свою семью, разгромить которую ему угрожал Ягода.

Не вправе ли я, товарищи судьи, сказать, что Левин был психически терроризован Ягодой и что этим объясняется и та роль которую он сыграл в этих кошмарных убийствах. Он принимал участие в умерщвлении Максима Пешкова, и затем началась серия последующих страшных преступлений: за Максимом Пешковым — Куйбышев, за Куйбышевым — Максим Горький и Менжинский. Совершив одно преступление, сознавая себя скованным преступными узами с Ягодой, Левину еще труднее уйти из-под его влияния.

Не разделяя убеждений этих господ, Левин фактически вместе с ними. Он понимает, что, сделавшись их соучастником, он не может не выполнять их поручений. Связав себя с контрреволюцией и преступными делами организации, он разделил судьбу Ягоды. Такова логика контрреволюции.

Если ознакомиться с показаниями и письмами Левина, можно убедиться, что он глубоко переживал. Он жил в мучительном бреду. На имя товарища Ежова он, будучи в заключении, послал письмо, в котором, все рассказав, писал, что тяжесть воспоминаний о жутких злодействах давит на него тяжелым грузом. Осенью 1936 года, пишет он в письме, я узнал, что Ягода — не нарком внутренних дел, и я пережил величайшее счастье и решил остатки жизни посвятить прежней честной работе, отдать остаток своих сил счастью народов. Теперь, в тюрьме, рассказав все, что творилось в моей душе, я почувствовал глубокое облегчение.

Я глубоко убежден, что, когда он написал это признание, обнажив свою душу перед товарищем Ежовым, он не мог не почувствовать облегчения, освобождения от бесконечного тяжелого и до сих пор скрывавшегося им груза. И когда здесь, перед судом народа, перед судом рабочего класса, он рассказал о своих преступлениях, это облегчение он продолжает чувствовать.

Я подхожу, товарищи судьи, к концу.

Что же сделать с Левиным? Левин должен остаться жить, хотя и должен понести тяжчайшее наказание. Сейчас ждут вашего приговора вот эти господа, сидящие на скамье подсудимых, которые совершили ряд тяжчайших преступлений, которые со дня революции боролись против своего народа, против рабочего класса, против партии, против независимости своей родины. Они — фактические убийцы Горького, Куйбышева и Менжинского, но они виноваты также и в том, что три врача сделали убийцами. Это тоже лежит на их совести. Они — убийцы этих врачей. Не встречая их, Левин спокойно дождал бы свои последние годы, оказывая помощь страждущим.

Так разве можно ставить знак равенства между Левиным и

этими господами, как ни тяжелы его личные преступления. И если они, эти господа, бесполезны и никчемны в грядущей борьбе за счастье человечества, то старый доктор Левин, может быть, еще несколько лет, которые остались ему, старику, прожит попытаться искупить хотя бы частицу своих преступлений помощью страдающему человечеству. Я прошу вас о жизни доктору Левину.

Председательствующий предоставляет слово защитнику Казакова и Плетнева тов. Коммодову.

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА ТОВ. Н. В. КОММОВОДА

Мне кажется, товарищи судьи, нет нужды говорить о том, сколь тяжела задача защиты по настоящему делу. Тяжесть усугубляется тем суровым требованием государственного обвинителя, которое встречено всеобщим одобрением советской общественности.

Но в пределах возможностей и сил надлежит, хотя бы крупинкам, собрать те доводы, которые дадут возможность просить, а вам, может быть, удовлетворить нашу просьбу и ступить от того сурового требования, которое прозвучало с сокой кафедры государственного обвинителя в отношении ших подзащитных.

Преступления Левина, преступления Казакова, преступления Плетнева есть несомненно одно звено очень длинной цепи преступлений, которые в своей совокупности характеризуют методы, способы, приемы борьбы с Советской властью ее врагов в протяжении всех этих 20 лет.

Эта борьба временами затихала, но потом снова вспыхивала с большей силой, чем раньше. Особенно она оживилась за последние годы, что несомненно нужно поставить в связь с приходом к власти фашизма, который в лице всех контрреволюционных групп внутри СССР нашел себе верных союзников.

Фашизм, как форма управления, основан на унижении человека и не может мириться с существованием стран, уклад общественной жизни покоится на принципе социальной справедливости и уважения к человеческому достоинству. Поэтому борьба с Советским Союзом является актуальнейшей задачей фашизма, которая поставлена в порядок дня. Средства борьбы с Советским Союзом являются шпионаж, вредительство, диверсии, убийство, поддержка вооруженных банд, террор — весь тот ассортимент, который ведет к ослаблению и разгрому Советского Союза. Вам здесь Прокурор приводит конкретные случаи шпионажа, вредительства и террора. Конкретные случаи за последнее время несколько изменились, сказал, они стали более утонченными и более злобными.

В террористической деятельности тоже появились новые способы устранения политических вождей. Одним из способов в настоящем деле применен способ, который Ягода характеризовал как «смерть от болезни». Я должен сказать, что

рия человеческих злодеяний не знает этого способа. Первоначально Плетнев также этот способ понял как предложение действовать ядом, но Ягода ему сказал: нет, это грубо, слишком грубо и опасно; речь идет о том, чтобы соответствующим методом лечения ускорить конец тех людей, к лечению которых вы будете привлечены.

Всякое отравление ядом, несомненно, более опасно, чем тот способ, к которому стали прибегать в последнее время, в частности, в настоящем деле. Существуют, правда, яды, которые улетучиваются быстро и в организме не остаются, но остаются следы патолого-анатомических изменений.

Защитник Брауде говорил, как Ягода объяснял следователю идею «смерти от болезни». Я должен сказать, что читать эти слова в той формулировке, в какой это описал сам Ягода, бесстыдничать нельзя.

Очень просто, — говорит Ягода. Человек заболевает и все привыкает к тому, что он болеет. Врач может способствовать выздоровлению, но врач может способствовать и смерти. Вот главное содержание идеи. «А остальное все, — добавляет Ягода, — дело техники». Когда он сказал это старику Левину, то, по словам Ягоды, Левин был ошеломлен.

Способов убийства много и очень много жестоких. Но я должен сказать, что ни один из этих способов не режет так сердце, не бьет так на нервы, как тот способ, который описан в настоящем деле, хотя человек умирает не в овраге с разбитой головой, а у себя на кровати, окруженный заботой всех.

Ни один способ убийства не может вызвать такого негодования общественности, как этот способ.

Это — поругание всех этических принципов врача, который даже на поле битвы должен оказывать помощь врагу. Этот способ убивает доверие между врачом и пациентом.

Возникает вопрос, как могли пойти на такой способ убийства врачи, у которых по 40 лет врачебной практики, которые поселились в своей профессии?

Легко напрашивается объяснение в том смысле, что этому помогли личные низменные настроения или антисоветские настроения. Я думаю — причина не та, и позволю сказать почему. Если бы антисоветские настроения Плетнева были достаточным стимулом для того, чтобы пойти на такое преступление, то Левину не пришлось бы прибегать к помощи Ягоды, который должен был нажать на Плетнева, чтобы он пошел на такое преступление. Достаточно было одному Левину сказать, и Плетнев должен был с готовностью согласиться.

А что мы видим? Мы видим обратное. Левин сказал Казакову, Левин сказал Плетневу, но до свидания с Ягодой ни тот, ни другой никакого вредительства не проводили. Больше того, Казаков 6 ноября был у Менжинского, — а в это время Менжинский переехал в Москву в особняк на Мещанскую, — Казаков увидел, что воздух был тяжелым, отравленным, в котором задыхался тяжело-больной товарищ Менжинский.

Казаков велел проветрить все комнаты, вынести на балкон

Менжинского. И в этот же день он поехал к Ягоде, который встретил его словами: «Почему вы умничаете, а не действуете?»

Что означает самый вызов к Ягоде и Казакова и Плетнева? Он означает, что Левин не рассчитывал одним разговором или игрой на низменных чувствах Казакова и антисоветских настроениях Плетнева толкнуть их на чудовищные преступления. И это понятно, потому что, прежде чем пойти на это преступление, и тому и другому нужно было изменить природу свою и вытравить инстинкт, выработанный в результате сорокалетней врачебной деятельности.

Но и этого мало. Ягода пытался вовлечь в это преступление Плетнева, играя на его антисоветских настроениях. Он говорил об объединении всех антисоветских сил, убеждал, что он, Ягода, поможет им в их контрреволюционной акции. Но он и сам не надеялся на благоприятные результаты этих убеждений, вот почему потребовал, чтобы ему дали на Плетнева компрометирующий материал. Но даже и тогда, когда Плетнев увидел собранный против него Ягодой компрометирующий материал, он все же не соглашался.

Тогда Ягода прибегнул к самому действенному средству, он пригрозил и сказал: я не остановлюсь перед самыми крайними мерами, чтобы заставить вас служить мне.

Прочтите в показаниях Ягоды разговор Ягоды с Казаковым: «Что вы умничаете? Что вы делаете самовольно то, что вы делать не должны?» Когда Казаков начал оправдываться, Ягода говорит: «Я ему пригрозил, я кучу угроз ему сказал, и он согласился».

Таким образом, прав был старик Левин, который сказал: «Страх перед угрозами, страх перед Ягодой толкнул меня на это преступление». И он был прав не только в отношении себя, но и в отношении своих сопроцессников — и Плетнева, и Казакова.

В конечном счете и Ягода и его сообщники просчитались. Они не поняли одного и самого главного. Если есть десятки бесовских людей, которые подкапываются под Советский Союз, то ведь имеются миллионы честных, которые своею бдительностью и преданностью охраняют его.

Вот почему та гибель, которую они несли Советскому Союзу, а вместе с тем несли каждому из нас, пала на их голову. Кто сеет ветер, тот пожинает бурю.

Но мне не они важны сейчас. Мне важно поведение Плетнева и Казакова в ту зловещую минуту, когда они остались с глазу на глаз в кабинете с Ягодой. Им поставлен был прямо вопрос. Они понимали прекрасно, что угроза, которая стоит перед ними, — реальная угроза. Больше того, и Казаков и Плетнев прекрасно понимали, что Ягода не может не привести своих угроз в исполнение.

Товарищи судьи! В этих условиях они должны были давать ответ немедленно. Бежать некуда. Размышлять некогда. Вот минута, в которую решается судьба человека. А в это время злобным взглядом, сверлящим взглядом смотрит на них Ягода.

Мне представляется, что этот роковой сверлящий взгляд подлял их сознание, парализовал волю, убивал чувство.

Чем они стали после этой минуты падения? Прежде чем они стали убийцами других, они нравственно убили себя. Это — минута, которая убила их самих. Они совесть свою, совесть врачей сделали черной, как совесть тирана, они забрызгали грязью и вероятных преступлений имя профессора. Они опозорили ореол ученого, они имя человека раздавили. Только большой психолог может описать такие минуты.

Все остальное есть следствие этой минуты. В ту минуту, когда Ягода их сломил, когда они дали свое согласие, они перестали существовать и как Плетнев, и как Казаков, они убили нравственно себя. И вы, товарищи судьи, знаете, кто толкнул их на самоубийство, а потом и на убийство других.

Вот почему я прошу снисхождения для них. Вот почему защита просит не ставить их на один уровень в наказании с тем, кто по отношению к ним явился убийцей.

Есть еще один довод защиты. Товарищ Прокурор, говоря здесь о соучастии в преступлениях, теоретически правильно развивал мысль о том, что участник организации является ответственным за все преступления, совершенные организацией. Но как практический деятель, как государственный обвинитель он сказал вам, товарищи судьи, что нужно в каждом конкретном случае обсуждать, в какой мере близко подошел к преступлению тот или иной преступник. Это дало ему основание отступить от требования сурового наказания по отношению к подсудимым Раковскому и Бессонову.

По этому признаку разве Плетнев, разве Казаков имеют меньше основания на снисхождение? Они позже втянулись в цепь величайших преступлений. За другими подсудимыми преступления тянутся от 1918 года до наших дней. Мои подзащитные не знали этого, не причастны к этому.

Мы верим, товарищи судьи, что вы учтете эти наши доводы защиты и, несмотря на ряд кошмарных, неслыханных, чудовищных преступлений Плетнева, Казакова и Левина, найдете возможным сохранить им жизнь.

Когда Плетнев писал в заявлении на имя товарища Ежова, что он после сознания почувствовал облегчение, когда Казаков говорит то же, — они не лицемерят.

В их положении и сознание, и суд, и наказание, и страдание — единственное, что их хотя бы в некоторой степени может примирить с собой. Порой страдания бывают единственной формой правды, и они это прекрасно понимают.

Я сказал, что задача, которая стоит перед ними, если им суждено жить, доказать, что они достойны милосердия. Как это сделать? Нужно забыть себя и отдать все, что они имеют в смысле знания, опыта, практики, теории, той родине, которую они предавали. А отдать им есть что. 40 лет врачебной, клинической, профессорской, педагогической деятельности Плетнева составили у него большой багаж знания, и он работоспособен, он даже в тюрьме работал над своими научными трудами. Казаков имеет

медицинское, химическое и агрономическое образование. От исследовательской работы несомненно обогатили Казакова, и это богатство он должен передать другим.

Все без остатка они должны отдать родине. Это наказ им в защиту, если им суждено жить. А к вам, товарищи судьи, я обращаюсь с единственной просьбой — сохранить им жизнь.

Председательствующий опрашивает каждого из отказавшихся от защитников подсудимых, имеющих право защитительной речи, — не желают ли они воспользоваться этим правом. Подсудимые от защитительной речи отказываются.

Председательствующий предоставляет последнее слово подсудимому Бессонову.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО БЕССОНОВА

Граждане судьи! Вместе с другими обвиняемыми я отвечаю здесь перед пролетарским судом за тягчайшие государственные преступления, совершенные «право-троцкистским блоком» и лично мною, как его активным участником. Самым страшным, всеобъемлющим из этих преступлений является измена родине, в которой повинен я. Я был посредником и участником преступных переговоров «право-троцкистского блока» с фашистскими кругами Германии.

Суровая рука пролетарского правосудия во-время вскрыла страшный гнойник измены и предательства, разоблачила чудовищный заговор и поставила его участников, в том числе и меня, перед беспощадной ответственностью советского закона.

За год, прошедший со времени моего ареста, я уже раз стоял перед пролетарским судом, скрыв от него те факты своей антисоветской деятельности, в которых я обвинялся на настоящем процессе.

Я был арестован 28 февраля прошлого года. 5½ месяцев продолжалось следствие по моему первому делу. Органами НКВД был собран обширный материал, допрошено было большое количество свидетелей, устроен был ряд очных ставок, собраны были отзывы обо мне, о моих связях со всех мест моей работы. Я упорно отрицал основное из предъявленных мне обвинений, а именно — свою принадлежность к нелегальной антисоветской организации.

Лишь 30 декабря прошлого года я заявил следствию, что порываю решительно и полностью со своим преступным прошлым и начинаю давать показания чистосердечно и до конца. Я не вилял и не запырлся. Разрыв с преступным прошлым — и я это очень отчетливо понимал — мог быть только в одной единственной форме, в форме полных, развернутых, чистосердечных показаний. Я показал решительно все, что знал, и о тех фактах, которые полностью или частично были известны следствию, и о фактах, которые следствию не были известны.

Граждане судьи, высокие слова неуместны и малоубедительны в устах человека, обвиняемого, подобно мне, в тягчайших

государственных преступлений. Поздно бить себя кулаком в грудь.

Каков бы ни был приговор пролетарского суда, это будет приговор суда моей родины, и я безропотно приму его.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ГРИНЬКО

Я стою перед Верховным Судом как изменник родине, как активный участник право-троцкистского заговора против победившего в СССР социализма, как союзник и агент капитализма в его смертельной борьбе против социализма, как государственный преступник, приложивший свою руку к подготовке провокации войны, расчленения СССР в пользу фашизма, приложивший свою руку к подготовке убийства лучших людей нашей страны и к насильственному свержению социалистического государственного и общественного строя в СССР. Нечего прибавить к этому списку злодеяний.

Я, как и некоторые другие обвиняемые, стою перед судом как прямой агент и шпион фашистских государств и их разведок, как прямой союзник фашизма в его борьбе против СССР.

Но не фашизм сделал меня таким. Фашизм подобрал в свою пользу готовые плоды многолетней борьбы троцкистов и правых против партии и Советской власти. Троцкому и Бухарину обязан я той, с позволения сказать, «идеологией» и той школой чудовищного двурушничества, которое привело всех нас к прямому фашизму.

Я стою перед судом как украинский буржуазный националист и одновременно как участник «право-троцкистского блока». И это не случайное сочетание. Ловля буржуазных националистов и политическое растление неустойчивых политических элементов в национальных республиках являются давнишней, упорно проводимой тактикой троцкистов и правых.

Мои тягчайшие преступления, как участника право-троцкистского заговора, в огромной мере отягчаются следующими обстоятельствами.

Во-первых, как один из организаторов украинской национал-фашистской организации, я действовал, в частности, на Украине, то есть у главных ворот, через которые немецкий фашизм подготавливает свой удар против СССР.

По заданиям «право-троцкистского блока» и немецкой разведки украинская национал-фашистская организация — и я в том числе — вела огромную работу по подрыву западной границы СССР. И мне кажется, только нежеланием сказать полную правду суду объясняется то, что и Рыков и Бухарин, признавая персональную связь со мною, как участником право-троцкистского заговора, отнекиваются от связи через меня с украинской национал-фашистской организацией, которая была крупной картой в антисоветской борьбе «право-троцкистского блока».

Вторым обстоятельством, которое отягощает мою вину участника право-троцкистского заговора, является то, что я в течение больше чем двух лет знал о заговоре в Красной Армии, бы

лично связан с рядом крупнейших военных заговорщиков, осуществлявших подрыв оборонной мощи и подготовку поражения СССР.

Третье обстоятельство, которое отягощает мою вину перед народами СССР, это то, что я в течение нескольких месяцев знал не только общие террористические установки право-троцкистского центра, но и тот факт, что две террористические группы изо дня в день вели слежку за Сталиным и Ежовым с целью убить их.

Я очень хорошо понимаю, каким презрением каждый советский человек встретит слова раскаяния в моих устах.

Самый тяжелый приговор — высшую меру наказания — я при-му как должное. У меня только есть одно желание: последние остатки моих дней или часов, как бы мало их ни было, я хочу прожить и умереть не как враг, находящийся в плену у Советской власти, а как совершивший тяжчайшую измену родине, жестоко ею за это наказанный, но раскаявшийся гражданин СССР.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ЧЕРНОВА

Граждане судьи! Я воспользовался предоставленным мне правом последнего слова подсудимого не для того, чтобы защищать или оправдывать себя.

Я — изменник социалистической родины, я продавал интересы родины врагу рабочего класса и всего человечества — фашизму. Я — шпион германской разведки, активный участник контрреволюционной организации правых, организации вредительства и диверсий, активный участник «право-троцкистского блока», ставившего себе целью свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии. Я — активный участник блока, который для достижения цели — восстановления капитализма — шел на неслыханно чудовищные преступления и использовал для этой цели весь арсенал бандитов.

Как я, которому партия оказала величайшее доверие, мог изменить партии и родине и стать шпионом германской разведки и членом контрреволюционной организации?

Как я уже показывал на суде, я в течение длительного времени был меньшевиком и не рядовым членом меньшевистской партии, а руководителем одной из ее организаций, иваново-вознесенской.

Время моего вступления в Коммунистическую партию совпало с периодом начала нэпа, который я расценивал не так, как принимали его настоящие большевики, а по-своему, по-меньшевистски. Поэтому, когда партия перешла от политики ограничения кулачества и капиталистических элементов в городе к политике наступления и разгрома их, моя меньшевистская сущность с такой политикой не могла примириться. И я стал искать среди антисоветских группировок в партии тех единомышленников взгляды которых отвечали моему меньшевизму и практические

цели которых означали бы борьбу за свержение Советской власти и за восстановление капитализма.

Я нашел этих единомышленников в контрреволюционной организации правых. Взгляды и практические цели этой организации целиком и полностью совпадали с моими меньшевистскими взглядами. Во главе контрреволюционной организации правых стояли такие люди как Рыков, Бухарин, Томский, и что они пришли к цели свержения Советской власти и восстановления капитализма, то есть пришли к меньшевизму, укрепляло меня в моих меньшевистских позициях. Это сыграло свою роль в моем вступлении в контрреволюционную организацию правых.

В моем вступлении на путь немецкого шпионажа сыграл крупную роль Дан. Он при встречах со мной аргументировал необходимость борьбы правых против Советской власти и оказание помощи капиталистическим государствам в их борьбе за то же, то есть за свержение Советской власти. То, что сам Дан, как я потом убедился, является агентом германской разведки, имело крупное значение при даче мною согласия стать немецким шпионом.

Поручения, которые я получал от немецкой разведки — вредительство и диверсии, — совпадали с указаниями, которые я получал через Рыкова, от центра своей контрреволюционной организации правых. Те и другие по существу ничем не отличались. Те и другие были направлены к одному — подорвать экономическую мощь и обороноспособность Советского Союза и тем обеспечить поражение в войне, свержение Советской власти и восстановление капитализма.

Что из себя представляла наша контрреволюционная организация? Это была шайка озверевших чиновников, она не имела никаких корней в народе. Ее базой были соглашения с фашистскими правительствами.

Преступления мои велики и чудовищны. Любое наказание, которое суд сочтет необходимым вынести, не может покрыть эти преступления.

Но я все-таки осмеливаюсь обратиться к суду и просить суд сохранить мне жизнь.

Если суд найдет возможным это сделать и жизнь мне будет оставлена, я все силы отдаю на служение великому советскому народу.

На этом вечернее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв до 11 часов 12 марта.

Утреннее заседание 12 марта

Открыв заседание, Председательствующий представляет последнее слово подсудимому Иванову.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ИВАНОВА

Я отказался от защитного слова потому, что признаю полностью и больно чувствую свою тяжкую вину перед Советской страной, мне нечего сказать в свою защиту.

Когда меня втянули в преступное дело провокации, я был мальчишкой, без всякого жизненного опыта и закалки. Пере лицом первого испытания я не выдержал, струсил, сделал первый шаг измены, затем пошел по наклонной, и меня засосала тина предательства. Я считал, что с меня будет снята угроза разоблачения моей провокаторской деятельности лишь в том случае, если восстановится власть капитализма.

По заданию Бухарина я в 1928 году пытался организовать кулацкую повстанческую Вандею на Северном Кавказе. В 1932 году, по его же установкам, я включился в восстание по свержению Советской власти на том же Северном Кавказе, где я в то время работал. В 1934 году он, Бухарин, говорит со мной о необходимости поражения в войне, о необходимости ориентироваться на агрессивные фашистские страны, в первую очередь — Германию и Японию. В соответствии с этим группа правых Северном крае, под моим руководством, развертывает террористическую, диверсионную и шпионскую деятельность. После всего этого мне странно было слышать здесь заявление Бухарина о том, что он будто бы лишь «чистый теоретик» и занимается только «проблематикой» и «идеологией». Только в процессах контрреволюционеров возможна такая вещь, когда руководители переносят свою ответственность на практиков, уклоняясь от нее сами. Да, я делал чудовищные преступления, я них отвечаю. Но я их делал вместе с Бухариным, и отвечать мы должны вместе.

Нужно потерять последние остатки совести, чтобы отрицать и ставку на пораженчество и установку фашистской диктатуры.

По вопросу о пораженчестве вспоминаю еще одну характерную подробность, как разговор с Бухариным в 1936 году. Бухарин, утверждая необходимость рядом диверсионных и террористических ударов сорвать оборону страны, говорил о том, что правые в Северном крае очень лениво готовят повстанческ

кадры, и приводил следующее. Конечно, за помощь придется заплатить уступками окраин. Даром не дают, не помогают. Но в конце концов обязательно России быть одной шестой частью мира, она может быть и одной десятой. Ведь не в этом главное, говорил Бухарин, и этого не понимают люди, лишь боящиеся страшных слов.

К массам трудящихся мы, люди подполья, относились трусливо, злобно. Мы, заговорщики, издевались над честными людьми, старались под всякими предложениями затащить честного человека в наше болото, мы двурушничали.

Граждане судьи! Я должен сказать, что я приму самый тяжелый приговор, но невыразимо тяжело умирать тогда, когда я, наконец, очистился от всей этой грязи, мерзости. Если мне дадут возможность доказать свою преданность, то я буду честно и преданно работать на пользу народа.

Я прошу советский суд дать мне эту возможность, я прошу пощады у Советской власти.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО КРЕСТИНСКОГО

Граждане судьи! На скамье подсудимых я один из старейших по стажу активных участников в политической жизни. Я начал мою революционную деятельность 18-летним юношей — в 1901 году и в течение 20 лет, до 1921 года, то есть до момента, когда я вместе с Троцким начал свою борьбу против партии и Советской власти, приведшую меня в конце концов на скамью подсудимых, я вел честную большевистскую работу.

В 1921 году я принял предложение Троцкого включиться в нелегальную троцкистскую работу, которую он тогда начинал, формируя силы и кадры для последующих открытых выступлений.

Тут же было образовано бюро, состоявшее из Троцкого, Серебрякова, Преображенского, Пятакова и меня. Это было в октябре 1921 года. С этого момента начинается моя нелегальная борьба против партии.

Весной 1922 года, когда я приехал на XI съезд партии, Троцкий поднял вопрос о денежных средствах на внутрипартийную борьбу, на борьбу против ЦК, которая представлялась ему затяжной и острой. Присутствовавший при этом Виктор Копп предложил попытаться получить деньги из германского рейхсвера. Это предложение вызвало сначала некоторое колебание с моей стороны; но потом я принял это предложение и сыграл активную роль в заключении изменнического соглашения.

К концу 1923 года происходит открытое нападение троцкистов на партию. Поражение, которое потерпели мы, троцкисты, только усилило наше озлобление и обострило борьбу.

В 1926—27 годах троцкисты предпринимает ряд вылазок против Центрального Комитета. Одновременно начинается троцкистская борьба и в западных компартиях. Рейхсвер, воспользовавшись этим моментом, предлагает нам не только усилить нашу шпионскую деятельность, но и дать некоторые политические обещания о последующих экономических концессионных уступках на Украине, в случае, если мы придем к власти. Троцкий и

мы, боясь в момент острой борьбы лишиться источника средств, даем согласие и идем на углубление этого изменнического соглашения.

В конце 1927 года Троцкий бросает на борьбу все свои силы, но терпит сокрушительное и окончательное поражение. Троцкисты исключены из партии. Большая часть их руководителей отправлена в ссылку. Массы против нас. Открытая борьба не сулит нам никакого успеха. Троцкий в связи с этим дает указание всем исключенным и находящимся в ссылке возвращаться в партию, подавая двурушнические заявления об отказе от своих взглядов. Одновременно он дает указание восстанавливать нелегальную троцкистскую организацию, которая должна носить уже чисто заговорщический характер.

Методы ее борьбы — подготовка вооруженного переворота. Средство для достижения этой цели — террор, вредительство, диверсии. Параллельно с изменением тактических установок идет и изменение программы.

Во время свидания в Меране в октябре 1933 года Троцкий изложил мне в развернутом виде буржуазно-реставраторскую программу нашей заговорщической организации и программу свержения существующего в стране социалистического общественного строя с применением для этой цели террора, вредительства и диверсии и с последующим расчленением Советского Союза, с отделением от него Украины и Приморья.

Я принял эту, предложенную Троцким, программу, согласился и с новыми методами борьбы и с этой минуты несу полную политическую и уголовную ответственность за все эти методы борьбы.

В феврале 1935 года Пятаков сообщил мне, что между нами, троцкистами, правыми и военной группой Тухачевского состоялось соглашение о совместном совершении вооруженного переворота. С этого момента я несу ответственность не только за действия троцкистов, но и за действия правых и за действия военных заговорщиков.

Я считаю необходимым подчеркнуть, что о террористических актах, перечисленных во втором разделе обвинительного заключения, я не имел ни малейшего представления и узнал о них лишь когда мне была вручена копия обвинительного заключения.

После ареста Пятакова и Радека и провала троцкистской организации я чувствовал, что нужен конец: или пойти и рассказать о своей преступной деятельности или ускорить переворот. Я скатился к этому последнему, пошел на преступление. И только после ареста я подвел критические итоги моей контрреволюционной деятельности. Я убедился в призрачности наших надежд и ощутил всю безнадежность и всю преступность нашей борьбы.

Этому, граждане судьи, не противоречит мое поведение во время первого дня процесса. Я признаю, что мой отказ признать себя виновным объективно являлся контрреволюционным шагом. Но субъективно для меня это не было враждебной вылазкой. Я просто все последние дни перед судом находился под тяжелым впечатлением тех ужасных фактов, которые я узнал из обвинительного заключения и, особенно, из его второго раздела.

Я кончаю. Мои преступления перед родиной и революцией безмерны, и я приму, как вполне заслуженный, любой ваш, самый суровый приговор. Я прошу вас вспомнить о прежней моей действительно революционной работе, поверить мне, что я за эти девять месяцев коренным образом изменился, и, пощадив мне жизнь, дать мне возможность в любой форме, хотя бы частично искупить мои тяжелые преступления.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ЗУБАРЕВА

Граждане судьи! Предъявленные мне обвинения в преступлениях против Советской власти я признаю и подтверждаю целиком и полностью. Я являлся одним из организаторов и руководителей контрреволюционной подпольной организации правых на Урале, руководил вредительской работой в области сельского хозяйства и на Урале, и здесь, в Москве, когда работал в Наркомземе, являлся одним из руководителей террористической группы, вел шпионскую и провокаторскую деятельность.

Сознавая свою ответственность, я не могу и не хочу себя ни защищать, ни оправдывать. Было бы смешно и лживо заявлять перед судом, что я — несчастная жертва малоопытности или малой сознательности и введен в заблуждение какой-то посторонней рукой. Но, не защищая себя и не оправдывая, я хочу заявить вам, граждане судьи, что я до конца сказал все как о своей деятельности, так и о деятельности тех из соучастников, о преступной деятельности которых я знал сам лично. И если, граждане судьи, эта искренность хоть бы в какой-нибудь мере могла бы служить основанием для смягчения тяжести моих преступлений и для облегчения судебного наказания, если бы мне была сохранена жизнь, я сумел бы на практической работе оправдать не только на словах, но и на деле выраженное мне судом доверие.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО РЫКОВА

В своем последнем слове я подтверждаю то признание в своих чудовищных преступлениях, которое я сделал на судебном следствии. Я совершил тягчайшие государственные преступления. Я изменил родине. Эта измена выразилась в сношениях с заклетыми врагами советов, в ставке на поражение. В своей борьбе «право-троцкистский блок» использовал весь арсенал всех средств борьбы, которые когда-либо применялись заговорщическими организациями. Я был не второстепенное лицо во всей этой контрреволюционной организации.

Мы готовили государственный переворот, организовывали кулацкие восстания и террористические ячейки, применяли террор как метод борьбы. Я организовывал с Нестеровым на Урале специальную террористическую организацию. Я в 1935 году давал задания по террору Котову, возглавлявшему террористическую организацию в Москве, и так далее и тому подобное.

Но государственным обвинителем выдвинуто против меня обвинение в преступлении, в котором я непосредственного участия не принимал и которое признать не могу. Это — обвинение

в вынесении решения или в даче директивы об убийстве Куйбышева, Менжинского, Горького, Пешкова.

Совершенно несомненно, что наша ставка на террор, защита террора не могла не оказать влияния на совершение этих убийств. Если бы этот террор, как метод, не признавался, если бы мы его не защищали, то не произошло бы убийства этих людей. В этой части я ответственность должен нести.

Я должен сказать, что я не могу отрицать того, что государственный обвинитель, исходя из всей суммы моей контрреволюционной деятельности, имеет основание подозревать меня в этих убийствах. Но одних логических построений недостаточно, мне кажется, для того, чтобы обвинить человека, правда, уличенного в необычайно тяжелых преступлениях, чтобы его обвинить еще в этих убийствах.

Мне кажется, что это было бы неправильно. Я, во всяком случае, отрицаю свою виновность в участии в этих пяти убийствах.

До своего ареста я считал, что Горький умер естественной смертью, но во время своего заключения я вспоминал все разговоры, которые были не только с Енукидзе, но и с Авербахом, приблизительно в 1928—30 годах, относительно Горького.

Разговор с Енукидзе был мною недооценен. Я недооценил той опасности, которая таилась в этом разговоре для жизни Горького. Но Енукидзе высказывался только по вопросу о ликвидации политической активности Горького, говорил необычайно резко. У меня не создалось впечатления после разговора с Енукидзе о грозящей Горькому опасности. В этой недооценке я, безусловно, виноват. Теперь мне совершенно ясно, что это был своего рода сигнал готовящегося на Горького покушения.

Когда мы обсуждали вопрос о терроре, мы расценивали террор как средство нанести удар по наиболее ответственному и наиболее мощному звену в партии. Когда мы говорили об этом, перед нами всегда маячили такие имена, как Сталин, Ворошилов, Молотов, Каганович. В связи с этим, ту ответственность, которая на нас падает за убийство Менжинского, Куйбышева, Максима Пешкова и Горького, убийство, соответствующее установке нашей организации на террор в системе средств нашей борьбы с партией, — это я безусловно должен и обязан принять и для этого я поработал не меньше, чем какой-нибудь другой член контрреволюционной организации.

Я еще хочу сказать несколько слов о Бухарине. Государственный обвинитель сделал упрек в том, что я выгораживаю своего друга. Государственный обвинитель был совершенно прав, называя Бухарина моим другом, потому что я с Бухариным был действительно очень близок. Но я хотел бы сказать, что неправильна, разумеется, ссылка Бухарина на какое-то разделение труда. Он говорит, что нес дополнительную нагрузку как литератор. Он ни в коем случае ни в чем не был меньше активен, чем любой из нас. Я мог бы назвать одну область, в которой ему, мне кажется, принадлежала инициатива и ведущая роль с самого начала, — это сколачивание блока. Она у Бухарина вытекала из того, что еще в период борьбы с Троцким он

занимал специфическую позицию и говорил о том, что им нужно сжигаться, борясь. Это типичный бухаринский словесно-логический курбет, но который означал его желание сохранить Троцкого. С самого начала организации блока Бухарину принадлежала вся активность и в некоторых случаях он ставил меня перед совершившимся фактом. Я, конечно, не хочу снимать с себя ответственности в создании блока.

Государственный обвинитель по отношению ко мне и к Бухарину был совершенно прав в том смысле, что нам необходимо отвечать за всю совокупность, за все последствия нашей контрреволюционной деятельности. Это совершенно правильно.

Я хочу под конец использовать последнее слово для того, чтобы по мере сил повлиять на тех моих бывших сторонников, которые, может быть, до настоящего времени не арестованы и не разоружились и о которых я не знал или запаматовал. Я хочу, чтобы те, кто еще не разоблачен и не разоружился, чтобы они немедленно и открыто это сделали. Мне бы хотелось, чтобы они на моем примере убедились в неизбежности разоружения и немедленно разоружились во что бы то ни стало и как можно скорее. В этом разоружении у них единственное спасение. Единственное спасение, единственный выход их заключается в том, чтобы помочь партии, помочь правительству разоблачить и ликвидировать остатки, охвостья контрреволюционной организации, если они где-нибудь еще сохранились на территории Союза.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ШАРАНГОВИЧА

Граждане судьи! Я не собираюсь защищать себя. Я совершил мерзкие, подлые, тяжкие преступления перед страной и народом и хорошо понимаю, что должен нести полную ответственность за них перед пролетарским судом. Я изменил своей родине и как предатель не заслуживаю никакой пощады.

На протяжении долгого периода, начиная с 1921 года, я являюсь польским шпионом и проводил шпионскую деятельность в пользу польских разведывательных органов. За эти годы я по заданиям польской разведки активно осуществлял шпионские, изменнические задания, направленные на подрыв мощи Советского Союза, на поражение Советского Союза в войне с фашистскими государствами. Я был одним из руководителей национал-фашистской организации в Белоруссии, которая вела борьбу против Советской власти, которая вела борьбу за свержение существующего советского строя в стране. Руководствуясь прямыми директивами «право-троцкистского блока», Рыкова и Бухарина персонально, с одной стороны, с другой стороны, — указаниями польского генерального штаба, наша организация в своей контрреволюционной деятельности добивалась свержения Советской власти и восстановления вместо нее капиталистического строя.

Я виноват в том, что лично сам и под моим руководством национал-фашистская организация Белоруссии, руководимая центром правых, провела большую вредительскую, диверсионную деятельность во всех областях народного хозяйства и культуры.

Я несу полную ответственность за создание террористической группы, за подготовку террористических актов приговора партии и правительства. Я достоин самого сурового приговора советского суда. Я не прошу пощады, ибо недостоин, граждане судьи, просить ее. Я рассказал о своих преступлениях все и прошу это пролетарский суд учесть.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ХОДЖАЕВА

Граждане судьи! Я на предварительном следствии и здесь перед вами рассказал подробно о всех тех тяжких преступлениях, которые были совершены под моим руководством националистическими организациями Узбекистана.

С первого момента моего ареста я встал на путь искреннего признания совершенных мною злодеяний. Я поступил так потому, что понял всю омерзительную сторону того, что было проделано буржуазными националистами в Узбекистане. Я понял, какой огромный вред, какие колоссальные удары в разные периоды развития революции наносились этим буржуазно-националистическим движением и действиями его руководителей.

Я на скамье подсудимых, я — преступник. Может быть нехорошо будет звучать из моих уст, но я тем не менее хотел бы сослаться на яркий пример той республики, которую когда-то я представлял (я говорю об Узбекистане).

Люди, которые знали Узбекистан до революции, люди, которые побывали там 10 лет тому назад и которые смотрели его последние годы, не могли узнать лицо этой страны. Почему? Потому, что там все совершенно изменилось. Огромный подъем экономики, культуры, громаднейший рост политической активности широчайших масс народа, — все это, в такой сравнительно короткий срок как 10—20 лет, достигнуто лишь благодаря нашей пролетарской революции, благодаря ленинско-сталинской национальной политике. В Узбекистане было в 1917 году всего 1½ процента грамотных, а теперь эта страна сделалась страной почти сплошной грамотности.

Теперь, когда я осознал всю преступность моих злодеяний, когда я понял всю пропасть, в которую я попал, мне стало более ясно, более очевидно на фоне развертывания дел «правотроцкистского блока», прошедшего на этом процессе, что победа этой контрреволюционной линии означала бы для Узбекистана победу самой черной реакции, реставрацию феодально-капиталистических отношений и, как следствие, — новую кабалу для рабочих и крестьян и широких масс народов Узбекистана. Узбекистан, как в своем хозяйственном развитии, так и в культурном отношении, был бы отброшен на десятки лет назад.

Я лично никогда не был ни провокатором, ни убийцей. Но какое это может иметь значение, если я оказался так или иначе участником этого блока, стало быть, я должен отвечать по существу за все его злодеяния.

Я знал, куда я шел, когда разговаривал с Рыковым, когда разговаривал с Бухариным, хотя многие вещи, открывшиеся

перед моими глазами на суде, даже меня, преступника, заставили вздрогнуть, насколько гадко было это.

Я был бы лгуном, если бы в этот последний час не сказал, что я прошу пощады. Я хочу жить. Я хочу жить потому, что я понял всю глубину своего падения, я понял всю тяжесть совершенных мною преступлений.

Я прошу о жизни, чтобы, может быть, остатком своей жизни снять хотя бы какую-либо частицу тех преступлений и той огромной вины, которая имеется за мной.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ЗЕЛЕНСКОГО

Граждане судьи! Я пользуюсь последним словом не для защиты или оправдания своих тяжких преступлений. Такие преступления и такие преступники, как я, не имеют права ни на защиту, ни на оправдание.

Я виновен в измене, в предательстве революции, в том, что служил в царской охранке, я виновен в том, что в течение многих лет скрывал от партии эти свои преступления. Я виновен в том, что в 1929 году примкнул к контрреволюционной организации правых, а через нее вошел в «право-троцкистский блок».

Я виновен в том, что, двурушничая и маскируясь, я пробрался на высокие посты, требующие особого партийного доверия. Оказанное мне доверие я использовал для обмана партии. Я вел подрывную вредительскую контрреволюционную работу, провоцируя недовольство населения Советской властью.

Я занимался вредительством в потребительской кооперации. Гражданин Прокурор характеризует мою вредительскую деятельность, как направленную против роста товарооборота, против развития торговой сети, как направленную к срыву нормального снабжения населения. Он прав, мне нечего прибавить, и я ни одним словом не могу возразить против этого заключения. Должен сказать, что эта вредительская деятельность значительно активизировалась, начиная с 1935 года, по прямому указанию Антипова. Вредительская деятельность принесла очень большой ущерб и действительно тормозила развитие товарооборота, торговой сети и тем самым ударяла по снабжению рабочих и колхозников.

Мои преступления перед партией, перед страной и перед революционным народом велики. Именно поэтому я не вижу никаких мотивов, никаких оснований искать обстоятельств, смягчающих мое преступление и вину. Мое раскаяние и признание моих преступлений пришли слишком поздно. Они имели бы цену тогда, если бы я сделал их до ареста. Вот почему я не смею просить о смягчении моей участи. Приговор пролетарского суда я приму как должное возмездие социалистического государства, народа и партии за мои преступления.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ИКРАМОВА

Я отказался от защитительного слова не потому, что я не хотел себя защищать. Я не мог найти не только доводов, но даже слов для оправдания и защиты своих преступлений.

В своем показании на предварительном следствии и здесь, ниче-

го не утаив, я все сказал. Я несу ответственность не только за преступления, которые я делал или делала националистическая контрреволюционная организация, существовавшая в Узбекистане.

Я также полностью несу ответственность за те действия «право-троцкистского блока», как шпионаж или злодейское убийство таких знаменитых людей Советской страны, как Горький, Куйбышев, Менжинский и участие в убийстве Кирова.

Я понял, до какой глубины я пал.

Националисты хотели затопить Узбекистан в крови рабочих и дехкан. «Право-троцкистский блок» хотел отнять независимость и отдать узбекский народ в зависимость империалистических государств, в зависимость бекам, баям, плутократам, тунецдам. Идеология националистов, это — идеология кулаков, идеология капиталистов. Объединил нас всех один единственный принцип — это борьба против Советской власти.

Дальше я вам скажу, что я никак не хочу прикрываться Бухариным или «право-троцкистским блоком», но я должен сказать, что наша националистическая программа значительно обогатилась и активизировалась на контрреволюционные действия именно благодаря сидящим здесь со мной участникам «право-троцкистского блока» и особенно его правой части под руководством Бухарина и Антипова. Острые методы борьбы мы приняли от них и не только приняли, но дали себе в этом отчет. А они нас подгоняли: почему плохо работаем, плохо вредим, плохо организуем повстанчество и так далее. Нам дано совершенно справедливое звание врагов народа, предателей родины, шпионов, убийц. От этих позорных пятен мы никак не сможем уйти.

Полностью признавая все преступления, совершенные мною и совершенные националистической организацией в Узбекистане, которой я руководил, признавая свои преступления, как участника «право-троцкистского блока», я все, что знал, раскрыл, всех участников преступлений назвал и сам себя разоружил. Поэтому, если что можно сказать в свою пользу, прося о защите, о пощаде, так это то, что я сейчас — раздетый человекоподобный зверь. Я только недавно понял, как тяжело быть врагом народа. Тяжело тем более быть врагом такой родины, какой является Страна советов.

Я все это говорю не для защиты своей поганой шкуры. Я это говорю, чтобы каждый гражданин Советского Союза знал, какими преступниками являемся мы, куда вели и хотели вести националисты народы Узбекистана. Наш путь был путь угнетения, путь закабаления народов Узбекистана. Любой приговор суда я буду считать совершенно справедливым и правильным. Но я хотел бы попросту сказать, — не хочется умирать, тем более не хочется умирать врагом народа, а я хочу в любом месте, где угодно, искупить то тяжкое преступление, которое я совершил вместе с этой компанией.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО РАКОВСКОГО

Гражданин Председатель суда, граждане судьи! Я признался во всех преступлениях. Какое значение имело бы для существа

дела, если бы я здесь перед вами стал бы устанавливать факт, что о многих преступлениях и о самых ужасных преступлениях «право-троцкистского блока» я узнал здесь на суде и с некоторыми участниками я познакомился впервые здесь. Это не имеет никакого значения. Я связан с «право-троцкистским блоком», конечно, в рамках, предусмотренных Уголовным кодексом, той солидарностью, и политической и юридической, которая вытекает из моей принадлежности к этому блоку. Я, как каторжник, прикованный к своей галере, прикован к «право-троцкистскому блоку» тяжелой цепью своих преступлений.

Я являюсь активным участником «право-троцкистского блока». Я совершил тяжчайшие преступления перед государством. Я — двойной шпион. В 1924 году я вступил в преступные связи с «Интеллидженс Сервис», а в 1934 году — в преступные связи с японской разведкой. Я принадлежал к так называемой «пятой колонне», о которой говорил вчера Прокурор, и заслуживаю всех тех проклятий, которые несутся теперь со всех уголков Советской земли против нас, находящихся здесь на скамье подсудимых, проклятий, может быть, слабым отражением которых явилась обвинительная речь Прокурора, как бы она ни была сурова и остра против нас.

Граждане судьи! Я разделяю сожаление государственного обвинителя, что здесь на скамье подсудимых наряду с нами нет врага народа Троцкого. Картина нашего процесса теряет и в полноте и в глубине от того, что отсутствует атаман нашей шайки. Никто не заподозрит меня, что я говорю это, исходя из желания эгоистического, из низменного побуждения — переложить на Троцкого часть той вины и той ответственности, которую я несу сам. Я старше Троцкого — и по возрасту, и по политическому стажу и, вероятно, не меньше у меня политического опыта, чем у Троцкого. Я сожалею об его отсутствии здесь по соображениям политического характера. Я жалею потому, что отсутствие Троцкого на скамье подсудимых означает продолжение его активности, как бы он ни был ограничен, а это представляет опасность, как бы она ни была мала, опасность для международного рабочего движения. Правда, что Троцкий и за мексиканским меридианом не укроется от той полной, окончательной, позорной для всех нас дискредитации, которую мы здесь выносим.

Граждане судьи! Почему я действительно оказался против своей партии и докатился в конце концов до положения преступника? Что такое представляли мы, троцкисты, в партии? Мы были то, что называется инородным телом в живом партийном организме. Троцкий вступил в партию большевиков всего за несколько месяцев до Октябрьской революции, его идеология формировалась в борьбе с большевизмом. Я вступил в партию в конце 1917 года, после того как в течение больше четверти столетия принадлежал ко II Интернационалу, развивавшемуся при совершенно особых условиях, в условиях мирного развития капитализма и, хотя я принадлежал к его левому крылу, был проникнут его оппортунизмом. Если вы проследите историю других

троцкистов, если я возьму для примера Радека, Пятакова, Преображенского, вы найдете у них у всех и до Октябрьской революции и после Октябрьской революции ряд значительных уклонов.

И нужно сказать, что с первого же момента, мы, троцкисты, приняли на себя роль антагонистов партийного руководства. С первого же момента. Брест-Литовск. Я не буду здесь ссылаться на те показания (вы их знаете), которые устанавливают роль Троцкого во время Брест-Литовска. Профсоюзная дискуссия. Что это такое было? Это была проверка сил. Мы терпим поражение, и немедленно принимается ориентация на иностранные государства.

В 1921 году Троцкий дает уже первую директиву о создании преступной связи с немецкой разведкой. В 1926 году — вторая директива. Первая директива дана Крестинскому, вторая директива дана Розенгольцу. В конце 1924 года ко мне является вербовщик «Интеллидженс Сервис». Но, когда он заявил: «вы не забывайте, что мы дали для вас агреман, потому что мы узнали, что вы троцкист», это уже затронуло троцкистскую фибру. Создание «право-троцкистского блока», это, если можно так назвать, «брак по расчету», — каждый приносит свое приданое. Мы, троцкисты, приносим наши связи с международной разведкой, правые приносят свои кадры, свои связи с националистическими, меньшевистскими, эсеровскими и другими элементами, свои связи с кулачеством. Конечно, кроме этого основного нашего капитала, каждый еще может кое-что дать. Мы не останавливались перед вероломством, перед обманом, изменой, подкупом, убийством при помощи яда и револьвера вместо традиционного кинжала.

Я не буду говорить о какой бы то ни было идеологии этого блока. Вы слышали здесь платформу моего соучастника по процессу Николая Ивановича Бухарина. Это есть, конечно, восстановление капиталистических отношений в два скачка: через открытый шлюз для свободной внешней торговли, через возвращение кулачества, через ликвидацию колхозов, через широко открытые двери для концессионных капиталов. В чрезвычайно быстрый период мы рассчитывали добиться полного торжества капитализма.

Наша идеология, конечно, была идеологией контрреволюционной. Никакого политического будущего перед нами не было. Отрезвление для многих еще не началось, потому что оно началось уже после того, как нас арестовали.

Граждане судьи! Я рассказал все, что мною было совершено, не скрыв и не утаив ни одного факта. Я обращаюсь к вам с одним словом, которое никогда не сорвалось бы с моих уст, если бы это был другой суд. Но я обращаюсь к вам с этим словом потому, что в вашем лице я вижу советский суд, пролетарский суд. Это — слово о пощаде. Вчера государственный обвинитель в известном смысле облегчил мне эту задачу, поскольку он не требует применения ко мне высшей меры наказания.

Но я должен сказать, что в той градации минимума и максимума, которая была упомянута гражданином Прокурором, есть известный предел, который заходит за пределы моего возраста. Я хочу на это указать только для того, чтобы при применении

ко мне соответствующих статей закона вы учли это обстоятельство и сообразовали бы ваше решение, так сказать, с физиологическими пределами обвиняемого, который находится перед вами.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО РОЗЕНГОЛЬЦА

После той характеристики, которая была мне дана в обвинении, мне хочется в моем последнем слове, в моем последнем обращении к людям напомнить самому себе, а также и другим о тех страницах моей жизни, которые я могу назвать хорошими и которые не вызывают подозрения ни с чьей стороны. Прежде всего — несколько слов о моей биографии.

Я вступил в большевистскую партию, когда мне было всего 15—16 лет. В тяжелые годы царской реакции я не отходил от партии. В период империалистической войны я защищал активно большевистские пораженческие позиции.

В Октябрьскую революцию я привел к Моссовету первую войсковую часть — самокатный батальон. Мне кажется, что я активной своей ролью и в качестве члена революционного комитета могу быть более или менее удовлетворен. В период гражданской войны Центральный Комитет партии командировал меня из одной армии в другую на более тяжелые участки.

Если я вспоминаю эти отдельные эпизоды гражданской войны, если я вспоминаю с удовлетворением свою работу в армии, то я это привожу не для смятчения приговора. Я хочу объяснить причину. Простая человеческая причина: после того, что пришлось пережить, после чувства позора, испытанного на этом процессе, нет стимулов и желания просить о смятчении приговора. Я говорю это не для красного словца.

Это не значит, что я не расstaюсь с болью с прекрасной Советской землей. Мы сейчас имеем прекрасные новые всходы, новое поколение, воспитанное большевистской партией. Мы имеем такой подъем в Советском Союзе, какого не имеется нигде в мире. Боль расставания усугубляется тем, что мы имеем уже совершенно реальные результаты социалистического строительства. Впервые мы имеем жизнь, полнокровную, блестящую радостью и красками.

Ни один человек в мире не принес так много горя и несчастья людям, как Троцкий, этот самый грязный агент фашизма. Прав Прокурор, прав Раковский, когда говорили, что здесь на скамье подсудимых в первую очередь недостает Троцкого.

Троцкизм — это не политическое течение, а беспринципная, грязная банда убийц, шпионов, провокаторов и отравителей, это грязная банда пособников капитализма. Такую функцию троцкизм выполняет везде, во всех странах, в том числе и в Советском Союзе. Я хочу, чтобы вы мне поверили, поверили в искренность произносимых мною сейчас слов.

На этом утреннее заседание заканчивается, и Председательствующий объявляет перерыв до 18 часов.

Вечернее заседание 12 марта

Открыв заседание, Председательствующий представляет последнее слово подсудимому Бухарину.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО БУХАРИНА

Гражданин Председательствующий и граждане судьи! Я совершенно согласен с гражданином Прокурором насчет значения процесса, на котором вскрыты наши злодейские преступления, совершенные «право-троцкистским блоком», одним из лидеров которого я был и за всю деятельность которого я несу ответственность.

Мы, подсудимые, сидим по другую сторону барьера, и этот барьер отделяет нас от вас, граждане судьи. Мы очутились в проклятых рядах контрреволюции, стали изменниками социалистической родины.

В самом начале процесса на вопрос гражданина Председательствующего — признаю ли я себя виновным, я ответил признанием.

Еще раз повторяю, я признаю себя виновным в измене социалистической родине, самом тяжком преступлении, которое только может быть, в организации кулацких восстаний, в подготовке террористических актов, в принадлежности к подпольной антисоветской организации. Я признаю себя, далее, виновным в подготовке заговора «дворцового переворота». Это суть вещи, сугубо практические. Я говорил и повторяю сейчас, что я был руководителем, а не стрелочником контрреволюционного дела. Из этого вытекает, как это всякому понятно, что многих конкретных вещей я мог и не знать, что их я действительно и не знал, но это ответственности моей не снимает.

Я признаю себя ответственным и политически, и юридически за пораженческую ориентацию, ибо она господствовала в «право-троцкистском блоке», хотя я утверждаю:

- а) лично я на этой позиции не стоял,
- б) фраза об открытии фронта принадлежала не мне, а это был отзыв моего разговора с Томским,
- в) если Рыков впервые услышал эту фразу от меня, то это, повторяю, был отзыв разговора с Томским.

Но я считаю себя ответственным за величайшее и чудовищное преступление перед социалистической родиной и всем международным пролетариатом. Я считаю себя далее и политически, и юридически ответственным за вредительство, хотя я лично не помню, чтобы я давал директивы о вредительстве. Об этом я не

говорил. Я положительно разговаривал один раз на эту тему с Гринько. Я еще в своих показаниях говорил, что я в свое время Радеку заявил, что считаю этот способ борьбы мало целесообразным. А гражданин государственный обвинитель представляет меня в роли руководителя вредительства.

Гражданин Прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существовании которого я не слышал до обвинительного заключения. Мне предъясняется контекст показаний Шаранговича, по которым выходит, что я чуть ли не вырабатывал вредительский план...

Шарангович. Бросьте врать, хоть один раз в жизни. Врете вы и сейчас на суде.

Председательствующий. Подсудимый Шарангович, не мешайте.

Шарангович. Я не мог выдержать.

Бухарин. Ходжаев утверждает, что я ему советовал связаться с английским резидентом, а Икрамов говорит, будто я ему заявил, что Туркестан является лакомым кусочком для Англии. В действительности дело было совсем не так. Ходжаеву я говорил только о том, что нужно использовать противоречия между империалистическими державами, и в глухой форме поддерживал мысль о независимости Туркестана.

Я, однако, признаю себя виновным в злодейском плане расчленения СССР, ибо Троцкий договаривался насчет территориальных уступок, а я с троцкистами был в блоке. Это факт и это я признаю.

Я категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова. Киров, по показанию Ягоды, был убит по решению «правотроцкистского блока». Я об этом не знал.

Я хочу коротко объяснить факты своей преступной деятельности и свое раскаяние в своих злодеяниях.

Я уже указывал при даче основных показаний на судебном следствии, что не голая логика борьбы погнала нас, контрреволюционных заговорщиков, в то зловонное подполье, которое в своей наготе раскрылось за время этого процесса. Эта голая логика борьбы сопровождалась перерождением идей, перерождением психологии, перерождением нас самих, перерождением людей. Исторические примеры таких перерождений известны. Стоит назвать имена Бриана, Муссолини и так далее. И у нас было перерождение, которое привело нас в лагерь, очень близкий по своим установкам, по своеобразию к кулацкому преторианскому фашизму.

Я около трех месяцев запирался. Потом стал давать показания. Почему? Причина этому заключалась в том, что в тюрьме я переоценил все свое прошлое. Ибо, когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдруг с поразительной яркостью абсолютно черная пустота. Нет ничего, во имя чего нужно было бы умирать, если бы захотел умереть, не раскаявшись. И наоборот, все то положительное,

что в Советском Союзе сверкает, все это приобретает другие размеры в сознании человека. Это меня в конце концов разоружило окончательно, побудило склонить свои колени перед партией и страной.

Я обязан здесь указать, что в параллелограмме сил, из которых складывалась контрреволюционная тактика, Троцкий был главным мотором движения. И наиболее резкие установки — террор, разведка, расчленение СССР, вредительство — шли в первую очередь из этого источника.

Я априори могу предполагать, что и Троцкий, и другие союзники по преступлениям, и II Интернационал, тем более потому, что я об этом говорил с Николаевским, будут пытаться защищать нас, в частности и в особенности меня. Я эту защиту отвергаю, ибо стою коленопреклоненным перед страной, перед партией, перед всем народом. Чудовищность моих преступлений безмерна, особенно на новом этапе борьбы СССР.

С этим сознанием я жду приговора. Дело не в личных переживаниях раскаявшегося врага, а в расцвете СССР, в его международном значении.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ЛЕВИНА

Граждане судьи! В своем последнем слове я хочу еще раз подтвердить свою вину. Государственный обвинитель с исчерпывающей полнотой и объективностью выявил всю мою вину и ярко нарисовал картину тяжести совершенных мною преступлений. Тяжесть этих преступлений я признавал всегда, и в те годы, когда они совершались под непреодолимым, как мне казалось, давлением жестоких угроз и преступных директив Ягоды, и после этого, вплоть до последних дней.

Моя вина очень велика, граждане судьи. Вина моя такова, что наказание должно быть, конечно, очень сурово, я в этом не сомневаюсь. Сегодня или завтра вы будете решать мою судьбу и, может быть, в самом решении этой судьбы вы захотите все-таки учесть, что преступления, совершенные мною, совершались не по моей злой воле, не по моим личным устремлениям, личным политическим взглядам, совершались исключительно по злой воле и по директивам Ягоды.

Признав во всем свою вину, раскаявшись перед вами чисто-сердечно, я прошу даровать мне жизнь.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО БУЛАНОВА

У меня нет никаких оправдательных моментов. У меня нет никаких смягчающих вину обстоятельств, — слишком тяжелы мои преступления.

У меня нет длительного опыта двурушичества, обмана. Поэтому я просто, когда меня арестовали и затем на суде, рассказывал все то, что я сделал, потому что это были факты.

Ягода на предварительном следствии через два-три дня после моего ареста и на очной ставке совершенно нагло, в глаза, продолжал отрицать целый ряд обстоятельств. Факты можно отрицать в течение пяти-десяти минут, день, два, но это безумно.

Здесь, на судебном заседании он отрицал какую бы то ни было причастность к двум убийствам, он — организатор всех известных мне убийств. Что получается: Бухарин ничего не знал, Рыков ничего не знал, Ягода ничего не знал. Значит, Николай Иванович Ежова отравил Буланов?

Я себе представляю, если на минуту допустить, что заговор таких людей, таких «вождей», которые не стесняются здесь, на скамье подсудимых, не стесняются утопить своего же соучастника-стрелочника (Бухарин говорит, что он вождь, а не стрелочник-исполнитель, а я не вождь, я — стрелочник-исполнитель), не стесняются продать с потрохами и ногами, чтобы попробовать хотя бы на одну тысячную долю секунды вывернуться самому, — если бы они, действительно, добрались до власти, то мне кажется, что Гитлер, которого образцом для себя считал Ягода, скоро позеленел бы от зависти.

Граждане судьи! Тяжки мои преступления и никакого, повторю, оправдания у меня нет.

Вам, конечно, нет и не может быть никакого дела до моих личных переживаний, но и здесь прошу поверить, что мне особенно тяжело уходить из жизни с сознанием, что ты умираешь за неправо дело, что ты уходишь из жизни из-за этих людей, физиономия которых ясна всему миру и, к сожалению, поздно, но ясна стала и мне.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ЯГОДЫ

Граждане судьи! Я хочу рассказать советскому суду, советскому народу о том, как человек, пробывший 30 лет в партии, много работавший, свихнулся, пал и очутился в рядах шпионов и провокаторов.

Опозоренный, повергнутый в прах, уходя из жизни, я хочу рассказать мой печальный, трагический путь, который послужил бы уроком для всех тех, кто колеблется, кто не до конца предан делу партии Ленина — Сталина. Я тоже начал с колебаний. Это было в 1929 году. Я ошибочно тогда думал, что права не партия, а правы Бухарин и Рыков.

Мое падение началось с того момента, когда Рыков, узнав о моем сочувствии правым, предложил мне скрывать от партии мои правые взгляды. И я пошел на это. Я стал двурушником. Началась раздвоенность. К сожалению, не нашлось у меня большевистского мужества противостоять мастерам двурушничества.

Вот куда приводят попытки однажды пойти против партии. Вот куда приводит тех, кто поднимет руку против партии. Вот жизнь, вот логика падения.

Я хочу уточнить и возразить Прокурору в части тех обвинений, которые он выдвинул. Они не имеют значения для решения моей участи, но не прав Прокурор, когда меня считает членом центра блока. Я не член центра блока. Для меня это важно, лично может быть, что я не принимал участия в решениях блока. Я не принимал участия в этом и я не принимал участия в

решении о террористических актах. Меня ставили в известность пост-фактум и предлагали исполнять решения. Это во всех случаях выносилось без меня. Это не смягчает мою вину, но блок состоял из определенных лиц, эти лица выносили решения. Рыков был членом центра блока, он принимал решения.

Неверно не только то, что я являюсь организатором, но неверно и то, что я являюсь соучастником убийства Кирова. Я совершил тягчайшее служебное преступление — это да. Я отвечаю за него в равной мере, но я — не соучастник.

Мои возражения по этим моментам не являются попыткой ослабить значение моих преступлений. Моя защита и не имела бы здесь никакого практического значения.

Я знаю свой приговор, я его жду целый год. В последние часы или дни своей жизни я не хочу лицемерить и заявлять, что я хочу смерти. Неверно это. Я совершил тягчайшие преступления. Я это сознаю. Тяжко жить после таких преступлений, тяжело сидеть десятки лет в тюрьме. Но страшно умереть с таким клеймом. Хочется, хотя бы из-за решетки тюрьмы, видеть, как будет дальше расцветать страна, которой я изменил. Я бы не смел просить о пощаде, если бы не знал, что данный процесс является апофеозом разгрома контрреволюции, что страна уничтожила все очаги контрреволюции. Советская страна выиграла, разбила контрреволюцию на-голову. То, что я и мои сопроцессники сидим здесь на скамье подсудимых и держим ответ, является триумфом, победой советского народа над контрреволюцией. Я обращаюсь к суду — если можете, простите.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО КРЮЧКОВА

Граждане судьи! Нет таких человеческих слов, которые я мог бы сказать в оправдание моего предательского преступления. Велико мое преступление перед советским народом, перед молодой советской культурой.

«Право-троцкистский блок» боялся авторитета Горького и, твердо зная, что он будет бороться до конца дней своих против заговорщических планов и их преступных замыслов, решил убить Горького. Ягода, не останавливаясь перед угрозами, сделал меня непосредственным исполнителем этого злодеяния. Я прошу суд верить мне, что не только мои личные мотивы, которые переплелись с политической подкладкой этого ужасного дела, были решающими в этом преступлении. Я искренне раскаиваюсь. Я переживаю чувство горячего стыда, особенно здесь на суде, когда я узнал и понял всю контрреволюционную гнусность преступлений право-троцкистской банды, в которой я был наемным убийцей. Я прошу вас, граждане судьи, о смягчении приговора.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ПЛЕТНЕВА

Граждане судьи! Все слова уже сказаны и я буду краток. Я стою перед вами как человек, раскаявшийся в своей преступной деятельности. Я старый научный работник. Всю жизнь до

последнего времени я работал. Лучшие мои работы относятся к периоду советской медицины и они, появляясь в западно-европейской литературе, служили доказательством того, что прежним научным работникам, несмотря на их нередко антисоветские настроения, была дана возможность выявить свои творческие способности.

Я прошу учесть, что если бы не встреча с одним из лиц, здесь сидящих, которое угрожало мне, этот шантаж смертью, о котором говорил недавно защитник, то не могли бы иметь место все последующие деяния.

Если суд найдет возможность сохранить мне мою жизнь, я полностью и целиком ее отдам моей советской родине, единственной в мире стране, где труду во всех его отраслях обеспечено такое почетное и славное место, как нигде и никогда не было.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО КАЗАКОВА

Граждане судьи! Я стою перед вами, как тягчайший преступник, как убийца председателя ОГПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского.

В настоящее время я содрогаюсь, представляя себе всю тяжесть совершенного мною преступления, тем более, что Менжинский относился ко мне, как к врачу, с полным доверием.

Теперь, когда я стою перед вами, граждане судьи, как убийца Менжинского, я не могу без чувства содрогания и ужаса думать о том, в какое гнусное преступление я был вовлечен. Я ни на одну минуту не снимаю с себя вины за это, наоборот, я хочу до конца раскаяться в данном преступлении и освободить себя от этого кошмара. Но я не имею сил удержаться от чувства ненависти, омерзения, которое я испытываю к Ягоде.

Я прошу суд поверить в глубину и искренность моего раскаяния. Никогда я не предполагал, что стану преступником.

Я заслуживаю самой суровой кары и, если суд так решит, я приму это решение как должное. Если же мне будет предоставлена возможность работать, то я во всей своей дальнейшей жизни сделаю все, чтобы смыть с себя весь позор, который лежит на мне, и загладить свое преступление честным и упорным трудом, отдав все свои силы, все свои знания великой нашей родине.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО

Граждане судьи! Когда я давал свои показания на суде, я руководствовался только одним соображением: покаяться, рассказать все и понести заслуженное наказание.

Преступление, которое я совершил, было для меня той гранью, за пределы которой я не выходил. Я с 1935 года порвал свои организационные связи с заговорщиками и на протяжении последних лет ничего общего с ними не имел, что полностью подтверждается материалами следствия.

Однако, так как у меня нехватило мужества разоблачить их

преступления, разоблачить самого себя, я тем самым скрывал эти преступления, и, следовательно, объективно продолжал оставаться на вражеских позициях.

Я хочу сказать, что процесс показал мне со всей наглядностью, что Гитлер, Троцкий и Бухарин стоят в одном ряду по своей озверелой борьбе против нашей страны. Я прошу поверить мне в том, что я не являюсь неисправимым человеком, и если мне будет предоставлена возможность работать, то на любом участке, на любой работе я сумею доказать, что буду не в последних рядах.

В 21 час 25 минут Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР удаляется на совещание.

В 4 часа 13 марта Председательствующий тов. Ульрих оглашает приговор.

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе:

Председательствующего — Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР армвоенюриста В. В. Ульрих,

Членов: Заместителя Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР корвоенюриста И. О. Матулевича и Члена Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР диввоенюриста Б. И. Иевлева,

при секретаре военном юристе 1-го ранга А. А. Батьер, с участием государственного обвинителя — Прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского и членов Московской коллегии защитников тт. И. Д. Брауде и Н. В. Коммодова — в открытом судебном заседании, в городе Москве, 2—13 марта 1938 года, рассмотрела дело по обвинению:

1. Бухарина Николая Ивановича, 1888 года рождения;
2. Рыкова Алексея Ивановича, 1881 года рождения;
3. Ягоды Генриха Григорьевича, 1891 года рождения;
4. Крестинского Николая Николаевича, 1883 года рождения;
5. Раковского Христиана Георгиевича, 1873 года рождения;
6. Розенгольца Аркадия Павловича, 1889 года рождения;
7. Иванова Владимира Ивановича, 1893 года рождения;
8. Чернова Михаила Александровича, 1891 года рождения;
9. Гринько Григория Федоровича, 1890 года рождения;
10. Зеленского Исаака Абрамовича, 1890 года рождения;
11. Бессонова Сергея Алексеевича, 1892 года рождения;
12. Икрамова Акмаля, 1898 года рождения;

13. Ходжаева Файзуллы, 1896 года рождения;
14. Шаранговича Василия Фомича, 1897 года рождения;
15. Зубарева Прокопия Тимофеевича, 1886 года рождения;
16. Буланова Павла Петровича, 1895 года рождения;
17. Левина Льва Григорьевича, 1870 года рождения;
18. Плетнева Дмитрия Дмитриевича, 1872 года рождения;
19. Казакова Игнатия Николаевича, 1891 года рождения;
20. Максимова-Диковского Вениамина Адамовича (Абрамовича), 1900 года рождения и
21. Крючкова Петра Петровича, 1889 года рождения —
— всех в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58^{1а}, 58², 58⁷, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ УК РСФСР, а Иванова, Зелевского и Зубарева, кроме того, в преступлениях, предусмотренных ст. 58¹³ УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено:

Подсудимые Бухарин, Рыков, Ягода, Крестинский, Розенгольц, Гринько, Шарангович, Ходжаев, Икрамов, Иванов, Зубарев, Зеленский и Чернов, являясь непримиримыми врагами Советской власти, в 1932—1933 годах по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», который объединил подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Средне-Азиатских республик.

«Право-троцкистский блок» поставил своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии путем диверсионно-вредительской, террористической, шпионско-изменнической деятельности, направленной на подрыв экономической и оборонной мощи Советского Союза и содействие иностранным агрессорам в поражении и расчленении СССР.

Лишенные всякой опоры внутри СССР, руководители «право-троцкистского блока» с целью осуществления своих преступных замыслов заключили через врага народа Л. Троцкого и отдельных участников антисоветского «право-троцкистского блока» соглашение с представителями некоторых иностранных государств о вооруженной помощи в свержении Советской власти в СССР на условиях его расчленения и отторжения от СССР Украины, Белоруссии, Приморья, Средне-Азиатских и Закавказских республик — в пользу упомянутых иностранных государств.

Этот изменнический сговор «право-троцкистского блока» с представителями иностранных государств облегчался тем, что руководящие участники антисоветского заговора являлись прямыми агентами иностранных разведок и осуществляли на протяжении многих лет шпионскую деятельность в пользу этих разведок.

Крестинский по прямому заданию врага народа — агента германской и английской разведок Л. Троцкого вступил в изменническую связь с германским рейхсвером в 1921 году и был германским шпионом до дня своего ареста в 1937 году, получая за свою шпионскую работу и на преступную деятельность троцкистской организации по 250.000 германских марок золотом ежегодно.

Розенгольц начал шпионскую работу для германского генерального штаба в 1923 году, для английской разведки в 1926 году.

Раковский являлся агентом английской разведки с 1924 года и японским шпионом с 1934 года.

Чернов начал шпионскую работу в пользу Германии в 1928 году, связавшись с германской разведкой при содействии известного меньшевика-эмигранта Дана.

Шарангович был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году и был польским шпионом до дня своего ареста.

Гринько являлся германским и польским шпионом с 1932 года.

По заданию врага народа Л. Троцкого и руководящих участников «право-троцкистского блока» — Бухарина, Рыкова и Ягоды — члены «право-троцкистского блока» Розенгольц, Крестинский, Раковский, Гринько и Бессонов в явно изменнических целях вступили в непосредственные сношения с представителями враждебных СССР иностранных государств и вели с ними переговоры о формах помощи иностранным агрессорам в случае их нападения на Советский Союз (организация террористических и диверсионно-вредительских актов, шпионаж).

Руководители «право-троцкистского блока», в том числе Рыков, Бухарин и Ягода, были не только полностью осведомлены о шпионской деятельности своих соучастников, но всячески поощряли расширение шпионских связей и сами давали указания участникам «право-троцкистского блока» при их изменнических переговорах с представителями иностранных государств, форсируя подготовку иностранной интервенции.

По прямым директивам иностранных разведок участники «право-троцкистского блока» организовали диверсионно-вредительские группы, охватив ими ряд предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и системы товарооборота, и вели разрушительную деятельность, имея своей задачей парализовать хозяйственную жизнь страны и ослабить обороноспособность Советского Союза.

По указаниям японской разведки участники «право-троцкистского блока» организовали в Дальне-Восточном крае крушение поезда с воинским грузом на станции Волочаевка и поезда № 501 на перегоне Хор — Дормидонтовка, а также совершили несколько диверсий на шахтах в Сучане. Все эти диверсии сопровождались человеческими жертвами.

По директиве врага народа Л. Троцкого и на основе сго-

вора с представителями иностранных государств Розенгольц проводил в системе Наркомвнешторга вредительскую работу, направленную на оказание помощи Германии и Японии и сопровождавшуюся нанесением экономического ущерба СССР. Кроме того, Розенгольц путем различных валютных комбинаций систематически финансировал Троцкого.

Чернов по заданию германской разведки и указаниям Рыкова использовал свое ответственное служебное положение в земельных органах СССР для организации через своих сообщников ряда крупных диверсионно-вредительских актов по снижению урожайности сельскохозяйственных культур и порче сельскохозяйственных мобилизационных запасов, по сокращению поголовья конского состава и крупного рогатого скота, в частности путем искусственного распространения эпизоотии, причем только в Восточной Сибири в 1936 году в результате этого пало около 25.000 лошадей.

Гринько по заданию руководителей «право-троцкистского блока» и германской разведки, с целью вызвать недовольство населения и тем самым облегчить вербовку своих сторонников, проводил в системе Народного Комиссариата Финансов широкую вредительскую работу, которая выражалась в задержке выплаты заработной платы, плохом обслуживании населения сберегательными кассами, незаконном взимании некоторых налогов с крестьян и других вредительских мероприятиях.

Шарангович, являясь одним из руководителей белорусской национал-фашистской организации, по заданию польских разведывательных органов и руководителей «право-троцкистского блока» — Рыкова и других, развернул широкую диверсионно-вредительскую деятельность в области сельского хозяйства, животноводства и промышленности Белоруссии, облегчая тем самым осуществление задач агрессоров в случае их вооруженного нападения на БССР.

Икрамов и Ходжаев по указанию Бухарина развернули большую диверсионно-вредительскую работу в разных отраслях народного хозяйства Узбекистана с целью вызвать недовольство населения и тем самым создать благоприятные условия для подготовки в период иностранной интервенции вооруженных выступлений против Советской власти.

Зеленский организовал в Центросоюзе и в системе потребительской кооперации вредительские группы и при их помощи, с целью вызвать недовольство населения, запутывал планирование товаров, задерживал продвижение их в деревню, портил и гноил продукты питания, подбрасывал в них стекло и гвозди, умышленно срывал обеспечение предметами первой необходимости низовой торговой сети кооперации.

Иванов по заданию Бухарина проводил вредительско-диверсионную деятельность в лесном хозяйстве Северного края.

Зубарев, являясь активным участником подпольной организации правых, по заданию Рыкова занимался вредительством в сельском хозяйстве в ряде областей РСФСР.

Наряду с активной диверсионно-вредительской деятель-

ностью, участники «право-троцкистского блока» по заданию германской, японской и польской разведок под непосредственным руководством Рыкова и Бухарина и при активном участии Иванова, Ходжаева, Икрамова, Зубарева, Шаранговича, Гринько и Зеленского подготавливали в Сибири, на Северном Кавказе, в Украине, Белоруссии, Узбекистане и в других местностях Советского Союза бандитско-повстанческие кулацкие кадры для организации вооруженных выступлений в тылу Красной Армии к началу интервенции против СССР.

В целях расширения бандитско-повстанческой кулацкой базы, по решению руководителей «право-троцкистского блока» Бухарин установил организационные связи с подпольным ЦК эсеровской организации, действовавшей в СССР, а также с закордонным ЦК эсеров.

По прямомуговору с иностранными разведками и по заданию врага народа Л. Троцкого «право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

В 1934 году один из руководящих участников «право-троцкистского блока» Рыков лично создал террористическую группу для подготовки и совершения террористических актов в отношении товарищей Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова.

В августе 1937 года Розенгольц лично пытался совершить террористический акт в отношении товарища Сталина, для чего неоднократно добивался у него приема.

Злодейское убийство С. М. Кирова, осуществленное 1 декабря 1934 года ленинградским троцкистско-зиновьевским террористическим центром, как это установлено предварительным и судебным следствием по данному делу, было организовано по решению «право-троцкистского блока», причем непосредственное участие в организации этого террористического акта принимал подсудимый Ягода, который дал специальные указания своим соучастникам, работавшим в Ленинградском управлении НКВД, не препятствовать совершению этого преступления.

По указанию врага народа Л. Троцкого руководители «право-троцкистского блока» в 1934 году приняли решение убить великого пролетарского писателя Максима Горького. Этот чудовищный террористический акт было поручено организовать Ягоде, который, посвятив в цели заговора домашнего врача М. Горького — доктора Левина, а затем врача Плетнева, поручил им путем вредных методов лечения добиться смерти М. Горького, что и было выполнено при руководящем участии в этом преступном деле доктора Левина. Активное участие в этом злодеянии принимали участники «право-троцкистского блока» б. секретарь М. Горького — Крюков и б. секретарь НКВД — Буланов.

По решению руководителей «право-троцкистского блока» Ягода организовал методами вредительского лечения убийство Председателя ОГПУ тов. В. Р. Менжинского и Заме-

стителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. В. Куйбышева, причем в совершении террористического акта в отношении тов. Куйбышева непосредственное участие принимали Левин и б. секретарь Куйбышева, участник подпольной организации правых с 1928 года, Максимов-Диковский, а в совершении террористического акта в отношении В. Р. Менжинского непосредственное участие принимали Буланов и завербованный Ягодой и Левиным в заговорщическую группу врач Казаков.

Кроме того установлено, что Левин и Крючков, по прямому заданию Ягоды, вредительскими методами лечения умертвили сына А. М. Горького — М. А. Пешкова.

В связи с назначением в сентябре 1936 года тов. Н. И. Ежова народным комиссаром внутренних дел СССР «право-троцкистский блок», опасаясь полного разоблачения и разгрома антисоветских кадров, поручил Ягоде совершить террористический акт в отношении тов. Н. И. Ежова.

Выполняя это злодейское поручение, Ягода при непосредственном участии Буланова покушался осенью 1936 года на жизнь тов. Н. И. Ежова путем постепенного отравления его организма специально приготовленным для этого ядом, вследствие чего был нанесен значительный ущерб здоровью Н. И. Ежова.

Кроме того установлено, что Бухарин по решению центра антисоветской организации правых еще в 1930 году договорился с эсером-боевиком — организатором убийства тов. Володарского и покушения на жизнь В. И. Ленина в 1918 году — Семеновым о создании им ряда террористических групп для подготовки и совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Также установлено, что в 1918 году Бухарин и возглавляемая им группа «левых коммунистов», совместно с Троцким и «левыми» эсерами, организовали заговор против Советского правительства.

Бухарин и его сообщники по заговору имели целью сорвать Брестский договор, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров.

Выполняя план заговора, «левые» эсеры в июле 1918 года, с ведома и согласия Бухарина, подняли в Москве мятеж с целью свержения Советского правительства; при этом установлено, что совершенное эсеркою Каплан 30 августа 1918 года покушение на жизнь В. И. Ленина явилось прямым результатом преступных замыслов «левых коммунистов» во главе с Бухариным и их сообщников «левых» и правых эсеров.

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимые по данному делу — Зеленский, Иванов и Зубарев вступили на путь борьбы с революционным движением рабочего класса еще в годы царизма.

Зеленский состоял агентом-provокатором самарского жандармского управления с 1911 по 1913 год.

Иванов состоял агентом-provокатором охранного отделения и жандармского управления в Москве и других городах с 1911 по 1916 год.

Зубарев, будучи завербован в число агентов-provокаторов в гор. Котельниче в 1908 году, занимался provокаторской деятельностью до 1917 года.

Таким образом, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР установила виновность: 1. Бухарина Н. И., 2. Рыкова А. И., 3. Ягоды Г. Г., 4. Крестинского Н. Н., 5. Раковского Х. Г., 6. Розенгольца А. П., 7. Иванова В. И., 8. Чернова М. А., 9. Гринько Г. Ф., 10. Зеленского И. А., 11. Бессонова С. А., 12. Икрамова А., 13. Ходжаева Ф., 14. Шаранговича В. Ф., 15. Зубарева П. Т., 16. Буланова П. П., 17. Левина Л. Г., 18. Плетнева Д. Д., 19. Казакова И. Н., 20. Максимова-Диковского В. А. и 21. Крючкова П. П. — в том, что они, являясь активными участниками заговорщической группы под названием «право-троцкистский блок», действовавшей по прямым заданиям разведок иностранных государств, проводили изменническо-шпионскую, диверсионно-вредительскую, террористическую деятельность, провоцируя военное нападение на СССР этих государств с целью поражения и расчленения Советского Союза и отторжения от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке — в пользу враждебных к СССР иностранных государств, имея своей конечной целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя и восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, то есть в совершении тягчайших государственных преступлений, предусмотренных ст.ст. 58^{1а}, 58², 58⁷, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ УК РСФСР, а Иванова, Зеленского и Зубарева, кроме того, в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58¹³ УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР,

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА:

1. Бухарина Николая Ивановича,
2. Рыкова Алексея Ивановича,
3. Ягodu Генриха Григорьевича,
4. Крестинского Николая Николаевича,
5. Розенгольца Аркадия Павловича,
6. Иванова Владимира Ивановича,
7. Чернова Михаила Александровича,
8. Гринько Григория Федоровича,
9. Зеленского Исаака Абрамовича,

10. Икрамова Акмаля,
11. Ходжаева Файзуллу,
12. Шаранговича Василия Фомича,
13. Зубарева Прокопия Тимофеевича,
14. Буланова Павла Петровича,
15. Левина Льва Григорьевича,
16. Казакова Игнатия Николаевича,
17. Максимова-Диковского Вениамина Адамовича (Абрамовича) и

18. Крючкова Петра Петровича —
к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

19. Плетнева Дмитрия Дмитриевича, как не принимавшего непосредственно активного участия в умерщвлении т.т. В. В. Куйбышева и А. М. Горького, хотя и содействовавшего этому преступлению, — к тюремному заключению на двадцать пять лет с поражением в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

20. Раковского Христиана Георгиевича и

21. Бессонова Сергея Алексеевича, —

как не принимавших прямого участия в организации террористических и диверсионно-вредительских действий, — к тюремному заключению сроком: Раковского на двадцать лет и Бессонова на пятнадцать лет с поражением каждого в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Срок тюремного заключения Плетневу, Раковскому и Бессонову исчислять со дня их ареста.

Председательствующий — Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР армвоенюрист **В. Ульрих**

Заместитель Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР корвоенюрист **И. Матулевич**

Члены:

Член Военной Коллегии Верховного Суда
Союза ССР диввоенюрист **Б. Иевлев**